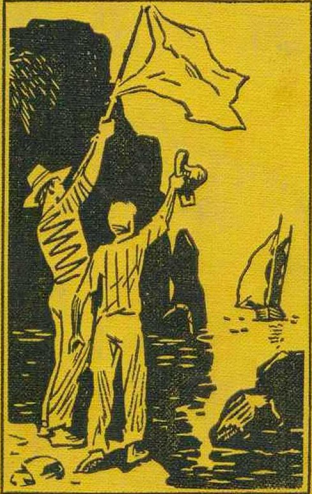
И.М.Майский

Близко-далеко



И. М. МАЙСКИЙ

БЛИЗКО-ДАЛЕКО

ДЕТГИЗ - 1961

Близко-далеко

Иван Михайлович Майский

Аннотация
И. М. Майский. БЛИЗКО-ДАЛЕКО
Глава первая. Самолет идет на восток
Глава вторая. Неожиданные встречи и неожиданные разговоры
Глава третья. Арабские патриоты в Дамаске
Глава четвертая. Советские путешественники в Иерусалиме
Глава пятая. Тревоги англичан в Каире
Глава шестая. Три Египта
Глава седьмая. Заговор коварства и вражды
Глава восьмая. В могиле третьей жены фараона
Глава девятая. На волосок от смерти
Глава десятая. В джунглях
Глава одиннадцатая. Воздушный мост над крокодилами
Глава двенадцатая. Мыс Доброй Надежды
Глава тринадцатая. Драма семьи Таволато
Глава четырнадцатая. Катастрофа
Глава пятнадцатая. Шлюпка в океане
Глава шестнадцатая. Остров Девы
Глава семнадцатая. Окано и его народ

Глава восемнадцатая. Белые, которые не похожи на белых
Глава девятнадцатая. Прощайте, темнокожие братья!
Глава двадцатая. О чем думали разные люди на «Мальте»
Глава двадцать первая. Лондон и его анатомия
Эпилог

Аннотация

Вместе с тремя героями этой повести читатели отправятся в далекий, полный опасных приключений путь по странам Арабского Востока, через весь великий континент Африки, через Атлантику и Англию.

В основу повести положен подлинный факт из эпохи второй мировой войны, но на страницах этой книги он несколько развернут и беллетризован.

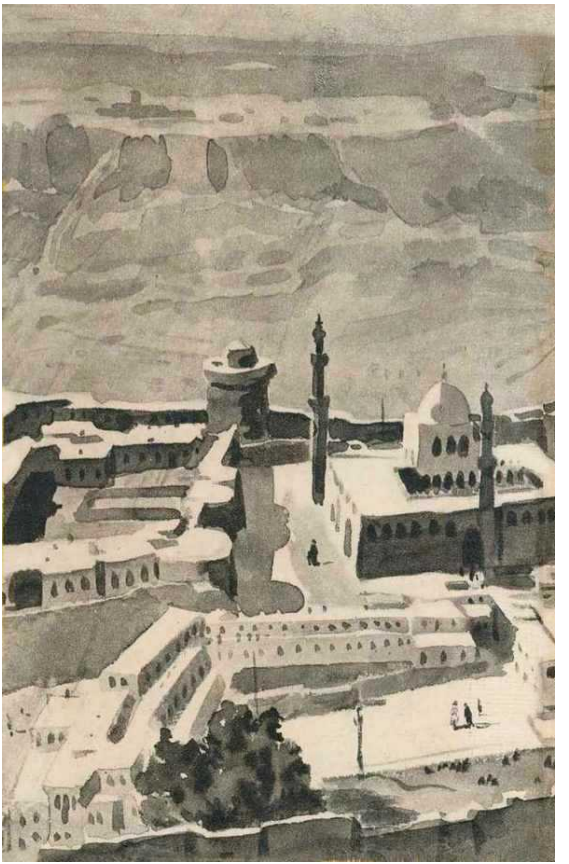
Перед читателями пройдут города Малой Азии и Египта, девственные джунгли Африки и шумный Кейптаун на мысе Доброй Надежды, затерянный островок в Южной Атлантике и огромный Лондон.

Автор повести, Иван Михайлович Майский, действительный член Академии наук СССР, родился в 1884 году. Он вырос в Сибири и с 1899 года стал участником революционного движения. Ряд лет до Октябрьской революции И. М. Майский провел в эмиграции в Швейцарии, Германии и Англии, после Октября долгие годы находился на дипломатической работе, в том числе в качестве

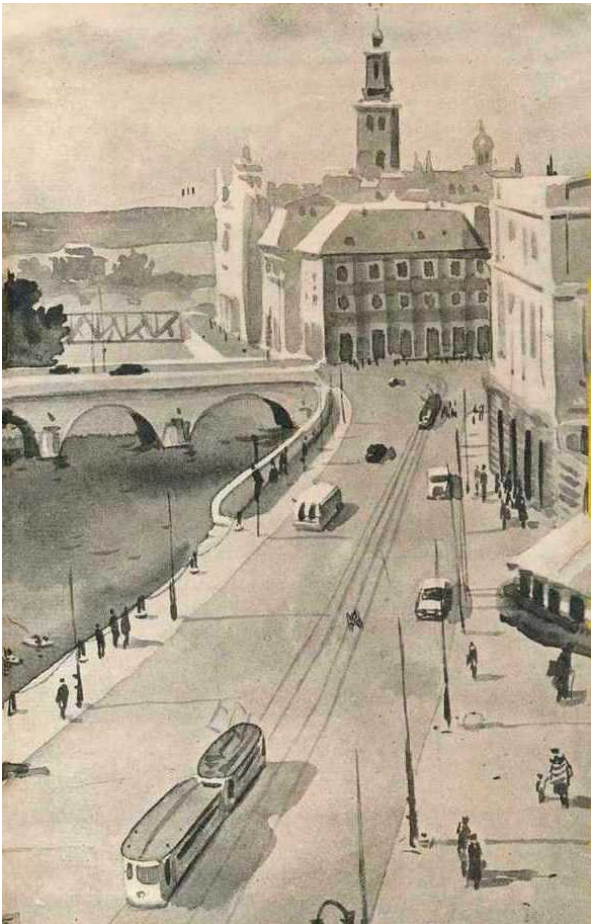
посла СССР сначала в Финляндии, а потом в Англии.

Академик И. М. Майский является автором ряда исторических научных трудов и историко-революционных и дипломатических воспоминаний.

Рисунки *В. Трубковича*.



SALLSTAD EN



БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1961

И. М. Майский

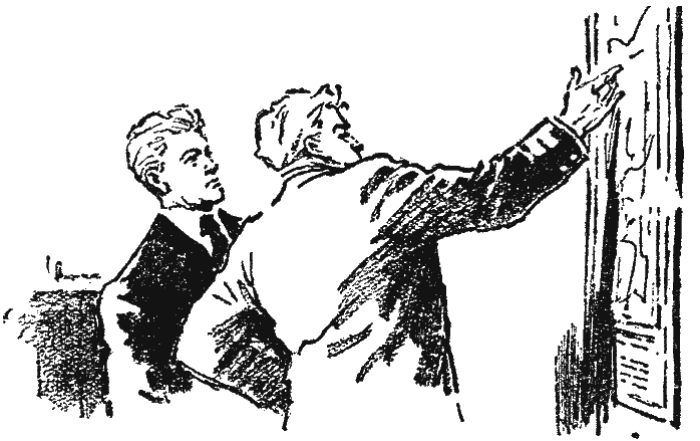
Близко-далеко

повесть

Рисунки
В. Трубковича

Государственное издательство
детской литературы
министерства просвещения РСФСР

И. М. Майский
БЛИЗКО-ДАЛЕКО



Глава первая
Самолет идет на восток

— Итак, вы имеете все необходимые инструкции… В случае надобности телеграфируйте — получите дополнительные указания. Ясно?

— Так точно, товарищ контр-адмирал, все ясно.

— Когда вы отлетаете?

— Завтра, четвертого ноября, в пять ноль-ноль.

— Один?

— Со мной едет жена, товарищ контр-адмирал. Едва уговорил… Она военный врач и никак не хотела бросать в такое время свой госпиталь.

Контр-адмирал одобрительно кивнул головой.

— Это хорошо, что уговорили жену, — уже несколько менее официальным тоном заметил он. — Негоже человеку на чужбине быть в одиночестве… У вас есть дети?

— Четырехлетний сынишка. Оставляем его у родителей жены…

Усталые глаза контр-адмирала неожиданно мелькнули теплым лучом. Он часто в обращении с подчиненными выходил за рамки строго делового разговора — черта, свойственная старому

поколению большевиков. К тому же ему очень нравился этот молодой капитан 3-го ранга: и ясный взгляд и четкая складка губ говорили о силе, о твердом характере.

Контр-адмирал поднялся с кресла и подошел к огромной карте, висевшей на стене. Капитан 3-го ранга последовал за ним. Теперь оба моряка стояли рядом, глядя на цветную панораму континентов и стран; один — стройный мускулистый человек лет тридцати пяти; другой — широкоплечий, чуть погрузневший гигант, которому перевалило за полсотни.

Контр-адмирал, взглянув на район Балтийского моря, усмехнулся.

— Вот она, география военного времени, — начал он простым, почти дружеским тоном. — Вам, товарищ Петров, надо попасть в Стокгольм. Казалось бы, чего проще? Сел на самолет в Ленинграде, и через несколько часов — на месте. Совсем близко! Рукой подать… Ан нет, не выходит! Фронт! Ленинград в кольце блокады… И вот, вам придется…

Контр-адмирал быстро побежал глазами по карте. Его палец, скользя по пестрой поверхности, то и дело останавливался на разных кружочках.

Он говорил:

— Вам придется вместо короткой прямой Ленинград—Стокгольм сделать огромный круг через Малую Азию и Африку. Хорошо еще, если англичане позволят вам лететь по малому кругу: Каир — вдоль Северной Африки к Гибралтару — Лондон — Стокгольм… — Палец описал на карте дугу. — Но я в этом не уверен. Если они не пустят вас по малому кругу, вдоль Средиземного моря, тогда вы должны будете двигаться по большому кругу через весь континент Африки: Каир — Кейптаун — Лондон — Стокгольм. — Контр-адмирал глазами проследил этот второй маршрут. — Вот ведь какую дорогу придется обломать! Так и получается, что сейчас Стокгольм от нас и близко и в то же время далеко…

Контр-адмирал на мгновение задумался, потом, повернувшись к своему собеседнику, неожиданно звонко воскликнул:

— А знаете, товарищ Петров, я вам завидую! Сколько новых стран, новых людей увидите! Хорошо быть молодым!..

Он прошелся по кабинету и уже совсем домашним тоном спросил:

— Вы, кажется, москвич?

— Так точно, товарищ контр-адмирал.

— Родители живы?

— Только отец… Мать умерла несколько лет назад.

— Отец работает?

— Отец в прошлом году вышел на пенсию, но с началом войны вернулся на завод, в цех.

— Где вы учились?

— Кончил среднюю школу, товарищ контр-адмирал, а потом, как комсомолец, пришел во флот. Учился в Ленинграде, в Военно-морском училище имени Фрунзе.

— Н-да… — неопределенно протянул контр-адмирал. — В мои-то времена все было потруднее. Я ведь из архангельских поморов. Впрочем… — Он махнул рукой, как бы желая сказать: «Сейчас не до воспоминаний», и уже более официально закончил: — Позвольте мне, как старшему товарищу, на прощание дать вам совет. Вам придется, капитан, столкнуться совсем с другим миром. В этом мире много наших врагов, но немало и друзей. Каждый советский человек, очутившийся в капиталистическом мире, — это советский посол в миниатюре. На него внимательно смотрят и враги и друзья. По его поведению, действиям, словам судят о нашей стране. Помните это и старайтесь везде, всегда, в любых обстоятельствах оставаться настоящим советским человеком.

Будьте осторожны и выдержанны, не поддавайтесь на провокации — а их вам не избежать, — но не будьте робким.

Голос контр-адмирала звучал серьезно, даже немного торжественно, а в глазах, обращенных к Петрову, светилось доброе чувство симпатии. Нет, ему решительно нравился этот молодой моряк, отправляющийся в дальний путь по воздушным и водным океанам!

Крепко пожимая руку Петрову, контр-адмирал сказал:

— Ну, а теперь желаю вам счастливого пути и успеха… — И голосом, в котором слышалось сдержанное волнение, закончил: — Положение наше сейчас тяжелое… Немцы бешено рвутся к Сталинграду. Потери большие. Кое-кто паникует. Но я нутром, всем нутром своим чувствую: мы устоим! Так и знайте: устоим, а потом выбросим немцев вон! И ваша работа должна помочь нам в этом…

Когда Петров взялся уже за ручку двери, контр-адмирал вдруг шагнул в его сторону.

— По прибытии на место пришлите мне письмо о вашем путешествии, поподробнее… — мягко, словно друга, попросил он. — Не в служебном, а в частном порядке. Адресуйте так: контр-адми-

ралу Алексею Петровичу Карпову. На конверте поставьте гриф: «Лично». — Он еще раз пожал Петрову руку и с легкой усмешкой повторил: — Право, я вам очень завидую!..

Когда самолет оторвался от земли и стал набирать высоту, Петров вспомнил просьбу контр-адмирала и, вынув из кармана толстую записную книжку, четко вывел на первой странице:

«4 ноября 1942 г. 5.00. Отлет из Москвы».

Дальше писать пока было нечего. Внизу в полусумраке осеннего утра быстро проносились московские пригороды. Видны были тонкие паутинки железнодорожных путей, крохотные домики и деревья. По шоссе быстро двигались автомобили, точно водяные жучки в летний день по тихой поверхности пруда.

Скоро пригороды кончились, пошла широкая равнина с редкими пятнами небольших рощ. Петров откинулся на спинку сиденья и задумался.

В течение последнего месяца ему, кажется, и думать-то некогда было — так быстро сменялись события, одно неожиданнее другого. Из Кронштадта, где он провел первую военную зиму, его

внезапно вызвали в Москву, назначили на работу в Стокгольм. Началась лихорадочная подготовка к совершенно новой деятельности, ознакомление с задачами, документами, материалами, докладами, телеграммами. И все время его не покидало какое-то странное чувство — смешанное чувство гордости и вместе с тем неловкости.

Петров был горд тем, что, когда понадобился человек для важной работы в Скандинавии, из многих офицеров флота выбрали именно его. Значит, есть в нем что-то такое, что позволяет надеяться на него. И в то же время Петрову было неловко и больно. Неловко оттого, что вот уходит он с фронта и в самый разгар войны покидает героическую семью балтийцев. Они будут по-прежнему сражаться с врагом, а он засядет в тихом и безопасном Стокгольме…

«Правильно ли я поступил, согласившись на отъезд? — думал он сейчас, сидя в глубоком кресле самолета. — Правильно ли? Но ведь никто и не спрашивал о моем согласии, мне просто приказали. Для военного человека приказ — есть приказ. Особенно сейчас. И все-таки…»

Петров не мог отделаться от какого-то смутного чувства недовольства собой. Он даже закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на своих

противоречивых мыслях, окончательно решить то, что, собственно, теперь, находясь в самолете, уже поздно было решать.

Таня сидела рядом с мужем и мыслями все еще была в Москве: вспоминала отца, профессора медицины, мать — вечную хлопотунью. Со щемящей нежностью думала она о сыне. Она видела его таким, каким оставила на рассвете, перед вылетом: мальчик раскинулся в своей кроватке, и она поцеловала его спящего, теплого… Да, не скоро теперь она увидит его. И увидит ли? Война… Мало ли что может случиться и с ней и с сыном…

При одной мысли об этом у Тани слезы навернулись на глаза. Мягко щелкнул замок. Она открыла сумочку, достала платок и через минуту уже снова выглядела спокойной.

Потом Таня стала думать о загадочном будущем. Вот они едут в Швецию. Но что она там будет делать? Состоять при Степане в качестве жены? Ну нет, эта «работа» не для нее! Да и незачем ей сидеть сложа руки — ей, врачу с шестилетней практикой. «Были бы врачи, а пациенты всегда найдутся!» — с улыбкой вспомнила она любимую шутку своего учителя, известного московского профессора, и ласково провела рукой по кожа-

ной сумке с походной аптечкой. «Вот только добраться бы поскорее до места. Такой длинный и сложный путь!..»

Вспомнив о дороге, Таня посмотрела налево, где, откинувшись на спинку кресла, сидел их спутник, человек лет тридцати. У него было круглое, чисто русское лицо и спокойные светло-голубые глаза. Капитан саперных войск Александр Ильич Потапов тоже летел в Стокгольм на пополнение штата военного атташе СССР. Петрову еще в Москве сказали о попутчике, но встретились они первый раз только на аэродроме.

Искоса разглядывая Потапова, Таня думала: «Что он за человек?.. Ну, да там видно будет. А втроем лететь веселей...»

Чем дальше на восток, тем более зимним становился пейзаж. За Рязанью уже лежал снег. Стало холоднее и, так как самолет не отапливался, пассажиры плотнее закутались в свои шубы, пледы.

Летели, как было принято в то время, очень низко. Из окна самолета хорошо были видны узловые железнодорожные станции, до отказа забитые бесчисленными составами; по ниточкам рельсов бежали в сторону Москвы поезда с танками, орудиями, бронемашинами, казавшимися с высоты детскими игрушками. Вот внизу полы-

хает пожар. Черно-багровые клубы ползут вверх. Крошечные фигурки людей копошатся около двух больших бензобаков. Видимо, только что здесь побывали немецкие бомбардировщики…

В середине дня пересекли Волгу и углубились в заволжские степи, уже покрытые белой пеленой.

Кроме Петровых и Потапова, в самолете было еще несколько человек: артиллерийский генерал, три военных снабженца, моряк Каспийского флота. Почти все они направлялись в Сталинград. По боевому настроению этих пассажиров, по коротким фразам, которыми они обменивались, чувствовалось, что там, на берегу Волги, предстоят какие-то очень важные события.

В сумерках самолет приземлился на одном из далеких заволжских аэродромов, игравшем сейчас важную роль: под Сталинградом шли жестокие бои, и прямой трассы Москва — Кавказ не было. Чтобы попасть в Баку, предстояло сделать большой крюк на восток, за Волгу, и провести ночь в этом степном поселке.

Здесь во всем сказывалась суровая обстановка войны: людей на аэродроме было мало, лётная полоса плохо расчищена, комната для пассажиров не топлена, буфет закрыт. Петровым и их спутникам, вероятно, пришлось бы провести ночь в

леденящем холоде, если бы неожиданно для всех Потапов не спас положение. Сразу же он куда-то исчез и полчаса спустя притащил большую вязанку жердей и старых досок. Загудела печка в комнате для пассажиров. Потом он также молча и деловито вскипятил воду в ведре и только тогда пригласил товарищей попить чайку.

— Кажется, нам очень повезло со спутником, — шепнула Таня мужу.

— Да, с Потаповым, пожалуй, не пропадешь, — согласился он.

Рано утром самолет снова был в воздухе. Он взял курс на устье Волги и около двух часов дня миновал Астрахань. Внизу проплывала Ахтуба, извиваясь сотнями протоков и рукавов. Потом самолет будто повис над Каспийским морем. Море — до самого горизонта. Исчезли все ориентиры, казалось, что самолет не двигается с места и его мощные моторы работают вхолостую.

Наконец впереди, в туманной дали, стали смутно маячить не то облака, не то горы. Еще немного — и перед глазами пассажиров из моря во всем своем великолепии поднялся Кавказский хребет — длинная цепь снеговых вершин, ярко блиставших под лучами солнца.

Самолет взял курс на юг и пошел вдоль берега

Каспийского моря. Сильно потеплело, и Петров сбросил с плеч тяжелое пальто.

К пяти часам дня приземлились в Баку. Город был переполнен военными, все гостиницы забиты. Но Потапов и здесь выручил. Не прошло и часа, как Петровы оказались в номере гостиницы, а в соседнем поселился Потапов, разделив его с каким-то старым товарищем.

Когда все устроились, Таня приготовила ужин и пригласила Потапова с его другом.

— Без вас, Александр Ильич, худо бы нам пришлось. Всё умеете, всё можете!

— Жизнь научила, — усмехнулся Потапов. — Я ведь сирота с четырех лет. Вырос у своего дядьки на Дону. Он был рыбаком и знаменито строил лодки. Мастер! Хороший был человек, но с тяжелой рукой. В общем, сбежал я от него…

— Сбежали?

— Да! Пятнадцать лет мне тогда было. Всю дядину премудрость по рыбацкому и лодочному делу я к тому времени «превзошел» и стал проситься на завод. А дядя — ни в какую! Пригрозил кости переломать. Ну, тогда и ушел я от него — ночью, тайком… Сначала бродил по Дону, потом попал в Ростов, потом осел на Николаевском судостроительном. Ну, а дальше уж вроде само собой все

пошло. В конце концов стал инженером…

После ужина вышли на улицу. На город уже пала ранняя осенняя ночь. Затемнение, нигде ни луча света. Слепые окна зданий. Словно покрывалом, сотканным из мрака, укрылась от врага нефтяная столица.

Но это не был мертвый мрак — все в нем жило, двигалось, дышало. Слышались приглушенные голоса, гудки автомобилей. Темные силуэты проплывали по тротуарам, а за стенами домов кипела жизнь. Там любили и ненавидели, там трудились и мечтали. Ощущение ни на секунду не угасающей жизни наполняло темноту улиц, пробивалось сквозь нее, как невидимый, но горячий луч.

Потапов долго водил своих спутников по городу. В темноте они прошли по главным улицам Баку, побывали у памятника 26 комиссарам и, наконец, поднялись к величественной статуе Кирова на высоком берегу моря. Присев на скамью, все трое долго молчали, вслушиваясь в осторожный, приглушенный рокот волны.

— Беспокойное существо человек! — первым заговорил Потапов. — С самой юности меня тянуло куда-то вдаль. Хотелось посмотреть мир, чужие страны, другие народы. Особенно Китай,

Индию, Африку... Сколько книжек я перечитал о знаменитых путешественниках — Марко Поло, Колумбе, Магеллане! — Он на мгновение умолк и затем продолжал приглушенным, слегка грустным голосом: — А вот теперь, когда давняя мечта исполнилась и я еду в чужие страны, мне как-то не по себе...

Никто не ответил Потапову, да он и не ждал ответа.

— Товарищей в самом пекле оставил, — задумчиво сказал Потапов. — Оттого, видно, и не радует меня поездка в дальние страны...

«Значит, и у него те же мысли...» — подумал про себя Петров.

Когда на следующее утро Петровы и Потапов подходили к самолету, который должен был доставить их в Тегеран, Степан полушутя сказал Тане:

— Прижмись покрепче к советской земле! Ведь сейчас мы расстанемся с ней надолго.

Таня серьезно посмотрела на мужа, отошла в сторону и, вынув носовой платок, насыпала в него горсточку земли.

— Сентиментально? — вызывающе спросила она, заметив улыбку Степана. И тут же упрямо заявила: — Ну и пускай сентиментально! Зато

моя земля всюду будет со мной!

На тегеранском аэродроме самолет встретил представитель советского военного атташе в Иране капитан Курдюмов. Поспешно усадив приехавших в автомобиль, он повез их в советское посольство.

Помещение, занимаемое посольством, напоминало собой пышное феодальное владение. Построенное в далеком прошлом царским правительством, оно полностью соответствовало духу своей эпохи и вкусам своих прежних хозяев.

Здание посольства стояло в глубине большого парка, окруженного со всех сторон высокой каменной стеной. В парке — пруд с проточной водой, фонтаны, клумбы, густая сеть широких и узких аллей. Кроме главного здания, где находились официальные помещения и квартира посла, в парке стояло еще несколько домов, где жили сотрудники посольства и размещались клуб и столовая. Против главного здания посольства возвышался памятник А. С. Грибоедову. Автор «Горя от ума» больше ста лет назад погиб в Тегеране на посту русского посла в Персии.

Курдюмов устроил наших путешественников в комнатах для приезжающих, а затем показал им парк и посольские помещения. После этого

Петровы и Потапов представились полковнику Страхову, временно исполнявшему обязанности военного атташе (сам военный атташе был в отъезде).

Полковник сразу же обрушил на гостей лавину вопросов о положении на фронте и в тылу, о флотских новостях, о Ленинграде, о боях под Сталинградом. Он не спрашивал прямо, однако сквозь все, что он говорил, пробивался лишь один, но мучительный вопрос: когда же, когда произойдет решающий перелом в ходе войны?

Переждав град вопросов и постаравшись ответить на них, Петров обратился к Страхову с просьбой помочь возможно скорее добраться до Каира.

— Ваше желание вполне понятно, — ответил Страхов, — но осуществить его будет не так-то просто. Все воздушные линии к западу от Тегерана — в руках англичан, а англичане... — Страхов помедлил немного, точно подбирая подходящее выражение, и затем продолжал: — СССР и Англия, конечно, союзники в этой войне, но отношения между нами отнюдь не безоблачны. Вспомните хотя бы вопрос о втором фронте... Кроме того, надо учесть, что есть англичане лондонские и англичане тегеранские. С лондонскими нелегко

сговариваться, но у них все-таки более широкий политический кругозор, а с англичанами тегеранскими сговариваться еще труднее, ибо все они — узколобые колониальные чиновники, которые не видят дальше своего носа. У нас тут было немало конфликтов по местным, тегеранским, вопросам. И представьте, в Тегеране мы никак не могли их уладить. А через Лондон их удавалось урегулировать. Вот и с отправкой наших людей из Тегерана на запад все время затруднения… Впрочем, постараюсь сделать что возможно.

Страхов, точно вспомнив что-то, забарабанил по столу и, помолчав, закончил:

— Завтра все английское начальство будет на приеме у нашего посла по случаю годовщины Октября. Попробую там ускорить ваш отъезд. Кстати, вы знаете языки?

— Я и жена знаем английский, — ответил Петров, — а капитан Потапов говорит по-немецки.

— Это хорошо! — удовлетворенно кивнул Страхов. — Без языков вы пропали бы на том пути, который вам предстоит.

В кабинет торопливо вошел первый секретарь посольства Косовский.

— Что же вы спрятали ваших москвичей и другим не показываете? Давайте-ка их сюда по-

скорее! — обрушился он на Страхова.

Он тут же забросал гостей десятками вопросов: на каких участках фронта они воевали, что в Москве, как живет осажденный Ленинград, как выглядит теперь Невский, как снабжение?

Петрову и Потапову пришлось повторить все свои рассказы. По вопросам видно было, как истосковались здешние товарищи по Родине, переживающей грозные, трудные дни.

— Приходите завтра на прием, поможете занимать гостей, — сказал Косовский. — Да и вам будет полезно посмотреть, как проводятся подобные церемонии. Явитесь в военной форме, а ваша жена — в вечернем платье.

— В таком случае она не сможет быть на приеме: у нее нет вечернего платья. В Москве сейчас не до того… — сказал Петров.

Косовский смешно приставил палец к носу, что у него всегда было признаком замешательства, и пробормотал:

— Платье… платье… Впрочем, не беспокойтесь, мы этот вопрос урегулируем! — весело сказал он и, ничего не объясняя, исчез.

Через несколько минут он вернулся с молодой женщиной, радушно протянувшей руку москвичам.

— Вашей жене нужно платье для завтрашнего приема? — быстро защебетала новая знакомая, оказавшаяся женой одного из секретарей посольства. — У меня есть три таких, и я охотно предложу одно из них. Если, конечно, оно будет ей впору.

Прием у посла был назначен на восемь часов вечера. В распоряжении наших путешественников был целый день 7 ноября, и они решили использовать его для ознакомления с иранской столицей.

Один из старых работников торгпредства взялся сопровождать московских гостей. Это был Аносов — пожилой человек, владевший персидским языком, хорошо знакомый с историей и нравами страны.

— Прежде всего несколько цифр и фактов, — начал Аносов, когда автомобиль тронулся, — для вашей общей ориентировки. Первое упоминание о Тегеране мы находим в персидском географическом словаре 1224 года нашей эры — тогда Тегеран был деревней. Четыре века спустя, в 1627 году, в Тегеране было уже три тысячи глинобитных домов. В 1723 году город до основания разрушили афганцы, но в конце восемнадцатого века он вновь возродился и в нем жило пятна-

дцать тысяч человек. В это время Каджарская династия сделала Тегеран своей столицей. Сейчас здесь около полумиллиона жителей.

Аносов умолк, вытер платком лоб — несмотря на ноябрь, было жарко — и закончил:

— А теперь смотрите во все глаза. Они будут вашим лучшим проводником.

Машина быстро мчалась по улицам. Город делился на две части: новую и старую. Новая находилась в центре и к северу от цитадели. Здесь были широкие мощеные улицы, трамваи, автобусы, магазины с зеркальными витринами, большие здания современной постройки: министерства, парламент, муниципалитет, офицерский клуб, опера, университет, национальный банк… Здесь была «Европа», и о Востоке напоминали лишь шумные арыки, бежавшие по улицам, точно в персидской деревне.

Старая часть города раскинулась к югу от цитадели и выглядела совсем иначе. Душой старого города был большой крытый базар — грязный, душный, темный, где торговали всем: едой и коврами, обувью и лекарствами, глиняной посудой и часами, сеном и ювелирными изделиями. Базар был со всех сторон окружен густым лабиринтом узеньких, извилистых, перекрещивающихся уло-

чек с маленькими, подслеповатыми домиками, в которых ютились болезнь и нищета. Здесь не было автомобилей, зато в изобилии встречались ослики и верблюды. Здесь была Азия, и о Западе напоминали лишь провода телеграфных линий.

— Да… Совсем другим я представлял себе Тегеран, — разочарованно подытожил Петров свои впечатления, когда поездка по городу подходила к концу.

— Ну конечно! — усмехнулся Аносов. — Вы думали увидеть город из «Тысячи и одной ночи» — нечто яркое, пестрое, почти волшебное… Нет, дорогие мои, одно дело — восточная сказка, а совсем иное —реальный Тегеран. В конце прошлого века один английский дипломат сказал, что Тегеран — это город, который «родился и вырос на Востоке, но начинает шить себе костюм у английского портного». С тех пор прошло почти полстолетия, и роль «английского портного» за это время сильно увеличилась. Однако старый Восток не умер! Он жив и упорно цепляется за свое существование.

— Так что же получается? — спросил Потапов.

— А получается ни рыба ни мясо, — снова усмехнулся Аносов. — Ни лоска и внешней культуры европейского города, ни красочности и прими-

тивной прелести восточного города. Впрочем, так ведь не только в Тегеране… Вот поедете — увидите то же самое во многих других старинных городах Малой Азии. Видимо, это неизбежный этап на новом пути старого Востока. Однако, прежде чем мы вернемся домой, мне хотелось бы показать вам еще кое-что. Нечто величественное и прекрасное!

Вот уже город остался позади. Машина круто взяла курс на север, углубилась в горы и стала быстро карабкаться вверх по петлям и зигзагам скалистого хребта. Все выше и выше… Вот уже показались снежные поля. Еще один рывок, еще одно усилие — и машина выскочила на маленькое плоскогорье.

— Стоп! — крикнул Аносов шоферу.

Все вышли из машины и двинулись за Аносовым среди мрачных нагромождений скал и камней. Наконец, остановившись, он сказал:

— А теперь повернитесь назад и смотрите!

Советские гости невольно вскрикнули от изумления.

Над бесчисленными пиками и куполами горного хребта, над густой сетью глубоких долин и ущелий, над шумящими под ветром лесами и прыгающими по склонам потоками, над ши-

роким морем ярко-белых, причудливой формы облаков — над всем этим величаво поднимался гигантский конус. Он точно подпирал собой высокое голубое небо, а его склоны, покрытые льдом и снегами, ослепительно сияли на солнце.

— Что это? — взволнованно спросила Таня. — Что это такое?

— Демавенд, — коротко сказал Аносов, наслаждаясь изумлением своих спутников. — Да, это Демавенд! Древний потухший вулкан. Высочай-

шая точка в Иране! Пять тысяч девятьсот метров над уровнем моря. Чуть-чуть повыше нашего Эльбруса. Иранцы чтят его так же, как японцы свою Фудзи.

Гости стояли молча, не сводя глаз с величественного зрелища.

За полчаса до назначенного срока в широко открытые ворота посольского парка начали въезжать роскошные лимузины — сначала с промежутками в несколько минут, потом все чаще, все гуще. Около восьми часов они шли уже непрерывной лентой. Сделав большой разворот, машины останавливались у главного подъезда посольства. Из них выходили иранские министры, иностранные дипломаты, английские и американские военные, банкиры, купцы, журналисты, общественные деятели. Большинство гостей приехало с женами. Пестрели формы и мундиры, шелестели шелковые платья, сверкали брильянты и рубины.

Сбросив на руки гардеробщиков верхнее платье, гости направлялись к залу. У входа их встречал человек, который, приняв от гостя пригласительную карточку, громогласно провозглашал его имя и звание. Здесь же, в дверях, стояли советский посол и его жена. С официаль-

но-приветливой улыбкой они пожимали руку каждому гостю, входившему в зал, а там уже прибывшего перенимал кто-либо из сотрудников посольства: если гость был дипломат, его занимали работники посольства; если гость был военный — вступал в беседу сотрудник военного атташе; если появлялся купец или промышленник, он быстро оказывался в обществе работников торгпредства.

Вдоль стен главного зала и соседних с ним комнат стояли длинные узкие столы с приготовленными яствами. Тут были всевозможные закуски, вина, фрукты, кофе, чай, мороженое, прохладительные напитки. Гостей приглашали к столам и угощали с истинно русским гостеприимством, а многих и приглашать не приходилось: едва переступив порог зала, они сами устремлялись к столам и уже не отходили от них до конца вечера.

Большим успехом у гостей пользовались икра и русская водка. Особенную дань им отдавали американские военные и журналисты.

В 8 часов 30 минут, когда все гости уже прошли, посол и его жена покинули свой пост в дверях зала и смешались с пестрой толпой гостей, уделяя главное внимание наиболее важным из них.

Собралось человек пятьсот. Под сводами зала, точно мертвая зыбь, колыхалась человеческая толпа, стоял гул сотен голосов, слышался звон поднимаемых бокалов, стук посуды, шарканье бесчисленных ног.

Стало жарко и душно. Некоторые гости, выйдя в парк, окружающий здание посольства, бродили по его аллеям или сидели на скамейках у пруда.

Петровы и Потапов вначале были оглушены всей этой непривычной обстановкой. Она была так далека от суровой военной Москвы, от жестоких боев под Сталинградом, от всей жизни сражающейся Родины… Постепенно, однако, они осмотрелись и, поощряемые дружескими улыбками Косовского, «пустились в плавание».

— Пойдемте, я познакомлю вас с кем-нибудь из гостей, — сказал он, подойдя к Петрову, и шутливо добавил: — Тем более что уже несколько человек спрашивали у меня о вашей жене: откуда, мол, эта прелестная дама?

— А что же мы должны делать? — спросил Степан Косовского.

— Занимать разговорами, угощать… Пока с вас большего не требуется.

Гостем, за которым должен был ухаживать Степан, оказался английский моряк. Это был

настоящий морской волк. Он избороздил все океаны, видел много стран и народов, а в последнее время, перед самой войной, служил в австралийском флоте. Моряк усиленно прикладывался к водке, скоро захмелел и стал разговорчив.

— В 1918 году я командовал эсминцем, — говорил он, чокаясь с Петровым, — и воевал в Финском заливе… Ха-ха-ха!.. Против вас. А сейчас мы с вами союзники и вместе воюем против немцев. Ха-ха-ха!.. Какая странная штука жизнь!.. Впрочем, я моряк… Пускай политики разбираются, с кем нужно воевать. Выпьем за нашу общую победу!

И английский моряк не только выпил, но и дружески потряс руку Петрова.

На долю Тани выпало занимать жену одного из иранских министров, полную даму, которая хотя и с акцентом, но довольно бойко говорила по-русски. Женщина была явно рассеянна и беспокойна. Заметив это, Таня спросила:

— Чем вы так взволнованы?

Гостья словно обрадовалась возможности излить душу.

— Ах, я почти не сплю! — воскликнула она. — Ведь мой муж не раз бывал в Москве по разным делам, и я ездила с ним. Я знаю и даже люблю

Москву. Какие театры у вас! Какой балет! В Тегеране мой муж тоже имел много дел с вашими представителями. Очень выгодные дела по рыбе, сахару, по ситцам… Моего мужа все считают «прорусским». Что же с ним будет, если немцы придут в Тегеран? Ведь они его просто разорвут!

— Но почему вы думаете, что немцы придут в Тегеран? — изумилась Таня.

— Ах, милочка! — затараторила министерша. — Да ведь все говорят, что Сталинград уже пал. А из Сталинграда куда ж немцы пойдут? Ну конечно, на Кавказ, в Баку, а потом сюда, к нам…

Таня с трудом сдержала раздражение.

— Сталинград не взят, — твердо и спокойно сказала она. — И я не верю в то, что он будет взят. Поддаваясь ложным слухам, вы напрасно волнуете себя.

— Сталинград еще не взят? Серьезно? — воскликнула полная дама. — Ах, милочка, как вы меня утешили! — Но, помолчав секунду, она добавила: — И все же, знаете ли, говорят, что немцы непременно придут в Тегеран… Что нам делать?

К Тане подошли Степан и полковник Страхов.

— Я говорил сейчас о вашей поездке с начальником английского воздушного транспорта, — сказал Страхов, отведя Петровых в сторону.

— Он пока упирается… Пойдемте к нему втроем и попробуем нажать еще раз.

Английский полковник был поначалу сух и официален. Смотря в пол, он прямо заявил, что раньше чем через десять дней о полете в Каир не может быть и речи.

— Но это же просто ужасно! — невольно вырвалось у Тани.

Полковник поднял голову и заметил Таню. Он как-то сразу переменился, подтянулся, на его поджатых губах застыла любезная улыбка, и он заговорил уже совсем другим тоном:

— Если дама просит ускорить поездку, придется что-нибудь придумать… — И на мгновение умолк, точно в самом деле что-то придумывал. — Посадить вас в ближайшие дни на самолет, который доставил бы вас прямо в Каир, — продолжал он, обращаясь к Степану, — я не в состоянии. Сейчас идут большие переброски войск, и все самолеты на Каир заняты на много дней вперед. Но возможно другое… Если желаете, завтра, восьмого ноября, в пять часов утра, я могу посадить вас на самолет, идущий в Багдад. Там вы сядете на автобус Багдад—Дамаск, а из Дамаска до Каира уже нетрудно добраться автомобилем. Весь путь займет три-четыре дня.

Предложение полковника показалось Степану заманчивым, но он все-таки спросил Страхова по-русски:

— Что вы думаете?

— Соглашайтесь…

Степан любезно улыбнулся полковнику и, поблагодарив, сказал:

— Завтра в пять утра мы будем на аэродроме.

Посол или министр иностранных дел в определенный день приглашает к себе гостей. Обычно это связано с каким-либо важным дипломатическим событием или с какой-либо старой дипломатической традицией, истоки которой подчас теряются в веках. Хозяева стремятся к тому, чтобы на прием пришло побольше приглашенных и чтобы среди гостей были наиболее видные, наиболее влиятельные люди страны. Они стараются угостить пришедших как можно лучше, занять их как можно интереснее. Если это удастся, во влиятельных кругах будут говорить, что «прием прошел блестяще», и престиж хозяина, а стало быть, и представляемого им правительства возрастет.

Буржуазная дипломатия имеет свои, на наш взгляд, обветшалые, чуждые нам традиции, но советским дипломатам, имеющим дело с предста-

вителями капиталистического мира, приходится с этим считаться.

Многие из гостей идут на прием потому, что быть в числе приглашенных к послу или министру иностранных дел считается лестным. Присутствие на дипломатическом приеме повышает престиж человека в «обществе».

Такова одна сторона всякого большого дипломатического приема.

Но имеется и другая сторона.

На большом дипломатическом приеме встречаются представители разных стран, разных социальных положений, партий, взглядов. Здесь, на территории в несколько сот квадратных метров, собирается пестрый политический микрокосм. И потому многие из гостей посещают подобные приемы с целью использовать их в своих деловых интересах. Дипломат может на таком приеме «выудить» из встреч с людьми немало полезной для него информации и пустить в оборот немало сведений, слухов, проектов, в распространении которых он заинтересован. Военный может установить на таком приеме нужные для его работы связи и узнать важные новости. «Деловой человек» может на таком приеме подготовить почву для какой-либо выгодной

коммерческой операции, а иной раз даже совершить подобную операцию.

Прием, устроенный советским послом 7 ноября в Тегеране, не составлял исключения из общего правила. Но он происходил в самый грозный момент второй мировой войны, в дни, когда под Сталинградом решались судьбы мира, судьбы всего человечества, и это накладывало на него особый отпечаток.

В одном из дальних углов зала, заложив руки в карманы и расставив ноги, стоял видный турецкий дипломат, окруженный несколькими иранскими сановниками и военными. В высшем тегеранском обществе он слыл очень осведомленным человеком и всегда любил преподносить «самые свежие новости».

— Сталинград пал! — воскликнул этот ловец сенсаций.

— Как — пал? — сразу раздалось несколько голосов.

— Пал! Пал! — уверенно повторил турецкий дипломат. — Как раз перед выездом на этот прием я получил сведения из самых достоверных источников... — Турецкий дипломат многозначительно посмотрел на собеседников и, подчеркивая каждое слово, повторил: — Из самых

достоверных источников! Свастика развевается над Сталинградом! Правда, русские еще держатся в нескольких изолированных кварталах на берегу Волги, но это уже… Вы понимаете?.. Это уже задача не для армии, а для полицейских команд.

Слова турецкого дипломата не на шутку встревожили слушателей. В головах стремительно пронеслось: «Сталинград пал… Значит, немцы скоро будут в Тегеране… Что делать? Как быть?»

А турецкий дипломат с авторитетным видом продолжал:

— Еще месяц-другой — и Россия распадется на свои составные части.

— Но ведь вместо России будет Германия, — нерешительно заметил один из иранских министров.

— Германия не то! — возразил турецкий дипломат. — С Германией мы поладим. — Он усмехнулся и прибавил: — Мы уже с ней поладили.

Затем, обращаясь к иранским министрам, он тоном дружеского покровительства сказал:

— А вот вам, господа, следует заранее о себе позаботиться.

— Но что же мы должны делать? — тревожно спросил один из иранских министров.

— Как — что? — воскликнул турецкий дипло-

мат. — Это нетрудно понять! Но торопитесь: не позже чем через месяц немцы будут в Тегеране. Вы должны заслужить их расположение действиями, которые должны предпринять заранее.

Кто-то из иранских сановников стал смиренно просить:

— Вы уж не откажите мне, Ваше превосходительство, в своем покровительстве, когда придут немцы! Вы можете засвидетельствовать, что я всегда симпатизировал немцам.

— И я, и я тоже! — послышались голоса.

Турецкий дипломат сразу вошел в роль. Окинув быстрым взглядом своих иранских слушателей, он многозначительно заявил:

— Да-да, конечно, господа. Я сделаю все, что смогу… Однако многое, очень многое будет зависеть от вас самих.

Турецкий дипломат сделал жест, свидетельствовавший, что разговор окончен, и двинулся к столу с русской водкой и икрой.

Группа рассеялась. Сразу же из уст в уста побежала молния:

— Сталинград пал…

— Турецкий дипломат…

— Из самых достоверных источников…

Гости качали головами, пожимали плечами,

разводили руками, с недоумением и беспокойством говорили:

— Что же теперь будет?..

Два крупных иранских дельца оживленно беседовали в саду посольства.

— Мое дело плохо, — говорил один из них. — Я слишком тесно был связан с русскими… Мне надо бежать…

— Куда? — спросил второй делец.

— Куда глаза глядят! Хотя бы в Америку… Я должен спешно ликвидировать все свои дела, земли, дома, магазины… Не купите ли? Вы же с русскими дел не имели. Вас немцы не тронут.

Второй делец помолчал немного, видимо обдумывая это предложение, и затем сухо, с подчеркнутым безразличием, спросил:

— Сколько хотите?

— А вы сколько дадите? — вопросом на вопрос ответил первый делец.

Оба некоторое время препирались, не желая назвать определенную сумму. Наконец первый заявил:

— Дайте мне за все вместе пятьсот тысяч долларов, и дело с концом.

— Что? Пятьсот тысяч? — точно ужаленный, вскричал второй делец.

— Это же немного! — возразил первый. — Вы сами прекрасно знаете, что настоящая цена моему имуществу не меньше миллиона долларов. Я и так отдаю все за полцены — мне некогда!

Но второй делец и слышать не хотел о полмиллионе долларов.

— Сколько же вы предложите? — помолчав, спросил первый.

— Сколько? — повторил второй. Он на мгновение задумался и затем безапелляционно бросил: — Сто тысяч долларов — и ни цента больше!

Теперь первый делец вскричал, точно ужаленный, и в отчаянии даже воздел руки к небу.

Потом оба дельца долго ходили по аллеям сада, то тихо шептались, то громко вскрикивали, то расходились, то вновь сходились и крепко хватали друг друга за руки.

К концу вечера сделка состоялась: первый делец уступил все свое имущество второму за двести тысяч долларов.

В другой части сада, около пруда на скамье грустно сидели три дипломата: норвежец, голландец и бельгиец. Они тоже уже слышали о «падении Сталинграда», верили этому и теперь тоже думали: что же делать?

— Хотел бы я знать, кто будет занимать это

прекрасное здание через два месяца? — указывая на посольство, сказал норвежец.

Он был уже немолод, любил Ибсена и Грига и считал себя философом.

— Это меня мало интересует! — с раздражением ответил бельгиец. — Гораздо важнее другое: что с нами будет через два месяца? — И, обхватив голову руками, он хрипло простонал: — Куда бежать? Как бежать?

Молчавший до сих пор голландец предложил:

— Надо бы попросить англичан войти в наше положение…

— Да-да, вы совершенно правы! — оживился бельгиец и затем, после небольшого колебания, прибавил: — Зачем откладывать? Пойдемте сейчас и здесь же, на приеме, поговорим с ними.

Все трое поднялись со скамьи и вошли в зал. Не без труда отыскав в толпе английского дипломата, они отвели его в сторону, и норвежец, как самый старший, начал:

— Вы слышали — Сталинград пал…

— Да, слышал, — ответил дипломат. — Но пока это лишь немецкое сообщение. Еще нет подтверждения с русской стороны.

— Если нет, — продолжал норвежец, — так будет завтра или послезавтра. Дела русских плохи,

хоть они и сражаются храбро… Самое большее через два месяца немцы будут в Тегеране… Что же нам делать?

В душе англичанина боролись два чувства: ему было жаль этих пожилых людей, союзников, невольных жертв случайностей войны. И вместе с тем ему так хотелось избежать лишних хлопот, волнений, неурядиц, с которыми неизбежно была бы связана их эвакуация из Тегерана. Поэтому англичанин несколько загадочно произнес:

— Мы ждем надлежащих инструкций из Лондона.

— Но не придут ли они слишком поздно? — вмешался бельгиец. — Положение в Иране может быстро обостриться.

Практичный голландец решил взять быка за рога:

— Можем ли мы рассчитывать, сэр, что в случае эвакуации вы окажете нам содействие своим транспортом? Ваше правительство было так великодушно, что временно, впредь до победы, предоставило нашим правительствам возможность перенести свою резиденцию на территорию Великобритании, и мы думали, что представители английского правительства в Тегеране…

Голландец, не закончив фразы, сделал красноречивый жест в сторону английского дипломата. Последний внимательно посмотрел сначала на свои ногти, потом на потолок и, наконец, глубокомысленно изрек:

— Я думаю, лучше всего было бы, если бы ваши правительства в Лондоне непосредственно договорились с правительством его величества по интересующему вас вопросу.

— Прекрасная идея! — воскликнули сразу все трое. — Мы сегодня же пошлем телеграммы в Лондон.

В одной из боковых комнат у окна стояли двое. Один из них — полковник американской армии, дородный, шумливый, с хищным лицом и толстыми влажными губами — был возбужден и красен. На лбу его дрожали капли пота, свидетельствовавшие о том, что полковник уже не раз путешествовал к столу. Второй — иранский миллионер — представлял своей особой целый комбинат. Он владел поместьями, хлопковыми плантациями, рыбными промыслами, фабричными предприятиями, магазинами, ссудными кассами. Ему принадлежали также самые шикарные в столице игорный и увеселительный дома.

— Так, значит, ваше превосходительство, я могу

надеяться на вашу помощь?

Лицо миллионера выражало почти благоговение, а голос звучал вкрадчиво и умильно. Прекрасно зная, что перед ним стоит полковник, а не генерал, он намеренно употреблял обращение «ваше превосходительство» — почему не польстить нужному человеку?

Полковник не поправил своего собеседника.

— Да-да, можете рассчитывать, — покровительственно сказал он. — Ваши десять грузовиков будут включены в наш военный транспорт и пойдут под охраной американских солдат.

— Только десять? — вполголоса переспросил миллионер. — А нельзя ли хоть пятнадцать?.. Ваше превосходительство, времена сейчас беспокойные, ценных вещей у меня много…

— Нет-нет! — отрезал полковник. — Больше десяти грузовиков я взять не могу.

Миллионер огорченно развел руками и сказал:

— Ну что же, если больше нельзя, пусть будет десять… — И осторожно добавил, не зная, как полковник отнесется к его словам: — Ваше превосходительство, не следовало ли бы послать с этими грузовиками моего сына?

— Что ж, посылайте, — милостиво разрешил полковник.

— Да благословит вас небо, ваше превосходительство! — обрадовался миллионер. — Разумеется, мой сын сумеет отблагодарить начальника американского конвоя.

— Это его дело, — с улыбкой обронил полковник.

— Завтра утром мой сын привезет вашему превосходительству чек в пятьдесят тысяч долларов на Нью-Йорк…

Миллионер произнес эти слова очень таинственно. Он похож был сейчас на человека, который идет по тонкой корке льда, опасаясь на каждом шагу провалиться.

— Как — пятьдесят? — изумился полковник. — Ведь мы же условились о ста тысячах!

Лицо миллионера приняло молитвенное выражение. Его сложенные вместе руки протянулись к полковнику, как к изображению божества.

— Ваше превосходительство! — воскликнул миллионер. — Мое слово свято: конечно, сто тысяч! Только первую половину вы получите немедленно, завтра же, а вторую… вторую, когда все мои ценности будут в Нью-Йорке.

— Э, нет! — вскипел полковник. — Платите все сразу!

Начался жаркий торг. Лица спорящих разго-

релись, голоса их стали подниматься. Наконец пришли к компромиссу: вторую половину полковник получит, когда ценности будут погружены на борт американского судна в Персидском заливе. «А если судно по пути в Америку погибнет?» — вдруг мелькнуло в голове дельца, но он сразу успокоил себя: «Застрахую свой груз в американской страховой компании».

— Ну, теперь все в порядке! — удовлетворенно заключил полковник. — Передайте мои наилучшие пожелания вашей семье и особенно вашей очаровательной дочери… — Полковник слегка зажмурился и, поцеловав кончики своих пальцев, прибавил: — Да-да, она просто очаровательна… Настоящая восточная сказка!

Лицо миллионера расплылось в улыбке, глаза сузились, как щелочки, и, приложив руку к жирной груди, он не сказал, а выдохнул — именно выдохнул:

— Моя дочь будет счастлива узнать, что ваше превосходительство так высоко оценивает ее красоту!

Глаза полковника, казалось, источали масло. Многозначительно посмотрев на миллионера, он бросил:

— Можете отправлять пятнадцать грузовиков!

Поздно вечером, после приема, Косовский говорил Степану, стоя в опустевшем зале посольства:

— Чудесно, что удалось утрясти вопрос о вашем дальнейшем пути. — И, взглянув на часы, продолжал: — Сейчас четверть первого. Стало быть, через четыре с лишним часа вы будете уже в воздухе. Спать вам сегодня почти не придется… Но все же я задержу вас еще на несколько минут.

Косовский закурил и, взяв Степана под руку, стал медленно ходить с ним по залу.

— Здесь вы находитесь на советском островке, заброшенном в капиталистическое море, — говорил он. — Но это для вас последний советский островок на долгое время: с государствами Малой Азии и Африки у нас дипломатических отношений еще нет. Советских представителей вы не встретите теперь до Лондона… Трудное положение! По пути у вас могут возникнуть всякие сложности. Будьте осторожны, но не будьте робки. Твердо отстаивайте свои права! И еще один совет… Вам придется иметь дело главным образом с англичанами. Я их немного знаю… Соблюдайте в отношениях с ними хладнокровие и выдержку — легче добьетесь того, что вам нужно. Если человек нервничает и горячится, англичане сразу теряют к нему уважение. — Косовский бро-

сил в пепельницу окурок и закончил: — А теперь позвольте от всей души пожелать вам и вашим спутникам счастливого пути!

Они крепко пожали друг другу руки.

Глава вторая
Неожиданные встречи и неожиданные разговоры

Самолет, которым летели Петровы и Потапов, на багдадском аэродроме встречали полковник и капитан английских военно-воздушных сил. Полковник приехал только для того, чтобы приветствовать прибывшего из Тегерана генерала, и очень быстро отбыл вместе с ним в город. Проверял документы пассажиров капитан. Он делал это внимательно и спокойно, иногда задавая приехавшему короткий вопрос. У Степана создалось впечатление, что капитан хочет пропустить советских людей в последнюю очередь. «Начинается…» — подумал Степан, имея в виду те трудности, о которых предупреждал Косовский.

Он хотел было даже запротестовать, однако, вспомнив совет Косовского, решил «не горячиться» и сохранять спокойствие до конца.

Отпустив всех пассажиров, капитан подошел к советским путешественникам и, козырнув, неожиданно любезным тоном произнес:

— Простите, что я вас немного задержал. Я сделал это сознательно: мне хотелось сказать вам

несколько слов без посторонних свидетелей.

Степан удивленно и вместе с тем подозрительно посмотрел на капитана, а тот продолжал:

— Позвольте представиться. Мое имя Даниэль Макгрегор. До войны я был учителем в Шотландии. Член Британской коммунистической партии. Во время войны мобилизован и, как видите, попал в Багдад.

У Степана мелькнуло: «Что это? Не провокация ли?»

Точно подслушав его мысль, Макгрегор вытащил из какого-то глубинного кармана свой партийный билет и показал его Петрову. Макгрегор прибавил:

— Это должно остаться между нами, здесь никто не знает, что я коммунист. Меня считают «беспартийным левым».

На душе Степана стало спокойнее, а еще больше он успокоился, когда внимательно рассмотрел своего собеседника.

Несколько продолговатое, худощавое лицо Макгрегора, с нависшими бровями и рыжеватыми волосами, дышало искренностью и простотой. Серые глаза смотрели открыто и прямо. Макгрегор внушал доверие, и Степан с облегчением подумал: «Пожалуй, это действительно англий-

ский коммунист… К тому же, какие у нас могут быть с ним дела? Не военными же секретами нам обмениваться!»

А Макгрегор продолжал:

— Я очень рад, что мне представился случай приветствовать советских людей в Багдаде. Я весь в вашем распоряжении… Чем могу служить?

Степан вкратце рассказал Макгрегору, куда они направляются, и попросил помочь поскорее получить билеты на автобус Багдад—Дамаск.

Макгрегор посмотрел на часы с черным циферблатом и стремительно бегущей по нему серебряной секундной стрелкой и сказал, что сегодняшний автобус уже ушел, на завтрашний все билеты, безусловно, распроданы, но послезавтра, 10 ноября, они смогут уехать.

Степан попросил Макгрегора порекомендовать ему какой-либо подходящий отель. Перебрав названия двух-трех гостиниц, англичанин вдруг воскликнул:

— Мне сейчас вот что пришло в голову! Зачем вам останавливаться в отеле? Поедемте лучше ко мне. Я живу здесь в доме дальней родственницы, жены одного крупного английского военного. Ее муж сейчас находится в Басре, и она с дочерью поехала навестить его. Дом пуст, в нем много

свободных комнат. Хозяйство ведет старушка экономка. Есть еще девочка, племянница моей родственницы, но она вас не стеснит. А мне доставит большое удовольствие оказать гостеприимство товарищам из Советского Союза.

— Как бы мы не обременили вас… — нерешительно заметила Таня.

— О нет! Что вы, что вы! — запротестовал Макгрегор. — Для меня большая честь принимать у себя таких гостей.

Полчаса спустя Петровы и Потапов уже входили в дом, где жил Макгрегор. Это был большой коттедж английского типа с садом и несколькими запасными спальнями для гостей.

— Люсиль, где ты? — крикнул Макгрегор.

Со второго этажа сбежала девочка лет двенадцати — тоненькая, быстрая, чем-то напоминавшая стрекозу. Ее нельзя было назвать красивой, но, грациозная, легкая, с живым и подвижным лицом, на котором мгновенно отражалось каждое впечатление, она казалась прелестной. Особенно привлекало необычное сочетание ярко-синих глаз с черными волнистыми волосами.

Увидев чужих людей, девочка на мгновение остановилась. Макгрегор потянул ее за руку и с улыбкой сказал:

— Ну, что же ты? Принимай друзей из Советского Союза!

Люсиль внимательно оглядела гостей и с ноткой недоверия в голосе спросила:

— Неужели вы действительно прилетели из Советской России?

— Да-да, прямо из Москвы, — рассмеялась Таня.

После того как гости разместились по комнатам и помылись с дороги, все уселись за ленч[1]. Появилась старушка экономка. Вид у нее был смущенный и даже испуганный. Видимо, она не знала, как вести себя со столь необычными гостями.

Стол был накрыт по-английски: около каждого прибора лежал целый арсенал ножей, вилок, ложек, ложечек — для каждого кушанья отдельно — и стояли солонка и несколько бокалов, специально для каждого сорта вина. На каждом приборе лежала белоснежная, слегка накрахмаленная салфетка. «Если столько посуды, то сколько же будет еды!» — не без удовольствия подумал Потапов, изрядно проголодавшийся, да и вообще любивший плотно поесть.

---

[1] Примечания: 1

Ленч — второй завтрак, который у англичан сервируется в час дня.

Однако он сильно обманулся в своих ожиданиях. На завтрак подали бараньи отбивные с гарниром, вареную рыбу, компот из ревеня и на закуску сыр. Потом пили кофе. Казалось бы, не так уж мало. Но порции! Порции были просто микроскопические, кукольные, а хлеба пришлось по два тоненьких ломтика на человека. Все кушанья были приготовлены без соли: считалось, что каждый посолит по своему вкусу из своей солонки. Отодвигая пустую чашечку из-под кофе, разочарованный Потапов вполголоса сказал по-русски:

— Помножить бы всю эту еду на четыре… — и с опаской взглянул на Макгрегора: уж не понимает ли он по-русски?

Во время ленча Люсиль внимательно рассматривала московских гостей, следила за каждым их жестом. А Таню она просто пожирала глазами, хотя старалась равнодушно отвести свой взор всякий раз, как только Таня взглядывала на нее.

После ленча Макгрегор спросил:

— Как бы вы хотели провести время?

— Покажите нам Багдад, — за всех попросил Степан.

— Багдад! Гарун-аль-Рашид! «Тысяча и одна ночь»!.. — мечтательно сказала Таня.

— Что ж, поедем, — согласился Макгрегор. —

Только заранее предупреждаю: вы будете сильно разочарованы.

— Можно мне тоже поехать? — умоляюще протянула Люсиль. Девочка очень боялась отказа.

— Пожалуйста! — сразу ответили Макгрегор и Таня.

В автомобиле Люсиль оказалась рядом с Таней и все время сидела, крепко прижавшись к ней.

Макгрегор оказался прав: столица Ирака — Багдад 1942 года — ничем не напоминала волшебный Багдад средневековья.

Город раскинулся по обе стороны реки Тигр, вдоль плоских, голых, накаленных горячим солнцем берегов. Центр находился на восточном берегу: здесь были правительственные здания, иностранные посольства, крупнейшие магазины, главные мечети. Это был сегодняшний день Багдада. На западном берегу будто застыл вчерашний день города: здесь медленно умирали в руинах призраки далекого прошлого. А ведь когда-то именно на этом берегу Тигра билось сердце Багдада. Именно здесь шумела яркая, пестрая, живая столица Гарун-аль-Рашида. Но это было одиннадцать веков назад! Сегодня тут уныло лепились полуразвалившиеся хижины да лениво бродили между ними голодные, облезлые

собаки…

В городе были две-три широкие улицы европейского типа, десяток-другой больших зданий. Все остальное очень напоминало старый Тегеран. Пыльные, немощеные улицы, на которых едва могут разойтись два встречных ослика, крохотные лавочки и харчевни, полуголые ребятишки с язвами на теле, больные трахомой, женщины в паранджах, сгибающиеся под тяжестью своих нош, и главное — базары, базары, нищие, пестрые и пахучие восточные базары.

В Багдаде была старинная цитадель, были мечети, караван-сараи... Но все это не отличалось

ни особой древностью, ни особой красотой — все, кроме Тигра, легендарной реки библейских сказаний. Впрочем… «Далеко Тигру до нашей Невы», — подумал Петров, с нежностью вспомнив многоводную северную красавицу.

Макгрегор стал пояснять, входя в роль гида:

— Багдад — очень древний город: ему около четырех тысяч лет. Он многих владык видел на своем веку: вавилонян, египтян, арабов, монголов, персов, турок, англичан… Самой блестящей эпохой в истории Багдада были примерно три столетия — от девятого до двенадцатого века нашей эры: время Гарун-аль-Рашида и его наследников. Арабские хроники передают, что население Багдада в те времена доходило до двух миллионов человек, а по расцвету искусств, наук, литературы Багдад соперничал с испанской Кордовой. Но потом, в начале шестнадцатого века, пришли турки и все разрушили. Они разрушили и город, и замечательную систему искусственного орошения, на которой покоилась до того экономика страны; они перебили и увели в рабство бóльшую часть населения. От этого удара Багдад уже больше никогда не мог оправиться… А в двадцатом столетии сюда пришел британский империализм. Он тоже сделал свое дело. Резуль-

таты — перед вами…

Когда прогулка по Багдаду была закончена, заехали в большое кафе европейского типа. Пили кофе с ликером, ели пирожные.

Вдруг Люсиль, которая почти все время помалкивала, взволнованно обратилась к Макгрегору:

— Можно мне подойти, к тому столику?.. Там сидят мои знакомые девочки с мамой.

Получив разрешение, она быстро скользнула между столиками кафе и присоединилась к своим подругам.

Макгрегор засмеялся:

— Ну, теперь Люсиль сделает полный доклад о вас и мамаше и дочкам.

Действительно, девочка с большим жаром что-то рассказывала своим знакомым, а ее подруги осторожно и как бы невзначай бросали в сторону русских любопытные взгляды.

— Славная девочка! — улыбнулся Степан. — И такая живая! Я представлял себе английских детей немного флегматичными.

— Да ведь Люсиль не чистокровная англичанка, — ответил Макгрегор. — Ее отец шотландец, а мать гибралтарка.

— Гибралтарка? — удивился Степан и даже перевел это открытие Потапову, который, не зная

языка, сидел и размышлял о чем-то своем.

— Да… вы, конечно, не знаете… — усмехнулся Макгрегор. — Что такое Гибралтар? Это скала, занимающая три квадратные мили. Со всех сторон она окружена Испанией, и на протяжении двух с половиной веков[2] там происходило естественное смешение национальностей. В результате возникла особая этническая группа — гибралтарцы. Но, видимо, испанская кровь оказалась сильнее английской: почти все гибралтарцы брюнеты и отличаются большой живостью характера. Отец Люсиль, гидроинженер, в молодости служил в Гибралтарском порту. Там-то он и нашел себе жену.

Когда все вернулись домой, Люсиль, несмело подойдя к Тане, спросила:

— Миссис Петрова, не хотите ли вы посмотреть мое хозяйство?

— О, у тебя, оказывается, есть свое хозяйство! Конечно, я хочу на него взглянуть.

Люсиль сразу повеселела, взяла Таню за руку и повела в сад, расположенный за домом. Здесь к девочке радостно бросился белый остроносый шпиц. Высоко прыгая, он норовил лизнуть Лю-

---

[2] Примечания: 2
Англия оккупировала Гибралтар в 1704 году.

силь в нос. А она весело отбивалась и кричала:

— Дэзи, Дэзи, постой!.. Тише, тише!

Потом все втроем — Люсиль, Таня и присмиревший Дэзи — подошли к клумбе с яркими и пестрыми цветами.

— Это моя клумба! — с гордостью заявила Люсиль. — Я сама ее вскапывала, сажала цветы, выпалывала сорняки…

Неподалеку от клумбы бил фонтан. Струи его падали в мраморный бассейн с золотыми рыбками.

Девочка вытащила из кармана хлебные крошки и стала бросать их в воду. Рыбки метнулись к добыче и закружились веселой стайкой.

Вдруг девочка как-то странно свистнула и прислушалась. Снова свистнула… Листья зелени под одним кустом зашевелились, из-под них выползла большая черепаха. Медленно, вразвалку приближалась она к Люсиль и, вытянув змеиную шею, смотрела на девочку черными глазками.

— Я ее зову Баба, — сообщила Люсиль, присаживаясь на корточки подле черепахи. — Она очень старая. Говорят — ей больше ста лет. — И, похлопав ладошкой по крепкому клетчатому панцирю, ласково сказала: — Подожди, Баба, немножко. Я тебе скоро принесу что-то очень вкусное…

Люсиль подняла на Таню свои большие синие глаза и сообщила:

— У меня есть еще еж. Колючка… Но он показывается только вечером или ночью, а днем его ни за что не найти… А теперь, миссис Петрова, пойдемте в мою комнату, — мне хочется все показать вам, все мои вещи!

— Ну что ж, пойдем, — согласилась Таня.

В большой и светлой комнате Люсиль стояли две кровати, покрытые белоснежными одеялами. В углу был шкаф для платья, а напротив висело длинное и узкое зеркало. На маленьком столе находились письменные принадлежности и две вазы с цветами. Над столом висела книжная полка. Все было чисто, уютно и как-то особенно свежо.

А что ты сейчас читаешь? — спросила Таня.

— Я люблю Киплинга, — ответила девочка и, взяв со стола книжку, протянула ее Тане. — Особенно мне нравится рассказ «Elephant Boy»[3].

— А Диккенса ты знаешь? — поинтересовалась Таня.

— Мистер Макгрегор недавно дал мне прочитать «Оливера Твиста». Но там все так печально…

---

[3] Примечания: 3

«Мальчик — погонщик слонов». Есть фильм того же названия.

— разочарованно протянула Люсиль.

— А русских писателей ты читала?

— Русских? — Девочка задумалась, но потом, видимо вспомнив что-то, радостно закивала головой. — Мистер Макгрегор дал мне рассказы Горького… Очень интересно! Мне особенно понравилось, как один человек вырвал свое сердце и бежал с ним по лесу, а из сердца сыпались искры. Обязательно прочитайте про это! — любезно посоветовала она Тане. — Но только… как же он это сделал? Ведь ему было очень больно… — Она помолчала, смешно наморщила в раздумье высокий лоб. И вдруг, позабыв и о Горьком и о Киплинге, Люсиль спросила: — Как ваше имя, миссис Петрова?

— Татьяна.

— Татиана? — медленно повторила Люсиль, точно прислушиваясь к звукам этого слова. — Татиана… Очень красивое имя! — И, что-то вспомнив, весело воскликнула: — Вы шутите, миссис Петрова! Вас зовут не Татиана… Ваш муж зовет вас как-то иначе.

— Мой муж? — рассмеялась Таня. — Да, он зовет меня Таня. Это по-русски уменьшительное от Татьяны.

— Танья?

— Не Танья, а Таня. Повтори.

Но, сколько Люсиль ни повторяла, иначе у нее не получалось. Только «Танья».

Она снова затихла, потом неожиданно бросилась к Тане и прошептала ей прямо на ухо:

— Я люблю вас, миссис Петрова! Можно мне звать вас Танья?

— Конечно, можно!..

Таня была тронута теплотой этой милой девчурки и, точно желая чем-то ответить на порывистое проявление детской сердечности, сказала:

— А у меня есть сын… Ему четыре года.

Она вынула из сумочки фотографию Вани и показала ее Люсиль. Та долго рассматривала карточку и потом горячо воскликнула:

— Чудесный мальчик! Вот бы мне с ним повозиться! Я очень люблю маленьких!

Экономка позвала их обедать, а после обеда все пошли в гостиную. Там стояло пианино, и Таню как-то невольно потянуло к нему — она очень любила музыку, а в Москве в последние годы играть удавалось редко: работа, семья, ребенок…

Мелодии Глинки и Чайковского странно звучали в этом далеком восточном городе, с минаретами и базарами, с древней рекой, по берегам которой, казалось, бродили тени Адама

и Гарун-аль-Рашида.

Люсиль сидела очень тихо, и трудно было решить, устала ли она или просто внимательно вслушивается в незнакомые напевы. Русская гостья, казавшаяся девочке такой необыкновенной, нравилась ей все больше и больше.

Когда Таня беззвучно закрыла крышку пианино, Люсиль подошла к ней, обвила ее шею руками и тихонько спросила:

— Вы будете спать в моей комнате, Танья? Я прошу вас! — И, точно боясь, что Таня не согласится, быстро добавила: — Вы видали?.. В моей комнате стоит и другая кровать. На ней спала моя кузина Клер, но сейчас она уехала со своей мамой в Басру…

Когда поздно вечером Таня начала укладываться, Люсиль подошла к ней и стала очень внимательно рассматривать ее вещи. Она даже пробовала их на ощупь. Потом с видом явного недоумения Люсиль пробормотала:

— Значит, русские женщины одеваются так же, как и английские? А я думала…

— Что же ты думала? — смеясь, перебила ее Таня.

Я думала… Моя тетя говорила, что русские — это дикари, и женщины у них одеваются, как мужчи-

ны, и нельзя понять, кто мальчик, кто девочка… Она не любит русских… Мистер Макгрегор с ней часто спорит.

— А ты? Ты любишь русских? — спросила Таня.

— Русские — храбрые! — ответила Люсиль. — Я это знаю. Я люблю русских! Они победят немцев. Правда, Танья?

— Да, Люсиль, — серьезно сказала Таня. — Русские — храбрые. Они победят немцев. И, если бы я была в России, я бы тоже ушла на фронт.

— Вы? — изумленно переспросила Люсиль. — Но разве вы солдат? — И она даже рассмеялась, думая, что Таня просто шутит.

Но Таня так же серьезно продолжала:

— Нет, я не солдат… Я доктор и до отъезда работала в госпитале, лечила раненых.

— Вы доктор? — еще больше изумилась Люсиль.

Она была почти потрясена этим открытием. Потом помолчала несколько мгновений, внимательно вглядываясь в Таню, и вдруг воскликнула:

— Когда я вырасту, я тоже буду доктором!

Наконец Люсиль успокоилась и легла в постель. Таня выключила свет и стала постепенно засыпать. В комнате царила тишина, лишь слег-

ка нарушаемая журчанием фонтана за окном. Вдруг Люсиль вскочила с постели и, перебежав босиком через комнату, торопливо шмыгнула под одеяло к Тане.

— Танья! Танья! Что я придумала! — быстро-быстро зашептала она.

— Что же ты придумала? — полусонным голосом спросила Таня.

Проглотив от волнения слюну, Люсиль все так же шепотом выпалила:

— Я поеду с вами в Каир!

— В Каир? — не поняла Таня. — Но зачем в Каир?

— Как — зачем? — в свою очередь, удивилась Люсиль. — Там ведь мои папа и мама!.. Я приезжала в Багдад только в гости к тете Нэнси… Вы возьмете меня с собой?

— Конечно, возьмем, — ответила Таня и, подумав мгновение, уже менее уверенно прибавила: — Если тебя отпустят с нами…

— Отпустят! Отпустят! — закричала Люсиль и радостно запрыгала на постели. — Тети Нэнси нет, а мистер Макгрегор меня отпустит!

И, словно в благодарность, она крепко обвила Таню своими худенькими, но крепкими руками.

…А в комнате Петрова в это время происходил

разговор совсем иного рода.

— Я очень рад, — говорил Макгрегор, попыхивая трубочкой, — что узнал от вас об истинном положении дел в Советском Союзе. Конечно, я и раньше кое-что знал, но то, что вы мне рассказывали, сделало картину более живой, яркой, конкретной. Самое важное то, что русский народ не «потерял сердца», как говорим мы, шотландцы. Это фактор огромного значения! Раз вы не «потеряли сердца» — вы выиграете.

— Я в этом не сомневаюсь, — подтвердил Петров. — Весь вопрос лишь в сроке и в цене, которую нам придется заплатить за победу.

Несколько мгновений в комнате царило молчание. Затем Петров сказал:

— Если позволите, товарищ Макгрегор, я хотел бы задать вам вопрос, который меня уже давно интересует. Можете ли вы мне объяснить, почему Британская компартия до сих пор не стала массовой партией английского пролетариата? Ведь ей от роду больше двадцати лет. Неужели молодое поколение английских рабочих смотрит на мир так, как смотрели старики, выросшие еще в эпоху английского «процветания»? Неужели из его среды не поднимаются новые люди, новые вожди, понимающие истинную правду истории?

Макгрегор набил табаком свою трубку, закурил и затем начал:

— Вы спрашиваете, не выдвигает ли молодое поколение английских рабочих новых людей, понимающих, что вне коммунизма для трудящихся не может быть освобождения. Несомненно, такой процесс идет, но... но темпы этого процесса довольно медленные... Господствующий класс Англии все еще обладает большим искусством по части «приручения» пролетариата...

— В общей форме, — перебил Макгрегора Петров, — я и раньше слышал об особом умении английской буржуазии воздействовать на пролетариат. Но в чем конкретно это выражается?

— Конкретно? — повторил Макгрегор. — Прежде всего в культе традиций. Вот пример: в 1605 году произошел «пороховой заговор»; католические противники короля Якова Первого решили взорвать парламент в день его открытия. Вместе с парламентом должен был погибнуть и присутствовавший на заседании король. Во главе заговора стоял офицер Гай Фокс. Он спрятал в подвалах парламента бочки с порохом, которые в условленный момент должны были взлететь на воздух. Но заговор был открыт, и Гай Фокс заплатил за свою попытку жизнью. С тех пор

прошло больше трех веков, но и сейчас перед началом каждой сессии стража с фонарями в руках спускается в подвалы парламента и смотрит, нет ли там бочек с порохом… Смешно? Конечно, смешно! И вместе с тем не смешно. Для чего это делается? Для поддержания культа традиций! Культ традиций очень полезен господствующему классу. На нем держится много реакционного, что давно следовало бы вывезти на свалку. Вот вам еще один пример. Знаете ли вы, что генеральные секретари тред-юнионов — английских профсоюзов — несменяемы?

— То есть как — несменяемы? — не понял Петров.

— А так! Если профсоюзный лидер однажды избран на должность генерального секретаря, этот пост сохраняется за ним пожизненно.

— Но ведь это же чепуха! — воскликнул Петров. — Ну, а как быть, если генеральный секретарь не справился со своей работой? Если он переродился, стал бюрократом?

— Как быть? — усмехнулся Макгрегор. — В таком случае английские рабочие ворчат и ждут. Ждут, пока генеральный секретарь не выслужит пенсии, не уйдет в отставку по болезни или не умрет.

— Да-а-а… — протянул Петров. — Порядки, прямо скажем, странные!

— Согласен с вами: странные порядки, — подтвердил Макгрегор. — Но откуда они? Опять-таки оттуда же: традиции! Сила традиций способствует тому, чтобы молодое поколение английских рабочих не слишком отрывалось от взглядов и настроений своих отцов.

Макгрегор встал и зашагал по комнате.

— Далее… Искусство английской буржуазии воздействовать на пролетариат выражается и в поддержании культа компромисса. Вот уже почти полтора века, как ее основной тактический маневр — это небольшая уступка массам за пять минут до революционного взрыва. Конечно, уступки минимальные, но все же такие, которые могут предупредить взрыв. Так было в дни борьбы за избирательную реформу в начале прошлого века, так было в эпоху чартизма и во многих других случаях. Отсюда же идет и политика «подкармливания» верхушки пролетариата за счет колониальных и иных сверхприбылей, которую систематически проводит наша буржуазия… Впрочем, об этом уже много писали Маркс и Ленин.

— Да, о системе «подкармливания» я слышал

не раз, — подтвердил Петров.

— Что же касается формирования новых, молодых вождей, — с волнением заговорил Макгрегор, — то, знаете ли, я лучше расскажу вам о том, как буржуазия обезглавливает английский пролетариат. О, конечно, она не рубит головы рабочим лидерам! Это имело бы как раз обратный результат. Не действует она и по-американски: получи пачку долларов — и дело с концом. Это было бы слишком грубо и примитивно. Английская буржуазия поступает гораздо тоньше, но именно поэтому ее метод гораздо опаснее.

— Что же это за дьявольский метод? — нетерпеливо перебил Петров.

— Расскажу, — отвечал Макгрегор, — но для этого я должен буду несколько злоупотребить вашим терпением… Итак, допустим, что в каком-нибудь провинциальном городе начинает выдвигаться способный руководитель тред-юнионов. Местные лидеры буржуазии — консерваторы и либералы — обращают на него внимание. Его приглашают выступить на каком-нибудь местном празднестве. Его просят прочитать несколько лекций о профсоюзном движении в местном «колледже для повышения образования». Его включают в комитет по раздаче спортивных премий. Ему

заказывают статью для местной газеты по какому-нибудь животрепещущему вопросу. Его жену местные дамы приглашают к себе на чай, а потом вводят в совет какого-нибудь благотворительного учреждения. О нем говорят в местных руководящих кругах: «Да, конечно, он социалист, но человек разумный и достойный уважения; он далеко пойдет». К популярности присоединяются некоторые материальные блага: тред-юнионистскому лидеру предоставляется возможность на льготных условиях приобрести для себя коттедж; за лекции и статьи ему платят гонорар. На ближайших выборах он проходит в члены муниципалитета от лейбористской партии. Это еще больше сближает его с кругами местной буржуазии. Несколько лет жизни в такой атмосфере, несколько лет такой школы постепенного «обволакивания» — и профсоюзный лидер начинает «приручаться». Теперь ему начинает казаться, что мир не так уж плох, что тред-юнионы и парламент — это, в сущности, все, что требуется трудящимся для достижения всех стоящих перед ними целей. Ведь он не марксист! А те теории, которые он иногда слышит, толкают его как раз в сторону таких взглядов… Допустим далее, что местный тред-юнионистский лидер в

порядке продвижения по профсоюзной лестнице попадет в крупный промышленный центр. Здесь он вторично проходит школу буржуазного «обволакивания», но уже на более высоком и более опасном уровне — ведь тут и люди покрупнее, и соблазнов больше, и возможности хорошо устроиться шире… Допустим, наконец, что еще через несколько лет такой, как у вас говорят, «выдвиженец» попадает в Лондон в качестве депутата парламента или члена центрального правления своего союза. В столице он проходит школу «обволакивания» в третий раз — уже на самом высоком и самом опасном уровне. Так скажите, пожалуйста, многие ли рабочие лидеры могут безнаказанно перенести эту многолетнюю бомбардировку буржуазными идеями, обычаями, традициями, вкусами, соблазнами? В особенности с учетом того, что такая бомбардировка не встречает противодействия в революционно-марксистском мировоззрении, которого у них нет!

Макгрегор все больше волновался и все больше курил.

— Наши зарубежные товарищи, — продолжал он, — нередко представляют себе всех лейбористских и тред-юнионистских лидеров как

сознательных предателей дела трудящихся. Это слишком примитивно! Конечно, среди них иногда попадаются законченные негодяи, которые продались буржуазии за деньги и милости. Но их не так-то много, и борьба с ними сравнительно легка… Есть лидеры иного типа: субъективно это честные люди, и по мере своего ограниченного разумения они стараются служить интересам пролетариата; объективно же это вредные люди, так как их разумение не марксистско-ленинское, а оппортунистическое, толкающее на гнилые компромиссы с буржуазией. Таких лидеров большинство. Они нередко пользуются крупным влиянием на рабочих, и борьба с ними значительно труднее, чем с открытыми изменниками делу пролетариата. Характерным представителем этого типа лидеров является, между прочим, и отец нашей маленькой Люсиль, Маклин. Выходец из кругов демократической интеллигенции, он с большим трудом — не хватало средств! — стал гидроинженером и, вероятно, так и остался бы навсегда незаметным работником в своей области, если бы не ударился в политику. А как только он стал играть видную роль в шотландской лейбористской верхушке, щупальца буржуазного «обволакивания» протянулись к нему. В резуль-

тате он сделал хорошую карьеру как инженер и сейчас находится в генеральских чинах. Он, конечно, оппортунист, но считает себя левым лейбористом. Я знаю его по Шотландии. Вы сами увидите его в Каире.

— А как отец Люсиль попал в Каир? — поинтересовался Петров.

— Случайность войны! — ответил Макгрегор. — В момент объявления войны он путешествовал с семьей по Египту. Там его мобилизовали и оставили работать на Суэцком канале. Между прочим, я рекомендую вам с ним познакомиться. В частной жизни это неплохой человек, и к Советскому Союзу он относится отнюдь не враждебно. В случае нужды вы всегда сможете обратиться к нему за содействием.

Макгрегор задумался и потом сказал, как бы желая подвести итог беседе:

— Теперь, я полагаю, вы имеете некоторое представление об условиях и обстановке, в какой приходилось и приходится развиваться нашей компартии. Надо ли удивляться тому, что она до сих пор не могла стать массовой партией?

— Ну, а как вы оцениваете перспективы на будущее? — спросил Петров.

— Я оптимист! — с улыбкой ответил Макгрегор.

— И потому я думаю, что так или иначе, но коммунистическое влияние в конце концов пропитает английское рабочее движение. Однако для этого нужно время. Вы говорите, что наша компартия существует уже свыше двадцати лет. Верно! Но британские тред-юнионы существуют уже почти двести лет! Я не хочу, конечно, сказать, что для победы коммунистических идей тоже потребуется двести лет, — нет, нет! Сейчас история шагает быстро. Но все-таки никогда нельзя забывать о разнице в возрасте компартии и тред-юнионов. Это важный фактор!

— На чем же вы основываете свой оптимизм? — спросил Петров.

— На том факте, что после первой мировой войны и вашей Октябрьской революции международные позиции британского империализма заметно ослабели. Британским колонизаторам все труднее эксплуатировать народы и страны. Рост национально-освободительных движений среди угнетенных народов британских колоний все больше дает себя знать. В силу этого «сверхприбыли» английской буржуазии постепенно падают и в дальнейшем будут еще быстрее падать. Стало быть, будет все больше ослабевать ее разлагающее влияние на «рабочую аристокра-

тию». В то же время острота классовой борьбы будет становиться все ощутимее. Даже сейчас уже есть симптомы этого: совсем недавно генеральным секретарем Федерации горняков был избран коммунист Артур Хорнер. Первый случай в двухсотлетней истории английского тред-юнионизма! А ведь это один из важнейших профсоюзов страны: в нем семьсот тысяч человек! — И Макгрегор с глубоким убеждением еще раз воскликнул: — Нет! Нет! Я оптимист, и я верю в торжество коммунистических идей в английском рабочем движении! Нужно только время…

Настойчиво зазвонил телефон. Макгрегор взял трубку. Послушав с минуту, он сказал:

— Приходите сейчас ко мне, принесите сводки.

И, обернувшись к Петрову, пояснил:

— Мне сообщили последние известия с аэродрома. Ничего экстренного нет, но я попросил все-таки доставить мне сводки на дом: я хочу познакомить вас с Хикметом, молодым иракским офицером, который их принесет. Он прикомандирован к нашей части в качестве связного с иракской армией. Очень интересный человек и, как мне кажется, обещающий много в будущем, если уцелеет…

— Если уцелеет?.. Что вы имеете в виду? — спро-

сил Петров.

— Во-первых, иракские войска тоже принимают участие в нынешней войне. Лейтенант Хикмет может погибнуть в боях… Во-вторых, — и это гораздо более опасно — Хикмет может стать жертвой Нури-Саида и его банды.

— А кто такой Нури-Саид? — заинтересовался Петров. — Я где-то в печати встречал это имя, но не помню, где и по какому поводу.

— Нури-Саид, — стал объяснять Макгрегор, — это цепная собака Лондона в Багдаде. Он занимал разные посты в администрации Ирака, но независимо от своего официального положения Нури-Саид всегда был и остается местным диктатором, творящим волю британского империализма плюс наиболее реакционных элементов иракской знати и духовенства. Установленный им внутренний режим — это режим жесточайшего террора и беспощадного преследования всего, что есть в стране прогрессивного. В средствах Нури-Саид не стесняется…

— Но почему режим Нури-Саида может угрожать чем-либо офицеру иракской армии? — удивился Петров. — Ведь этот режим, вероятно, держится прежде всего на армии и ее офицерстве.

— Положение несколько сложнее, чем вы думаете, — ответил Макгрегор. — Конечно, режим Нури-Саида держится на армии, однако сама армия отнюдь не является каким-то монолитом. Среди молодого офицерства есть различные демократически-прогрессивные течения и группировки, сейчас большинство из них в подполье, но они существуют и в определенный момент некоторые из них могут оказаться очень опасными для Нури-Саида… Его режим неизбежно должен вызывать и действительно вызывает все растущую оппозицию со стороны широких масс крестьянства, рабочих нефтяных промыслов, некоторых кругов буржуазии и интеллигенции… А ведь офицерство — это в условиях Ирака, да и других восточных стран очень важная группа интеллигенции, имеющая к тому же в своих руках организованную ударную силу… Разумеется, головы офицерства сильно забиты всякой реакционной трухой, но и тут имеются более здоровые элементы, особенно среди молодежи… Любопытным образчиком такой молодежи является лейтенант Хикмет, которого вы сейчас увидите… Мы с ним находимся в дружеских отношениях и, хотя мне, естественно, приходится соблюдать большую осторожность в разговорах с ним, все-

таки я явственно ощущаю, что Хикмет весьма критически расценивает Нури-Саида и как-то невольно тянется ко мне… Видимо, чувствует, что, несмотря на мой английский мундир, я не горю страстью к британскому империализму.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел лейтенант Хикмет. Это был стройный, худощавый юноша лет двадцати двух, одетый в хаки, с продолговатым лицом, небольшими усиками над верхней губой и ярко блестящими черными глазами. Вся фигура молодого офицера была крепкая, собранная, подтянутая. В нем чувствовались воля, энергия, решительность и вместе с тем какая-то сугубая настороженность, точно он все время ходит узкой тропинкой по краю пропасти.

Увидев, что Макгрегор не один, Хикмет чуть-чуть смутился и остановился в нерешительности. Макгрегор пожал ему руку и с улыбкой проговорил:

— Позвольте познакомить вас с моим другом — советским капитаном Петровым… Он только сегодня прилетел из Москвы и послезавтра отправляется дальше.

Ни один мускул не шелохнулся на лице молодого офицера, но глаза сразу загорелись ярче и теплее. Он обменялся с Петровым официальным

рукопожатием и затем, по приглашению Макгрегора, осторожно присел на стул.

— Вы часто спрашивали меня, — обратился Макгрегор к Хикмету, — что такое Советская Россия? Вот теперь вы можете узнать все, что вас интересует, из первоисточника. Не стесняйтесь! Капитан Петров охотно ответит на ваши вопросы.

Хикмет был несколько смущен и с минуту молчал прежде, чем решился что-либо спросить у советского гостя. Потом он все-таки осмелел и сказал:

— Я слышал, что в вашей стране все народы равноправны. Это верно?

Когда Петров ответил на первый вопрос, Хикмет задал второй, потом третий, четвертый… Хикмета интересовало все — и Советская Армия, и советская промышленность, и советское образование, и богатства советских недр… Он хотел знать, как управляется советская страна, кто такие ее «большие начальники», как живут советские крестьяне, в какую веру верят русские, и многое, многое другое. Час пролетел незаметно, затем Хикмет поднялся и с дружеским поклоном в сторону Макгрегора произнес:

— Я вам очень благодарен, за то что вы дали

мне возможность встретиться с сыном великой северной страны.

Когда Хикмет, тепло попрощавшись с Петровым, вышел, Макгрегор сказал Степану:

— Вот видите, какие люди встречаются среди иракских офицеров… Конечно, их пока немного и мысли у них в голове еще смутные и неясные, но это семя будет постепенно зреть и в конце концов даст богатый урожай… Когда?.. Затрудняюсь сказать определенно, но, возможно, скорее, чем многие думают.

Петров рассказал Потапову о своих беседах с Макгрегором и Хикметом.

— Какая жалость, что я не знаю английского языка! — воскликнул Потапов. — Сколько интересного пропускаешь… А немецкий язык — на что он мне?

— Как «на что»? — возразил Степан. — В Швеции он тебе еще как пригодится!

Потапов на мгновение задумался, потом вдруг хлопнул тяжелой ладонью по столу и решительно заявил:

— Вот что!.. С сегодняшнего дня начинаю изучать английский язык. Поможешь, Степа?

— Конечно! — откликнулся Петров. — И я и Таня — она ведь свободно говорит по-английски.

Глава третья
Арабские патриоты в Дамаске

Люсиль сидела, крепко прижавшись к Тане. Ее живые синие глазки беспокойно перебегали с предмета на предмет. Она была сильно взволнована: впервые в жизни ехала с чужими в дальнее путешествие по дальним незнакомым землям…

Автобус стремительно несся по широким просторам Сирийской пустыни. Он был длинен, высок, снаружи покрыт гофрированным серым металлом и походил на аэроплан без крыльев. Впереди, в закрытой кабине, сидели два шофера. Перед ними лежал компас, по которому они и вели машину; дороги не было. Автобус шел по ровному песчаному морю, которое ярко желтело под солнцем до самого горизонта. Однако почва была достаточно твердой, и тяжелые колеса не зарывались в песок, только вслед автобусу поднимались огромные тучи пыли. Принимая самые фантастические формы, они долго висели в неподвижном, раскаленном воздухе.

Сердце Люсиль то и дело сжималось от страха: куда мчится это стальное чудовище? Не разобьется ли оно о какую-нибудь каменную стену?

Не сорвется ли в какую-нибудь бездонную пропасть?

Девочка чувствовала рядом с собой теплое плечо Тани, и это несколько успокаивало ее. Она стала осматриваться кругом. В автобусе было не жарко — не то что на воздухе. А ведь как страшно пекло солнце, когда они выезжали из Багдада! Хорошо, что в автобусе есть машина для охлаждения воздуха…

Люсиль посмотрела на термометр, висевший на стене. Он показывал 68 градусов[4]. «Ну, это хорошо!» — подумала девочка. Потом ее заинтересовали сиденья. Они были подвижные. С помощью рычага сиденье несколько опускалось и спинка откидывалась назад. Тогда пассажир оказывался в полулежачем положении — можно было подремать.

Люсиль раза четыре опускала и поднимала свое сиденье, но, прищемив палец, прекратила эту игру и стала «исследовать» содержимое Таниной сумки с лекарствами. Когда надоело и это, она начала разглядывать пассажиров. Всего здесь было человек двадцать. Ближе к кабинке шоферов сидела группа английских военных. В заднем

---

[4] Примечания: 4

По Фаренгейту, употребляемому в Англии. По Цельсию — 20 градусов.

углу примостился толстый араб с широким, неподвижным лицом. С ним ехала невысокая, худая женщина, лицо ее было закрыто паранджой. Люсиль показалось, что этого араба она видела где-то в Багдаде — должно быть, в лавке... Среднюю часть автобуса занимали какие-то штатские господа, Они все время читали газеты. «Должно быть, из нефтяной компании», — подумала Люсиль.

В самом темном углу автобуса словно притаились две женщины, также под паранджой. Их сопровождал старик араб с длинной белой бородой и тюрбаном на голове. Слева от Люсиль дремала приятного вида дама с мальчиком лет пяти. Мальчик все время спрашивал:

— Мама, можно побегать?

Но бегать было негде.

С этим мальчиком Люсиль быстро установила дружеские отношения.

Проходил час за часом. За окнами автобуса было все то же: высокое синее небо, ярко палящее солнце и бесконечная ровная гладь рыжевато-желтого песка. Ни холмика, ни оврага, ни деревца, ни речки, ни человека, ни животного. Пустыня. Мертвая, бескрайняя, жгуче-беспощадная пустыня.

От скуки пассажиры начали знакомиться друг с другом. В разных углах автобуса завязывались нехитрые дорожные беседы.

Худощавый майор, сидевший впереди Петрова, отложил в сторону книгу, которую он читал, и громко произнес, ни к кому, впрочем, не обращаясь:

— Уж очень однообразный пейзаж!

— Это напоминает море, — откликнулся Петров. — Только море живое, оно находится в постоянном движении, а пустыня мертва. Какой-то вечный покой!

— Ну, далеко не вечный, — возразил майор. — Я как-то попал в самум — не дай бог! Едва жив остался. Право, не знаю, что страшнее — буря на море или буря в пустыне.

Майор оказался уроженцем Уэлса и, как все его соплеменники, очень живым и разговорчивым человеком. Он много лет прослужил на Ближнем Востоке и охотно рассказывал о своеобразной природе этого края, о нравах местных племен, о своих походах и приключениях, о переменах, совершившихся здесь за время войны. Но о чем бы он ни говорил, в самом его тоне, в словах, даже в выражении лица нельзя было не заметить какого-то высокомерного, даже презрительного

отношения к арабам.

В час дня молоденький стюард, почти мальчик, роздал пассажирам холодный ленч. В пять часов он же разнес чай с сандвичами и печеньем.

В середине дня автобус сделал остановку в небольшом оазисе. Пассажиры устремились на свежий воздух. Это оказалось ужасно! Все почувствовали себя так, точно их бросили в огненную печь. Начались ахи и охи, и кое-кто поспешил вернуться в прохладный автобус.

Степан с Таней решили все же осмотреть оазис: несколько арабских хижин, небольшая зеленая полянка с маленьким прудом посредине, свежий, холодный ключ, бьющий из-под земли, и вокруг него группа стройных высоких пальм с длинными остроконечными листьями.

В пустынных степях Аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли… —

улыбнувшись, продекламировал Петров. Таня тоже улыбнулась и понимающе кивнула головой.

Потом все вернулись на свои места, дверь герметически закрылась, и автобус вновь помчался вперед по линии, которую указывала стрелка компаса.

Когда стемнело, зажглись огни. Теперь со стороны могло показаться, что по бескрайним просторам пустыни, под черным небом, сверкающим яркими звездами, во мраке ночи несется какой-то сказочный дракон с десятками огненных глаз.

В Дамаск — столицу Сирии — приехали в десять часов утра. Степан быстро разыскал майора Квелча и вручил ему рекомендательное письмо от Макгрегора.

Квелч — высокий, плечистый, с энергичным и поразительно подвижным лицом человек — был адъютантом начальника местного гарнизона и пользовался значительным влиянием в английском военном аппарате.

Советских гостей он встретил очень любезно и сразу же устроил их в одной из лучших гостиниц города. Он обещал им автомобиль до Иерусалима, только, к сожалению, не завтра, а послезавтра, 12 ноября.

Петров был несколько огорчен еще одной задержкой, но вежливо смолчал.

Когда утром 11 ноября Квелч явился в отель проведать своих новых знакомых, его первый вопрос был:

— Скажите, где сейчас находится Московский

Художественный театр?

Петров удивленно посмотрел на Квелча. Меньше всего он ожидал, что ему придется разговаривать о МХАТе в далеком Дамаске, да еще с английским офицером.

Однако, вспомнив советы Косовского, он спокойно ответил:

— Художественный театр эвакуирован в глубь страны. Он находится в полной безопасности.

— Не обращайте внимания на это… — Квелч кивнул на свою военную форму. — Война заставила меня надеть офицерский костюм. До войны я был актером и большим поклонником Московского Художественного театра. Станиславский — мой театральный бог. Лет десять назад я был в Москве и видел спектакль «Дядя Ваня». Гениально!

И, хотя майор говорил чуть-чуть по-актерски, с излишней экспрессией, Таня, сама любившая МХАТ, сразу почувствовала к новому знакомому симпатию. Между ней и Квелчем завязался длинный и горячий разговор о московских спектаклях, о театре…

Квелч горько жаловался на упадок театрального искусства в Англии.

— У нас нет постоянных трупп, как у вас, —

говорил он. — У нас ведь как? Какой-нибудь антрепренер набирает труппу на сезон и стремится дать с ней побольше представлений, а кончится сезон — и труппе конец. Артисты рассыпаются и в новом сезоне играют уже в труппе какого-нибудь другого антрепренера. В общем, везде коммерция… Обидно! Ведь Англия — родина Шекспира…

— У нас Шекспир не сходит со сцены, — заметила Таня. — «Отелло», «Гамлет», «Много шуму из ничего», «Виндзорские проказницы» — наши любимые спектакли. Эти пьесы ставят не только в Москве, но и в провинции.

— Я знаю об этом, и это очень дорого нам, людям английского театра, — сказал Квелч. — Я бывал во многих странах, видел театры Парижа, Берлина, Нью-Йорка… Но скажу прямо: театральная столица мира — Москва! Я надеюсь, что после войны и у нас в Англии кое-что изменится в театральном мире. Во всяком случае, я буду бороться за великие идеи Станиславского.

Квелч помолчал немного и затем с мягкой, немного виноватой улыбкой прибавил:

— Я не коммунист, но русский театр заставил меня полюбить русский народ, многое понять в нем… Впрочем, что же я занимаю вас разгово-

рами! Вы, вероятно, хотите посмотреть Дамаск? Охотно буду вашим проводником. Я живу здесь больше года, знаю и город и его историю.

Квелч действительно хорошо знал Дамаск и мог рассказать о нем немало интересного.

— Происхождение Дамаска, — говорил Квелч, — теряется в легендарной древности. Никто точно не может сказать, когда он был основан, но, по-видимому, ему не меньше трех тысяч лет. Дамаск имеет очень пеструю историю, много раз переходил из рук в руки. В 1516 году он был завоеван турками и вплоть до 1918 года находился под их властью. Однако памятников прошлого в Дамаске осталось не так много.

Машина понеслась, и пестрая панорама города развернулась во всей своей красочности перед советскими путешественниками. Мелькали широкие мощеные улицы, красивые четырех- и пятиэтажные дома французского стиля, большие магазины, зеленые парки, фонтаны, мосты, телеграфные линии. Тане очень понравился бульвар «Маари», точно стрела пересекающий город и одним концом выходящий к оголенным склонам горы Джебел Касьюн, а Потапову понравилась живая и веселая Багдадская улица.

Петров расспрашивал Квелча о государствен-

ных и общественных зданиях — школах, арабской академии, парламенте, муниципалитете. Он попросил задержаться у Сирийского университета. Основанный в 1919 году, университет был расположен в большом здании с внутренним двором. Здесь было множество аудиторий, лабораторий, большая библиотека. Преподавание велось на арабском языке.

Да, Квелч был прав: Дамаск 1942 года являлся почти современным городом и мало походил на Багдад. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, сама история оказалась к Дамаску более милостивой, чем к Багдаду. Дамаск меньше предавался «огню и мечу» различными завоевателями прошлого. Во-вторых, в Сирии раньше и шире, чем в Ираке, развилось движение за независимость и национальное возрождение страны. Это помогало местному населению скорее усвоить то полезное, что давала европейская цивилизация.

Однако памятники легендарного прошлого еще сохранились в этом старинном городе Востока. Знаменитую мечеть Омайядов мусульмане до сих пор считают одним из «чудес света».

Когда машина остановилась у ворот этого храма, откуда-то из-за стены выскочил молодой

человек с развязными манерами и сразу же вошел в роль гида.

При входе в мечеть все сняли ботинки и едва успели надеть на ноги мягкие туфли, как молодой человек быстро, привычной скороговоркой, затараторил на хорошем английском языке:

— В римские времена на этом месте стоял храм

Юпитера. В конце четвертого века нашей эры император Феодосий Первый превратил храм Юпитера в христианскую базилику и построил церковь в честь Иоанна Крестителя. В 635 году Дамаск был завоеван арабами. Сначала этот храм был поделен между верующими двух религий: западная часть принадлежала христианам, восточная — мусульманам. Однако в начале восьмого века калиф Велид из династии Омайядов отменил такой порядок и на этом месте создал мечеть.

— Это верно — то, что он говорит? — тихонько спросила Таня у Квелча.

— В общем верно, — ответил Квелч, — но не совсем полно… Взгляните на ту стену.

— Да ведь это же христианские святые! — В изумлении воскликнула Таня.

Действительно, на темно-зеленом фоне стены отчетливо вырисовывались лица и фигуры, какие можно увидеть в православной церкви, — в длинных одеждах, с крестами на груди и золотыми венчиками вокруг голов. Сделаны они были прекрасно. Видимо, их творила рука настоящего мастера. Несмотря на разрушительное действие веков, роспись была цела и краски сохранили свою свежесть.

— Арабы средневековья, — объяснил Квелч, — были по-своему людьми с широким кругозором. Они завоевывали страны, но не уничтожали местные культуры, а включали некоторые их элементы в свою культуру. Так получилось, что вот эта случайно уцелевшая стена византийского храма стала стеной арабской мечети. Но не только это…

Квелч увлек всю группу внутрь мечети. Это было исполинское здание с высокими сводами, многочисленными приделами, притворами, переходами, колоннами, минаретами. Квелч говорил, что мечеть вмещает десять тысяч человек и что она — самая большая мечеть во всем мусульманском мире.

Наконец наши путешественники оказались перед сооружением, похожим на часовню, но расположенным внутри мечети. Тут было много молящихся. Все они благоговейно распростерлись перед часовней и, протягивая к ней руки, что-то шептали. Степана особенно поразил один древний старик с длинной седой бородой. Закрыв глаза, он медленно покачивался всем телом, и на бронзовом лице его застыло такое блаженство, будто он и впрямь оказался на небе и любовался гуриями рая.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Квелч и, не дожидаясь ответа, пояснил: — Это могила Иоанна Крестителя!

— То есть как? — воскликнул Степан. — Ведь Иоанн Креститель — христианский святой! Как могут поклоняться ему мусульмане?

— А вот подите же! — возразил Квелч. — Здешние мусульмане заявляют, что Иоанн Креститель — мусульманский святой. Они утверждают, что в этой часовне погребена его голова, а тело — в другом месте, у христиан. Но голова, по мнению мулл, — это главное! И потому муллы считают, что могила Иоанна Крестителя находится у мусульман. Видите, каким поклонением у правоверных она пользуется? Это еще раз говорит о том, что арабы средневековья не были узколобыми сектантами.

Из мечети Квелч повел своих гостей в расположенную тут же, поблизости, торговую часть Дамаска.

— Ну, а теперь, — весело сказал он, — вам следует купить какие-либо сувениры на память о Дамаске! — И, многозначительно взглянув на Петрова и Потапова, уверенно добавил: — Вы люди военные и, конечно, захотите захватить с собой по хорошему кинжалу из знаменитой

дамасской стали.

И Квелч уверенно двинулся в темный, узкий переулок. На пороге одного из маленьких, подслеповатых домов они увидели пожилого сирийца почтенного вида.

— Хозяин этой лавочки клялся мне аллахом, — говорил Квелч, — будто его «фирма» существует уже пятьсот лет и будто бы он представляет двадцатое поколение оружейных мастеров. Не уверен, что это так, но кинжалы у него замечательные.

В лавочке было темно, грязно, пахло мышами. Но Квелч оказался прав: сталь кинжалов была превосходна.

Когда все вновь вышли на улицу, Таня запротестовала:

— Мужчины купили сувениры — ну, а мы, женщины?..

— Найдутся сувениры и для дам, — успокоил ее Квелч. — Дамаск славен не только мастерами стали, но и мастерами несравненных парчовых изделий.

— Хочу дамасской парчи! — задорно воскликнула Таня.

Четверть часа спустя она выходила из магазина, держа сверток с куском чудной парчи синего

цвета. Люсили купили халатик — светло-голубой, так как она уверяла, что это «ее цвет».

— Я интересуюсь арабским миром, — сказал Квелч, когда, оставив Таню, Люсиль и Потапова в гостинице, они со Степаном вновь оказались в машине. — Может быть, это потому, что после целого года пребывания в Дамаске я пришел к выводу, что мы сидим здесь на вулкане. Я не знаю, когда этот вулкан начнет действовать, может быть, еще не так скоро, но вулкан пробуждается. В этом не может быть никакого сомнения. И я ни за что не поручусь, когда окончится война... Впрочем, лично меня это мало касается: как только я сброшу военный мундир, уеду в Англию и вернусь опять на сцену. Будет, пожалуй, жаль оставить Сирию, я привык к арабам и сочувствую им. А вот кого не выношу — так это местных французов и англичан! Сколько от них арабы натерпелись!..

Дорога вилась между красивыми холмами, заросшими дубами и лаврами. Мелькали селения, речки, мосты, оливковые рощи, виноградники. Изредка попадались финиковые пальмы и олеандровые заросли. Наконец машина остановилась около большого сада, заросшего абрикосовыми деревьями и яблонями.

Выходя из автомобиля, Квелч сказал:

— Вы сейчас познакомитесь с моим другом — Селимом Хабибом. Это старый профессор, знаток арабских древностей и очень уважаемый среди арабов человек.

По широкой аллее, обсаженной ореховыми деревьями и тополями, Квелч и Петров прошли в глубь сада, где виднелась скромная постройка в арабском стиле. Розы обвивали стены и окна, розы поднимали свои головки с клумб, и весь воздух был насыщен ароматом роз — тонким и волнующим. Перед входом в дом мелодично звенели струи фонтана. Казалось, у дверей этого тихого и прекрасного жилища должны смолкать все страсти и волнения, уступая место тишине и глубоким размышлениям…

Гостей встретил высокий и стройный старик с большой белой бородой, которая начиналась от висков и красиво обрамляла загорело-румяное лицо. Густые белые усы прикрывали твердую линию губ. Черные проницательные глаза смотрели спокойно и прямо. Старик носил темный костюм европейского покроя и высокую красную феску на голове.

Квелча и Петрова он приветствовал низким поклоном: сначала прижал правую руку ко лбу,

потом к груди, а затем, несколько отступя в сторону, пропустил гостей в дом.

— Я привез к вам моего русского друга, — представил Петрова Квелч. — Он только что прилетел из Москвы.

Селим Хабиб внимательно посмотрел на гостя, но на спокойном лице его не шевельнулся ни один мускул.

— Друзья наших друзей — наши друзья, — несколько официально произнес он по-арабски.

Откуда-то неожиданно возник бойкий черноглазый юноша и перевел слова Селима на английский.

— Это внук Селима — Антун, студент, — шепнул Квелч на ухо Петрову. — Селим Хабиб знает английский, но избегает говорить на этом языке.

Хозяин дома поклонился Петрову и еще раз произнес арабское приветствие:

— Наш дом — ваш дом.

На стене висел портрет пожилого человека с черной бородой, в национальном костюме. Умное лицо его выражало задумчивую грусть.

Петров пристально посмотрел на портрет. Заметив это, Селим Хабиб сказал:

— Это мой друг, наш знаменитый писатель и философ Амин Рейхани… Вот уже два года, как

аллах призвал его к себе…

И старик замолчал, как бы желая сосредоточиться на мыслях об ушедшем друге.

Потом он перевел свой взгляд на Петрова.

— Я рад приветствовать в этой бедной хижине современного москоби, — сказал он. — Тридцать лет назад я встречался с москоби, которого очень полюбил. Мы его звали Гантус ар Руси. Он жил среди нас, изучал наш язык и литературу. Потом он стал большим ученым и много сделал для того, чтобы люди вашей страны узнали о людях нашей страны… Вы не знакомы с Гантус ар Руси?

Внук Селима поспешил пояснить, что под именем «Гантус ар Руси», то есть «Игнат из России», среди арабов известен русский ученый Игнатий Крачковский[5], который в начале столетия путешествовал по арабским странам.

— Нет, к сожалению, я не встречался с ним, — ответил Петров. — У нас слишком разные занятия: я ведь моряк.

При слове «моряк» Селим Хабиб с уважением посмотрел на Петрова и, перейдя на английский язык, заметил:

— Европейцы очень чтят известного португаль-

---

[5] Примечания: 5
Впоследствии академик, умер в 1951 году.

ского мореплавателя Васко да Гама, открывшего в пятнадцатом веке путь из Европы в Индию вокруг Африки. Но ведь лоцман, который привел его в Индию, был арабский моряк Ахмед ибн Маджид!

— Вот как? — удивился Петров. — Я этого не знал.

Селим Хабиб оживился — казалось, он напал на любимую тему.

— У нас был Гарун-аль-Рашид, — продолжал он. — У нас были великие математики, и вы, европейцы, до сих пор пользуетесь нашей цифрописью. У нас были великие врачи и великие архитекторы. Великие философы и великие путешественники… Все это было и прошло… Много веков мы, арабы, лежали во прахе. Но теперь близится время, когда человечество снова услышит о великой арабской культуре. Она займет достойное место в истории нового человечества.

Послышался шум в прихожей, раздались чьи-то осторожные шаги. Внук почтенного хозяина исчез и спустя несколько минут явился в сопровождении трех сирийцев. Один из них, лет тридцати, был в красной феске и сильно поношенном костюме. Темным, обожженным солнцем лицом он походил на крестьянина; движения его были

свободными, полными чувства собственного достоинства и независимости. На другом госте отлично сидел щеголеватый костюм европейского типа. Из бокового кармашка пиджака кокетливо торчал уголок цветного платка и высовывалась американская авторучка. Горбатый нос, быстрые черные глаза и курчавые волосы цвета воронова крыла делали этого гостя очень заметным. Последним вошел в комнату застенчивый юноша в белой с короткими рукавами рубашке, в серых спортивных брюках и легком пиджаке, накинутом на плечи. Он скромно забился в уголок и старался быть совсем незаметным.

Все трое истово приложили правую руку сначала ко лбу, потом к груди и с глубоким почтением поклонились хозяину. Видно было, что они относятся к старику почти с благоговением. Селим Хабиб встретил их ласковым приветствием и сразу же представил Квелчу и Петрову.

После того как вновь пришедшие стали о чем-то рассказывать хозяину, Квелч вполголоса сообщил Петрову:

— Одного из них, нарядного, я знаю. Это видный дамасский журналист Ахмет Эбейд. А двух других встречаю впервые.

Вмешался Антун:

— Гость в феске — учитель Факых из близлежащего селения, а юноша в спортивном костюме — студент Юсуф Саади. Они пришли поклониться учителю и спросить его совета в важном деле.

— Мы лучше удалимся, чтобы никого не стеснять, — сказал Квелч и поднялся с места.

Петров последовал его примеру.

Селим Хабиб привстал и сдержанно поклонился уходящим.

— Ну, а теперь они дадут волю своим чувствам, — усмехнулся Квелч, когда машина понеслась в город. — Любят арабы поговорить! Со страстью! С яркими образами и выражениями!

Квелч был прав. Когда иностранные гости покинули дом, Селим Хабиб спросил, обращаясь к арабским гостям:

— Что привело вас ко мне?

Начал учитель в феске. Он говорил горячо, долго, сопровождая речь резкими, порывистыми жестами. Лицо его покраснело, возмущенный голос дрожал. Оказывается, соседний помещик Саид-паша прогнал со своей земли нескольких крестьян, хотя они аккуратно платили аренду. И отцы, и дети, и прадеды этих крестьян поливали потом землю, которую у них отняли. Вся деревня глубоко возмущена. Что делать?..

Профессор молча слушал Факыха, и по его бесстрастному лицу нельзя было понять, какие чувства вызывают в нем слова собеседника.

Почтительно выждав минуту, в разговор вступил журналист Эбейд. В его речи проскальзывали общепонятные международные слова «парламент», «империализм»... Вынув из кармана арабскую газету, он яростно похлопал рукой по какой-то статье.

Эбейд говорил, что иностранные власти преследуют газету, в которой он работает, и распоряжаются в Дамаске как дома. Это арабам не нравится. Многие арабы говорят: «Зачем они сюда пришли? Мы хотим быть свободными. Пусть англичане, французы, немцы оставят нас в покое!..»

Селим продолжал хранить молчание. Глаза его полузакрылись, и, глядя на него, трудно было понять, слушает он журналиста или думает о чем-то своем.

Эбейд умолк.

Старик не пошевелился. Казалось, он еще глубже ушел в свои размышления.

Наступила очередь студента.

Сильно волнуясь и краснея, он заговорил тонким, срывающимся голосом. Вчера ночью на стенах и мостовых Дамаска появились крупные надписи: «Долой английских и французских империалистов!» Полиция всполошилась и арестовала трех студентов. В университете состоялся большой митинг протеста. Все кипит. Возможна забастовка студентов.

Старик продолжал молчать. В комнате воцарилась тишина. Слышно было, как за окном журчит фонтан.

Наконец Селим Хабиб поднял голову и начал:

— Много-много лет назад жил в Тавризе великий ученый Ат-Тибризия. Он составил большой словарь арабского языка. В то же самое время в Сирии, около Алеппо, жил знаменитый слепец — поэт и философ Абу-аль-Аля… Ат-Тибризия хотел, чтоб Абу-аль-Аля ознакомился с этим словарем и отправился из Тавриза в Сирию. Свой словарь Ат-Тибризия взвалил на спину. Словарь был громаден и тяжел. Слабое тело Ат-Тибризии гнулось и ныло под таким грузом. Спина его обильно покрывалась потом. Однако велика была любовь Ат-Тибризии к науке, и он доставил словарь к Абу-аль-Алю, хотя книга к тому времени выглядела так, будто ее вытащили из воды…

Селим умолк. Арабские гости смотрели старику в рот, боясь проронить слово и не зная, к чему он ведет.

Наконец Селим Хабиб сказал:

— Дети мои, вы должны любить свободу так, как Ат-Тибризия любил науку.

Студент поднялся и, низко поклонившись Селиму, спросил:

— Могу я, учитель, процитировать слова твоего великого друга Амина Рейхани?

Старик утвердительно склонил голову. Юноша вытянулся во весь рост и, горделиво подняв

голову, начал:

Это — революция, и день ее хмур и ужасен.

Флаги, как анемоны, волнуются, поднимают далекого,

Призывают светом близкого.

А барабаны вторят эху дивной песни,

А трубы взывают ко всем, имеющим души, дающим ответ.

А искры из глаз народа разносят пожар.

И пламя вопрошает: «Нет ли пищи еще?»

А меч шлет ответ, и ужас набрасывает седину.

Горе в тот день тиранам! Горе им от всех

возмутившихся, угнетенных,

ищущих права, упорных рабов!

Горе превознесшимся в мире!

Это последний час для тиранов!

То революция, и сыны ее босоноги.

Юноши ее стали непокорными мужа-

ми.

Мужи ее могучи и горды,

Женщины превратились в тигриц.

Ораторы ее и проповедники красноречивы,

Вожди и героини мятежны.

Горе в тот день тиранам![6]

Студент читал очень хорошо — с большим чувством, не раз протягивая руку к висевшему на стене портрету поэта.

Селим сидел молча, и опять трудно было понять по его лицу, как относится он к вдохновенным словам Рейхани.

Когда студент кончил, журналист спросил:

— Что же ты скажешь нам, учитель?

Селим медленно погладил бороду, прищурился и ответил:

— Время работает на нас, друзья мои. Время делает свое дело… Только не следует арабам ссориться между собою. Перед лицом общего врага все арабы должны держаться вместе. Аллах видит правду и покарает неверных! А вы не сидите сложа руки и открывайте глаза правоверным,

---

[6] Примечания: 6
Перевод И. Ю. Крачковского.

учите их…

— Но что же ты скажешь мне, мудрый? Как быть с бессовестным Саид-пашой, что делать его арендаторам? — с отчаянием воскликнул учитель Факых.

— Я поговорю с неразумным Саид-пашой, — проговорил старик. — А крестьянам деревни повтори мои слова: сейчас, перед лицом общего врага, арабам не надо ссориться.

Однако по хмурому лицу сельского учителя было заметно, что слова эти вряд ли приняло его сердце.

Глава четвертая
Советские путешественники в Иерусалиме

Машина пришла в Иерусалим под вечер. Шофер завез своих пассажиров в одну из гостиниц, и Петров сразу же отправился в штаб английских войск. Ни у Макгрегора, ни у Квелча в Иерусалиме не было знакомых, и Петрову впервые приходилось действовать в строго официальном порядке.

Его принял капитан с квадратным лицом, на котором резко выступал орлиный нос. Два серых колючих глаза смотрели исподлобья.

Когда капитан ознакомился с документами Петрова, он посмотрел на часы и подчеркнуто сухо сказал:

— Сегодня уже поздно. Приходите завтра утром.

Петров попытался было доказать, что поездку очень нежелательно откладывать, и вежливо попросил принять все необходимые меры.

Капитан еще раз взглянул на часы и еще суше ответил:

— Сегодня вечером гарнизон дает в отеле

«Царь Давид» бал для представителей местного общества. Поэтому мы кончаем раньше обыкновенного. Итак, до завтра!

И он встал.

Петров был раздосадован, но решил с первого шага не обострять отношений.

На следующее утро он явился в штаб к девяти часам утра. Капитана с квадратным лицом еще не было. «Опохмеляется», — с неприязнью подумал Степан и сел. Прошло минут сорок, но Петрова никто не вызывал. Он напомнил о себе, и минут через пять его ввели в кабинет капитана.

— Ну-с, — начал капитан, и его квадратное лицо сразу покраснело, — вы хотите ехать в Каир. Мы можем предоставить вам и сопровождающим вас лицам такую возможность. Как раз через две недели в Каир пойдет колонна грузовиков отдела снабжения. Она и захватит вас с собой…

— Как! — воскликнул Петров, не веря своим ушам. — Вы хотите задержать нас в Иерусалиме на полмесяца и затем отправить на грузовиках с какими-то мешками? Вынужден напомнить вам, что мы — лица дипломатического звания.

— Я и сам очень огорчен, — с лицемерным сожалением отвечал капитан. — Но другой возможности у нас не имеется.

— А я все же настаиваю на том, чтобы нам была дана легковая машина! — резко возразил Петров. — И не позже, чем завтра!

— Но я решительно не в состоянии исполнить вашего желания, — холодно заявил капитан и тут же взялся за лежавшую на столе папку, как бы давая этим понять, что вопрос исчерпан.

— В таком случае, — заявил Петров, — я должен видеть начальника штаба.

— Начальник штаба сейчас в отъезде. Имеется его заместитель полковник Стирлинг.

— Хорошо, я хочу видеть полковника Стирлинга.

— Полковник Стирлинг не может вас сегодня принять. Приходите завтра.

— Но ведь вы даже не докладывали полковнику Стирлингу о моем желании его видеть! Откуда же вы знаете, что он не может меня сегодня принять? Прошу вас сейчас же доложить полковнику, что мне нужно говорить с ним по очень спешному делу.

— Это бесполезно... — И капитан беспомощно развел руками. — Полковник Стирлинг вас сегодня все равно не примет.

Петров почувствовал, что в груди его поднимается волна бешенства, того звериного бешенства,

которое способно затмевать разум и толкать на самые необдуманные поступки. Эту черту характера Степан унаследовал от своего отца и в прошлом не раз страдал от ее проявлений. Невероятным усилием воли Степан сдержал себя. Однако лицо его приняло столь зловещее выражение, что капитан поспешил разъяснить:

— Полковник Стирлинг сегодня уехал на инспекцию в окрестности Иерусалима. Он вернется в город только поздно вечером. Он примет вас завтра в одиннадцать утра.

Когда Петров ушел, капитан с удовлетворением потер руки и, ухмыльнувшись, подумал: «Полковник Стирлинг тебе покажет!»

Капитан имел все основания так думать, ибо знал, как относился Стирлинг к Советскому Союзу. Если говорить прямо, полковник ненавидел Советский Союз. Почему? Тут была сложная гамма оснований и чувств.

Стирлинг происходил из богатой промышленной семьи Средней Англии. Его социальное положение, его воспитание, привычки, взгляды, знакомства — все предрасполагало к консерватизму и, следовательно, вызывало чувство неприязни к Советской стране. Но были и иные, особые причины, которые доводили эту непри-

язнь до точки кипения. Отец Стирлинга в царские времена вложил большой капитал в южнорусскую металлургию и потерял его в результате Октябрьской революции. Дядя полковника Стирлинга в 1918 году воевал против большевиков в Архангельске и вернулся оттуда с перебитой рукой и горькими воспоминаниями. После этого в доме Стирлинга слово «Россия» стало пугалом.

Стирлинг с молодых лет впитал эти чувства и настроения. А когда он подрос и сделался преуспевающим дельцом, появились новые основания для обострения его вражды к Советскому государству. Это были годы, когда мир стоял под знаком массовой борьбы пролетариата, восстаний колониальных народов, всеобщего беспокойства и тревоги буржуазии за свое будущее… «Мир испортился, — говорил себе полковник Стирлинг, — в него внесен беспорядок. Всегда были богатые и бедные. Всегда богатые правили, а бедные на них работали. Всегда богатые ели на золоте, а бедные довольствовались глиняным черепком. И все чувствовали себя счастливыми. А теперь? Все перевернулось и перепуталось. Богатых объявляют ворами, рабочие хотят управлять государством, а кухарки желают кушать на золотых блюдах. Жизнь стала просто невозможной! Кто виноват

в этом беспорядке? «Проклятая страна»! Откуда идет смута? Из «проклятой страны»! Где вырабатывается яд, который отравляет умы и души масс? В «проклятой стране»!

И ненависть Стирлинга к Советскому Союзу становилась все более неудержимой. Он сделался фанатическим «советоедом» и поддерживал любое действие, любое движение, любую кампанию, направленную против большевиков.

В 1927 году Стирлинг рукоплескал налету на «Аркос»[7] и разрыву дипломатических отношений с СССР; в 1930 году он участвовал в проповеди «крестового похода» против «восточного коммунизма»; в 1933 году, в связи с делом «Метро-Виккерс», он требовал запрещения ввоза советских товаров в Англию. Стирлинг полностью одобрял политику Невиля Чемберлена в отношении Советского Союза и считал глубокой ошибкой союз Англии с СССР в борьбе против гит-

---

[7] Примечания: 7

«Аркос» — советское торговое общество в Лондоне. В мае 1927 года британский министр внутренних дел Джойнсон Хикс организовал полицейский налет на «Аркос», во время которого будто бы были найдены «доказательства» того, что «Аркос» является «агентурой Коминтерна». Все это было, конечно, ложью, «документы» оказались фальшивыми. Однако консервативное правительство использовало данный инцидент в качестве предлога для разрыва дипломатических отношений с СССР. Они были восстановлены в конце 1929 года, после прихода к власти лейбористского правительства.

леровской Германии. «Надо было договориться с немцами против русских», — заявлял он даже в 1942 году.

Легко понять, как встретил полковник Стирлинг известие о прибытии Петрова и Потапова в Иерусалим. Когда капитан с квадратным лицом сообщил ему на балу в отеле «Царь Давид» о визите Петрова, полковник Стирлинг остолбенел и, отступив на шаг, воскликнул:

— Что? Он хочет, чтобы мы дали ему легковую машину до Каира? Ну, нет!.. Он не знает полковника Стирлинга!

И тут же Стирлинг приказал капитану отправить Петрова через две недели с колонной хозяйственных грузовиков. А когда капитан высказал опасение, что такой способ транспортировки союзного дипломата может вызвать протест со стороны советского правительства, полковник Стирлинг расхохотался:

— Сейчас? Когда Сталинград не сегодня-завтра падет?.. Нет-нет, капитан! Вы, я вижу, плохо разбираетесь в политической ситуации.

И, так как Стирлинг был уверен, что, услышав ответ капитана, Петров захочет увидеть его, он умышленно уехал на следующий день из Иерусалима.

Петров вернулся из штаба злой и раздраженный. Мысленно он обзывал «квадратного капитана» последними словами, но внешне старался быть спокойным. Вот они, трудности, о которых его предупреждали Страхов и Косовский в Тегеране! Надо уметь их преодолевать. А для этого необходимо прежде всего сохранять выдержку, проявлять твердость и настойчивость…

За ленчем Петров познакомился со своим соседом — французским историком и археологом, который из-за войны застрял в Иерусалиме.

Гостиница, где остановились советские путешественники, была битком набита английскими офицерами. Жили в ней и другие иностранцы, но метрдотель считал, что иностранцев не следует «путать» с англичанами, и потому посадил француза вместе с русскими.

Француза звали Анри Альфан. Невысокий, подвижной брюнет, лет шестидесяти с небольшим, он носил бородку клинышком и смотрел на мир черными живыми глазами. Седина едва пробивалась на его висках, но лоб и щеки были изрезаны морщинами. Альфан был очень общителен и сразу же начал рассказывать Петрову о себе.

— Я специалист по Леванту, особенно по Палестине. Имею научные труды, делал раскопки…

А почему? Потому что я антиклерикал. Старый антицерковник, каких было немало во Франции в дни моей молодости. Еще юношей я поставил себе целью разоблачить тот религиозный обман, который уже семнадцать веков связан с именем Иерусалима. Уверяю вас, я кое-что сделал для разрушения легенды, на которой так хорошо зарабатывает католическая церковь!

Альфан говорил горячо и искренне. Это расположило к нему Петрова, и он поделился с ним своими затруднениями. Альфан пожал плечами и ответил:

— Это для меня не ново! Я не большевик, я буржуазный ученый... так, кажется, у вас говорят?.. но и ко мне отношение здешних английских властей не лучше.

И Альфан, в свою очередь, стал изливать Петрову жалобы на английский штаб в Палестине:

— Вы рассказывали про капитана с квадратным лицом... Я его знаю: это капитан Стивенсон. Он здесь в роли цепного пса при начальнике штаба. От него вы ничего не добьетесь! Ищите других путей.

На следующий день, 14 ноября, ровно в 11 часов утра Петров явился к полковнику Стирлингу.

В противоположность капитану, полковник не

заставил себя ждать, а принял его сразу. Полковник не только не был сух, но, наоборот, вежлив и даже любезен. Гостеприимным жестом он усадил Петрова в кресло, протянул ему портсигар, справился о состоянии здоровья. Да и по внешности, опять-таки в противоположность капитану, полковник располагал к себе. Он был высок и строен, чисто выбрит. Водянисто-голубые глаза смотрели, ровно и спокойно. Изгиб плотно сжатых губ говорил о силе характера. В темных волосах белело несколько серебряных нитей.

В первый момент у Петрова отлегло от сердца, он даже подумал: «Ну, с этим можно будет договориться». И, доверясь первому впечатлению, Степан с возмущением передал ему свой вчерашний разговор с капитаном. Затем он попросил полковника срочно предоставить в распоряжение советских дипломатов легковую машину.

— Мой дорогой мистер Петров, — самым дружеским тоном начал Стирлинг, — мне страшно грустно огорчать вас, но, увы, я также не могу предложить вам ничего, кроме этой колонны грузовиков.

И с видом почти отчаяния он сначала развел руками, а затем легонько хлопнул своими холеными мягкими ладонями.

— То есть как? — вспыхнул Петров. — Значит, вы поддерживаете нелепый проект капитана?

— Не я поддерживаю, — галантно улыбнулся полковник, — обстоятельства поддерживают!

— Но я не могу этого понять! — возразил Петров, бледнея от усилий сдержать себя. — Я не понимаю вас, полковник. Город полон легковых машин, на которых ездят военные, а нас вы хотите продержать полмесяца, чтобы потом отправить на интендантских грузовиках!

— Видите ли, мистер Петров, — стал приветливо разъяснять полковник, — те легковые машины, о которых вы говорите, расписаны по воинским частям, и штаб не может ими распоряжаться. А сам штаб имеет весьма ограниченное число легковых машин, и все они сейчас либо заняты, либо находятся в ремонте. Вы ведь знаете военных шоферов! Машины то и дело выходят из строя.

Петров попробовал пустить в ход последний аргумент:

— Но, господин полковник, с нами едут женщина и ребенок. Неужели и они должны будут сидеть на ящиках с патронами?

Стирлинг пожал плечами и соболезнующим тоном сказал:

— Что делать?.. Война!

Теперь все было ясно. Петров встал и с холодной официальностью заявил:

— Я вынужден констатировать, что английское военное командование в Иерусалиме не только не содействует скорейшему нашему прибытию к месту служебного назначения, но, наоборот, воздвигает на нашем пути искусственные преграды. К тому же оно хочет поставить нас в положение, которое не соответствует ни нашим полномочиям, ни нашим званиям. Обо всем этом я немедленно сообщу своему правительству.

Стирлинг тоже встал и, молча поклонившись, сделал руками и плечами жест, который мог означать: «Это уж ваше дело». А когда Петров выходил, полковник любезно произнес:

— Желаю вам здравствовать!

Петров вернулся в гостиницу взбешенный.

Люсиль была в отчаянии. Только Таня успокаивала мужа и торопила его с отправкой извещения в Москву.

Петров тут же сел за стол и составил срочную телеграмму на имя контр-адмирала Карпова. Кратко изложив в ней создавшееся положение, Петров просил о личном вмешательстве для урегулирования возникшего конфликта. Когда телеграмма была отправлена, Степан стал рас-

считывать:

— Допустим, контр-адмирал получит мою телеграмму завтра… Допустим, он завтра же пошлет телеграмму начальнику советской военной миссии в Лондоне. Допустим, послезавтра начальник советской военной миссии в Лондоне получит телеграмму Карпова. Допустим, что на следующий день после этого он обратится в английское военное министерство…

Но сколько ни «допускал» Петров, все получалось, что при самых благоприятных условиях раньше чем через десять дней двинуться вперед им не удастся. Телеграмма была отправлена, но настроение Степана мало улучшилось.

Таня понимала состояние мужа и решила отвлечь его внимание в другую сторону.

— Раз уж нам пришлось здесь застрять, — сказала она, — так давайте, по крайней мере, посмотрим как следует Иерусалим… Места интересные!

Действительно, что же больше им оставалось делать?

— Степа! Люсиль!.. Сюда! Сюда!.. Александр Ильич, не отставайте!

Таня быстро и ловко карабкалась вверх, перепрыгивая с камня на камень, хватаясь то за

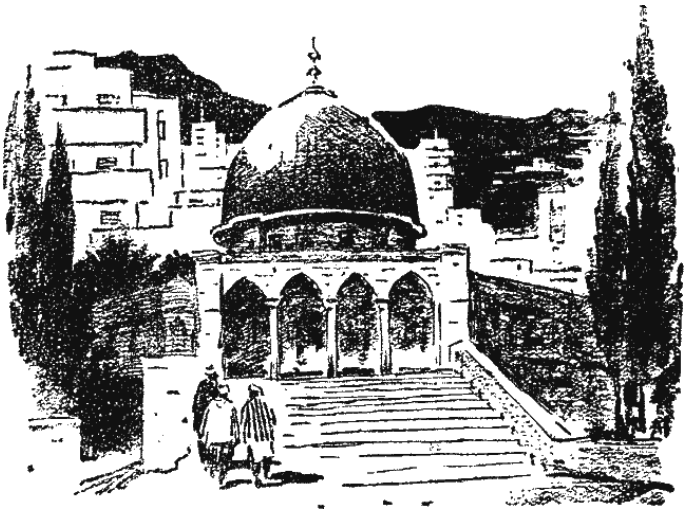
выступы скал, то за свисающие из расселины кустарники.

Наконец она оказалась на вершине горы и, протянув руки вперед, точно готовая взлететь, в восторге воскликнула:

— Какая красота!

Картина действительно была поразительная. Внизу, у Таниных ног, лежала широкая, круглая котловина, со всех сторон окаймленная цепью серых скалистых гор. Их склоны плавно сбегали вниз, образуя в центре котловины плоскую впадину. И в этой впадине, весь залитый лучами солнца, в легкой синеватой дымке тихо мерцал древний Иерусалим.

Городу было тесно, его словно зажали горой. И он полез вверх. На откосах белели новые здания, зеленели парки и сады, искрились позолотой башни и храмы. В разные стороны разбегались тоненькие ниточки улиц, а в самом центре впадины чернело большое пятно — базар. Его окружали устремленные в небо главы церквей и минаретов. А несколько впереди, на обнесенной стенами площади, мрачно вздымала кверху свой гигантский купол огромная восьмиугольная мечеть Омара, построенная в VIII веке на развалинах знаменитого храма Соломона.



— Итак, товарищи, перед нами сама история! — тоном заправского гида провозгласила Таня, обведя руками все, что открывалось ее взору.

Но в ее шутливый тон ворвалась и нотка неподдельной торжественности. Еще бы! Ведь перед ней лежал город, которому было не менее трех

с половиной тысяч лет. Да еще каких! Сколько раз на протяжении этого времени он менял хозяев! Сколько крови здесь было пролито! Сколько событий совершилось! И сколько ярких легенд, сказок, поверий, сколько заблуждений и обманов связано с этим городом в памяти человечества!.. А теперь? Теперь это лишь маленькая, глухая провинция, археологический экспонат давно умершей эпохи.

Неторопливыми шагами подошел пожилой, но еще крепкий и высокий араб в длинном бурнусе, но без чалмы. Это был гид, которого гостиница рекомендовала русским гостям. До сих пор Степан и Таня объяснялись с ним по-английски. Но вдруг на чистейшем русском языке он произнес:

— Мадам скачет легко и быстро, как горная коза. За ней не угонишься!

— Как! Вы говорите по-русски? — в изумлении воскликнули все.

— Наконец-то и надо мной сжалился иерусалимский бог! — обрадовался Потапов, которому давно наскучила роль «великого немого» (так окрестил его однажды Степан).

— Немного забыл, — с достоинством ответил араб, не реагируя на богопротивную шутку русского. — Давно уж русских здесь не бывало. А в

прежние времена сколько людей из России приезжало поклониться святым местам! Вот я водил их, да и выучился…

Он помолчал немного и затем удовлетворенно прибавил:

— Хорошо платили!

Петров незаметно переглянулся с Потаповым: намек был слишком ясен. Потапов спросил:

— Что интересного вы можете рассказать нам об этом месте?

— Много интересного! — степенно ответил араб. — Вы находитесь сейчас на вершине Масличной горы, поднимающейся на восемьсот двадцать восемь метров над уровнем моря. Масличная гора тесно связана с последними днями жизни Христа на земле. Здесь он впервые сказал своим апостолам об ожидающих его испытаниях. Отсюда он совершил торжественное вступление в Иерусалим. Отсюда же вознесся на небо после своего воскресения…

Несмотря на поклонение пророку Магомету, араб хорошо знал все, что относилось к христианским «святым местам», и говорил о них даже с чувством.

— Поблизости от Масличной горы, — продолжал араб, — протекает поток Кедрон, о котором

часто упоминается в евангелии. Вот взгляните на него! Он не велик, но красив, и вода его очень приятна на вкус. У подножия Масличной горы расположен также Гефсиманский сад, где часто бывал Христос.

Гефсиманский сад?.. В памяти Петрова мелькнули какие-то далекие тени… Ах, да! Мать когда-то ему читала о Гефсиманском саде… Степану этот сад представлялся тогда каким-то большим и таинственным лесом. Ну, вроде той рощи под Кунцевом, где они гуляли с отцом…

— А можно осмотреть Гефсиманский сад? — спросил Петров.

— Конечно, можно! — с готовностью ответил араб.

Полчаса спустя вся группа оказалась перед железной решеткой, за которой виднелась чахлая растительность.

— Войдите! — раздался прозаический голос гида, и он привычно отворил калитку.

Гости переступили границу сада. Степан остановился в недоумении. Перед ним была невысокая церковь, а справа от нее — небольшой квадратный палисадник с несколькими тощими деревцами. В центре палисадника стоял невероятно толстый обрубок какого-то могучего

ствола, спиленный или сломанный на высоте пяти-шести метров от земли. Корни его как-то хищно впивались в землю и были покрыты густым слоем моха. От обрубка отходило с десяток тонких ветвей, унизанных зелеными листьями продолговатой формы.

— Так это и есть Гефсиманский сад? —недоверчиво спросил Петров.

— Да, это Гефсиманский сад! — с подчеркнутой торжественностью подтвердил гид, и вдруг голос его стал каким-то дрожащим, чуть не молитвенным: — Здесь Христос провел свою последнюю ночь… Здесь он молил своего отца: «Да минет меня чаша сия!» Но отец не внял его мольбам, и на рассвете стража схватила Христа.

Вдруг отворилась дверь церковного здания, и оттуда вышел монах. С подобострастными поклонами он стал скороговоркой объяснять по-английски.

— Вот это, — монах указал на толстый обрубок, — та самая смоковница, под которой отдыхал и молился Христос. Ей две тысячи лет. Вы, конечно, пожелаете увезти с собой на память… — И монах уверенно протянул Петрову листок бумаги, на одной стороне которого был печатный текст, а на другой был прикреплен засушенный лист

смоковницы.

— Каждый листок — один шиллинг, — деловито напомнил монах. — Может быть, ваши спутники тоже захотят приобрести святые листья, каждый для себя? Это приносит счастье…

Петров мягко отвел руку монаха и с улыбкой ответил:

— Благодарим вас, но мы не привыкли покупать счастье на шиллинги.

Потом начался медленный спуск по склону котловины вниз к городу. На пути попались длинные ряды старинных могил — еврейских и мусульманских. Остановившись, араб с важностью произнес:

— Тут похоронены те, кто верил, что Страшный суд произойдет как раз на этом месте. Чтобы не опоздать на него, эти люди завещали предать свои тела земле именно здесь.

— Ну да, — понимающе кивнул головой Потапов. — Они, видимо, очень торопились на Страшный суд.

Араб понял иронию и неодобрительно посмотрел на Потапова, однако не сказал ни слова.

Когда подошли к воротам «святого Стефана» — одному из главных въездов в город, — лицо гида вновь приняло мрачно-торжественное выраже-

ние, и голосом, в котором звучали элегические ноты, он сказал:

— Здесь начинается «Via dolorosa»...[8] Последний крестный путь Христа. Он не длинен — всего какой-нибудь километр, — но сколько с ним связано горестных воспоминаний!..

И привычной, деловой походкой гид повел всю группу по узкой и тесной улице, перекрытой в нескольких местах каменными сводами. Несмотря на яркий день, здесь было сумрачно и сыро. Старинные каменные дома и домики уныло смотрели на мир подслеповатыми окнами. Пахло гарью. Где-то пищала кошка. Где-то лаяла собака. А гид тем временем спокойно шел своей ровной, уверенной походкой и деловито пояснял:

— Вот казарма... Здесь Христа бичевали...

Шагов через сто он сообщил:

— А вот здесь на плечи Христа был возложен крест...

Еще шагов через сто он указал на какой-то дом:

— Здесь Понтий Пилат, глядя на Христа, воскликнул: «Вот человек!» Одна из стен этого дома сохранилась со времен Пилата...

---

[8] Примечания: 8
«Дорога скорби».

Петров со скрытой иронией спросил:

— А не сохранилась ли, простите, та чаша, в которой Понтий Пилат умывал свои руки?

— Как же, сохранилась! — не поняв иронии, воскликнул гид и добавил чуть смущенно: — Только лет двадцать назад она, к сожалению, разбилась.

Араб через каждые несколько минут провозглашал:

— Вот здесь Христос встретил свою мать, пресвятую деву Марию… Вот здесь он отдыхал, прислонив крест к стене дома… Вот здесь святая Вероника отерла пот с лица Христа… Вот здесь Христос упал под тяжестью креста… Вот здесь он вторично упал под тяжестью креста…

И каждый раз гид на мгновение останавливался, поворачивался к своей группе и указывал на какой-либо дом или стену. При этом в голосе его и жестах была такая уверенность, точно он сам был очевидцем событий, о которых рассказывал.

Наконец подошли к Голгофе. Здесь стоял большой двухэтажный храм очень замысловатой формы, с большим куполом, увенчанным золотым крестом, с колоннами, сводами, порталами, всевозможными украшениями.

— Этот храм построен на том месте, где был распят Христос, — тоном, не допускающим со-

мнений, заявил араб. — Но я не могу в него войти, я подожду вас снаружи… В храме имеются свои гиды.

Действительно, едва путешественники переступили порог храма, как какой-то юркий монах подхватил их и повел по сложным, запутанным ходам и переходам этого огромного здания.

— Храм основан, — бесцветным голосом сообщал монах, — в 336 году после рождества Христова, когда святая равноапостольная Елена, мать императора Константина Великого, открыла здесь крест, на котором был распят Христос… В 614 году храм был сожжен персами… Потом благочестивые люди его восстановили… Потом, в 936 году, храм был снова разрушен… Потом…

Речь монаха была быстрой, равнодушной, привычной, слова сыпались, как сухой горох, и складывались в какой-то свиток дат и событий, из которого ясно было одно: на протяжении веков здесь разыгрывалось много боев и пролилось много крови.

Наконец монах привел путешественников в мрачное помещение с несколькими горящими светильниками и, указывая на толстую плиту из желтовато-розового мрамора, сказал:

— Это камень миропомазания. Здесь святой Ни-

кодим и Иосиф Аримафейский помазали миром тело Христа после снятия его со креста…

И, не задерживаясь, он пошел дальше.

Еще несколько приделов, несколько коридоров, несколько поворотов, лестниц, перил: — и вся группа очутилась в обширной часовне, которая делилась на две части: бóльшую и меньшую.

— Вот здесь лежит кусок камня, который ангел отвалил от могилы Христа, — сообщил монах, указывая на высокую мраморную вазу с камнем, стоявшую в первой части часовни.

Потом он сделал несколько шагов в сторону второй, меньшей части часовни.

— А тут, — продолжал монах все так же уверенно, — находится величайшая святыня христианского мира — гроб господень.

Перед путешественниками лежала тяжелая каменная плита, на которой было высечено изображение Христа. На стене имелось еще одно изображение Христа — уже «воскресшего»; оно утопало в сиянии бесчисленных ламп и светильников. Два монаха явно скучали около гроба.

Проводник двинулся дальше. Пошли капеллы. Целая вереница капелл. Капелла явления Христа Марии… Капелла разделения риз… Капелла каменных уз… Капелла темницы Христовой…

Капелла тернового венца… Капелла поднятия креста… Капелла святой Елены… Капелла святого Логгина…

Под самый конец экскурсии монах, ловко вскарабкавшись по крутой лестнице вверх, привел советских путешественников на Голгофу. Это была мрачная часовня на скале, главной достопримечательностью которой являлся большой престол из цельной мраморной плиты. Указывая на престол, монах торжественно провозгласил:

— Здесь стоял крест, на котором был распят Христос! Вы видите под престолом круглое отверстие? Оно осталось от креста! — И, помолчав, добавил: — А вот здесь, по бокам престола, два других отверстия, отделанные мрамором. Здесь стояли кресты двух разбойников, которые были распяты вместе с Христом.

— Простите, — не удержалась Таня, — а откуда известно, что крест Христа был вкопан в землю именно здесь?

Монах с некоторым удивлением взглянул на Таню и безапелляционным тоном ответил:

— Это установила святая Елена, мать императора Константина… Она сама была здесь!

— Через сколько лет после смерти Христа? — снова спросила Таня.

Монах подумал, посмотрел на своды храма, точно что-то подсчитывая, и наконец сказал:

— Через триста двадцать пять лет.

— Но как же можно было через триста двадцать пять лет точно установить, что крест Христа стоял именно в этом месте?

— О, мадам! — с видом оскорбленного превосходства воскликнул монах. — Святой Елене это было указано божественным видением.

— Ах, вот что! — невольно вырвалось у Тани.

Монах не знал, как понять ее восклицание. Ему почудилось в нем даже что-то ироническое. Но так как замечание было сделано очаровательной туристкой (а сердцу монаха ничто человеческое не было чуждо), то он предпочел уверить себя, что его объяснение воспринято Таней как истина.

На следующий день знакомство с Иерусалимом продолжалось.

Теперь гид повел путешественников к площади, на которой грозно возвышалась мечеть Омара. Они довольно долго шли какими-то тесными улочками и переулками, вьющимися вокруг площади, и Таня, как обычно, впереди. Вдруг она взволнованно воскликнула:

— Что это такое?

Петров, Потапов и Люсиль поспешили на ее

возглас и тоже замерли в изумлении. За поворотом улицы открывалось глубокое и узкое ущелье. С одной стороны, на обрыве небольшого холмика, стояла линия маленьких арабских домов, с другой — мрачно возвышалась стена, сложенная из громадных каменных глыб. Глыбы — тяжелые, четырехугольные — лежали в несколько ярусов одна на другой и поднимались метров на пятьдесят над землей. От времени и непогоды камень кое-где выветрился и потемнел. В трещинах местами пробились мох, желтая трава и кустарник.

Вдоль всей этой мрачной стены стояла длинная цепочка евреев. Тут были мужчины и женщины, длиннобородые старики и молодые парни, девушки и маленькие дети — все в старинных религиозных одеждах, с молитвенниками в руках. Евреи истово кланялись, вполголоса бормотали молитвы, и от этого воздух был полон жужжания — будто здесь сердито гудел огромный рой шмелей. Потом вся цепочка падала на землю, горячо лобызала холодный камень стены, вновь поднималась и жужжала, вновь падала и целовала стену… Должно быть, этот ритуал длился веками, так как камни от прикосновений и поцелуев блестели, как полированные.

Вся картина производила жуткое и гнетущее

впечатление.

— Это стена еврейского плача, — равнодушно разъяснил араб. — Это все, что осталось от древнееврейского храма Соломона. Каждый день приходят сюда здешние евреи и сокрушаются о гибели своего бывшего царства. Но это им не поможет, теперь здесь земля арабов! — зло и резко сказал гид.

— Уйдем отсюда поскорее! — воскликнула Таня. — Слишком уж пахнет здесь религиозным изуверством, средневековьем, кострами ведьм, безумием…

Едкие слова гида напомнили советским путешественникам о реальном Иерусалиме, о Иерусалиме 1942 года. Каким мирно-идиллическим он казался с высоты Масличной горы! И каким внутренне разоренным, полным острейших национальных, социальных и политических противоречий он был в действительности!

Вот верхняя, нагорная часть города, та, что широким внешним поясом громоздится по откосам котловины. Хорошо мощенные нарядные улицы, многоэтажные дома, дуговые фонари… Университет, школы, больницы, почтово-телеграфные конторы… Прекрасное здание библиотеки… Всюду зелень, парки, сады… Шикарные магазины,

кафе и отели… Знаменитый отель «Царь Давид», автомобили лучших заграничных марок… Это европейский, или, вернее, еврейский город. Здесь живут главным образом евреи иммигранты из других стран, евреи купцы, промышленники. А в дальних, бедных кварталах — евреи ремесленники и рабочие.

Вот через несколько улиц нижняя, центральная часть города, та, что прилепилась к плоскости впадины, — маленькие, восточного типа домики, высокие заборы, узенькие, кривые улицы и переулки, ослики и мулы, бродячие собаки, мелочные лавочки. Темный крытый базар, где в бесчисленных палатках, балаганчиках, клетушках стучат молотки, кричат продавцы, тараторят женщины, свистят и дудят ребятишки…

Это арабский город. Здесь живут последователи аллаха, тринадцать веков назад завоевавшие Иерусалим, в течение многих поколений трудившиеся здесь и считающие себя его хозяевами.

Между еврейским и арабским городом идет долгая, упорная, жестокая война, искусно раздуваемая англо-американскими колонизаторами. Война в политике, в экономике, в общественной жизни, в сфере религии, в быту… Война с кровью, погромами, убийствами из-за угла, террористи-

ческими актами, вооруженными восстаниями…

Целый день советские путешественники бродили по Иерусалиму, и чем дальше, тем все более мрачным, искаженным болезненной судорогой выступало перед ними лицо этого города.

— Сколько жителей в Иерусалиме? — спросил Петров.

— Считают — сто пятьдесят тысяч, — ответил гид.

— А кого больше: арабов или евреев?

Гид сначала помолчал, а затем дипломатично ответил:

— Арабы говорят, что арабов больше, а евреи говорят, что евреев больше.

И потом, указав на улицу, которую они в тот момент пересекали, гид бесстрастно, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщил:

— По этой улице евреям ходить нельзя. Если еврей здесь пойдет, арабы его убьют. А есть улицы, по которым нельзя ходить арабам. Если араб пойдет, евреи его убьют…

Вечером советские путешественники разговаривали с Альфаном. Все сидели у камина в гостиной отеля. В камине, по английской традиции, пылал огонь, приятно потрескивало дерево.

Делились впечатлениями дня.

Таня рассказала Альфану о своем разговоре с монахом на Голгофе. Альфан рассмеялся и затем с галантностью истинного француза воскликнул:

— Браво, мадам! Вы попали в самую точку… Воображаю, какая была физиономия у монаха! Вашими устами, мадам, говорил здравый рассудок и историческая наука. Подумайте сами! Шекспир умер в 1616 году, то есть триста двадцать четыре года назад. А между тем сколько споров и дискуссий идет о том, кто был действительно автором его великих творений! Да и существовал ли вообще Шекспир? И этот спор ведется в наше время, при книгопечатании, прессе, целых фалангах литературоведов и историков! А тогда?.. — Альфан сделал презрительный жест рукой и затем продолжал: — Монахи утверждают, будто бы та женщина, которую они именуют святой Еленой, не только открыла место Голгофы, но и нашла крест, на котором был распят Христос, гвозди, которыми он был прибит к кресту, даже яму, оставшуюся от креста там, где он был вкопан в землю. Ну, не смешно ли? Елена была в Иерусалиме в 325 году, то есть с момента смерти Христа до ее появления на Голгофе прошло столько же времени, сколько прошло между смертью Шекспира и нашими днями. Как мог более трех веков

сохраниться деревянный крест? Да он давным-давно истлел бы! И как могла сохраниться яма, где он якобы стоял? Ведь ее давным-давно засыпало бы пылью и песком! Наконец, как могли через 325 лет отыскаться гвозди, которыми Христос был прибит к кресту? Да, стоит лишь подойти к поповским небылицам с точки зрения самого элементарного здравого смысла, и они рушатся, словно карточный домик!

Альфан поправил дрова в камине и, ядовито усмехнувшись, снова заговорил:

— Да и только ли это?.. В храме, который вы осматривали, вам, несомненно, показывали «Капеллу тернового венца».

Таня утвердительно кивнула головой.

— Так вот, — продолжал Альфан, — эта капелла воздвигнута на том самом месте, где, по утверждению монахов, на голову Христа был возложен терновый венок. Но когда было «установлено», что это событие произошло именно здесь? Монахи отвечают: в 1384 году! Через четырнадцать веков после смерти Христа! Опять явная чепуха… Или еще: на крестном пути Христа вам, конечно, показывали свод и дом, в котором Пилат будто бы произнес слова: «Вот человек!»

— Да-да! — вспомнила Таня. — Нам показыва-

ли… Это мрачный дом средневекового стиля…

— Вот именно! Но знаете ли вы, когда было «установлено», что Пилат именно здесь сказал свои знаменитые слова? Монахи отвечают: в пятнадцатом веке! Через тысячу пятьсот лет после смерти Христа! Кто поверит в такую нелепость? Можно было бы привести еще десяток примеров подобного жульничества монахов, но стоит ли?

— Разумеется, не стоит, — вмешался Петров. — Вы, мосье Альфан, вероятно, знаете, что мы, советские люди, давно не верим в подобные выдумки. Меня интересует другое: как и когда вообще сложился культ Иерусалима?

— Охотно отвечу, — с готовностью откликнулся француз. — Но прежде позвольте сделать одно замечание… Обратили ли вы внимание на то, что «Храм гроба господня», который вы осматривали, является своего рода интернационалом церквей?

— Интернационалом церквей? — с недоумением спросил Потапов. — Что вы имеете в виду?

— Должно быть, вам не бросилось это в глаза, — продолжал Альфан. — Да-да, месье и мадам, я не шучу: весь этот храм расчерчен на кусочки и каждый кусочек принадлежит тому или иному вероисповеданию. Например, Капелла явления Христа, построенная на месте, где Христос

будто бы явился своей матери, принадлежит католикам; Капелла святого Логгина — греко-православной церкви; Капелла разделения риз — армяно-григорианской церкви, и ей же принадлежит Капелла святой Елены, Малая капелла принадлежит коптам, и так далее. Да что капеллы! Нередко в одной и той же капелле различные предметы культа принадлежат различным церквам. Например, в Капелле ангела из шестнадцати светильников пять принадлежат грекам, пять — армянам, пять — католикам и один — коптам. Еще забавнее в Капелле гроба господня: здесь не только все светильники расписаны по разным вероисповеданиям, но даже отдельные украшения имеют разных хозяев. Мраморный барельеф, изображающий вознесение Христа, принадлежит грекам; картина, висящая с правой стороны, — армянам, а картина, висящая слева, — католикам! Могут, пожалуй, сказать: ну что ж, и хорошо, что все христианские исповедания объединяются здесь в общем почитании того, кого они считают своим богом. Но какое тут объединение! Редко можно встретить такую вражду и ненависть, какие царят в отношениях между различными исповеданиями именно здесь, на могиле Христа. Взаимные интриги, препирательства, подсижи-

вания, обманы… Дело иногда доходит до резни… Ах, если бы вы знали, сколько крови пролилось в течение веков на мраморную плиту «гроба господня»! Вот как чтят церкви память того, кто, по их же словам, был воплощением любви и мира!

Альфан брезгливо поморщился и, точно желая поскорее забыть о преступлениях церковников, воскликнул:

— Но довольно об этом!.. Вы, месье Петров, спрашивали меня, как сложился культ Иерусалима? Извольте, я расскажу. Началось это в четвертом веке нашей эры. Римская империя в то время находилась в состоянии полного разложения, она распадалась на части, каждая из которых провозглашала и низвергала различных императоров. Шла бесконечная борьба за власть между многочисленными претендентами. В 306 году умер император Констанций Хлор. Римский престол наследовал его сын — Константин, впоследствии прозванный «великим». У Константина имелись соперники; двадцать лет он вел войну за власть, пролил море крови и в 325 году, наконец, стал единодержавным монархом. Почему он победил? Конечно, известную роль тут сыграли личные таланты Константина, но главное все-таки было не в этом. Главное было в христианах! Константин

очень скоро заметил, что в тогдашней Римской империи есть только одна сила, которая способна служить цементом, связывающим воедино разрозненные части империи, — христианство. И он решил опереться на христиан. В 313 году Константин издал свой знаменитый эдикт о веротерпимости и в течение последующих лет резко улучшил положение христиан в подвластных ему владениях. Это имело очень большое значение. Легенда говорит, будто накануне решающей битвы со своим главным соперником — Мавксенцием — Константин во сне увидел огненный крест, и голос свыше сказал ему: «Сим победишь!» Проснувшись, Константин приказал нарисовать на своих знаменах крест. Это так вдохновило христиан — в войсках Константина их было очень много, — что в тот же день Мавксенций был наголову разбит. Весьма вероятно, что сам Константин выдумал эту столь выгодную ему легенду, но она хорошо отражает действительное положение вещей: именно покровительство христианству принесло Константину торжество. Ловкий маневр, не правда ли?

Альфан потер руки от удовольствия, точно он сам был если не Константином, то его главным советником, и затем продолжал:

— Константину нужно было укрепить завоеванную власть и как-то объединить расползавшиеся части империи. И для этого он опять-таки решил использовать христианство. Перенеся столицу из Рима в Византию, он основал Константинополь и возложил свои главные надежды на восточную половину империи, где христиане были особенно сильны. Надо было придать этой части блеск и ореол, создать в ней какой-то притягательный для христианства центр. Ведь христиане, так хорошо послужившие ему в прошлом, могли послужить и в будущем! И вот умный император решает «открыть» Иерусалим! В том же, 325 году он отправляет туда свою престарелую мать Елену, снабдив ее надлежащими инструкциями. В результате Елена «находит» там, где нужно, крест, гвозди и прочие атрибуты «страстей господних». Затем Константин строит в Иерусалиме храм — родоначальник того храма, который вы видели вчера. Это и было началом культа Иерусалима…

Альфан сердито переворошил угли в камине и, отложив щипцы, продолжал:

— У Константина была еще одна причина, уже более личного свойства, для того чтобы послать свою мать в Иерусалим. Видите ли, то немногое, что сохранилось о ней в истории, заставляет

думать, что «святая равноапостольная Елена» в реальной жизни была… ну, скажем так: легкомысленной женщиной, веселой Магдалиной. Известно, что она была дочерью трактирщика. Известно, что до двадцати восьми лет она не выходила замуж, а в двадцать восемь лет родила сына Константина, будущего императора, от римского военачальника Констанция Хлора, тоже будущего императора. Известно далее, что в 293 году нашей эры Констанций Хлор, усыновленный императором Максимианом, разошелся с Еленой, как с женщиной «низкого происхождения», и женился на падчерице императора. Однако сын Елены, Константин, остался верен матери, и, когда в 306 году, после смерти Констанция Хлора, он был провозглашен императором, ей стали воздаваться большие почести: она была возведена в сан «августы», ее изображение чеканилось на монетах.

— Недурная карьера: от кабацкой девицы до императрицы! — засмеялся Степан.

— Да, это была особа с карьерой… и с изюминкой, — усмехнулся Альфан. — Однако «низкое происхождение» и прошлая жизнь грузом давили на ее имя, а в известной мере и на имя Константина. Надо было стереть память об этом.

Но как? Есть французская пословица: «Когда черт состарится, он идет в монахи». Вот то же самое случилось и с Еленой. На склоне лет, при поддержке сына, а вероятно, и по его подсказке, Елена приняла христианство и ушла в монастырь. Первый покров забвения был наброшен на прошлое веселой Магдалины. А когда в 325 году Константину понадобилось проделать свой иерусалимский маневр, он отправил свою мать в Палестину. Там она успешно выполнила задание сына и получила за это соответствующую награду: после смерти была причислена к лику святых. По тем временам это… это…

Альфан несколько раз щелкнул пальцами, не находя подходящего слова, и, наконец, расхохотавшись, сказал:

— Это было равносильно… ну, хотя бы возведению в сан герцогини, если перевести на понятия девятнадцатого века. Тем самым на прошлое Елены был наброшен еще один покров забвения. Церковный покров…

Петров рассмеялся:

— Небесная герцогиня!

— Вот именно! — весело подхватил Альфан.

Потом он сразу как-то посерьезнел и уже совсем другим тоном заключил:

— Так начался культ Иерусалима. И вот уже свыше шестнадцати веков ядовитый туман лжи окутывает древний город. Эта ложь оказалась очень выгодной мирским и духовным владыкам.

Шестнадцатого ноября утром Люсиль проснулась в слезах.

Быстро перебежав через комнату, она шмыгнула под одеяло к Тане, с которой спала в одном номере.

— Что с тобой, Люсиль? Почему ты плачешь?

— Я видела сон…

— Какой сон? — спросила Таня.

— Я видела во сне папу и маму, — продолжала всхлипывать Люсиль. — Мама тянулась ко мне, звала… А я… я хотела к ней побежать и не м-могла. Н-ноги не двигались…

Таня нежно прижала к себе девочку и сказала:

— Но ты же знаешь, Люсиль, из-за чего мы задержались в Иерусалиме?

— Он злой, злой, этот полковник Стирлинг! — вдруг вскипела Люсиль. — Я расскажу о нем папе.

Понемногу Люсиль успокоилась и стала одеваться.

За утренним завтраком лицо ее просветлело, и она воскликнула:

— Танья! Танья! Что я придумала!

— Ну, что же ты придумала, детка?

Девочка приняла строгий, почти торжественный вид и, глядя на Таню и Степана, сказала:

— Я пошлю папе и маме телеграмму? Можно?

— Конечно, можно, — улыбнулась Таня, — А что же ты напишешь в ней?

Люсиль живо вскочила с места, подбежала к стоявшему у окна бювару и стала что-то писать, слегка высунув кончик языка. Через несколько минут она протянула Тане листок, на котором стояло:

> «Дорогие папа и мама! Я сижу в Иерусалиме. Спасайте свою дочку. Целую. Люсиль».

— Глупенькая девочка! Разве можно посылать такую телеграмму? Ты только перепугаешь родителей — ведь они не поймут, в чем дело. И потом, ты даже своего иерусалимского адреса не указала.

Люсиль была смущена и нерешительно спросила:

— Так что же мне написать?

В этот момент Степан вдруг хлопнул себя по лбу и весело воскликнул:

— Постой, Люсиль! Ты мне дала хорошую мысль. Я тоже что-то придумал!

И, подойдя к бювару, Петров быстро стал писать. Потом, обернувшись, он сказал:

— Я решил послать отцу Люсиль такую телеграмму:

«Я, дипломатический сотрудник морского атташе СССР в Швеции, капитан 3-го ранга Петров, совместно с моей женой, а также дипломатический сотрудник военного атташе СССР в Швеции капитан Потапов едем из Москвы через Каир к месту нашей службы. Из Багдада с нами едет ваша дочь Люсиль. По прибытии в Иерусалим 12 ноября мы просили и. о. начштаба в Иерусалиме полковника Стирлинга предоставить в наше распоряжение легковую машину от Иерусалима до Каира, но полковник Стирлинг в этом отказал и обещает отправить нас только 27 ноября с колонной интендантских грузовиков. Были бы вам признательны за содействие в немедленном получении легковой машины от Иерусалима до Каира».

В заключение Петров сообщал название отеля, в котором остановились советские путешественники.

— Я думаю, — сказал Петров, — это будет хорошим дополнением к моей телеграмме контр-адмиралу Карпову. — И, обращаясь к Люсиль, он с улыбкой добавил: — Тебе ничего не надо переделывать, девочка. Мы пошлем обе телеграммы. Тогда твоим родителям все будет ясно.

...Вечером того же дня из Каира пришли две телеграммы. Одна была адресована Петрову.

«Приняты меры, —

прочитал он, —

немедленному получению вами легковой машины от Иерусалима до Каира. Искренне благодарю за заботу о моей дочери. До скорого свидания. Генерал-майор Маклин».

Другая телеграмма, на имя Люсиль, состояла из нескольких слов:

«Крепко обнимаем и целуем дорогую дочку. Скорее возвращайся домой. Папа,

мама».

Люсиль была в восторге. Люсиль была горда: это она первая надумала послать телеграмму папе и маме и вот теперь, как большая, получила ответ!

В тот вечер в постели она несколько раз поднимала голову и спрашивала:

— Танья, хорошо я придумала?

— Хорошо, хорошо! — улыбалась Таня. — Спи! Спи! Уже поздно…

Семнадцатого ноября утром из Каира в Иерусалим пришла еще одна телеграмма и легла на служебный стол полковника Стирлинга. Слова ее были сухи и официальны:

> «Предлагаю немедленно предоставить легковую машину от Иерусалима до Каира дипломатическому работнику морского атташе СССР в Швеции капитану 3-го ранга Петрову и его группе».

Полковник Стирлинг был вне себя. «Как! Эти большевики все-таки добились своего! И как быстро! И, несмотря на все то, что творится под Сталинградом? Скорей бы уж немцы окончательно захватили этот роковой город! Тогда, по крайней мере, всем нашим дуракам стала бы ясна

ошибка, которую мы совершили, связавшись с Советской Россией…»

Полковник Стирлинг был возмущен телеграммой до глубины души, но… под ней стояла такая подпись, что приходилось повиноваться…

К Петрову в номер отеля неожиданно явился английский офицер, отрекомендовавшийся капитаном Стэнли (это был не тот капитан с квадратным лицом, а совсем другой, весьма приятный и любезный). Обращаясь к Петрову, он с самой очаровательной улыбкой сказал:

— Легковая машина к вашим услугам, сэр. Когда прикажете ее подать?

— Да хоть сейчас! — радостно воскликнул Степан.

— Пожалуйста, сэр, — вежливо поклонился капитан и затем, чуть помедлив, прибавил, глядя на часы: — Только разрешите мне, как местному человеку, дать вам совет. Вы, конечно, можете его принять или не принять — это ваше дело… Так вот… Сейчас одиннадцать утра. Езды от Иерусалима до Каира восемь-девять часов. Если вы выедете в двенадцать часов, то большую часть пути должны будете проделать в самую жаркую пору дня. Это очень утомительно, особенно в Синайской пустыне, которую вам надо пересечь. К

тому же с вами едут дамы… — Говоря это, капитан бросил сочувственный взгляд в сторону Тани и Люсиль. — Если позволите, — закончил он, — я рекомендовал бы вам отправиться завтра рано утром по холодку.

Петров вопросительно посмотрел на Таню. Таня сказала по-русски:

— Лучше завтра в пять часов утра.

Капитан Стэнли был прав: дорога от Иерусалима до Каира, даже в первой половине дня, оказалась очень тяжелой.

Несмотря на ноябрь, на небе не было ни облачка. Высоко, в бездонной глубине, сверкало яркое и жестокое солнце. Его светлые лучи пронзали воздух, как огненные стрелы, а земля жгла ноги даже через толстые подошвы обуви.

В полдень температура поднялась до 50 градусов по Цельсию.

Сначала дорога шла по южной части Палестины. Эта своеобразная страна после первых же весенних дождей сплошь покрывается свежей, густой, высокой травой. Но свирепое солнце быстро превращает зеленую степь в пустыню. Сейчас, глубокой осенью, здесь было царство горячей смерти.

Вторая половина пути лежала через Синайскую

пустыню, в которую машина вступила, миновав южную границу Палестины. Здесь солнце было еще беспощаднее, воздух еще раскаленнее, а земля еще горячей. Ровный желтый песок стлался во все стороны, вплоть до далекого, млеющего в легкой дымке горизонта. Лишь узкая лента автомобильного шоссе вилась, как черная змея, без конца и начала.

Машина неслась вперед, но пассажиры с каждым часом чувствовали себя все хуже. Металлическая обшивка автомобиля раскалилась. Несмотря на открытые окна, внутри было томительно жарко и душно. Захваченные из Иерусалима бутылки со льдом не помогали — лед превратился почти в кипяток. Трудно было дышать, перед глазами ходили красные круги, а мозг, казалось, расплавлялся.

Особенно страдала от жары Таня. Она полулежала в углу на заднем сиденье, закрыв глаза и положив на лоб мокрую тряпку. Но это не спасало. Все тело было охвачено болезненной странной истомой.

Люсиль тоже чувствовала себя плохо — она вся побагровела и полудремала от изнеможения.

Раза два машина останавливалась: надо было дать отдохнуть шоферу (хотя Потапов его и под-

менял); надо было хоть немного подкрепиться.

Только когда въехали в зону Суэцкого канала, стало несколько легче. Откуда-то потянуло ветерком и свежестью.

В Измаилии, на канале, Таня совсем пришла в себя, а Люсиль, поняв, что приближается к дому, сразу оживилась и повеселела.

Еще немного — и в туманной дали вырисовались величественные очертания пирамиды Хеопса. Девочка радостно захлопала в ладоши. Теперь она вся превратилась в ожидание — нетерпеливое, напряженное.

Но вот показался город — здания, башни, минареты…

— Скорей! Скорей! — подгоняла Люсиль шофера.

Замелькали улицы, дома, магазины, деревья, машины, пешеходы… Под колесами прогремел мост, и, наконец, автомобиль остановился около железной решетки цветущего сада, в глубине которого виднелся особняк европейского типа.

Люсиль стремительно выскочила из машины и с громким криком: «Мама! Мама!» — бросилась в сад. Степан и Таня последовали за ней. Потапов решил остаться в автомобиле.

Навстречу Петровым по широкой аллее быстро

шла, почти бежала, молодая женщина в белом платье. Она что-то кричала и протягивала руки к Люсиль. Повиснув на шее у матери, девочка долго и нежно целовала ее. Петровы стояли чуть поодаль, чтобы не мешать этой встрече.

Миссис Маклин была очень хороша — настоящая южная красавица. Пышные черные волосы, продолговатое, чуть смуглое лицо, черные стрелки густых выгнутых ресниц, из-под которых ярко блестели большие темно-карие глаза. Высокий гребень в волосах придавал ей сходство с испанкой. Белое платье мягко облегало стройную фигуру. Женщине можно было дать лет тридцать.

Когда первый порыв радости прошел, Люсиль бросилась к Петровым и, схватив Таню за руку, потащила ее к матери.

— Мама! Мама! Вот это Танья! — звонко кричала девочка. И, вспомнив о Степане, прибавила уже тише: — А это ее муж…

Миссис Маклин подошла к Петровым и, приветливо улыбаясь, сказала:

— Миссис и мистер Петровы… Не так ли?

— Совершенно верно, — ответила Таня, пожимая ей руку.

— Просто не знаю, как вас благодарить за доч-

ку… — И она нежно погладила волосы Люсиль. — Впрочем, что же мы тут стоим? Пойдемте в дом! Выпьем по чашке кофе…

— Благодарим за любезное приглашение, — сказал Степан, — но, с вашего позволения, мы сделаем это несколько позже. Мы решили прежде всего завезти Люсиль домой, а сейчас нам нужно срочно отправиться в штаб для устройства своих дел.

— Ах, как жаль! — огорченно воскликнула миссис Маклин. — Но в таком случае я беру с вас обещание, что вы приедете к нам сегодня в восемь часов вечера на обед. Приходите, конечно, все трое — ведь вас, кажется, трое?.. Будет и мой муж. Он сейчас на службе.

Степан и Таня молча поклонились и, простившись с миссис Маклин и ее дочерью, вышли из сада.

Глава пятая
Тревоги англичан в Каире

Полковник Мекензи был сильно не в духе: ночью ему снилось, что немцы разбомбили его загородный дом под Лондоном; за утренним завтраком ему подали подгоревший бекон; по дороге на службу путь преградил караван осликов, что полковник считал плохой приметой. Но самое главное было не в этом. Самое главное было в том, что вот уже много дней и недель полковник ощущал нечто похожее на постоянную, тоскливо ноющую зубную боль. Бывали, конечно, моменты, когда важный деловой разговор, или срочное распоряжение начальства, или какое-нибудь письмо отвлекали внимание полковника, он забывал о своей боли и вновь чувствовал себя здоровым человеком. Но момент возбуждения проходил, и боль опять возвращалась. И странно: имя боли было «Сталинград».

Полковник Мекензи не мог бы точно припомнить, как и когда к нему пришла эта болезнь. Она подкрадывалась потихоньку, неслышно, незаметно. В начале второй мировой войны — полковник служил тогда в военном министерстве

в Лондоне — он относился к Советскому Союзу не только равнодушно, но даже неприязненно. Во время советско-финляндской кампании 1939-1940 годов Мекензи открыто поддерживал планы англо-французского похода в «помощь» Финляндии. После нападения Германии на СССР полковник Мекензи не без злорадства говорил: «Так русским и надо! Что посеяли, то и пожали». И тут же добавлял крылатую фразу: «Немцы пройдут сквозь Россию, как нож проходит сквозь масло, и максимум через три месяца от России ничего не останется». Кстати сказать, взгляд этот был очень популярен тогда в английском военном министерстве.

Скрепя сердце полковник Мекензи примирился с антигитлеровским военным союзом Англии и СССР. Однако он считал, что это не более как тактический трюк, имеющий целью хоть на короткий срок оттянуть германский удар по Британской империи.

Когда же в дальнейшем оказалось, что Россия, несмотря на свои неудачи в первый период войны, пережила три месяца, потом шесть, потом девять месяцев и все еще продолжала сопротивляться, — полковник Мекензи стал думать: «Дело оборачивается лучше, чем мы ожидали. Немцы

истощат свои силы и завязнут в России, а мы на этом хорошо заработаем. Война кончится английским или в крайнем случае англо-американским миром. За разбитые горшки будут платить Германия и Россия».

Весной 1942 года полковник Мекензи был переброшен в Каир. Здесь, находясь в штабе ближневосточного командования, он выполнял весьма сложные и разнообразные функции, однако взгляды его на ход войны и на открывающиеся впереди перспективы остались теми же, что и раньше. Меньше всего полковника беспокоили большие территориальные потери и человеческие жертвы, которые понесла и продолжала нести Россия. Мекензи рассуждал очень просто: «Земли и людей в России много, во всяком случае достаточно для того, чтобы немцы в них утонули».

И вдруг… вдруг что-то испортилось в том механизме мыслей и чувств, которыми жил полковник Мекензи. Когда именно? Этого момента полковник не мог бы точно назвать. По-видимому, «порча» произошла не сразу. Но тем не менее она произошла, а вместе с ней пришла и та надоедливая, ноющая боль, от которой полковник никак не мог избавиться.

Полковник вспомнил один ясный сентябрьский день. После хорошей выпивки накануне он пришел на службу несколько позднее обыкновенного. В прихожей по привычке взглянул в висевшее на стене зеркало. Лицо его было чуть-чуть помято, под глазами нависли мешки, но, в общем, собственный вид доставил полковнику удовлетворение. В самом деле, в свои пятьдесят лет он выглядел еще вполне моложаво. Седины почти не было, щеки отливали румянцем, серые глаза смотрели бодро и энергично…

«Лет до восьмидесяти проживу, а может, и больше», — подумал полковник, и на душе у него стало как-то тепло.

Потом Мекензи прошел в свой кабинет, и секретарь, как всегда, сразу же принес ему последние сводки, полученные за ночь с различных фронтов.

В России дела явно приближались к какому-то решающему моменту. Немцы бешено рвались к Сталинграду, а русские постепенно отступали перед этим натиском. «Надо отдать им справедливость, — подумал полковник Мекензи: — русские храбро дерутся и отходят лишь шаг за шагом, цепляясь за каждую возможность сопротивления. Но все-таки они отходят! В конце концов немцы

прижмут русских к Волге, возьмут Сталинград, а тогда…»

Здесь мысли полковника невольно остановились, и он впервые подумал: «А что же тогда?»

Как и большинство англичан, Мекензи не любил заглядывать слишком далеко вперед. Особенно смешили его всякого рода теоретические построения, относящиеся, как он выражался, к «гипотетическому будущему». К чему сегодня ломать себе голову над тем, что случится завтра? Вот придет завтра, тогда видно будет, что делать. Его любимым выражением было «We will muddle through» — «Мы как-нибудь извернемся». И потому, когда у полковника впервые возник вопрос: «А что же тогда?» — он просто отмахнулся от него. Ведь немцы еще не на Волге! Ведь Сталинград еще не пал! Поживем — увидим.

Однажды в начале октября его внезапно осенило: «Если немцы возьмут Сталинград, то, пожалуй, они пойдут на Кавказ, а забрав Кавказ, спустятся в Иран». С этого момента и началась та неотвязная, ноющая боль, которая непрерывно отравляла его существование. Ибо…

Но здесь необходимо, поступившись скромностью, раскрыть одну личную тайну полковника Мекензи.

Сам полковник не был особенно богат и жил главным образом на свое жалованье офицера. Но в сорок лет он выгодно женился и почти все приданое жены, оценивается примерно в 100 тысяч фунтов стерлингов, вложил в акции Англо-Иранской нефтяной компании. Это приносило полковнику ежегодный доход, далеко превосходящий его военный оклад, и супруги были очень довольны. Они буквально благословляли день, когда им удалось совершить столь выгодную операцию.

Однако, если теперь немцы придут в Иран…

При одной мысли об этом по спине полковника Мекензи начинали бегать мурашки. И не мудрено! Ведь тогда пропало приданое жены, пропали доходы с англо-иранских акций!.. У него останется только его полковничий оклад. Да можно ли и на него рассчитывать? Если немцы оккупируют Иран, они пройдут в Индию, они захватят Египет, они протянут свои жадные лапы к африканским владениям Англии…

Что же останется тогда от славной Британской империи? Наступит великая историческая катастрофа, в вихре которой может с легкостью погибнуть и последнее — оклад полковника…

Когда все эти ужасные призраки встали перед

сознанием Мекензи, он почувствовал, что почва колеблется под его ногами. И с тех пор тоскливо ноющая боль уже ни на час не оставляла Мекензи, а слово «Сталинград» стало действовать на него примерно так, как электрический ток действует на подопытную лягушку.

Войдя в кабинет, полковник Мекензи, как всегда, прежде всего потребовал военные сводки. Лейтенант Фрай, исполнявший обязанности секретаря, передал ему пачку бюллетеней и сообщил последнюю новость:

— Немцы заняли Сталинград, сэр!

— И вы довольны? — спросил полковник, уловив в тоне секретаря нотку торжества.

— Я ненавижу большевиков! — воскликнул Фрай. — И я рад, когда им плохо.

— Даже если вы при этом теряете свой собственный нос?

— При чем тут мой нос? — не понял Фрай.

— Я тоже не люблю большевиков, — продолжал полковник. — Но приходило ли вам когда-нибудь в голову, что Британской империи не выгодно поражение русских под Сталинградом?

Фрай весело рассмеялся:

— Какие странные вещи вы говорите, сэр!

— Ничуть не странные.

И полковник Мекензи вкратце изложил своему секретарю те мысли, которые в последние недели так сильно тревожили его.

Лицо лейтенанта Фрая приняло серьезное выражение, но только на одно мгновение. Потом на губах его заиграла улыбка, и он успокоенно заметил:

— Меня лично все это не касается, сэр! Наш банк (лейтенант Фрай был сыном крупного лондонского банкира) работает не в Азии, а в Канаде и в Латинской Америке.

В душе полковника поднялось раздражение, но он не хотел продолжать этот спор в «военно-политическом ключе» и быстро перевел разговор в другую плоскость. «Посмотрим, что ты запоешь сейчас!» — подумал он. И, изобразив на лице самое дружеское расположение, а голосу придав нотки участия, полковник произнес:

— Кстати, дорогой лейтенант, ваша последняя эскапада в ресторане «Египет»… Вы знаете, о чем я говорю? М-дэ… Слух докатился до его превосходительства. Генерал был очень недоволен… В такой тяжелый момент войны — и такое легкомыслие! М-дэ… Это может дать повод к весьма нежелательным разговорам среди наших солдат. Вы же знаете, как они сейчас настроены…

— Но ведь не я один был в ресторане «Египет», сэр, — возразил Фрай.

— Да-да, конечно, не вы один! — согласился полковник. — Но генерал выразился так: «Если этот кружок нашей «золотой молодежи» не успокоится, я вынужден буду разослать всех по фронтам». М-дэ… Это точные слова его превосходительства… М-дэ… Во всяком случае, теперь вы предупреждены, и остальное зависит от вас.

Лейтенант Фрай был обижен и расстроен. «Почему мне так не везет? Почему я родился в такое неудачное время? — думал он. — То ли дело мой папаша! Когда ему было двадцать пять лет, мир был совсем иным. В нем царил порядок. А теперь?..»

И лейтенанту стало даже жаль себя.

— Это все от большевиков, сэр! — вырвалось у него невзначай.

— То есть, что именно от большевиков? — с недоумением спросил полковник.

Лейтенант, внезапно оживившись, продолжал:

— Вы думаете, сэр, я не сознаю, что иногда допускаю излишества? Очень хорошо сознаю! Но, видите ли, сэр, жизнь теперь стала такой ненадежной… Сегодня я сын банкира, а завтра мне, быть может, придется камни таскать… Ну

вот, как вспомнишь про это, такая иногда злость возьмет! И хочется себя показать сейчас, немедленно… Крути, верти вовсю, пока можно! Хоть день, да мой. Тут легко и глупости наделать…

Начался служебный день. Приходили люди, приносили бумаги, звонили телефоны, принимались приказы, отдавались распоряжения. И, как назло, все это были неприятные дела.

«Несчастный день!» — думал полковник, вспоминая осликов, преградивших ему дорогу.

В третьем часу курьер доложил, что пришли трое русских, которые желают видеть полковника.

— Какие русские? — удивился Мекензи и затем, обратившись к Фраю, сказал: — Будьте добры, выясните, в чем там дело.

Фрай вышел и минуту спустя сообщил:

— Это два русских военно-дипломатических работника… С одним из них жена… Едут из Москвы в Швецию кружным путем. Вы примете их, сэр?

Первой мыслью полковника было отказать. Он даже проворчал:

— Разъезжают… Сидели бы лучше дома да защищали свой Сталинград!

Но потом его разобрало любопытство… «С одним из них жена… Советская дама!» Мекензи

никогда еще не приходилось сталкиваться с «советскими дамами». Какие они?

И чуть игривым тоном он спросил лейтенанта:

— Интересная?

— Н-да… Недурна, пожалуй, но не в моем стиле.

— Хорошо, я их приму, — решил полковник.

Петровы и Потапов вошли, вежливо поздоровались и сели в предложенные им кресла. Степан предъявил документы и затем изложил цель посещения.

— У нас к вам две просьбы, — суммировал он свои объяснения. — Во-первых, дать нам возможность поскорее двинуться дальше, а во-вторых, рекомендовать нам подходящий отель, где мы могли бы остановиться.

Спокойствие и деловитость Петрова произвели благоприятное впечатление на полковника. Таня же ему просто понравилась. «Только слишком уж сдержанна, — подумал Мекензи. — Женщина должна быть женщиной!»

Но все-таки перед Мекензи сидели большевики, а это значило, что их сразу надлежит «поставить на свое место», чтобы не зазнавались.

— Вы просите отправить вас по маршруту Каир—Гибралтар—Лондон, — любезно заговорил

полковник, — но, к моему глубочайшему сожалению, это невозможно. Линия на Гибралтар резервирована исключительно для лиц высшего ранга — министров, послов, адмиралов, генералов. Я не вправе пустить по этой трассе человека, чин которого ниже генерал-майора или контр-адмирала. Следовательно… — Тут полковник некстати вспомнил, что только вчера он отправил на Гибралтар майора Хокинса… Да, но ведь майор Хокинс — сын одного из крупнейших судостроителей Англии, а это побольше, чем чин генерал-майора! И, успокоенный таким соображением, он продолжал: — Следовательно, вы не можете воспользоваться маршрутом Каир—Гибралтар—Лондон. Вам придется выбрать несколько более длинный путь. Мы можем отправить вас на самолете в Кейптаун, там вы сядете на пароход, который доставит вас в Ливерпуль, ну, а уж от Ливерпуля до Лондона рукой подать…

«Как прав был наш контр-адмирал! — подумал Петров. — Этот любезный полковник намерен отправить нас именно по большому кругу… Впрочем, посмотрим…»

И Степан сделал попытку сопротивляться. Началась оживленная дискуссия. Аргументы и контраргументы носились, как мячики, между

Петровым и полковником. В пылу спора Степан сослался, между прочим, и на то, что путь по большому кругу будет очень утомителен для его жены.

Услышав это, полковник слегка привстал и, галантно поклонившись в сторону Тани, любезно произнес:

— Прошу прощения, но даже ради мадам я не в силах отменить распоряжение высшего начальства.

В конце концов стало ясно, что маршрут по малому кругу исключается. Тогда Петров спросил, когда полковник Мекензи мог бы отправить их на Кейптаун. Мекензи посмотрел сначала в какие-то бумаги, лежавшие на столе, потом глубокомысленно потер переносицу и, наконец, ответил:

— Сегодня у нас восемнадцатое ноября. Полагаю, что вы могли бы вылететь из Каира на юг через неделю, то есть примерно двадцать пятого ноября.

— Как! — не скрыл своего возмущения Петров. — Семь дней мы должны просидеть в Каире?

— Но Каир — очень интересный город, — с улыбкой ответил полковник. — Вы и не заметите, как пролетит неделя. Здесь есть что посмотреть.

Степан, а потом и Таня начали просить со-

кратить срок ожидания, но полковник остался непреклонен. Он ссылался при этом на перегрузку южной линии, на частые аварии самолетов, на недостаток летного персонала и на целый ряд других обстоятельств, которые приводят обычно, когда хотят отказать.

— Что же касается вашей второй просьбы, то… — Тут полковник обратился к лейтенанту Фраю: — У нас ведь, кажется, есть специальный человек, занимающийся устройством проезжающих русских друзей…

— Совершенно верно, сэр! — поспешно откликнулся Фрай и, повернувшись всем корпусом к Петровым, добавил: — Одну минутку… Ваш гид сейчас придет. Я уже вызвал его.

В этот момент открылась дверь, и в кабинет полковника вошла женщина лет двадцати пяти, рослая и самоуверенная. Степан и Таня невольно переглянулись. Женщина, несомненно, была красива, но той обнаженной крикливой красотой, которая точно бросает вызов каждому встречному: черные блестящие волосы, густые брови, яркие, полные губы, большие карие, чуть навыкате глаза, смотрящие дерзко и насмешливо… Стройная фигура была обтянута легким платьем, на ногах желтели туфельки самого последнего

парижского фасона. Левую руку украшал серебряный витой браслет. От гида исходил запах сладковато-острых духов.

На лице полковника Мекензи, которому еще не доводилось встречаться с «русским гидом» — это было функцией Фрая, — проступило сначала выражение любопытства. Затем оно сменилось откровенным восхищением. А «русский гид», весьма бесцеремонно окинув пристальным взглядом советских людей, с особым вниманием остановился на Тане.

— Мадемуазель Аннет Фролова, — представил ее Фрай и прибавил: — Ваша соотечественница… Ей поручено заботиться о вас в Каире.

Фролова решительным шагом подошла к Петрову и, поздоровавшись, заговорила по-русски:

— Вам нужна гостиница? Мы это сейчас устроим…

Когда дверь за советскими гостями затворилась, полковник Мекензи выразительно посмотрел на своего секретаря и сказал:

— Однако… этот ваш «русский гид»…

По лицу Фрая скользнула таинственная, многозначительная улыбка.

— Теперь я понимаю, — усмехнулся полковник, — почему вы рекомендовали мадемуазель Фро-

лову для работы в штабе.

— Вы неправы, сэр, в своих подозрениях, — самодовольно проговорил Фрай и затем, перейдя на деловой тон, продолжал: — Мадемуазель Фролова не любит большевиков и очень аккуратно сообщает нам все, что говорят и делают проезжающие через Каир русские.

Тем временем Аннет Фролова, сидя вместе с советскими гостями в автомобиле, торопливо рассказывала им о себе: отец — русский купец из Нахичевани; еще до революции он уехал в Персию, потом перебрался в Каир; держит сейчас мануфактурную лавку на каирском базаре; сама мадемуазель Фролова родилась уже в Египте; мать ее умерла, когда девочке было пять лет; воспитала Аннет бабушка с отцовской стороны, коренная русская купчиха, которая строго следила за тем, чтобы в семье все было по-русски; потом отец отдал свою дочь в местный пансион, где ее обучили английскому и французскому языкам; живя в Каире, мадемуазель Фролова, естественно, усвоила и арабский язык. Сейчас она ведет хозяйство в доме отца; у нее есть младший брат, Антон, отличный спортсмен; несколько месяцев назад, когда через Каир стали часто проезжать русские офицеры, английский штаб предложил

ей быть «гидом»; она охотно согласилась, чтобы хоть этим скромным трудом помочь своей стране в столь тяжелый для нее момент.

— Я, конечно, никогда в России не бывала, — закончила мадемуазель Фролова свое повествование, — но все-таки чувствую себя русской и хочу быть полезной своим компатриотам.

Все это мадемуазель Фролова рассказала ясно, точно, гладко, без запинки. Видно было, что она повторяет привычный текст, разученный ею раньше, — вероятно, во время разговоров с «русскими офицерами», которые проезжали через Каир до Петровых.

Степан слушал мадемуазель Фролову и думал: «Вероятно, в ее истории много вранья... Но, если даже допустить, что она рассказывает правду, что ее отец действительно выехал из России еще до падения царизма и что, стало быть, формально он не является белогвардейцем, кто же фактически сейчас эта мадемуазель? Конечно, белогвардейка! Как же быть?»

Но, прежде чем Петров успел мысленно ответить на собственный вопрос, машина остановилась у здания полувосточной архитектуры.

— Это частный пансион «Роза Востока», — поспешила пояснить мадемуазель Фролова. — Я

избегаю размещать моих компатриотов в больших отелях — там дорого и шумно. Гораздо лучше пансион: дешевле, спокойнее, да и обстановка почти семейная.

Вошли в вестибюль. Мадемуазель Фролова была здесь явно своим человеком. В сопровождении какой-то маленькой женщины она повела «компатриотов» по лестницам и коридорам здания. Везде были шикарные ковры, скрадывавшие звук шагов, тяжелые шелковые портьеры, роскошные цветы и растения в кадках, фонтаны, широкие оттоманки, уютные уголки, ниши, похожие на альковы, небольшие комнатки, обставленные с восточной роскошью…

— Каковы ваши ближайшие планы? — любезно спросила мадемуазель Фролова, считая вопрос о пансионе исчерпанным. — Может быть, вы хотели бы еще сегодня что-нибудь посмотреть?

— Нет, благодарю вас, — ответил Петров. — Сегодня мы будем отдыхать, а вот завтра…

Условились, что мадемуазель Фролова явится к советским гостям на следующий день в восемь часов утра и покажет им город. Надо было ловить менее жаркие утренние часы, ибо в середине дня в Каире наступала «знойная пауза».

Когда мадемуазель Фролова, наконец, уда-

лилась, Петров сказал, обращаясь к Тане и Потапову:

— Сядьте! Необходим военный совет… Куда мы попали и что нам делать?

— По мне, — не задумываясь ответил Потапов, — надо прежде всего послать к черту эту белогвардейку, а потом переменить местожительство.

Таня энергично поддержала Александра Ильича.

— Согласен с вами, — заключил Петров. — Но как это сделать? Не забудьте, что белогвардейка является официальным работником английского штаба. Если мы просто выставим ее за дверь, штаб может обидеться, и в результате мы просидим в Каире не неделю, а две недели. Поэтому я предложил бы следующий выход: говоря морским языком, взять курс на изгнание белогвардейки и смену резиденции. Но делать все это деликатно, не создавая серьезных трений с англичанами. Принято?

Таня и Потапов со смехом подтвердили:

— Принято единогласно!

К восьми часам вечера Петровы и Потапов были в особняке у Маклинов. Люсиль встретила их еще в саду и, сразу повиснув на шее Тани, захлебываясь, повторяла:

— Ах, Танья! Мне было так скучно без вас!

Миссис Маклин пошутила:

— Я просто начинаю ревновать к вам свою дочь, мадам Петрова. Она вспоминает вас каждые пять минут. Должно быть, вы околдовали ее?

— Да, за дорогу мы очень сдружились, — улыбнулась Таня. — Но через несколько дней мы уедем, и тогда… Знаете, миссис Маклин, есть русская пословица: «С глаз долой — из сердца вон».

— Нет! Нет! — запротестовала Люсиль. — Я вас, Танья, никогда не забуду!

В особняке гостей встретил сам генерал Маклин — несколько сутулый человек высокого роста. Длинный, с легкой горбинкой нос в сочетании с бритым костлявым подбородком придавал его умному лицу какое-то птичье выражение. Глаза, глубокие, синие, такие же, как у Люсиль, были очень хороши.

Маклин тепло приветствовал советских гостей и выразил большую благодарность за то, что они доставили ему Люсиль здоровой и счастливой. Степан, в свою очередь, поблагодарил Маклина за его помощь в борьбе с полковником Стирлингом.

— Боюсь, мистер Маклин, — прибавил Степан, — что я и сейчас покажусь вам надоедливым, но

у меня к вам есть две просьбы.

— Я весь в вашем распоряжении… Не стесняйтесь! — радушно отозвался Маклин.

— Так вот… — И Степан подробно рассказал Маклину о своем разговоре с полковником Мекензи. — Выходит, что нам придется потерять в Каире целую неделю! Может быть, вы могли бы оказать нам содействие в ускорении вылета на юг?

— Постараюсь сделать, что могу, — любезно ответил Маклин. — Ну, а ваша вторая просьба?

Степан передал о впечатлении, произведенном на него «Розой Востока», и просил Маклина порекомендовать ему какой-нибудь подходящий отель.

— Мы сейчас все это уладим, — рассмеялся Маклин и велел позвать дворецкого.

Дворецкий был сильно англизированный египтянин,с проседью в волосах, молчаливый и величественный, как монумент.

— Что такое пансион «Роза Востока»? — спросил его Маклин.

По смуглому лицу египтянина пробежала едва заметная улыбка, и с небольшой заминкой он ответил:

— Не очень гм… гм… респектабельный пансион, сэр…

— Я так и думал, — воскликнул Маклин и обратился к Степану: — Если угодно, мы вас сейчас же переселим в более подходящее место.

— Конечно, угодно! — засмеялся Степан. — Но как это устроить?

Маклин был, видимо, человеком действия.

— Отправляйтесь немедленно в «Розу Востока», — приказал он дворецкому, — заберите там вещи трех наших гостей, расплатитесь, перевезите вещи в отель «Гиза-Хаус» и займите там два номера — один двойной, а другой одинарный. Счет принесите сюда. — Обратившись к Петрову, Маклин пояснил: — «Гиза-Хаус» — это один из лучших каирских отелей. Поблизости от пирамид. Весьма романтично, да и кормят хорошо. Останетесь довольны.

— Но не лучше ли, чтобы мы все это сделали сами после обеда? — спросил Степан, несколько смущенный такой услужливостью хозяина.

— Нет-нет! — решительно возразил Маклин. — Зачем вам беспокоиться? Мой дворецкий — очень толковый и оборотистый человек. Он все устроит наилучшим образом. От нас вы сразу отправитесь уже на новое место.

Горничная принесла в гостиную поднос, на котором стояли рюмочки с хересом.

Степан исподволь оглядывал гостиную. Она была просторна и хорошо обставлена: ковры, тяжелые гардины, обитые кожей диваны и кресла, чудесный столик с перламутровой инкрустацией, большой рояль, картины, и везде масса южной зелени.

В открытую дверь виднелся кабинет хозяина: огромный письменный стол с вертящимся креслом перед ним, высокие шкафы, заставленные книгами в прекрасных переплетах, чертежный стол, этажерки, сейф, картины, карты. Все здесь было дорогое, прочное, солидное, сделанное со вкусом. «Этот «левый лейборист» любит хорошо пожить», — подумал Степан.

Потом перешли в столовую. Здесь все тоже дышало достатком и довольством. На белоснежной подкрахмаленной скатерти у каждого прибора разместился целый арсенал ножей, вилок, ложек, бокалов — еще больше, чем за столом в Багдаде. Блюда привозились из кухни на двухъярусном столике, катившемся на роликах. Прислуги было много — мужской и женской.

Сама миссис Маклин сидела во главе стола в шелковом платье, с брильянтовой брошью на груди. Она была очень красива и эффектна. И снова Степан подумал: «Да, этот деятель «рабочей

партии» любит хорошо пожить…»

За обедом говорили больше всего на темы общего характера: о погоде, о каирских театрах и кино, о достопримечательностях египетской столицы. Таня была очень разочарована, узнав, что в водах Нила, здесь, у Каира, нет крокодилов.

— Какие там крокодилы? — рассмеялся Маклин. — Здесь для них слишком шумно и опасно. Если хотите видеть крокодилов, надо проехать в Ассуан, миль пятьсот вверх по Нилу. Ближе не найдете.

Только к концу обеда, когда миссис Маклин предложила тост за здоровье родных, за столом воцарилось молчание. Каждый невольно подумал о близких, о тех, кто сражался сейчас на различных фронтах…

После обеда дамы — миссис Маклин, Таня и Люсиль, которая и впрямь держала себя за столом как маленькая женщина, — по английскому обычаю, удалились в гостиную. В столовой остались только мужчины — хозяин, Степан и Александр Ильич. И тут, опять-таки по английскому обычаю, начались более серьезные разговоры.

Маклин подробно расспрашивал Петрова и Потапова (благодаря своему упорству и незаурядным способностям Александр Ильич уже

начинал говорить по-английски) о положении в СССР, о настроении советских людей, о событиях на фронтах, особенно под Сталинградом. И, как ни осторожно ставил он вопросы, все же чувствовалось, что «левого лейбориста» интересует, в сущности, один вопрос: как долго Советский Союз еще сможет и захочет воевать?

А Степан расспрашивал Маклина о положении в Англии и тоже ненавязчиво, деликатно пытался узнать, когда же, наконец, будет открыт второй фронт.

Маклин заверял, что Англия готова вести войну «до конца», однако по вопросу о втором фронте высказывался крайне неопределенно. Он пытался даже обосновать эту неопределенность исторически и теоретически.

— Необходимо учитывать, — говорил он, — что Англия никогда в истории не имела большой сухопутной армии, не привыкла воевать на суше. В прошлом она всегда воевала своим флотом, своими деньгами и своим политическим влиянием. Мы, англичане, — нация морская, на полях сухопутных битв чувствуем себя так, как тюлень на берегу.

Маклин улыбнулся этому своему сравнению, но Степан вовсе не склонен был улыбаться в ответ. В его груди стало закипать раздражение. «Это значит, — подумал он, — что второго фронта англичане скоро не откроют». Однако Петров сдержался и, желая получше прощупать психологию собеседника, задал ему еще один вопрос:

— Скажите, пожалуйста, английская «Рабочая партия» —лейбористская партия — это социалистическая партия?

— Да, конечно, лейбористы — социалистическая партия, хотя официально мы себя так не называем, — ответил Маклин. — Но мы — социа-

листическая партия по-английски.

— Что это значит — «по-английски»?

— Видите ли, это нелегко объяснить, — усмехнулся Маклин. — Одно, во всяком случае, могу сказать: мы не имеем ничего общего с марксизмом. Англичане слишком индивидуалистичны, и марксизм их отпугивает.

— Ну хорошо, — сказал Степан. — Что вы не марксисты, это я знал и раньше. Но кто же вы такие? Почему вы все-таки называете себя социалистами?

— Для того чтобы вам стало яснее положение, — начал Маклин, откинувшись в своем кресле, — я должен слегка коснуться прошлого… Как возникла лейбористская партия? В 1900 году наши тред-юнионы и некоторые социалистические группы создали Комитет рабочего представительства в парламенте, впоследствии переименованный в «Рабочую партию». Кто входил в ее состав? На девяносто девять процентов это была партия тред-юнионов, каждый член английских профсоюзов автоматически считался членом партии. Уже много позднее, после первой мировой войны, была создана секция «индивидуальных членов». Таким образом, в «Рабочей партии» объединены члены профсоюзов, люди

самых различных политических направлений и взглядов.

Маклин отпил глоток кофе и продолжал:

— До 1918 года «Рабочая партия» боролась за нужные рабочим законодательные мероприятия в вопросах зарплаты, рабочего дня и так далее, не имея какой-либо общей программы. Только в 1918 году, после первой мировой войны, «Рабочая партия» приняла официальную программу, конечная цель которой — создание общества, построенного на принципах социализма. Однако сформулирована эта программа была довольно расплывчато, — да и как иначе? Ведь в составе тред-юнионов, входящих в партию, имелось много несоциалистов, да и социалисты, являвшиеся членами партии, тоже принадлежали к самым различным течениям, вплоть до христианских социалистов, исходящих из евангельского принципа: «Возлюби ближнего, как самого себя». Вот почему, — закончил Маклин, — я и сказал вам, что «Рабочая партия» — это социалистическая партия, но социалистическая по-английски.

— Социалистическая по-английски… — задумчиво повторил Петров и усмехнулся: — Не по-пролетарски…

Но Маклин уже встал и, будто не расслышав

реплики Степана, оживленно воскликнул:

— Впрочем, что же мы тут сидим? Увлеклись спорами и совсем забыли о наших дамах. Они, вероятно, сердятся на нас…

Мужчины прошли в гостиную и застали женщин за оживленным разговором о роли медицины в воспитании детей. Таня развивала свою любимую идею, что врач, вместе и наравне с педагогом, должен участвовать в формировании физического и духовного облика ребенка, — это очень важно!

Шел уже двенадцатый час, и после длинного и тяжелого дня гостям хотелось отдохнуть.

Горничная принесла чай — по английскому этикету, знак, что можно расходиться. Да и в самом деле было пора!

Дворецкий Маклина вызвал такси и сопровождал советских гостей до их новой резиденции. Наши путешественники остались довольны отелем «Гиза-Хаус» и сразу почувствовали себя здесь в нормальной обстановке.

Петров открыл окно и выглянул наружу. На небе мерцали крупные южные звезды. С реки веяло сыростью и прохладой.

— А все-таки странные люди эти лейбористы! — с усмешкой сказал Степан, обращаясь к жене.

— Марксизма не признают, а считают себя социалистами. Какой же это социализм без марксизма? Одни слова!

Таня рассмеялась и ответила:

— Уж времена такие… Без социалистической этикетки — никуда!

Глава шестая
Три Египта

Каир 1942 года был, несомненно, самым фантастическим городом на земном шаре. Он еще не был Каиром наших дней, столицей свободного и независимого Египта, сбросившего иго империализма, высоко поднявшего знамя национального движения арабов.

Это был старый Каир — монархический и колониальный, в недрах которого только вызревали семена будущего, город необыкновенного смешения времен, эпох, цивилизаций, рас, народов, обычаев и нравов.

На западной окраине города, словно в старинной сказке, жил Египет седой древности: гигантские пирамиды Гиза, загадочная фигура Сфинкса, могилы фараоновой знати, каменные обелиски, статуи, обломки стен и зданий, построенных здесь тысячи и тысячи лет назад…

В светлые лунные ночи, когда современный Каир спал, особенно ярко вставал образ того мрачного и таинственного царства далекого прошлого, к которому так хорошо подходили слова Шелли:

Я встретил путника. Он шел из стран далеких

И мне сказал: «Вдали, где вечность сторожит

Пустыни тишину, среди песков глубоких

Обломок статуи распавшейся лежит.

Из полустертых черт сквозит надменный пламень,

Желанье заставлять весь мир себе служить!

Ваятель опытный вложил в бездушный камень

Те страсти, что могли столетья пережить.

И сохранил слова обломок изваянья:

«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,

Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»

Кругом нет ничего… Глубокое молчанье…

Пустыня мертвая... И небеса над ней...[9]

Этот Египет древности, Египет пирамид и мумий, давно умер и вместе с тем не умер: струя его крови билась в жилах современного Египта, отблеск его дыхания чувствовался в нравах и обычаях Египта наших дней.

На Мокаттанских холмах и в некоторых других районах города полусказочно жил Египет средних веков, эпохи арабского завоевания и господства Магомета: старинные мечети с остроконечными минаретами, цитадель, окруженная каменными стенами, море маленьких подслеповатых домиков и особенно главный базар — яркий, пестрый, шумный, настоящий базар восточного средневековья.

Этот базар играл огромную роль в жизни египетской столицы еще и теперь, в 1942 году. Собственно, это был целый город, точно соскочивший со страниц «Тысячи и одной ночи», город узеньких, тесных, остро пахнущих улочек, кривых переулков, темных тупичков, неожиданных перекрестков; город без плана и порядка

---

[9] Примечания: 9
Перевод К. Бальмонта.

— лабиринт лавок, лавочек, ларьков, палаток, лотков, мастерских; город, стихийно выросший на протяжении веков, похожий на тесто, которое вылезло из квашни и широким, бесформенным пятном растеклось во все стороны.

И в это царство далекого прошлого кое-где грубо врывалась современность: каменные здания, большие магазины…

И чего-чего только не было на этом базаре! По обе стороны узеньких улочек, где подчас трудно было, встретившись, разойтись, теснились тысячи лавочек и ремесленных предприятий, если только можно назвать предприятием крошечный балаган, в котором на виду у всех лежит десяток щеток и сидят, поджав под себя ноги, два кустаря. Здесь торговали всем — финиками, седлами, тканями, бумагой, драгоценностями, медными сосудами, трубками, птицами, оружием, платьем, животными, приворотным зельем. Здесь не только торговали: корзинщики плели корзины, медники ковали блюда, столяры изготовляли столики с инкрустациями, портные шили костюмы, пекари поджаривали лепешки, сапожники тачали ботинки, парикмахеры стригли и брили, писцы писали челобитные и доносы, «врачи» пускали кровь и лечили какими-то странными

снадобьями. Тут же ростовщики принимали в заклад и меняли деньги, заклинатели змей тихо посвистывали на своих дудочках, какие-то темные старухи гадали о прошлом и будущем… Стучали молотки, ухали кузнечные горны, звенели пилы, визжали напильники, скрипели перья, шипело сало, кричали торговцы, противно кричали ослики, завывали бродячие собаки… И все это сливалось в пеструю, дикую симфонию, которая целый день висела над базаром.

А люди! Сколько тут было людей! Мужчины в

чалмах, с белыми бородами и в длинных халатах; нищие, с причитаниями протягивающие руку к прохожим; калеки, показывающие прохожим свои язвы и уродства; дервиши и богомольцы, громко бубнившие молитвы; стайки полуголых детей всех возрастов, как воробьи перелетавшие с места на место; старые и молодые женщины в пестрых одеждах и каких-то подобиях паранджи. Египтянки 1942 года закрывали верхнюю часть лица — от волос до кончика носа — черной сеткой, но такой прозрачной, что сквозь нее хорошо виднелись черты лица. Каирские модницы прикрепляли к сетке у переносицы кусочки ярко отполированного золота. Так получалось, что одновременно и есть паранджа и нет паранджи, а скорее всего, есть не паранджа, а украшение.

Многие говорили: «Большой базар — это сердце Каира». Но если Большой базар был подобен сердцу, то десятки тысяч людей, которые непрерывным потоком двигались по его темным улочкам и закоулкам, были подобны крови, мерно пульсирующей в артериях этого сердца.

Однако Большой базар был не только сердцем города. Он был также форумом и политической биржей каирского обывателя, его газетой, его радио, важнейшим источником сведений обо всем,

что происходит на свете, а главное, кузницей бесчисленных сказок, легенд, слухов, подчас самых невероятных и фантастических. Тысячи нитей связывали Большой базар с «лучшими фамилиями» Египта и даже с окружением самого короля Фарука. Здесь обсуждались все вопросы дня — военные, политические, экономические, бытовые, семейные и особенно все события скандальной хроники города. Здесь же вырабатывалось то «общественное мнение» широких египетских кругов, которым интересовались даже дипломаты. Рассказывали, что послы великих держав, аккредитованные при египетском короле, имели специальных агентов, которые информировали их обо всем, что происходило на Большом каирском базаре….

В центре города и в некоторых привилегированных районах на берегу Нила уже совсем прозаически жил Египет современности. Здесь были прекрасные европейские здания, широкие улицы, банки, пароходные компании, блестящие магазины и кафе, официальные учреждения. Здесь имели свои резиденции англичане, французы и другие европейцы, а также европеизированные представители египетской знати и буржуазной интеллигенции. Здесь был

мир империализма, со всеми его внутренними противоречиями.

Они явственно обнаруживались еще до войны, когда шла борьба за влияние между англичанами и французами. Конечно, военно-политическими хозяевами Египта были англичане — так повелось с 1882 года, когда Египет был оккупирован Англией. Однако в течение предшествовавших десятилетий Франция играла крупную роль в судьбах Египта, и французские традиции здесь были очень сильны: египтяне чаще учились во Франции, чем в Англии, французский язык был популярнее английского. Даже шифрованная переписка египетского министерства иностранных дел велась на французском, а не на английском языке (свой родной язык король Фарук почему-то считал неподходящим для такой переписки).

Но борьба за Египет между Англией и Францией не очень затрагивала массы египтян.

Для народа и те и другие были врагами, колонизаторами. Главным содержанием политической жизни египетских масс стала борьба с господствующим английским империализмом.

После первой мировой войны и Великой Октябрьской революции на берегах Нила, как и во многих других колониальных странах, поднялось

широкое народное движение за национальную независимость. Пестрое по своему социальному характеру, оно доставляло английским колонизаторам немало хлопот.

В 1936 году Лондон оказался вынужденным особым договором формально признать политическую «самостоятельность» Египта.

С началом второй мировой войны положение еще более обострилось. Правда, французское влияние теперь сильно ослабело, однако у англичан появился в Египте новый и гораздо более опасный соперник — американцы. К тому же и национальное движение стало принимать все более опасные для англичан формы.

Главным выразителем египетской национальной идеи в те годы стала партия ВАФД — партия национальной буржуазии, которую поддерживала часть помещиков, тесно связанная с капиталистическими компаниями. Но за ВАФД шли и значительные массы мелкой буржуазии, интеллигенции, крестьянства, даже рабочих, стремившиеся к национальной независимости Египта. Партия ВАФД атаковала британский империализм и добивалась уже не только формальной, но и фактической самостоятельности страны, а также установления нового внутрен-

него режима.

Какого именно? Тут среди членов партии возникали разногласия и расколы. Одни, близкие к капиталистическим и помещичьим кругам, требовали консервативно-буржуазной власти, лишь внешне прикрытой национальным костюмом, и готовы были идти на различные уступки британским империалистам. Другие, связанные с крестьянско-ремесленными, а отчасти и с рабочими массами, стремились к прогрессивно-демократической власти и твердо отстаивали независимость Египта. В результате политика ВАФД представляла колеблющуюся и зигзагообразную линию. В партии имелось много различных группировок, некоторые из них были связаны с лагерем реакции и империализма. Однако, несмотря на все это, борьба ВАФД для своего времени являлась шагом вперед.

Особую позицию занимал король Фарук и его окружение. Воспитанный в реакционных традициях прошлого, он шестнадцати лет вступил на престол. «Вино власти» сразу ударило ему в голову. Конечно, молодой король прекрасно чувствовал и понимал, что англичане являются его хозяевами и что без помощи англичан ему не удержаться на троне. Однако личные

политические симпатии Фарука очень быстро определились: он стал поклонником Гитлера и Муссолини. И, когда в 1939-1942 годах фашистские державы, казалось, шли к верной победе, Фарук стал недвусмысленно брать курс на их торжество. Он поддерживал секретные связи с Римом и Берлином, покровительствовал их агентам в Египте. Отношения Фарука с англичанами в этот период принимали все более напряженный характер.

Но и другие противоречия бурлили в те дни в Каире: Египет был наводнен регулярными войсками, военными отрядами и военными миссиями всякого рода, между которыми происходили вечные распри и конфликты. Здесь стояли австралийские и новозеландские дивизии, которые плохо ладили с британским командованием в Каире. Здесь были военные представители США и Южной Африки, у которых имелись свои счеты с англичанами. Здесь ютились также остатки греческих, польских и югославских войск, эвакуировавшихся из своих стран после их оккупации Германией. Здесь отстаивались части французского военного флота, бежавшие от гитлеровцев.

Все эти осколки бывших армий и флотов, пережившие катастрофу, измученные, озлобленные, потерявшие веру в будущее, были едины лишь

в одном: в нелюбви к англичанам. Они обвиняли англичан в высокомерии, в вероломстве, в нежелании оказать действительную помощь пострадавшим за них союзникам — во всех смертных грехах!

А военная машина империализма работала тем временем на полный ход. Каждый день в египетские порты приходили многочисленные пароходы с войсками, вооружением, боеприпасами, продовольствием. В самом Египте англичане размещали крупные заказы на сырьё и пищевые продукты, и местные паши нередко ухитрялись в несколько дней составлять огромные состояния. Почуяв наживу, авантюристы и спекулянты всех наций слетелись в Египет и начали бешеный танец вокруг британского интендантства, набивая карманы золотом. Волна диких кутежей, массового пьянства, безумной игры в карты, кости, в рулетку катилась по стране, достигая невиданной силы в Каире.

И вот все эти три Египта — Египет фараонов, Египет Магомета и Египет второй мировой войны — смешивались в какое-то фантастическое месиво, взаимно влияли друг на друга и создавали исключительно сложную общественно-политическую атмосферу.

В Египте 1942 года возможно было даже невозможное, мыслимо даже немыслимое.

Мадемуазель Фролова явилась к Петровым ровно в восемь часов утра.

— Итак, с чего мы начнем? — со спокойно-деловитым видом спросила она, хотя внутренне была взбешена тем, что ее «подопечные» бежали из «Розы Востока» в другую гостиницу.

— А что вы посоветуете?

Обменявшись мнениями, решили посвятить этот день общему ознакомлению с городом, а завтрашний — осмотру пирамид и других древностей.

— Обычно знакомство с Каиром начинают с пирамид, — наставительно заметила Фролова, — но если вы хотите начать с города, — пожалуйста. Это ваше дело… Тогда поедем на базар.

— Ну что ж, — согласился Петров, — на базар так на базар.

Два часа мадемуазель Фролова водила советских гостей по Большому базару. Она знала его превосходно и чувствовала себя здесь в своей стихни.

Осматривая лавочки и мастерские, Таня соблазнилась и купила на память о Каире медное блюдо кустарной работы с весьма замысловатой

чеканкой.

В конце экскурсии мадемуазель привела своих гостей в ту часть базара, где находились магазины европейского типа. Войдя в один из них, она сказала, обращаясь к Петрову:

— Я хочу вас познакомить с моим отцом…

Молодой человек, чем-то похожий на мадемуазель Фролову, при виде советских людей метнулся и скрылся за задней дверью. «И чего он так испугался нас?» — с улыбкой подумала Таня.

Отец мадемуазель, несмотря на бритое лицо и английский костюм, очень походил на пожилого русского купца, начинающего чувствовать тяжесть годов. Он встретил гостей с внешним радушием и тут же стал заверять их, что соскучился «по родным местам».

— Да что поделаешь! — прибавил он, чуть певуче растягивая гласные. — Жизнь прожить — не поле перейти…

После базара мадемуазель Фролова повела своих гостей в какой-то египетский ресторанчик, стоявший на самом берегу Нила. Сидя в тени большого дерева, они ели знаменитый египетский кебаб, пили египетское вино и лакомились

египетскими сластями хамам и мальбаи[10]. Хотя Таня и сожалела, что в Каире нет крокодилов, но с удовольствием смотрела на синие воды могучей реки. Задумавшись, она вдруг увидела себя маленькой школьницей, стоящей в классе возле огромной карты полушарий. Большую желтую Африку сверху вниз пересекала толстая голубая лента — река Нил! И она, Таня, водит измазанным в чернилах пальцем по этой толстой линии и, поднявшись на цыпочки, тянется вверх, чтобы показать строгой учительнице, Вере Ивановне, город Каир. «В Ниле водятся свинсы и крокодилы», — громко объявляет она при общем хохоте класса.

Таня улыбнулась своим мыслям и проговорила:

— Свинсы и крокодилы.

Степан, зная, в чем дело, сердито повторил:

«Действительно, свинсы и крокодилы», — и красноречиво взглянул при этом на Фролову.

Потом осматривали мечети. В Каире их множество, все они очень живописны и имеют свою

---

[10] Примечания: 10

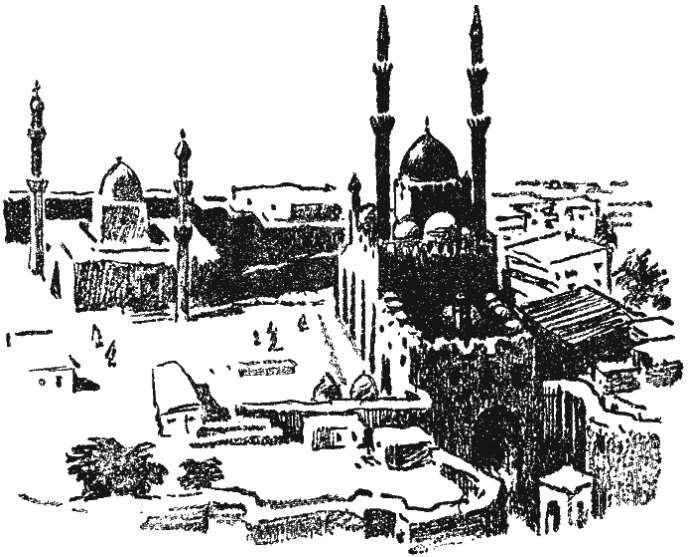
Кебаб — особым образом зажаренные тонкие пластинки баранины, завернутые в трубку из тонкого теста. Хамам — вермишель из орехов с изюмом и соком сахарного тростника. Мальбаи — повидло из гранатового сока.

историю.

Мадемуазель Фролова хотела было осчастливить гостей показом по крайней мере десятка мусульманских храмов. Но Потапов, который обычно из скромности предпочитал молчать, решительно запротестовал.

После краткого обмена мнениями было решено осмотреть главную мечеть — мечеть Мохамеда Али в цитадели.

Сама цитадель не произвела на наших путешественников большого впечатления. Это была расположенная на голых Мокаттамских холмах старинная крепость с глухими каменными стенами. За стенами ее беспорядочно толпилось много разномастных домов и домиков, а над всем этим хаосом царила знаменитая мечеть — огромное белое здание, увенчанное большим центральным куполом. Несколько малых куполов, прильнувших с четырех сторон, составляли как бы его свиту. Внутренний двор мечети был окаймлен галереей, крышу которой поддерживали десятки колонн. Два узких, тонких минарета, как две бело-зеленые иглы, стремительно возносились к небу.



Сняв ботинки, советские путешественники вступили в полутьму мечети. Она была обширна и величественна, но не поражала ни архитектурой, ни украшениями. Мечеть в Дамаске была интереснее.

Затем надо было подняться на один из минаретов, чтобы увидеть панораму Каира. На минарет вела узкая винтовая каменная лестница, настолько темная (свет пробивался лишь через редкие амбразуры в толстой каменной стене), что двигаться по ней приходилось ощупью.

Шли гуськом.

С высоты минарета открывалась поразительная, дух захватывающая картина.

Внизу у подножия холмов, на которых стояла цитадель, раскинулся огромный, неумолчно шумящий двухмиллионный город. Его смутный гул доносился даже сюда, к вершине минарета. Внизу расстилалось и пестрело широкое море домов. Густая сетка больших и маленьких, улиц, переулков, площадей разбегалась во все стороны. По ним быстро двигались люди, похожие отсюда на крошечных букашек. Гордо поднимались купола мечетей, смело вонзались в небо острия минаретов. Огромными пятнами темнели неприютные кварталы бедноты. Нарядными бликами сверкали разноцветные здания европейского центра — площади Оперы и прилегающих к ней кварталов. Здесь были пяти-шестиэтажные дома, памятники, фонтаны, музеи. Резко выделялась зелень садов, аллей, парков квартала Замелек

— квартала богачей.

Могучая артерия Нила, словно лентами перехваченная мостами, перерезала город, деля его на две части. А там, вдали за рекой, за чертой города, сжатого желтыми песками, тихо мерцали под лучами южного солнца грандиозные силуэты пирамид Гиза, точно золотые горы на фоне ярко-голубого неба.

Степан долго не мог отвести взора от причудливой панорамы Каира.

Таня спросила мадемуазель Фролову:

— Вот здесь, позади цитадели, зеленые холмы, а за ними как будто опять город… Что это?

— Это город мертвых, — просто ответила мадемуазель Фролова.

— Город мертвых?..

— Ну иначе, по-русски, кладбище…

— Какой у него странный вид! — удивилась Таня. — Можно его посмотреть?

— О, конечно! Когда угодно! — охотно согласилась мадемуазель Фролова. — Там много интересного…

— Хорошо, — ответила Таня, — поедем туда после пирамид.

Двадцатого ноября гости знакомились с Египтом седой древности. Они осматривали пира-

миды Гиза и все связанные с ними памятники и сооружения, насчитывающие 4500 лет от роду.

Самым замечательным творением здесь была гигантская, высотой в 140 метров, пирамида фараона Хеопса, сложенная из больших гранитных глыб. Как рассказывает легенда, пирамиду эту строили двадцать лет сто тысяч рабов.

Весь день Таня была в необычайно приподнятом настроении. Накануне она купила маленький фотоаппарат «Кодак» с постоянным фокусом. Потапов, ярый фотограф-любитель, быстро обучил Таню несложным приемам пользования этой коробочкой, и сейчас Таня бегала от одной пирамиды к другой, от одного памятника к другому и безудержно щелкала затвором. Потапов едва поспевал за нею.

Мадемуазель Фролова уловила момент, когда она осталась наедине с Петровым, и, подойдя к нему, тихо и проникновенно заговорила:

— Почему у вас такое недоверие ко мне, мистер Петров? Я вижу в вас представителя русской армии… да-да, русской армии, как бы она сейчас ни называлась… И я хочу лишь помочь, в вашем лице, этой великой мужественной армии… Почему вы избегаете меня? У меня много друзей, весьма осведомленных. Они могли бы сообщить вам немало интересных сведений об английской армии и вообще о политической игре в Африке…

— Перестаньте! — вспыхнув, резко бросил Петров и быстро зашагал в сторону Тани и Потапова.

Он нашел их у подножия колоссальной фигуры Сфинкса. Века наложили свою тяжелую

руку на это изумительное творение человека. Грудь Сфинкса была выщерблена, губы сильно повреждены, нос отбит. Но от этого загадочность выражения его лица только увеличивалась.

— О чем он думает? О чем он думал тысячелетия? — тихо произнесла Таня, стоя около Сфинкса.

Вытянувшись во весь рост, она оказалась ниже пальца на лапе Сфинкса!.. Так как Сфинкс продолжал хранить бесстрастное молчание, Таня, отбежав от него на некоторое расстояние, без предупреждения щелкнула фотоаппаратом, поймав в кадр Степана, оказавшегося как бы в лапах каменного чудовища.

— Это будет исторический снимок! — весело воскликнула Таня. — Мы назовем его так: «В плену прошлого»...

По пути домой Степан купил путеводитель по Египту, и, когда перед входом в гостиницу прощался с мадемуазель Фроловой, равнодушно сказал ей:

— Завтра мы решили отдохнуть. Вы можете считать себя свободной.

А оставшись наедине с Таней, пояснил:

— Эта дама становится подозрительно наглой. Затевает провокационные разговоры... Пора от

нее отделаться.

…В тот вечер советские путешественники обедали у Маклинов. В восемь часов хозяин включил радио. Передавали разные новости: о мелких стычках на ливийском фронте, о придворном бале у короля Фарука, о потоплении английским крейсером немецкой подводной лодки в Средиземном море…

И вдруг раздалось:

> «Сегодня под Сталинградом русская армия перешла в генеральное контрнаступление. С раннего утра тысячи орудий открыли ураганный огонь по немецким позициям. Левый фланг немецкого фронта, состоящий из румынских дивизий, не выдержал удара и начал панически отступать. Попытки немецкого командования стабилизировать положение путем переброски на левый фланг немецких частей не имели успеха. Наступление русских продолжается».

— Вот оно! — радостно воскликнул Степан, вскочил и захлопал в ладоши, Потапов и Таня с ликованием его поддержали.

— Да-да, чудесное сообщение! — воскликнул и Маклин. — Мы так долго не имели хороших вестей с фронтов… Если русское наступление скоро не выдохнется, то… это может оказать серьезное влияние на ход войны.

Теперь за столом говорили только о Сталинграде. Каждый высказывал волновавшие его мысли, чувства, ожидания. Настроение поднялось, атмосфера как-то посвежела и согрелась. Крепко сжав ладони, Таня взволнованно сказала:

— Я ничего не знаю… Но мне кажется… Я чувствую, что это решающий момент войны…

Люсиль, которая до сих пор вела себя очень чинно и спокойно, не вмешиваясь в разговоры старших, вдруг звонко крикнула:

— Танья!.. — И, точно смутившись, торопливо добавила: — Папа! Мама! И все, все! Выпейте, пожалуйста, за русскую победу под Сталинградом! И, если можно, налейте хоть капельку мне…

Все дружно подняли свои бокалы.

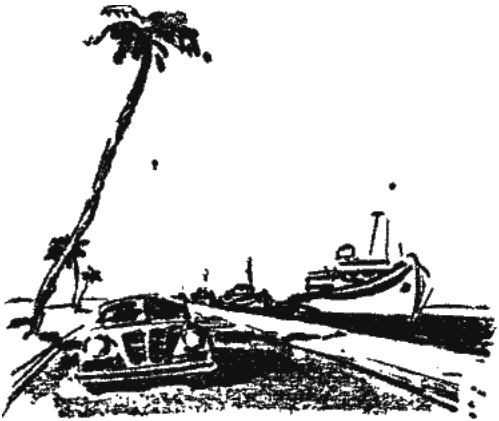
— Вот Суэцкий канал!

Накануне, прощаясь со своими гостями, Маклин пригласил их утром «прокатиться», не сказав при этом, куда именно они поедут. Сейчас, выходя из автомобиля, Маклин имел вид человека, которому удалось преподнести своим гостям

эффектный сюрприз. Вытянув руку вперед, он назидательно прибавил:

— Жизненная артерия Западной Европы и особенно — Англии.

Перед ними лежала ровная и спокойная водная полоса метров полтораста шириной. Ярко желтели песчаные берега, залитые горячими лучами солнца. Вправо и влево до самого горизонта тянулась мертвая, бесплодная пустыня. Канал, словно огромный нож, разрезал ее надвое. Вдоль западного берега чернела бесконечная лента асфальта, по которой неслись легковые машины и грузовики. Длинная пестрая вереница океанских судов медленно двигалась с севера на юг по тихой глади воды.



— Этот канал очень важен для Англии? — спросила Таня, обращаясь к Маклину.

— О да! — подтвердил Маклин. — Это легко понять… Во-первых, через Суэцкий канал проходит линия кратчайших сообщений между Англией и ее восточными владениями. От Лондона до Бомбея в Индии, например, через Суэцкий канал шесть тысяч двести восемьдесят миль, а если идти вокруг мыса Доброй Надежды, получится около одиннадцати тысяч. Во-вторых, свыше половины всех нефтепродуктов, которые потребляет Англия, идет с Ближнего и Среднего Востока также через Суэцкий канал, ибо азиатская нефть гораздо дешевле американской.

Потапов подошел к самому берегу и с профессиональным любопытством стал рассматривать все детали его облицовки. Потом он сказал медленно, но довольно правильно по-английски:

— Сооружение, несомненно, очень крупное… Сколько лет оно существует?

— Около семидесяти, — ответил Маклин. — Но ведь это далеко не первый канал, соединяющий Средиземное море с Красным.

— В самом деле? — заинтересовался Александр Ильич.

— Совершенно точно, — подтвердил Маклин. — По роду своей работы я интересовался историей Суэцкого канала…

Маклин выждал минуту, точно артист, не начинающий арии, пока публика в зале не успокоится, и затем продолжал:

— Трудно поверить, но это факт: первый известный в истории канал, соединявший Средиземное и Красное моря, был построен четыре тысячи лет назад, при фараоне Сезострисе!

— Да что вы?! — изумился Потапов. — И долго он просуществовал, тот канал?

— Трудно ответить определенно. Полной истории канала не сохранилось, имеются лишь отдельные упоминания о нем, да и то непосле-

довательные, отрывочные. Греческий историк Геродот, например, сообщает, что около 600 года до нашей эры, то есть почти через полторы тысячи лет после Сезостриса, фараон Нехо отдал приказ восстановить канал. Очевидно, к тому времени канал был заброшен и затянут илом и песком. На работах по восстановлению погибло свыше ста тысяч человек, однако канал так и не был приведен в порядок, ибо оракул предсказал Нехо, что от восстановления канала выиграют только «варвары», то есть персы. Фараон испугался и прекратил работы. Оракул оказался неплохим стратегом: когда сто лет спустя персидский царь Дарий все-таки завоевал Египет, он прежде всего восстановил канал… — Маклин усмехнулся и затем продолжал: — Известно далее, что канал действовал в тридцать первом году до нашей эры, ибо после битвы при Акциуме, где римляне разгромили флот Клеопатры, некоторые суда египетской царицы спаслись от гибели бегством через канал. Имеются сведения и о том, что в седьмом веке нашей эры арабы, завоевавшие Египет, пользовались каналом. Потом, в течение свыше тысячи лет, о нем не было никаких сведений. Надо полагать, он был снова заброшен. Однако память о канале не умерла и

от времени до времени тревожила мысль выдающихся людей. В 1671 году знаменитый философ Лейбниц представил французскому королю Людовику Четырнадцатому проект восстановления Суэцкого канала, а в 1798 году Наполеон, во время похода в Египет, приказал находившемуся при нем инженеру Леперу разработать план канала, соединяющего Средиземное и Красное моря. Впрочем, из всех этих планов и проектов ничего не вышло…

— А я-то думала, что Суэцкий канал — сооружение девятнадцатого века! — удивленно воскликнула Таня.

— И правильно думала, — вставил Петров. — Суэцкий канал в его нынешнем виде действительно построен в прошлом столетии.

— Вот именно, мистер Петров! — откликнулся Маклин. — Нынешний Суэцкий канал — целиком творение девятнадцатого века.

— И сильно он отличается от прежних? — спросила Таня.

— Основная разница состоит в том, — ответил Маклин, — что каналы прошлого использовали Нил в качестве одного из своих звеньев. А нынешний канал идет прямо по пустыне от Порт-Саида до Суэца, значительно восточнее Нила.

— Чем это объясняется? — поинтересовалась Таня.

— Тем, — разъяснил Маклин, — что маленькие суденышки древности могли легко плавать по Нилу, а нынешние пароходы по Нилу не пройдут. Именно поэтому пришлось построить специальный канал через весь перешеек. Его длина сто шестьдесят километров, а средняя глубина двенадцать-тринадцать метров.

— Как же он был построен? — не унималась Таня.

— О, это весьма любопытная история, — усмехнулся Маклин, — и притом довольно сложная! Я охотно расскажу ее вам, но давайте-ка лучше проедем в Исмаилию. Это недалеко, на полпути между Порт-Саидом и Суэцом. Там у меня контора, где есть все необходимые материалы для иллюстрации рассказа.

Все снова уселись в автомобиль и быстро понеслись по асфальтированному шоссе вдоль западного берега канала. Полчаса спустя машина въехала в Исмаилию — небольшой городок, расположенный у продолговатого озера Тимса.

В Исмаилии находились различные учреждения по обслуживанию канала, а среди них и «контора» Маклина, представлявшая собой пре-

лестную виллу в большом тенистом саду.

Маклин провел гостей в свой кабинет и, когда темнокожий слуга поставил на стол прохладительные напитки, начал:

— Инициатива постройки канала исходила от Франции, а главным героем ее был французский аристократ, дипломат и делец Фердинанд Лессепс. Оригинальная, скажу вам, фигура! Воспламеняющийся дух, железная воля, гибкость змеи и полная беззастенчивость в средствах для достижения своих целей... Да-да! Лесть, обман, подкуп, шантаж, плагиат, надувательство, лживая реклама — все, что угодно, было в арсенале Лессепса...

Маклин вынул из шкафа несколько книг, показал гостям портрет строителя канала и затем продолжал, время от времени заглядывая в лежавшие перед ним фолианты. Суть его рассказа сводилась к следующему.

Будучи французским консулом в Александрии, Фердинанд Лессепс познакомился с проектами инженера Лепера, когда-то сопровождавшего Наполеона, и сразу «загорелся».

Когда в 1854 году египетским хедивом (то есть вице-королем под верховной властью турецкого султана) стал Саид-паша, друг юности Лессеп-

са, предприимчивый француз получил от него концессию на постройку Суэцкого канала. Но Лессепс был еще родственником жены Наполеона III, императрицы Евгении. Это помогло ему заинтересовать своим проектом правящие круги Франции. Впрочем, Лессепс пропагандировал свой проект всюду — в Англии, в Голландии, в Австрии, в Пруссии и в других странах.

Но на первых порах дело подвигалось медленно, так как Англия решительно возражала против постройки канала, и лорд Пальмерстон, тогдашний премьер и министр иностранных дел, выступал в парламенте и вне парламента с громовыми речами против замыслов Лессепса. Англия оказывала давление и на Турцию, и султан в течение долгого времени задерживал утверждение концессии, выданной Лессепсу египетским хедивом.

В чем было дело? Все объяснялось просто: английское правительство считало прорытие канала угрозой для безопасности Индии и потому всемерно сопротивлялось его осуществлению.

В 1858 году Пальмерстон ушел в отставку, и Лессепсу, наконец, удалось создать «Всеобщую компанию Суэцкого морского канала», с капиталом в 200 миллионов франков.

Из 400 тысяч выпущенных компанией акций половина была приобретена во Франции и 177 тысяч взял Саид-паша.

Наполеон III заявил о своей поддержке предприятия Лессепса.

Работы по прорытию канала начались в апреле 1859 года и продолжались десять лет. Они натолкнулись на огромные трудности, от которых, казалось бы, у кого угодно могли опуститься руки.

Во-первых, постройка прямого канала через Суэцкий перешеек (а идея использования Нила была отброшена с самого начала) потребовала извлечения 75 миллионов кубометров земли. И это в безводной пустыне, под палящими лучами африканского солнца! Саид-паша предоставил в распоряжение Лессепса 25 тысяч крепостных рабочих, но они умирали от болезней и непосильного труда. На смену погибшим пригонялись новые и новые партии рабов. Постройка канала стоила жизни многим десяткам тысяч египетских крестьян.

Во-вторых, на протяжении всех этих десяти лет между Англией и Францией продолжалась борьба за будущий канал. После отставки Пальмерстона британская оппозиция приняла, правда, более

мягкие формы, но все-таки она давала себя знать на каждом шагу. Именно этим и объяснялся тот поразительный факт, что только в марте 1866 года, то есть через семь лет после начала работ, султан, наконец, официально санкционировал концессию Лессепса.

«Рука Лондона» создавала для него также финансовые затруднения. Двухсот миллионов франков, полученных от продажи акций, не хватило (вся постройка обошлась в 430 миллионов франков), пришлось изыскивать новые источники для продолжения работ. Вот тут-то Англия и сказала свое веское слово. Были моменты, когда казалось, предприятие рухнет из-за недостатка средств.

Однако Лессепс преодолел все эти трудности. Загубленные жизни феллахов его ничуть не волновали, а в борьбе с английской оппозицией он имел поддержку со стороны Наполеона III и французской правящей верхушки.

— В сентябре 1869 года, — закончил Маклин, — Суэцкий канал был, наконец, торжественно открыт. Помпа была необычайная: присутствовало свыше шести тысяч почетных гостей. Приехала императрица французская Евгения… — Маклин на мгновение остановился и затем с усмешкой

добавил: — Открытие Суэцкого канала нашло отражение даже в истории музыки: в связи с этим событием знаменитому итальянскому композитору Верди была заказана специальная опера, и он создал «Аиду». Первое представление «Аиды» состоялось в 1871 году на каирской сцене…

— Значит, Суэцкий канал — французское предприятие? — спросила Таня.

— О нет! — ответил Маклин. — Как вы, вероятно, знаете, основной принцип английской политики — считаться с фактами. Пальмерстон всеми мерами боролся против постройки канала, но, когда, вопреки ему, канал все-таки стал фактом, преемники Пальмерстона решили, что надо изменить тактику. В 1875 году египетский хедив Измаил-паша попал в отчаянное финансовое положение. Воспользовавшись этим, тогдашний британский премьер Дизраэли купил у него для английского правительства те сто семьдесят семь тысяч акций, которые Измаил-паша получил в наследство от Саид-паши. Таким образом, Суэцкий канал сейчас является по существу англо-французским предприятием.

— И, кажется, очень выгодным? — вставил Петров.

— Весьма выгодным! — согласился Маклин.

— За 1935-1937 годы прибыли английского правительства составляли в среднем около двух миллионов фунтов в год, а в 1875 году оно уплатило за все акции только четыре миллиона фунтов.

— Ого! — невольно вырвалось у Потапова.

— А какова была дальнейшая судьба Лессепса? — поинтересовалась Таня.

— Кончил он плохо, — усмехнулся Маклин. — Впрочем, с людьми его типа это часто бывает… Уже стариком, за семьдесят лет, Лессепс «загорелся» новой идеей — проектом канала через Панамский перешеек и стал во главе компании, решившей прорыть такой канал. Однако в 1888 году все кончилось страшным крахом. В деятельности компании вскрылись совершенно фантастические мошенничества и злоупотребления. Старик Лессепс и его сын были отданы под суд. Произошло тяжелое потрясение — не только финансовое, но и политическое. С тех пор слово «панама» стало нарицательным, означающим очень крупный финансовый скандал международных масштабов.

Глава седьмая
Заговор коварства и вражды

Никто точно не знал прошлого Азис-Абеба. Никто точно не знал, какую должность он занимает при дворе. Но все боялись Азис-Абеба. Боялись министры египетского правительства, генералы египетской армии, придворные сановники, главы знатных египетских семей.

Когда Азис-Абеб входил в комнату, где оживленно беседовали гости, всем становилось не по себе и воцарялось тяжелое молчание. Когда Азис-Абеб становился с кем-либо особенно любезен, почтенный вниманием бледнел от страха.

В верхах египетского общества боязливо шептали: «Он имеет ухо короля…»

Это означало большую опасность. Опасность для всех, кроме самого Азис-Абеба.

Азис-Абеб жил во дворце; у него был свой штат прислуги, он имел своих агентов везде — от правительства до бандитских шаек. В его карманах всегда были деньги, и не было недостатка в свободном времени.

Как и все знатные египтяне, в самую жаркую пору дня король почивал. И вот, когда наступал

этот заветный час, в спальне монарха неслышно появлялся Азис-Абеб. Он сам раздевал короля и укладывал его в постель. Процедура продолжалась четверть часа. Потом король быстро засыпал. Но эти «золотые пятнадцать минут» были источником власти и могущества Азис-Абеба. В течение этих «золотых пятнадцати минут» Азис-Абеб непрерывно говорил: рассказывал королю скандальную хронику дворца, сообщал новости базара и политической биржи, искусно доносил на королевских друзей и врагов.

Король обычно прикидывался равнодушным, даже отмахивался от нашептываний своего наперсника, как от назойливого жужжания мухи. Но на самом деле он слушал внимательно и из всего делал свои выводы.

Особенно нравилось королю, что Азис-Абеб умел без слов угадывать его мысли. Ведь не всегда удобно и не всегда безопасно отдавать ясные приказания. Особенно, когда речь идет о каком-нибудь скользком деле.

Но Азис-Абеб прекрасно все понимал с одного намека, без труда читал тайные желания монарха и немедленно приводил их в исполнение.

Достаточно было, например, королю во время «золотых пятнадцати минут» как бы невзначай

бросить:

— А знаешь, этот толстый Гассан-паша неприятный человек… Он что-то загордился…

И что же? Спустя короткое время правоверные узнавали, что Гассан-пашу постигло несчастье: сгорел дотла его богатый дом на берегу Нила, а старший сын ограблен разбойниками.

Или достаточно было королю как бы случайно заметить:

— А знаешь, Сулейман-паша нажил большие деньги на операциях с хлопком…

И что же? Через несколько дней Сулейман-паша являлся во дворец и униженно просил короля принять в дар большой пакет акций хлопковой компании, во главе которой он стоял.

Или достаточно было королю вскользь сказать:

— А знаешь, у Гуссейн-паши дочка стала настоящей красавицей…

И что же? В один прекрасный вечер эта «гурия рая» под темным покрывалом входила в покои короля.

Как же было королю не ценить столь верного и удобного слугу! И он его действительно ценил. А родники счастья Азис-Абеба били все выше и увереннее…

…Совсем недавно, во время «золотых пятнадцати минут», король сказал Азис-Абебу:

— А знаешь, эти проклятые англичане хотят окончательно погубить нашу землю: они позволяют попирать ее священную почву злодеям-большевикам…

Уйдя от короля, Азис-Абеб глубоко задумался: что могли означать слова короля? О каких злодеях-большевиках он говорил? Слава аллаху, большевистских войск в Египте не было. Не было даже большевистского посольства: Египет не поддерживал дипломатических отношений с этой нечестивой страной. Так каких же большевиков имел в виду король?

Азис-Абеб долго сидел, перебирая четки и смиренно прося пророка просветить его темный ум. И вдруг счастливая улыбка заиграла на его толстых губах.

— Понял! Понял! — радостно воскликнул Азис-Абеб. — Да будет благословенно имя аллаха!..

И Азис-Абеб вспомнил, что в последнее время через Египет часто проезжают большевистские военные: то из Москвы в Лондон, то из Лондона в Москву… Королю это не нравится. Король хочет это прекратить. Значит…

Азис-Абеб стал обдумывать меры, которые

помогли бы ему выполнить волю короля. Обратиться к англичанам? Бесполезно! Эти рыжие дьяволы — да покарает их пророк! — сейчас в союзе с большевиками. Англичане ничего не сделают… Тогда как же быть?

Азис-Абеб вновь погрузился в глубокое размышление. Он думал долго и упорно. Он выкурил три полные трубки и выпил две чашки черного турецкого кофе. И вдруг все его полное тело заколыхалось от сдержанного смеха, а на желтом одутловатом лице вновь появилась счастливая усмешка.

Азис-Абеб хлопнул в ладоши.

Дверь неслышно отворилась, и вошел старший слуга. Он отвесил хозяину низкий поклон и молча остановился у порога, ожидая приказаний.

— Мне нужно видеть Ахмеда, — сказал Азис-Абеб.

Слуга снова поклонился и, не говоря ни слова, вышел, неслышно затворив за собой дверь.

Ахмед был знаменитым в Египте главарем бандитской шайки. Он прославился дерзкими убийствами и ограблениями и занимался «политикой». Его услугами не раз пользовался сам король Фарук. Ахмед был связан с агентурой Гитлера и Муссолини в Египте. Он был близок

к итальянской разведке. Одним словом, Ахмед был именно тем человеком, в котором сейчас особенно нуждался Азис-Абеб.

В тот же вечер состоялось тайное свидание наперсника короля с главарем бандитской шайки. Оно происходило за городом, в доме одного из агентов Азис-Абеба. Азис-Абеб говорил, а Ахмед слушал, изредка отвечая то жестом, то междометием.

Этот высокий жилистый мужчина, остроносый и угрюмый, был вообще очень молчалив. Про него говорили: «Ахмед не болтает, он действует». И чем более опасное «дело» предстояло, тем молчаливее становился Ахмед. А теперь для молчания имелось особенно много оснований: ведь Азис-Абеб предлагал чрезвычайно рискованную операцию.

План Азис-Абеба состоял в следующем: Ахмед похищает и ликвидирует первую же группу «русских офицеров», которая проездом окажется в Египте. «Если это удастся, — думал Азис-Абеб, — большевики испугаются и перестанут появляться в Египте». Приказ короля будет исполнен, и он, Азис-Абеб, сможет смело рассчитывать на новые милости его величества. Только все должно быть сделано чисто: ни малейших улик против Ахме-

да, ни тем более против него, Азис-Абеба!

Изложив свой план, Азис-Абеб спросил:

— Согласен?

Ахмед задумался.

Ведь это дело носило международный характер. Русские поднимут большой шум. Должны будут вмешаться англичане. Много риска, много беспокойства… Однако, с другой стороны…

Ахмед продолжал молчать и взвешивать шансы.

— Ну, так как же? Согласен? — повторил Азис-Абеб.

Губы Ахмеда, наконец, разжались, и он произнес только одно слово:

— Сколько?

Азис-Абеб обрадовался, но внешне сохранил маску привычного равнодушия. Вопрос означал, что Ахмед готов взяться за операцию, дело лишь в цене. И Азис-Абеб также ответил вопросом:

— Египетские фунты?

Ахмед отрицательно покачал головой.

— Английские фунты?

Ахмед отрицательно покачал головой.

— Американские доллары?

Ахмед утвердительно кивнул головой.

Азис-Абебу это не понравилось, но что было

делать? И он сказал:

— Три.

Ахмед опять отрицательно покачал головой.

— Сколько же ты хочешь? — с раздражением спросил Азис-Абеб.

— Пять, — ответил Ахмед.

Начался жаркий торг, хотя говорил один Азис-Абеб, а Ахмед только слушал и молчал и изредка движением головы или жестом выражал свое отношение к словам собеседника.

Наконец пришли к компромиссу: четыре тысячи долларов.

— Половину вперед, — бесстрастно заявил Ахмед.

— Ну зачем тебе половина? — недовольно поморщился Азис-Абеб. — Получи сейчас пятьсот долларов, а остальные по окончании дела. За мной не пропадет!

Ахмед отрицательно покачал головой.

— Много расходов, — обронил он.

Опять начался горячий торг. Однако на этот раз Ахмед остался непреклонен, и Азис-Абеб вынужден был уступить. Тут же Ахмед получил требуемый аванс.

Потом Азис-Абеб сделал «строгое лицо» и в качестве последнего напутствия внушительно

произнес:

— Помни, Ахмед! Русские офицеры должны исчезнуть, но при этом пусть не прольется ни одна капля их крови. Русские офицеры должны умереть, но пусть это произойдет ни на земле, ни над землей, ни на воде, ни под водой. Понял?

Он внимательно посмотрел на Ахмеда, точно желая убедиться в том, что разбойник уловил сокровенный смысл этих слов. Но Ахмед упорно молчал, глядя себе под ноги.

Азис-Абеб встал, давая понять, что разговор окончен, и, прощаясь, сказал:

— Иди! Да благословит тебя аллах!

…Аннет Фролова плохо спала всю ночь. Оскорбленное самолюбие не давало ей покоя. Этот сухарь, этот большевистский офицер Петров решительно ускользал. Он не поддавался ни на ее женские чары, ни на соблазнительные приманки «секретной информации». Из него не вытянешь лишнего слова! Ей нечего сообщить ни Фраю, который весьма интересуется советскими гостями, ни брату Антону, который тоже надавал ей кучу поручений.

Мадемуазель Фролова бесилась и утром встала с тяжелой головой. Она пришла в штаб раньше обычного. Полковника Мекензи еще не было,

но веселый Фрай уже сидел на своем месте. Он встретил приятельницу радостным возгласом:

— Счастлив видеть тебя, Аннет! Ты что-то хмуро выглядишь сегодня, крошка… — И, протянув через стол длинную руку, он игриво потрепал мадемуазель по щеке.

Однако Аннет раздраженно отвела его руку и, молча закурив, мгновенно окуталась облаком дыма.

Фрай надулся. Ему захотелось чем-нибудь уколоть неприветливую красавицу, и он вспомнил, что имеет к тому прекрасный повод.

— Милая Аннет, — начал Фрай, — вчера я был не на шутку обеспокоен… Из нашей военной полиции поступили сведения, что некий Антон Фролов сильно замешан в делах бандитской шайки Ахмеда. Это, знаешь ли, весьма неприятно. Ты работаешь «русским гидом» в нашем штабе, а твой родственничек путается с Ахмедом! Весь каирский базар знает, что этот бандит связан с королем Фаруком, а его величество покровительствует итало-германской разведке… Это может скомпрометировать меня. Пронюхают газеты — начнется скандал! Дорогая, немедленно укроти своего брата…

Сообщение Фрая сильно взволновало маде-

муазель Фролову. В последнее время у Антона действительно завелось много денег, происхождение которых не являлось для нее тайной. Но… Аннет была из тех людей, для которых «деньги не пахнут», — она довольно часто удовлетворяла любопытство брата к делам английского штаба…

Стараясь сохранить внешнее спокойствие, Фролова капризно надула губки и небрежным тоном ответила:

— Что за чепуха! У меня нет никакого брата Антона. Это просто какой-то однофамилец. У русских фамилия «Фролов» встречается так же часто, как у англичан фамилия «Смит».

— Ну, я очень рад, — с облегчением вздохнул Фрай. — Ведь если бы Антон Фролов был как-либо связан с тобой, это не могло бы не отразиться на твоем положении в штабе.

Вошел полковник Мекензи.

— Вы как раз мне нужны, мадемуазель Фролова, — сказал он, обращаясь к Аннет. — Известите, пожалуйста, мистера Петрова, что я хочу срочно его видеть.

В груди мадемуазель Фроловой вдруг вспыхнула надежда.

Всю бессонную ночь и все утро она ломала голову над тем, под каким бы предлогом вновь

увидеть Степана. И вот полковник Мекензи посылает ее к нему! «Это сама судьба!» — решила Аннет и, полная заманчивых ожиданий, вышла из кабинета начальника.

Степан встретил ее очень холодно. Почувствовав ледяную температуру, мадемуазель Фролова поспешила объяснить причину своего появления и, выполнив поручение, не замедлила откланяться.

— Что бы это могло означать? — встревоженно спросила Таня. — Зачем ты ему?..

— Посмотрим, — ответил Степан и быстро спустился по лестнице к выходу из гостиницы.

В вестибюле ему снова попалась на глаза мадемуазель Фролова. Петров невольно поморщился. А она с самой очаровательной улыбкой объяснила:

— Сегодня очень жарко. Я устала и решила чуточку отдохнуть, прежде чем продолжать путь.

Степан, ничего не ответив, вышел на улицу. Мадемуазель Фролова торопливо последовала за ним. Хотя не было еще и десяти часов, солнце жгло неумолимо, и Степану показалось, что мириады острых, маленьких стрел вонзились в его тело. Он шел быстрым шагом, но мадемуазель Фролова не отставала от него.

— Степан Николаевич, за что вы на меня сердитесь? — умоляющим голосом спросила она.

— Я на вас вовсе не сержусь, — спокойно ответил Степан. — Но сегодня нам не нужны ваши услуги.

— Нет-нет! — запротестовала Фролова. — Я же вижу, что вы сердитесь за прошлый разговор. А я всей душой готова вам служить. Вы неправильно меня тогда поняли…

— Благодарю вас, но сейчас я спешу к полковнику Мекензи.

— Я проведу вас самым коротким путем, — дружелюбно предложила Фролова и повела Степана лабиринтом узких и кривых переулков, среди лачуг и восточных домиков.

Несколько минут они шли молча. Потом мадемуазель Фролова остановилась и, тронув Степана за рукав, торжественно проговорила:

— Я хочу вас поздравить, Степан Николаевич!

— С чем?

— С грандиозным успехом под Сталинградом! Я только что слышала от своего друга, независимого египетского журналиста…

Степан не сдержался и впервые с интересом взглянул на свою спутницу.

— Что же именно вы узнали? — быстро спро-

сил он.

Фролова истолковала по-своему взгляд Петрова и, взяв его под руку, быстро заговорила:

— Степан Николаевич, вот где я живу… — Она кивнула в сторону небольшого дома с тремя окнами на улицу. — Зайдемте ко мне на минуточку. Окажите мне эту честь… Я расскажу вам все подробности о Сталинграде, и мы выпьем вместе за русскую победу!

Степан резко высвободил свою руку и зло бросил:

— Мадемуазель Фролова, прекратите вашу игру! — И, отступив на шаг, добавил: — Нам незачем больше встречаться.

— Ах, так? — с бешенством воскликнула она. — Вы гнушаетесь мною? Вы презираете меня? Я для вас белогвардейка?

Истинная натура мадемуазель Фроловой, так долго подавляемая в надежде запутать Степана, теперь бурно прорвалась. Осыпая его ругательствами и проклятиями, свирепая и угрожающая, Аннет скрылась в воротах своего дома.

Степан пожал плечами и сквозь зубы пробормотал:

— Вот сумасшедшая баба!

…Полковник Мекензи на этот раз был чрезвы-

чайно любезен и предупредителен. Известия о советском контрнаступлении под Сталинградом сильно подняли его настроение, и теперь он решил, что стоит, пожалуй, оказать маленькую услугу трем русским, тем более что его просил об этом и генерал-майор Маклин.

— Я обещал вам, — сказал Мекензи, усаживая Петрова в кресло перед своим столом, — исследовать все возможности скорейшего отправления вас и ваших друзей в Кейптаун. Я рад вам сообщить, что мои усилия увенчались успехом. Если вас это устраивает, вы можете двинуться в путь не двадцать пятого ноября, как предполагалось, а двадцать третьего, то есть на два дня раньше.

— Разумеется, мы будем рады этому, — ответил Петров и затем попросил показать ему последние сводки с советского фронта.

Полковник Мекензи приказал принести телеграммы. Степан погрузился в чтение. Да, это было несомненно: Советская Армия перешла в мощное контрнаступление, она громила врага под Сталинградом, она быстро окружала фашистские полчища. Точно горячая волна обдала сердце Степана… Вот час, которого он так долго ждал! Вот день, о котором мечтали миллионы и миллионы советских людей! Конечно, враг еще

силен, победа еще далека, но великий перелом произошел. Теперь уже не может быть никаких сомнений, что гитлеровские орды будут разгромлены и выкинуты из пределов Советского Союза.

Маклин поднял бокал и, обращаясь к гостям, медленно и с трудом сказал по-русски:

— Счастливый путь!

Гости были тронуты и чокнулись с ним, с его женой и Люсиль. Раздался мелодичный звон хрусталя. Потом на мгновение воцарилось молчание.

Люсиль, которая, как всегда, сидела рядом с Таней, прошептала ей на ухо:

— Я вас так люблю, Танья! Я вас никогда не забуду!

Таня нежно пожала руку девочки.

Завтра Петровы и Потапов отлетали в Кейптаун. Сегодня семья Маклинов прощалась с ними. Снова все шестеро сидели за столом, как в первый вечер знакомства, и невольно думали: в дни великой мировой грозы на случайном перекрестке случайно сошлись несколько человек разных наций, взглядов, партий, положений, сошлись, а теперь вновь разойдутся, для того чтобы, по всей вероятности, никогда уже больше не встретиться. Как странны и прихотливы пути жизни!..

После ленча все уселись в машины. Дня два назад Таня как-то сказала, что ей очень хотелось бы повидать каирский «город мертвых». Маклины, которые там тоже не бывали, предложили поехать вместе. И вот сегодня, накануне отъезда советских гостей, было решено отправиться на столичное кладбище. По дороге заехали за египетским инженером Али Мирзой, служившим под начальством Маклина. Али Мирза окончил высшую школу в Англии, прекрасно говорил по-английски и охотно взялся быть проводником своего начальника по «городу мертвых».

Садясь в машину, Али Мирза, точно извиняясь, заметил:

— То, что вы увидите, может показаться вам странным, но… но каждый народ имеет свои особенности.

Это был действительно город, километра два в поперечнике, настоящий город, с улицами, переулками, площадями, с домами, храмами и дворцами. На углах висели дощечки с названиями улиц и стояли уличные фонари. Были кварталы богачей, где каждое здание поражало своей роскошью и великолепием. Были кварталы бедняков, где густо теснились маленькие домики.

Несколько храмов затейливой архитектуры возносили свои главы над городом. Несколько богатых дворцов служили украшением площадей. Живой, реальный Каир со всеми его социальными противоречиями, нравами и обычаями находил здесь свое отражение.

Но имелось и громадное различие: в «городе мертвых» не было людей. Он был пуст, на улицах — ни пешеходов, ни осликов, ни автомобилей… Глубокое молчание царило в этом царстве камня и песка.

Машины подъехали к одноэтажному дому. Али Мирза выскочил первым из автомобиля и постучал в дверь. Стук прозвучал гулко и протяжно. Прошло несколько минут. Наконец дверь отворилась, и на пороге показался сторож.

Инженер подошел к машинам и тоном любезного хозяина пригласил:

— Войдемте внутрь… Это могильный дом моей семьи.

Ход с крыльца вел в большую прихожую, выложенную камнем и украшенную пестрыми коврами. Посреди прихожей находился водоем, вокруг него — мягкие диваны.

— Здесь, — пояснил Али Мирза, — раз в год, в «день поминания усопших», собираются все

члены нашей семьи и молятся о благополучии отошедших…

Три двери вели из прихожей внутрь дома. Али Мирза открыл первую дверь, и все вошли в комнату с голыми стенами и деревянным полом. Посреди пола — черный, гладко отполированный камень с арабской надписью.

— Это могила моего отца, — бесстрастно сообщил инженер и тут же прошел в дверь направо.

Такая же комната. Такой же черный камень посреди…

— Это могила моей матери…

Потом вошли в дверь налево. Здесь была та же картина, и так же бесстрастно инженер сказал:

— Это могила моего дедушки…

Прошли еще через несколько комнат. Везде было одно и то же: под гладкими черными камнями покоились дяди, тетки, племянники и другие члены этой обширной египетской семьи.

Наконец вошли в комнату, где не было черного камня, но зато в самом центре пола зияла тщательно вырытая яма.

Али Мирза подошел к ней и с чувством явного удовлетворения, чуть ли не гордости, сказал:

— А это моя будущая могила…

Петровы и Потапов невольно переглянулись.

Далее шло еще несколько комнат, в которых имелись заранее приготовленные, но еще пустые могилы, и Али Мирза каждый раз с готовностью рассказывал, чье тело в свое время будет сюда опущено.

Когда осмотр могильного дома Али Мирзы был закончен, Маклин спросил, кому принадлежит роскошный особняк, расположенный на другой стороне улицы.

— О, это могильный дом одного из богатейших людей нашей страны! — ответил инженер. — Это усыпальница Нариман-паши. У него много земель и скота. У него немало акций различных промышленных и транспортных компаний…

— Но почему египетские богачи, — спросил Степан, — тратят громадные деньги на столь бесполезную, в сущности, вещь, как могила? Я думал, что они более практичны.

— Как — бесполезную? — удивленно воскликнул инженер. Его лицо покраснело, и в голосе послышались нотки с трудом сдерживаемого возмущения. — Египтяне верят, что наша жизнь на земле есть лишь маленький отрезок всей нашей жизни. Главное начинается после того, что мы с вами называем смертью. И поэтому надо обеспечить себя хорошим помещением для той

жизни, которая предстоит потом и конца которой мы не видим!

«Как чудовищно сильны пережитки прошлого!» — подумал Степан.

А Али Мирза между тем продолжал:

— Между богатыми семьями Каира идет горячее соперничество за блеск и великолепие могильных домов. На это не жалеют ни средств, ни усилий. Достаточно одному паше построить себе роскошное посмертное жилище, как другой паша немедленно постарается превзойти первого и пышностью и количеством затраченных денег. На этой почве между знатными людьми происходят ссоры и даже зарождается вражда. Конечно, беднякам не приходится быть особенно разборчивыми, но даже и среди них идет то же соперничество — в иных масштабах, конечно.

— Скажите, какую религию исповедуют египтяне? — спросила Таня.

— Мусульманскую, — ответил Али Мирза.

— Но ведь те верования египтян, о которых вы только что рассказали, — продолжала Таня, — не похожи на представления мусульман о загробной жизни. Ведь эти дома, — Таня кивнула на улицы «города мертвых», — это соперничество богатых за великолепие своих посмертных жи-

лищ, все это очень напоминает древний Египет фараонов и пирамид. Что такое, в сущности, эти роскошные особняки современных пашей? Это ведь те же пирамиды, но только в масштабах и формах двадцатого века. Как все это сочетается с мусульманской религией?

Али Мирза долго молчал и, наконец, неопределенно ответил:

— Традиции тысячелетий не так легко изживаются…

Возвращались из «города мертвых» молча. Говорить не хотелось. Под влиянием только что пережитых впечатлений мысль невольно обращалась к далекому прошлому, о котором так живо напоминали пирамиды Гиза, к тысячелетиям, которые пронеслись над этой древней страной, к сложным и запутанным путям развития человечества.

Когда Маклины сошли у ворот своего дома, Али Мирза, низко поклонившись русским, сказал:

— Я был бы счастлив, если бы вы оказали мне честь и согласились прокатиться по Нилу на моей лодке.

— На лодке? — обрадовалась Таня. — Но успеем ли мы? Ведь уже темнеет…

Можем успеть, — сказал Степан. — Наши вещи

собраны, а отдохнуть и в самолете можно.

Машина тронулась.

По дороге инженер остановился у телефона-автомата и с кем-то довольно долго разговаривал. Минут двадцать спустя все четверо оказались у лодочной станции на берегу реки. Там их ждал молодой египтянин лет двадцати трех, с крепкой, мускулистой фигурой и загорелым лицом. Хотя одет он был в штатское, но в его жестах, во всех движениях чувствовалась военная выправка.

— Позвольте представить вам моего младшего брата Махмуда, — произнес Али Мирза. — Он учится в офицерской школе. Скоро кончает…

Лодка, на которую ступили советские гости, была такая же, как тысячи других, плавающих по Нилу: тот же туповатый, полого поднимающийся нос, та же невысокая мачта впереди и слегка изогнутая рея, смело взмывающая ввысь, тот же высокий треугольный парус.

Потапов, как бывший строитель лодок на Дону, проявил особый интерес к устройству нильского суденышка: тщательно обследовал его деревянный корпус, попробовал подвижность реи, смял угол паруса и проверил рулевое управление.

— Интересная лодка! — сказал он Махмуду на своем еще нетвердом, сбивчивом английском

языке. Потом, ткнув себя пальцем в грудь, сообщил: — Я сам могу строить лодки…

Махмуд никак не реагировал на слова Потапова — быть может, не понял. Зато Али Мирза оживился и с удовлетворением произнес:

— Такие лодки у нас, в Египте, существуют уже пять тысяч лет. Они удобны и красивы… Не правда ли?

И Али Мирза показал рукой на Нил.

Широкая река плавно несла свои полные воды вдаль, горя пурпуром под лучами вечернего солнца. По берегам теснились дома, мечети, сады, парки. Могучие пальмы гордо поднимали свои ветвистые головы. А на огненной поверхности реки резко выступали темные силуэты бесчисленных лодок и фелюг с надутыми треугольниками парусов. Они походили на больших черных птиц, взмахнувших крыльями и рвущихся к небу. Это было красиво, очень красиво и вместе с тем как-то сказочно, точно кадр из фантастической киноленты.

— Удивительно! — восторженно воскликнула Таня.

— Не правда ли? — обрадовался Али Мирза. — А вот мой брат на этот счет несколько иного мнения...

— Неужели? — изумилась Таня.

— Мой брат не сказал вам, в чем у нас расхождение, — вмешался Махмуд. — Мой брат — большой поклонник египетской старины и часто забывает, что надо учиться у современности... Конечно, такая лодка была хороша в прошлом — в течение

веков и, может быть, тысячелетий. Но сейчас место парусных фелюг должны занять моторные суда. А брат не хочет этого понять и в треугольном парусе все еще видит предел совершенства. Мы часто спорим с ним!..

— И к чему же вы пришли? — с улыбкой спросил Степан.

— К компромиссу, — также с улыбкой ответил Али Мирза и кивнул в сторону кормы, где был укреплен навесной мотор. — Мы ходим и на парусе, и на моторе, — пояснил он, — как захочется.

Махмуд многозначительно посмотрел на брата и задорно воскликнул:

— Когда я кончу училище, у меня будет только мотор!

На мгновение воцарилось молчание. Легкий бриз надувал парус, которым ловко управлял Махмуд, и маленькая скорлупка плавно скользила по расплавленному золоту воды.

Таня перегнулась за борт и опустила руки в воду.

— Будьте осторожны, мадам! — заволновался Али Мирза. — Нехорошо, если нильская вода попадет в рот...

— Вот как? — удивилась Таня. — А почему? Я ведь врач, это имеет прямое отношение к моей

профессии.

— В нильской воде, — ответил Али Мирза, — имеется особый микроорганизм, который вызывает тяжелую болезнь. Наш народ называет ее «билхаци». Человек начинает чахнуть, хиреть, терять силы и в конце концов умирает от слабости. Это древняя болезнь, но до сих пор медицина не нашла лекарства против нее. Болезнь можно только предупредить — пить чистую воду. Но ведь она имеется далеко не везде. Одна из основных проблем Египта — снабдить все население здоровой питьевой водой. Но пока власть находится в руках таких людей, как король Фарук, народу нечего надеяться.

— Надо прогнать Фарука! — решительно заявил Махмуд.

— Это не так просто, мой дорогой, — возразил Али Мирза. — Англичане не допустят насильственного низложения Фарука. И потом... — Он помолчал и несколько нерешительно прибавил: — Целесообразны ли вообще столь крутые меры? Не развяжут ли они такие силы, с которыми потом не справишься?

Между братьями начался спор. Али Мирза доказывал, что всякие изменения и реформы надо проводить осторожно, постепенно, без ка-

ких-либо серьезных потрясений общественного организма. Махмуд, напротив, отстаивал решительные меры и крутую ломку существующего режима. В конце концов он со смехом сказал:

— Ты просто заразился у твоего почтенного начальника духом оппортунизма! Ты прыгаешь под его дудку.

— Ничего не прыгаю! — обиделся Али Мирза. — Генерал Маклин — вполне приличный человек. Мы с ним часто разговариваем на разные темы, он очень интересный собеседник.

— Ну, а скажи по совести, — возразил Махмуд: — генерал Маклин считает тебя равным себе человеком? Совсем-совсем равным? Считает?

— Я никогда с ним не говорил на эти темы, — попытался уклониться от прямого ответа Али Мирза.

— «Не говорил»! — рассмеялся Махмуд. — Такие вещи чувствуются и без официальных деклараций. Нет, ты прямо скажи: считает Маклин тебя вполне равным себе человеком?

Али Мирза смутился и несколько неуверенным тоном ответил:

— В разговорах со мной у генерала Маклина иногда проскальзывает покровительственный тон. Это бывает неприятно… Но ведь все-таки он

очень образованный человек и к тому же мой начальник…

— И к тому же англичанин! — резко оборвал брата Махмуд. — В этом главное! Каждый англичанин, даже если он относится к египтянам благожелательно, думает, что он-то сделан из более сдобного теста, чем мы с тобой.

— Ты впадаешь в крайности, Махмуд, — возразил старший брат. — Разве нет хороших англичан? Есть. И я считаю, что генерал Маклин — один из них. Вот с такими-то англичанами нам и следует договориться о методах преобразования Египта. Сразу это, конечно, не удастся, но через ряд последовательных реформ мы придем к независимости. Не следует горячиться. Надо иметь терпение…

Махмуд иронически передразнил:

— «Иметь терпение»! Мы уже шестьдесят лет терпим англичан у себя в стране! Не пора ли им домой? Ничего, вот разделаемся с войной — иначе заговорим!..

— Ах, молодость, молодость! — примирительно заметил Али Мирза. — Кровь кипит, все кажется таким простым…

— А ты уж слишком все усложняешь! — отпарировал Махмуд. — Я чувствую только одно: без

большой драки англичане не уйдут. Да и Фарука без драки не сбросишь, и нужных реформ без драки не добьешься. А без реформ мы погибли. Надо же что-то сделать для крестьян, для феллахов! Вообще, я за драку! И среди моих товарищей тоже много драчунов…

Петровы молча прислушивались к спору. Они считали неудобным вмешиваться в разговор, но сам Али Мирза обратился к Степану с вопросом:

— Как по-вашему, уйдут англичане после войны из Египта или не уйдут? Поймут ли, что надо мирно урегулировать отношения между Англией и Египтом?

Степану очень хотелось сказать, что точка зрения Махмуда кажется ему более правильной, чем наивные надежды старшего брата. Но, вовремя вспомнив о своем дипломатическом звании, он ответил уклончиво:

— Я слишком мало знаю египетские условия, чтобы высказать какое-либо определенное мнение. Однако история учит, что свобода не падает просто с неба.

Солнце уже совсем склонилось к горизонту. Широкая река горела пурпуром. В потемневшей высоте начали зажигаться первые звезды. Таня тихо смотрела вдаль, и ей казалось, что какая-то

сказочная птица несет ее по сказочной дороге в какое-то сказочное царство…

Когда лодка вернулась к пристани, был уже поздний вечер и голубое сияние луны заливало небо и землю.

Советские гости тепло распрощались со своими новыми знакомыми.

— Это была наша первая встреча с людьми из вашей великой страны! — несколько торжественно произнес Али Мирза. — И мы не забудем ее до конца наших дней!

Инженер отвесил Петровым и Потапову низкий поклон и приложил руки к груди. Махмуд тоже поклонился и затем крепко пожал им руки.

— Вы о нас еще услышите! — многозначительно и уверенно сказал он.

…В вестибюле «Гиза-Хаус» советских путешественников встретил Селим Сейид. Это был молодой, красивый египтянин в красной феске, с которым они познакомились дня два назад в столовой отеля. Селим Сейид представился им в качестве журналиста и сотрудника одной из крупнейших газет Александрии.

— Мой редактор, — говорил он за обедом, — послал меня сюда, чтобы я дал несколько живых очерков о Каире военного времени.

Он прекрасно говорил по-английски, хорошо знал прошлое и настоящее Египта и охотно беседовал со своими новыми знакомыми. Он показал им каирскую гавань, проводил в кварталы, населенные беднотой, и много рассказывал о национальном движении в Египте. В беседах с Петровым Селим Сейид дал понять, что и сам он играет в этом движении немаловажную роль.

К Советскому Союзу журналист относился с явной симпатией и засыпал своих собеседников разнообразными вопросами о положении дел в их стране. Хотя Петрова еще в Москве предупреждали, что с иностранными журналистами надо быть особенно осторожным, Сейид произвел и на мужчин и на Таню самое благоприятное впечатление.

Теперь, в вестибюле отеля, Сейид сказал, адресуясь главным образом к Тане:

— Сегодня дивная ночь! Луна... Звезды... Все залито волшебным светом... Я хочу пройтись к пирамидам. Ночью они особенно хороши... Не составите ли компанию?

— Степа, пойдем! — воскликнула Таня. — Это же наши последние часы в Каире!

Но Петров, сам не понимая почему, колебался. Не лежала у него душа к этой ночной прогулке.

Одним… К пирамидам… Удобно ли?.. Да и нагулялись они сегодня достаточно.

Между тем Сейид настойчиво продолжал:

— Вы не пожалеете, мадам! Пирамиды при лунном освещении — незабываемое зрелище!

Таня никогда не отличалась осторожностью. Ее всегда тянуло к приключениям. Схватив Потапова под руку, она со смехом воскликнула:

— Поддержите меня, Александр Ильич! Уговорите этого лентяя! Или я отправлюсь одна!

Это решило вопрос. Мгновение спустя все вышли из отеля и направились в сторону пирамид. Чем ближе к пирамидам, тем пустыннее становилась местность. Потапова мучила жажда. Он предложил зайти в попутную лавочку, где продавались прохладительные напитки. В лавочке распили две бутылки лимонаду, а третью Потапов на всякий случай сунул в карман пиджака.

— Несете дар фараону Хеопсу? — пошутила Таня.

Какая-то темная фигура неожиданно вынырнула сзади и поспешно скрылась, но советские путешественники, увлеченные разговором с Сейидом, не обратили на это внимания. А Сейид тем временем восторженно описывал все прелести открывавшейся перед ними картины и

красноречиво рассказывал о легендах и преданиях, связанных с этими гигантскими могилами прошлого.

У самой пирамиды Хеопса людей в этот поздний час почти не было. Советские путешественники в сопровождении Сейида медленно прошли вдоль одного фаса огромного сооружения. Серебряная луна заливала голубым блеском острые ребра пирамиды, четко выступавшие на фоне потемневшего неба. Было что-то сказочное и фантастическое в этой мрачно-величественной панораме.

Сейид вытащил из кармана блокнот и с шутливой высокопарностью сказал:

— На меня снизошло вдохновение! Я отойду немножко и попробую набросать то, что мне пришло в голову. Не уходите отсюда далеко, я сейчас вернусь…

Петровы и Потапов прошли вдоль другого фаса пирамиды. Все трое молчали, невольно поддаваясь торжественной мрачности окружающей их картины. Потом они свернули чуть в сторону, чтобы лучше окинуть одним общим взглядом каменную громаду, и стали рядом друг с другом.

Опираясь на руку Степана, Таня сказала:

— Мне кажется, я чувствую…

Но она не кончила фразы. Что-то душное и тяжелое внезапно упало на ее голову, что-то оторвало ее от Степана. Таня сразу перестала видеть и слышать. Она дико вскрикнула, но голос ее погас в жаркой и густой темноте.

Потом чьи-то сильные руки подхватили ее, понесли и бросили в машину. Она догадалась об этом по запаху бензина.

С последним проблеском сознания Таня ощутила рывок автомобиля, и затем все провалилось в бездонную тьму…

Глава восьмая
В могиле третьей жены фараона

Маклины прибыли на аэродром в 4 часа 30 минут утра, за полчаса до отлета самолета. Они рассчитывали уже найти здесь Петровых и Потапова, но их не оказалось. Решив, что с отъездом советских гостей из отеля произошла случайная задержка, Маклины стали прогуливаться по зеленой лужайке перед зданием аэропорта.

На аэродроме шла обычная предотлетная суета: механики бегали около самолета, стоявшего на бетонной дорожке; летчики пробовали работу моторов; пассажиры с небольшими чемоданчиками в руках поднимались по трапу и исчезали в глубине машины; начальник аэропорта сердито отдавал приказания, что-то громко кричал и недовольно пожимал плечами.

Прошло пять, десять минут, а советских пассажиров все не было. Маклины стали беспокоиться. Особенно волновалась Люсиль, которой так хотелось побыть несколько лишних минут с «Таньей». Часы показывали уже 4 часа 45 минут утра, а Петровы и Потапов не появлялись. Подойдя к начальнику аэропорта, Маклин объяснил

ему причину своего беспокойства и попросил в случае надобности на несколько минут задержать вылет.

— Откуда ваши друзья должны были выехать на аэродром? — спросил начальник.

— Из отеля «Гиза-Хаус».

Начальник вызвал адъютанта и приказал ему немедленно выяснить по телефону, когда советские пассажиры покинули отель.

Адъютант вернулся со странным ответом:

— Из отеля сообщают, что они вообще не выезжали.

— Как — не выезжали? — изумился Маклин.

— Из отеля передают, что ваши друзья не ночевали в отеле.

Маклин был поражен.

— Не ночевали? — в волнении воскликнул он. — Но где же они провели ночь? Тут что-то непонятное...

— Во всяком случае, вы видите, — сказал начальник аэропорта, — что ждать ваших друзей нет смысла. Самолет уйдет точно по расписанию.

Маклины сели в машину и помчались в «Гиза-Хаус». Директор гостиницы подтвердил им то, что было сообщено по телефону. Он даже провел

их в комнаты Петровых и Потапова. Все вещи лежали на своих местах, приготовленные к ночи постели не были смяты.

— Русские путешественники, — заявил директор, — вышли из отеля вчера вечером. С тех пор они не возвращались.

События принимали все более таинственный характер. Ясно было, что с гостями из Москвы что-то случилось.

Не на шутку встревоженный, Маклин предложил директору отеля немедленно известить о происшествии полицию, а сам, завезя жену и дочь домой, отправился к начальнику английского штаба. Сообщив генералу об исчезновении трех советских путешественников, Маклин просил принять все возможные меры для их отыскания.

Начальник штаба был сильно обеспокоен.

«Если с этими русскими что-нибудь случилось, — думал он, — не оберешься неприятностей. Москва будет протестовать… Лондон будет недоволен… Мне поставят в вину беспечность и нераспорядительность… Станут придираться… Особенно теперь, когда русские под Сталинградом бьют немцев… Вообще скверная история. Надо ее как-нибудь притушить».

Маклин уехал, а начальник штаба вызвал ше-

фов египетской и английской военной полиции. Сообщив им о происшествии, он решительным тоном заявил:

— В течение сегодняшнего дня русские должны быть найдены, а виновные в их исчезновении арестованы! Каждый час извещайте меня о ходе розысков. Вы лично отвечаете за исход дела!

Когда шеф египетской полиции вышел, начальник штаба сказал, обращаясь к шефу английской военной полиции:

— Я уверен, что это штучки той банды, которая окружает Фарука. Немедленно принимайтесь за дело! На египетскую полицию я мало надеюсь: в ней слишком много «фарукистов». Результатов жду только от вас.

Весь день 23 ноября полиция неистовствовала. Звонили телефоны, отдавались приказы, шли обыски и облавы во всех притонах Каира. Но нигде не было обнаружено ни малейших следов русских, и к вечеру власти не имели даже нити, идя по которой можно было бы рассчитывать найти виновников преступления. А в том, что здесь имело место преступление, никто уже не сомневался.

Полковник Мекензи тоже был вовлечен в розыски. Вызвав к себе лейтенанта Фрая, он прямо

спросил:

— Что вам известно об этой неприятной истории?

— Мне решительно ничего не известно, — пожал плечами секретарь.

— А что говорит по этому поводу мадемуазель Фролова? Ведь она была прикомандирована к русским.

— Я не знаю, что случилось с мадемуазель Фроловой, — несколько смутившись, пробормотал Фрай. — Она уже два дня не появляется в штабе. Должно быть, заболела…

— Как? Мадемуазель Фролова два дня не появляется в штабе, и вы до сих пор не узнали о причинах ее служебной небрежности?

— Я сейчас же узнаю, в чем дело, — поспешил ответить Фрай.

Он бросился в кабинет и начал усиленно звонить по телефону мадемуазель Фроловой, но никто не отвечал. Тогда он решил поехать к ней на квартиру.

На стук в дверь никто долго не откликался; и Фрай уже собирался было уйти, как вдруг послышался столь знакомый ему голос:

— Кто там?

Фрай назвал себя. Дверь медленно приотвори-

лась, и выглянула Аннет в весьма откровенном утреннем туалете. Войдя внутрь, Фрай захлопнул дверь и быстро спросил:

— Куда девались трое русских?

— А я откуда знаю? — певуче протянула мадемуазель Фролова.

— Но ведь ты же была к ним прикомандирована! Ты должна знать обо всех их передвижениях по Каиру…

— Дуралей! — рассмеялась Аннет. — Ты очень наивен… Эти русские считают меня белогвардейкой и еще позавчера отказались от моих услуг.

— Но почему же ты не сообщила мне об этом сразу? — недовольно поморщился Фрай.

— Я была больна. Я и сейчас еще не совсем здорова… — И она кивнула на свой костюм.

— Так тебе, значит, ничего не известно об их исчезновении? — снова спросил Фрай.

«Прыткий мальчик!» — с чувством семейной гордости подумала Аннет о своем брате Антоне и с самым невинным видом ответила Фраю:

— Я только от тебя узнала, что русские исчезли… Еще раз повторяю: с двадцать первого ноября я с ними не виделась. Эта белобрысая чертовка, жена Петрова, заставила своего мужа выгнать меня: она очень ревнива.

— Ах, ревнива? — точно найдя объяснение мучившей его загадке, повторил Фрай.

— Ну, еще бы! — самодовольно воскликнула мадемуазель Фролова. — Она видела меня!

Когда час спустя Фрай выходил из дома мадемуазель Фроловой, для него было совершенно ясно, что эта пленительная женщина не имела решительно никакого отношения к исчезновению русских.

Майор Стимсон сидел за утренним завтраком и с удовлетворением думал о том, что пока, благодарение богу, судьба его складывается весьма благоприятно. Десять лет назад, будучи доцентом одного из английских университетов, он поступил на службу к египетскому правительству. Жалованье было хорошее, работа интересная.

С тех пор Стимсон прошел длинную и успешную дорогу. Его раскопки египетских древностей обратили на себя всеобщее внимание. Он был удачлив. В одной из старинных могил Стимсон нашел важные в историческом отношении письмена, которые сразу выдвинули его в мире археологов. В верхнем течении Нила он раскопал ремесленные и земледельческие орудия, которые египтяне употребляли более четырех тысяч лет назад, и по ним восстановил картину

производственной жизни туземного населения в те далекие времена.

Статьи Стимсона по этому вопросу принесли ему звание профессора.

Но самым главным достижением ученого были исследования, связанные с одной из древнейших египетских пирамид, расположенной милях в сорока от Каира. В течение ряда лет Стимсон производил вокруг пирамиды раскопки, точно установил ее происхождение и историю, вскрыл целый комплекс могил и храмов, составляющих, так сказать, свиту этой пирамиды. Работы Стимсона, посвященные ей, создали ему славу в ученом мире и принесли немало лестных отзывов и почетных медалей. Английская наука считала Стимсона одним из ведущих египтологов, а египетское правительство дорожило его услугами и щедро снабжало необходимыми средствами.

Когда началась война, Стимсон был мобилизован, но это мало отразилось на его жизни и работе. Правда, он носил теперь погоны майора, но, как известный ученый, занимал почетное положение в штабе, пользовался различными привилегиями и по-прежнему продолжал вести раскопки в районе своей пирамиды.

Проглотив порцию бекона с поджаренными яйцами и выпив чашку густого чая с молоком, Стимсон стал просматривать газету. На английских фронтах не было ничего интересного, зато вести со Сталинградского фронта носили сенсационный характер.

«Хорошо, что русские стали бить немцев, — подумал майор. — Надо выровнять военную ситуацию. Легче будет прийти к здоровому компромиссу».

Потом он вернулся к своим работам и с особенным удовольствием вспоминал о последнем успехе: ему удалось раскопать могилу третьей жены фараона. Это была блестящая находка. Усыпальница находилась на глубине 200 футов. К ней вел узкий зигзагообразный коридор, спускавшийся все ниже и ниже. Потолок коридора поддерживали большие деревянные балки, которые не истлели, несмотря на пять тысяч лет, пронесшихся над этой могилой, — так суха была почва, в которой они лежали. Усыпальница была отделана голубыми изразцами дивной красоты. На каменном постаменте находились две прекрасно сохранившиеся мумии: третьей жены фараона и ее малолетней дочери.

Конечно, Стимсон снял со стен усыпальни-

цы изразцы и отправил их в Лондон. Туда же он отправил и мумию третьей жены фараона. За столь ценные подарки Стимсон удостоился специальной благодарности со стороны ученых инстанций Англии. Это было приятно и вполне заслуженно. А мумию малолетней дочери Стимсон отдал египтянам.

Закурив сигару, он раза два прошелся по комнате. Да, сегодня он определенно был в хорошем настроении! Война войной, но его личные дела шли прекрасно.

Вошла горничная-англичанка и сказала:

— Там вас человек спрашивает, сэр... С раскопок... Очень спешно, сэр...

— С раскопок? — удивился Стимсон. — Как его зовут?

— Он называл свое имя, но я не могла запомнить, — отвечала горничная. — Эти египетские имена такие трудные, сэр.

— Позовите его сюда, — приказал Стимсон.

Минуту спустя в дверь осторожно просунулся невысокий египтянин. Он был худ и костляв, на светло-коричневом лице ярко выделялись белки глаз, в волосах просвечивала седина.

Египтянин, видимо, чувствовал себя неловко в изысканной обстановке европейского дома и ста-

рался стушеваться среди этих стульев, диванов, шкафов. Он усиленно кланялся майору и поминутно прижимал руки к вискам, точно извиняясь за свое вторжение.

— Как? Это ты, Ибрагим? — с изумлением воскликнул Стимсон. — Зачем ты явился?

Ибрагим был старшим рабочим, чем-то вроде прораба на раскопках Стимсона, и до сих пор никогда их не покидал. Должно было случиться что-либо из ряда вон выходящее, для того чтобы заставить его отправиться в Каир.

Ибрагим, еще раз прижав руки к вискам, склонился почти до земли и горестно воскликнул на ломаном английском языке:

— Болшой беда, господин!.. Болшой беда!

— В чем дело? — быстро спросил Стимсон. — Обвал на раскопках?

При виде Ибрагима Стимсону прежде всего пришла в голову мысль, что на раскопках храма случилась катастрофа. Однако Ибрагим отрицательно покачал головой и еще раз повторил:

— Болшой беда! Нехороший беда, господин…

Стимсона охватило нетерпение:

— Да что же произошло? Расскажи толком!

Легко было хозяину приказать «расскажи толком!», но как трудно было это выполнить бедному

Ибрагиму! Его английский язык был очень скуден и коряв. Потребовалось больше часа, прежде чем из скупых слов, жестов и гримас Ибрагима Стимсон, наконец, смог хотя бы примерно представить себе, что заставило Ибрагима явиться в Каир. Вот что рассказал ему старший рабочий на раскопках.

В ночь на 23 ноября Ибрагим вышел по нужде из своего домика. Ярко светила луна, и все было хорошо видно. Вдруг он услышал человеческие голоса. Притаившись за одним из камней, Ибрагим стал наблюдать, что происходит. У входа в могилу третьей жены фараона он увидел четыре автомобиля. Из них вышло человек десять. Людей этих Ибрагим никогда раньше не видел, но одного из них легко узнал: то был Абдулла, тот самый Абдулла, который раньше работал на раскопках, но с полгода назад стал сильно пьянствовать, поссорился с Ибрагимом и был уволен, после чего спутался с какими-то воровскими шайками.

Абдулла и в этот раз был очень навеселе, громко кричал, ссорился со своими товарищами и все время повторял: «Что бы вы стали делать без меня?»

Потом приезжие вытащили из машин три тела, связанные по рукам и ногам, и понесли их в

могилу третьей жены фараона.

Абдулла шел впереди и показывал дорогу. Два человека остались сторожить автомобили, остальные скрылись в могиле. Час спустя они вновь вышли из могилы, но тел с ними не было. Теперь Абдулла стал еще шумнее. Он кричал, хохотал, хлопал по плечу вожака банды и требовал особой награды. Ибрагим расслышал, как Абдулла два раза крикнул: «Ни на земле, ни над землей, ни на воде, ни под водой, и ни одной капли крови! Ха-ха-ха!.. Что бы вы сделали без меня?»

Вожак сердился и в конце концов ударил Абдуллу по лицу. Потом все вскочили в автомобили и умчались. Тогда Ибрагим решил, что произошло какое-то несчастье, и тут же, ночью, ушел из дому в Каир, чтобы известить господина о случившемся. Денег у него не было, пришлось идти пешком. Он шел почти без остановки, вконец измучился и вот прибыл все-таки в Каир…

Выслушав Ибрагима, Стимсон позвал горничную и приказал:

— Накормите этого человека и уложите его спать. Но никуда не выпускайте. Он мне скоро понадобится.

Затем майор Стимсон отправился к начальнику штаба. В ответ на просьбу о немедленном

приеме секретарь начальника, замахав руками, воскликнул:

— Это совершенно невозможно! У начальника сейчас конференция с шефами полицейских властей из-за этой несчастной истории с тремя русскими… Сбились с ног — и никаких результатов!.. Вам придется заехать часа через два.

— Я хочу видеть начальника штаба, — сказал Стимсон, — как раз в связи с исчезновением трех русских.

— О, это совсем другое дело! Я сейчас же доложу.

Минуту спустя Стимсон, поздоровавшись с начальником штаба, внушительно произнес:

— Я, кажется, нашел ключ к загадке, которая вас мучит…

Потапов медленно, с трудом открыл глаза. Веки были точно свинцовые. Кругом царила тьма — густая, глубокая. Нигде ни малейшего луча или проблеска света. Он прислушался. Ни звука! Везде мертвая, ничем не нарушаемая тишина.

Голова разрывалась от боли. Казалось, кто-то неумолимый бил в мозгу молотком.

«Где я?» — подумал Потапов.

Он попробовал шевельнуться и вдруг ощутил острую боль во всем теле. Руки и ноги его были

связаны. Тонкая веревка опутывала все тело, врезаясь в кожу, в мышцы.

В голове Потапова вдруг, точно молния, мелькнуло: лунная ночь… пирамида Хеопса… Степан и Таня… Потом внезапный удар сзади… Какой-то ковер, накинутый сверху… Странный острый запах… И тьма, беспросветная тьма…

Потапов терялся в догадках. Где он?.. Один или вместе с Петровыми?.. Что ждет его?.. Кто совершил преступление? Почему?.. Мрак и молчание, царившие кругом, не давали никакого ответа. Однако полусознательно, полуинстинктивно он чувствовал, что это не простой бандитизм. Здесь было что-то антисоветское…

Преодолевая страшную боль, Потапов сделал попытку разорвать связывавшие его путы. Но, хотя природа наградила его железными мускулами, попытка оказалась тщетной. Веревка была тонкая, но крепкая и, впиваясь в тело, причиняла невыносимую боль.

Что же делать? Неужели так вот лежать и ждать, пока какой-нибудь фашистский негодяй прирежет тебя, как барана? Нет! Не на такого напали!

Мысль быстро работала, к сердцу то и дело подступала горячая волна… Что делать?

И вдруг Потапова осенило. Он вспомнил, что в тот роковой вечер по пути к пирамиде он купил в лавочке лимонад и сунул его в карман. Сейчас кисть правой руки была крепко привязана как раз к этому месту и под ладонью ощущалась округлость бутылки. Видимо, бандиты второпях не заметили ее.

Собрав все силы, он рывком перевалился на правый бок, потом на спину, снова рывком на правый бок, на бутылку. Еще и еще… Было очень больно, в глазах пошли красные круги, но бутылка, наконец, треснула. «Жаль, лимонад пропадает, пить чертовски хочется», — подумал он, когда прохладная влага потекла вдоль ноги.

Острые осколки впились в тело, теплые струйки крови заливали бок. Но зато тугие кольца веревки на правой руке сразу ослабели.

Потапов стал усиленно двигать онемевшими пальцами. Когда в руке восстановилось кровообращение, он попытался высвободить кисть. Трудно было бы сказать, сколько минут или часов ушло на это. Тьма и молчание вокруг гасили всякие представления о времени.

В конце концов, после долгих и мучительных усилий, правая рука оказалась свободной. Едва отдышавшись, Потапов нащупал осколок

раздавленной бутылки. Схватив драгоценную находку, капитан стал медленно и осторожно перепиливать осколком веревку. Работать было очень неудобно, боль в боку все усиливалась, липкая кровь растекалась по полу. Несмотря на свою громадную силу, Потапов быстро уставал. Ему казалось, что язык распух и занял весь рот. Все чаще приходилось делать передышки. «Чертовски крепкая веревка, из проволок, что ли?..» — мелькало в его затуманенном мозгу.

Наконец одно из колец веревки лопнуло!

Теперь главное было сделано. Все другие звенья сразу обмякли. Потапов стал постепенно освобождаться от пут…

Веревка была сброшена, но тело казалось чужим. Оно горело от боли, плохо повиновалось воле разума. Потапов попробовал встать и со стоном повалился на землю. Еще одна попытка, еще и еще одна… Он должен встать на ноги, и он встанет!

И вот Потапов встал. Он поднял вверх руку — потолка не было. «Где же я? — снова подумал он. — Если это могила, то, видимо, она необычайно велика… Где же я?»

И он начал медленно и осторожно исследовать таинственную каменную ловушку. Протянув ру-

ки в кромешную тьму и ощупывая концом носка каждый сантиметр пола, пленник фараоновой могилы стал продвигаться вперед. Сделав шага четыре, он наткнулся на каменную стену и пошел вдоль нее. Скоро стена повернула под прямым углом влево. Послушно пройдя вдоль нее, он через несколько шагов снова уткнулся в угол. Постепенно становилось ясно, что помещение имеет форму прямоугольника, сложенного из крупных блоков.

На одной из стен Потапов обнаружил на уровне груди неглубокую нишу. В противоположной стене оказалась узкая выемка, загороженная каменной плитой. Что это? Дверь?

Потапов исследовал пальцами края плиты и обнаружил пазы и широкий порог. Сомнений не оставалось — перед ним была дверь! Он с яростью навалился на нее плечом, толкал руками, бился всем телом. Но тщетно: плита не поддавалась.

В изнеможении опустившись на пол, Потапов стал обдумывать положение. По внешнему периметру этот каменный мешок был обследован. Но какие сюрпризы могут быть в середине?

Потапову невольно пришел на память рассказ Эдгара По «Колодезь и маятник», который он как-то прочитал еще в вузе. Что, если в середине

могилы, как это было в рассказе американского писателя, устроен бездонный колодец, в который при неосторожном шаге можно свалиться?.. Он стал на колени и начал неуверенно шарить руками по земле. Обшаривая каждую пядь пространства, Потапов медленно пополз по диагонали — из угла в угол. Вдруг руки его на что-то наткнулись. Он инстинктивно отдернул их, но тут же снова протянул вперед. Это «что-то» было мягкое и теплое… Неужели человеческое тело? Да-да, конечно, это человек! Но кто же он, его товарищ по несчастью? Петров?

Александр Ильич стал лихорадочно ощупывать тело, густо опутанное веревкой. Легкий китель, в наружном кармане авторучка… Петров! Но где же Таня?

Потапов стал энергично шарить вокруг, и уже через минуту он обнаружил и Таню, ощутил под пальцами легкий шелк ее кофточки. Значит, они здесь, все вместе! На душе стало легче, теплее… Потапов приложил ухо к груди Степана: сердце билось слабо, прерывисто. Он прислушался к Таниному сердцебиению: еще слабее и глуше. Но, как бы то ни было, они живы. Живы!

Схватив осколок стекла, Потапов стал перепиливать веревки, опутавшие друзей. Теперь

работа шла быстро и легко. Спустя несколько минут оба были свободны, но тела их по-прежнему бессильно лежали на земле.

«Что же это значит? — с беспокойством спросил себя капитан и тут же понял: — Они, видно, усыплены так же, как и я, но еще не проснулись».

Он хотел было растормошить Петровых, поднять их, но потом решил, что, пожалуй, это им повредит. Пусть сами проснутся. А пока…

Что же делать пока? Неужели просто ждать?

Некоторое время он находился в нерешительности, но потом мелькнула мысль: «Если дверь нельзя открыть, ее можно подкопать».

Схватив найденный на полу плоский камень, капитан начал работу. Сперва надо было узнать, как глубоко сидит в земле порог. Оказалось, что не больше чем на фут. Это сильно обнадежило Потапова, и он энергично принялся за дело. Руки его ныли от боли, пот слепил глаза. Но он упорно копал и копал. Под дверью уже была глубокая яма, в которую Потапов ушел почти по пояс. Он начал рыть проход под порогом.

В это время застонал Степан. Выскочив из ямы, Потапов схватил друга за плечи, сильно потряс его и хрипло прошептал:

— Степа, проснись!..

Степан медленно, чуть слышно спросил:

— Это ты, Саша?.. Где мы?.. Где Таня?..

— Вставай, вставай скорее! — торопил Потапов, все еще тряся Степана. — Таня рядом! Она еще спит… Мы в какой-то подземной могиле… Вставай!

Сознание постепенно возвращалось к Степану, но онемевшие члены плохо слушались, мучила жажда. А Потапов между тем продолжал:

— Я нашел дверь, подрываюсь под нее… Но одному трудно… Торопись!

Степан пытался встать, но это удалось ему не сразу. Кружилась голова, подгибались ноги.

Потапов подхватил его сзади. Степан сделал два-три неверных шага, бессильно опустился около Тани и нежно коснулся ладонью ее лба.

— Ну, Саша, говори, что делать? — спросил он товарища.

Оба поползли к двери. Теперь Потапов рыл, а Степан выбрасывал из ямы землю. Работа пошла быстрее.

Трудно сказать, как долго, то и дело меняясь, они работали. Мрак и тишина, царившие кругом, создавали впечатление, будто они существуют вне времени и пространства. Подкоп становился все глубже и шире. Казалось, еще немного — и сквозь образовавшийся лаз можно будет выбраться из могилы. Куда? Что там, по ту сторону

каменного порога?..

Зашевелилась Таня. Степан выскочил из ямы и стал осторожно растирать ее онемевшее тело.

Вскоре Таня пришла в себя, а еще через несколько минут уже все трое работали: Степан и Александр Ильич копали землю, а Таня ее отбрасывала.

Руки мужчин были до крови разбиты камнями и галькой, пот лился ручьями по их полуобнаженным телам, глубокая усталость все сильнее сковывала движения.

Вдруг откуда-то издалека, точно из-под земли, пришли странные звуки… Сначала они были смутны и неясны, но постепенно становились все более отчетливыми, гулкими, страшными.

Пленники каменной могилы замерли. Что это?..

Прошло еще несколько минут… Послышались голоса — возбужденные, нестройные. Кто же они, эти люди, враги или друзья?

Потапов возбужденно воскликнул:

— Берите камни покрупнее! Если это враги, будем драться до последнего!

Все трое, бросив работу, встали перед дверью, готовые обрушить камни на головы тех, кто проникнет внутрь.

По ту сторону раздались крики… Потом стало ясно, что там разбирают тяжелые плиты. Сверху посыпались мелкие осколки. Каменная дверь дрогнула и стала чуть-чуть приоткрываться… Красноватый свет факела внезапно ворвался в образовавшуюся щель. Просунулся толстый лом и начал понемногу расширять отверстие. Протянулась чья-то рука… Кто-то шумно дышал, налегая на железный рычаг…

Наступили решающие секунды. Пленники могилы, высоко подняв над головами каменное оружие, с напряжением вглядывались во все раздвигающуюся щель. Вдруг снаружи кто-то громко воскликнул по-английски:

— Неужели они погибли?!

Вздох облегчения вырвался из груди пленников. Нервы их сразу обмякли, угрожающе поднятые камни выпали из рук…

В полосе красного света факела показалась фигура английского офицера. Это был майор Стимсон.

— Осторожно! За порогом яма!.. — крикнул Степан.

— Вы живы? Все живы? — быстро спросил Стимсон.

— Да, все живы!

— Ну, слава богу! — воскликнул Стимсон.

Перепрыгивая через яму, в могилу вошло несколько человек: Стимсон, шеф английской военной полиции, начальник египетской полиции, врач, медицинская сестра…

Три дня спустя, ранним утром, Петровы и Потапов стояли на каирском аэродроме.

Драматическая история, невольными героями которой они оказались, вызвала большое волнение в египетской столице. Властям удалось ничего не пропустить в печать, зато Большой базар на все лады обсуждал эту сенсацию. Впервые Азис-Абеб потерпел неудачу и вызвал гнев своего покровителя. Азис-Абебу, правда, удалось удержаться во дворце, но престижу его был нанесен сильный удар. Абдуллу арестовали, и от него, как ниточки, потянулись пути почти ко всем членам шайки Ахмеда. Самому Ахмеду, однако, удалось скрыться.

Среди членов этой шайки оказался и Антон Фролов. Когда выяснилось, что Антон — брат мадемуазель Фроловой, Фрай не на шутку перетрусил. Фролова была немедленно уволена из штаба. Шли упорные слухи о том, что Аннет сыграла весьма неблаговидную роль в истории с похищением советских офицеров и что она

вынуждена будет разделить со своим братом гостеприимство каирской тюрьмы. Однако нашлись люди, которые решили вопрос иначе: «за недостатком улик» Аннет была оставлена на свободе. Но зато был арестован «александрийский журналист» Селим Сейид. Он оказался агентом итальянской разведки и был тесно связан с кликой Фарука.

Наши путешественники два дня провели в больнице. Заместитель начальника штаба приезжал к ним с выражением официального сожаления по поводу «неприятного инцидента». Он обещал, что виновные будут строго наказаны.

Из больницы Степан послал в Москву подробное сообщение о происшедшем и получил в ответ ободряющую телеграмму от контр-адмирала Карпова.

На третий день Петровы и Потапов выписались из больницы. Начальник штаба сказал полковнику Мекензи:

— Отправляйте их возможно скорее в Кейптаун! А то, боже избави, произойдет еще какая-нибудь история...

И вот наши путники оказались на аэродроме. К отлету приехала вся семья Маклинов. Прибыл также официальный представитель штаба.

Люсиль, не сводя синих глаз с Тани, быстро, точно захлебываясь, говорила:

— Танья, я хочу быть врачом, как вы… Когда я вырасту, я вообще хочу быть такой, как вы…

Наступили последние предотлетные минуты. Запоздавшие пассажиры торопливо бежали к самолету. Среди них Таня заметила двух негров. Вдруг стоявший рядом с трапом краснолицый бурский полковник громко закричал, обращаясь к стюарду:

— Зачем вы пустили этих черных обезьян? Ведь в самолете белые!

— У них все документы в порядке, сэр, — смущенно, точно оправдываясь, пробормотал стюард.

Маклин сделал вид, что не заметил этого инцидента; он, казалось, весь ушел в беседу с начальником аэропорта.

«Однако, — подумал Степан, — нравы…»

Петровы и Потапов стали прощаться с провожающими.

Глава девятая
На волосок от смерти

Сидя в самолете, Степан с интересом следил за развертывавшейся внизу панорамой. Самолет, гудя пропеллерами, несся на юг со скоростью 200 километров в час. Стараясь избежать воздушных ям, пилот держал машину на уровне трех тысяч метров. С такой высоты земля казалась мелко и беспорядочно исчерченной картой, но зато основные плоскости ее рельефа проступали с особенной четкостью. А рельеф этот был очень своеобразен.

Трасса самолета шла долиной Нила. Самой реки почти не было видно, лишь кое-где, на закруглениях и извилинах русла, мгновенно вспыхивали и тут же пропадали яркие блестки воды, горевшие под солнцем. Зато четко виднелась узкая, ярко-зеленая полоса, которая, точно сказочный змей, петляла и изгибалась. Это была полоса растительности нильской долины. Вдоль каждого из берегов Нила бежала такая лента шириной в 15-20 километров, обязанная своим существованием могучему дыханию великой реки.

За зелеными полосами, по обе стороны Нила,

раскинулись безжизненные песчаные пустыни, желтые, безбрежные. Слева — Аравийская пустыня, невольно заставлявшая вспомнить миф о Тантале: одним концом упираясь в многоводный Нил, а другим в Красное море, она, казалось, погибала от жажды. С другой стороны Нила на запад тянулась Ливийская пустыня и там, в песчаной бескрайности, сливалась с Сахарой. Не было никакого перехода, никаких полутонов между зеленой лентой растительности и желтым морем песков. Здесь сталкивались лицом к лицу два враждебных мира — мир жизни и мир смерти…

Вдруг за спиной Степана неожиданно прозвучало:

— Вот вам разгадка каналов на Марсе!

Степан обернулся. Сзади него сидел англичанин с худощавым лицом и легкой проседью в волосах. Его серые глаза смотрели из-под нависших бровей строго и немного подозрительно. Казалось, англичанин думает вслух, не ожидая, что кто-нибудь вступит с ним в разговор.

— Картина, что расстилается под нами, — говорил англичанин, — помогает нам понять то, что мы видим в телескопы, когда смотрим на Марс. Марсианские каналы, конечно, не широки, один-два километра в поперечнике, не больше,

и мы их, разумеется, не видим. Но по их берегам поднимается, как по берегам Нила, густая растительность. Марсианская растительность простирается, надо думать, на пятнадцать — двадцать километров в сторону от каждого берега. Вот эту полосу шириной в тридцать — сорок километров мы и видим в наши трубы.

— Вы астроном? — спросил Степан.

— О нет! — рассмеялся англичанин. — Моя профессия не имеет ничего общего с небесными светилами. Но астрономия — мое любимое увлечение с молодости.

В самолете вновь воцарилось молчание. Степан взглянул на Таню. Она дремала. Потапов сидел, уткнувшись в свой разговорник, и чуть заметно шевелил губами, видимо заучивая новые слова и фразы. «Ну и настойчивый же парень!» — с уважением подумал Петров и, не найдя себе собеседника, вновь уставился в окно.

Самолет оставлял позади всё новые пространства — города, городки, селения. Фаюм с его древней пирамидой, Бени-Суэйф, Асьют, Люксор… Ныне Люксор — богатый, модный курорт, а в далеком прошлом здесь стояли древние Фивы с колоссом Мемнона, великолепными храмами… Их развалины мелькнули под самолетом, точно

разбросанные по полу детские кубики и игрушки. К западу от Нила виднелся оазис Харга, за первым нильским порогом — громадная плотина под Асуаном. С высоты она была похожа на тонкую черточку. Дальше — еще и еще пороги… У порога Вади Хальфа Нил делает громадную петлю сначала на запад, а потом на восток.

Здесь самолет оторвался от долины реки и вплоть до Хартума летел над желтой, бескрайней пустыней.

Молоденький стюард, египтянин, почти мальчик, ловкий и быстрый, как ящерица, разнес пассажирам завтрак.

Его кожа отливала бронзой, а в черных глазах светились веселье и лукавство. По-английски он говорил свободно, но с местным акцентом. На советских пассажиров Гассан — так звали стюарда — смотрел с нескрываемым любопытством и старался им всячески услужить.

За завтраком пассажиры стали знакомиться друг с другом. Первым представился Петровым англичанин, говоривший о каналах на Марсе. Он оказался крупным чиновником министерства колоний, командированным из Лондона в Южную Африку по делам, связанным с военными поставками. Его резиденция была в Кейптауне,

но сейчас он прилетел в Каир на несколько дней и теперь возвращался на мыс Доброй Надежды. Узнав, что Петров — советский моряк, сэр Рональд Бингхэм (таково было его имя) подумал: «Было бы слишком много чести для большевиков, если бы, встретив одного из них, я потерял душевное равновесие». И он заставил себя остаться по-прежнему любезным, даже предупредительным.

Впереди, у самой кабины управления, сидел бурский полковник Менц из Южно-Африканского Союза. Это он кричал о «черных обезьянах» на аэродроме в Каире.

Война заставила Менца надеть военный мундир, однако в обычной жизни он был ярким представителем того класса бурских помещиков, которые на всю Африку прославились дикостью, жестокостью и самым оголтелым расизмом.

Соседом Менца оказался Вильсон — южноафриканский «алмазный король» из Иоганнесбурга. Этот чистокровный англичанин по своим взглядам и настроениям мало отличался от бурского полковника. Выходец из мелкочиновничьих кругов, Вильсон сделал бешеную карьеру, но такими средствами, о которых люди не любили говорить к ночи. Сейчас Вильсон возвращался из Каира, где провел одну смелую спекуляцию.

Позади Менца и Вильсона устроились английский генерал Гордон и его адъютант капитан Лесли. Они летели в Кейптаун для переговоров с южноафриканским командованием по различным военным вопросам.

В самой задней части самолета скромно примостились два негра — те самые, появление которых так взорвало на каирском аэродроме полковника Менца. На одном из них отлично сидел европейский костюм. По всему видно было, что этот африканец много лет прожил в городе. Его звали Бенсон. Он служил агентом в английском интендантстве и сейчас был командирован в центральные районы Африки заготовлять сырье для английской армии в Египте.

Второму негру, Киви, было лет двадцать, не больше. Он носил какой-то странный, неведомого покроя, костюм, оставлявший открытыми шею, руки и ноги юноши. Киви был сыном вождя одного из центральноафриканских племен, учился в Каирском университете и ехал домой на каникулы.

Оба африканца чувствовали себя очень стесненно и старались ничем не привлекать к себе внимания белых пассажиров.

Экипаж самолета состоял из пилота-англича-

нина Симонса — большого, нескладного человека лет тридцати; рыжего костлявого механика Брауна, тоже англичанина, и, наконец, юного стюарда Гассана.

Всего тринадцать человек. Но каким пестрым было это общество! Правда, в обстановке мирного воздушного полета большая часть таившихся в нем противоречий дремала. Однако одно противоречие, расовое, даже сейчас выступало во всей своей безобразной наготе.

Полковник Менц, генерал Гордон и «алмазный король» Вильсон даже не пытались скрыть свою враждебность к черным африканцам. Они непрерывно искали повода подчеркнуть, что присутствие в самолете негров считают для себя оскорбительным.

В глубине души сэр Рональд Бингхэм разделял их чувства. Однако как крупный чиновник колониального ведомства он лучше понимал всю остроту расовой «проблемы» для Британской империи и потому делал вид, что просто не замечает негров.

Что касается пилота Симонса и капитана Лесли, то они, конечно, испытывали к «цветным» и неприязнь и презрение. Однако это была, скорее всего, дань традиции: представители

молодого поколения были менее заражены расовыми предрассудками, чем их отцы, они сами не оскорбляли негров, но и не считали нужным как-нибудь отмежеваться от недостойного поведения расистов. Механик Браун в душе осуждал генерала и полковника. Он был левый лейборист и в Англии нередко выступал против национального угнетения колониальных народов. Однако, столкнувшись с разгулом расизма в Африке, он не нашел в себе мужества протестовать. Вот и сейчас Браун сочувствовал двум неграм-пассажирам, но ничем этого не проявлял, делая вид, будто целиком поглощен своими обязанностями.

...После завтрака Степан встал со своего места и, подойдя к двум неграм, протянул им каирскую газету:

— Не хотите ли почитать?

Негры были поражены, почти испуганы. После секундной заминки старший нерешительно взял газету и едва слышно пролепетал:

— Благодарю вас, сэр... Вы очень добры, сэр...

Лицо бурского полковника налилось кровью, и он прохрипел сквозь зубы:

— Проклятый большевик!

Вильсон и генерал Гордон онемели от изумления. Остальные внезапно смолкли и насупились.

Вторая половина дня прошла в атмосфере всеобщего напряжения. Пассажиры почти не разговаривали, а вокруг советских людей сразу образовалась пустота, точно они совершили какой-то вызывающий и неприличный поступок.

Первую ночь провели в Хартуме — столице Судана, расположенной у слияния Белого и Голубого Нила[11].

[11] Примечания: 11

Собственно Нил образуется из слияния около Хартума двух больших рек: Белого Нила, берущего начало в районе огромного центрально-африканского озера Виктория, и Голубого Нила, берущего начало в горных массивах Эфиопии. Ниже Хартума Нил становится уже единой рекой, на протяжении 2000 километров прорезает африканские пустыни и около Александрии впадает в Средиземное море. Длина Нила 6500 километров.

Быстро поужинав, Петровы и Потапов решили немного побродить. Городок был невелик, но хорошо распланирован и богат красивыми зданиями европейского типа. В районе улицы Гордона и набережной Голубого Нила расположились правительственные здания, великолепный

дворец английского генерал-губернатора, клубы, спортплощадки, виллы богачей, церкви, отели, мечети, банки, казармы. Везде было много зелени — сады, парки, пальмовые рощи… Дуговые фонари ярко освещали улицы.

Неслышно скользили лимузины, блестевшие лаками всех цветов.

— «Вот так Африка! Ну и Африка!» — вспомнил Степан строчки из сказки Чуковского, которую не раз читал маленькому Ване. — Да чем же, скажите, эта Африка отличается от Европы?

Вдоль по Африке гуляют,
Фиги, финики срывают! —

подхватила Таня, и все трое впервые за весь этот тягостный день рассмеялись.

Под самый конец прогулки наши путешественники зашли в книжный магазин и решили купить виды Хартума и окрестностей. Молодой араб-продавец, с большим любопытством смотревший на непривычного типа иностранцев, в конце концов, не выдержал и спросил, из какой страны они приехали.

— Из Советского Союза, — чуть усмехнувшись, ответил Петров.

На лице продавца отразилось изумление, сме-

шанное с недоверием.

— Это правда?.. Вы прибыли из Москвы? — воскликнул он возбужденно.

Араб вдруг взволновался и засуетился. Он стал выкладывать весь свой самый лучший товар, давал подробные объяснения по поводу каждой гравюры или снимка, обещал в случае надобности достать все самое ценное, что имеется в Хартуме. Когда московские гости отобрали все нужное и собрались уходить, продавец вдруг шмыгнул в какой-то темный уголок магазина и принес оттуда небольшую книжку в скромной зеленой обложке. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никого больше в магазине нет, продавец шепнул, обращаясь к Петрову:

— Это нам запрещено продавать, но для вас я, так и быть, сделаю исключение.

— Эге! — вдруг воскликнул Потапов, смотревший на книжку через плечо Степана. — Да это больше меня касается.

На обложке книжки по-немецки значилось:

«Африканские впечатления Рихарда Мюллера».

Издана она была в США накануне второй мировой войны.

Потапов перелистал книжку и купил ее. Вернувшись в гостиницу, он углубился в ее страницы. Книга сразу заинтересовала его. Автор, видимо, один из левых немецких эмигрантов, покинувших гитлеровскую Германию, совершил путешествие по Африке и ярко описал то, что видел в пути. Своему произведению он придал эпистолярную форму; книга состояла из «Писем» европейскому другу, якобы посылаемых автором с пути. В дорожных письмах ярко характеризовались страны, города и народы Африки. Глаз у автора был острый, перо красочное, взгляды очень прогрессивные. «Письма» были посвящены Египту, Ливии, Эфиопии и другим африканским странам. Имелось и «письмо» из Судана. Дойдя до него, Потапов воскликнул:

— А ну-ка, что он тут пишет о здешних местах? Степа, Таня, слушайте-ка!

И, быстро пробегая глазами текст, Александр Ильич стал переводить наиболее интересные места.

— «Мой дорогой друг, —

писал Рихард Мюллер, —

я провел в Хартуме три дня и основа-

тельно ознакомился с местной обстановкой как из официальных, так и неофициальных источников, порылся также в хартумской библиотеке. Какая древняя земля этот Судан! Она играла важную роль уже четыре-пять тысяч лет назад…

Тогда она звалась Нубией, и египетские фараоны не раз совершали на нее набеги, вывозя отсюда рабов, слоновую кость, корабельный лес, страусовые перья и многое другое. В Нубию проникали египетская культура, египетский язык, египетская архитектура. В XII веке до нашей эры Нубия была уже крупным государством и триста лет спустя завоевала всю долину Нила, вплоть до Средиземного моря. Нубийцы захватили престол фараонов и стали владыками Египта. Подумать только: все это происходило еще в те времена, когда об нынешней Европе не было и помину!»

Потапов невольно взглянул в темное окно, точно сопоставляя сегодняшние дни Хартума с временами седой древности. Потом он стал переводить дальше.

— «В VI веке нашей эры в Нубию проникло христианство, и в последующие века здесь возникло даже христианское государство Донгола. Когда арабы в VII-IX веках завоевали Египет, они стали проникать и в Нубию, принеся сюда ислам, арабский язык и арабскую культуру. Шли века. Сейчас больше половины суданцев говорят по-арабски, но есть еще многочисленные племена, которые сохранили свой старинный родной язык. В начале XIX века Египет, находившийся тогда под властью Турции, захватил Судан и стал выкачивать из него прежде всего рабов. И в каких размерах! В хартумской библиотеке я наткнулся на материалы, свидетельствующие о том, что, например, в 30-х годах прошлого века из Судана ежегодно вывозилось до двухсот тысяч рабов! Главным рынком, где продавались и покупались люди, являлся Хартум. Позднее в Судан стали проникать европейцы-колонизаторы, особенно англичане — все эти Беккеры, Гордоны, Лептоны. Когда в 1882 году Англия оккупировала Египет, усилился ее нажим и на Судан… будто бы

в целях прекращения работорговли! Мне становится смешно и неловко, когда я вспоминаю об этом лицемерии…»

Потапов опять оторвался от книжки и, несколько недоуменно глядя на нее, произнес:

— Интересно знать, кто же автор этих строк? Похоже, что весьма свободомыслящий человек. А имя Рихард Мюллер мне ничего не говорит.

— Очень вероятно, — заметил Степан, — что Рихард Мюллер не настоящее имя автора. Просто, как левому эмигранту из гитлеровской Германии, ему безопаснее было выступать под псевдонимом. Но это неважно… Переводи дальше!

— «Однако на первых порах, —

продолжал Потапов, —

англичанам не повезло. В 1881 году в Судане появился некий Мухаммед-Ахмет. Он был сыном плотника, получил религиозное образование и отличался выдающимся ораторским талантом. Во время религиозного мусульманского праздника рамадан в 1881 году он был провозглашен «Махди» — посланником

аллаха на земле — и стал во главе мощного национально-освободительного движения суданцев, развивавшегося под религиозным флагом. Программа Махди сводилась к четырем основным пунктам: объединение для борьбы с англичанами и египтянами; освобождение Судана от иностранного господства; восстановление чистоты ислама; отмена обременительных налогов.

Призыв Махди получил громадный отклик. Огонь восстания побежал по стране, как пожар по лесу. Вскоре под знамена Махди собралась многочисленная народная армия. 5 января 1885 года махдисты захватили Омдурман, самый крупный город в Судане. 23 января 1885 года пал оплот английского владычества — Хартум. Он был разрушен, а его защитники, во главе с английским генералом Гордоном, перебиты. Потеря Омдурмана и Хартума заставила английских колонизаторов на время уйти из Судана. Возникло мусульманское государство махдистов, которое просуществовало тринадцать лет.

В той же хартумской библиотеке я нашел кое-какие (правда, весьма скудные) материалы о дальнейшей судьбе этого государства. Судя по всему, дело обстояло так: когда была одержана победа и, казалось, внешняя опасность исчезла, внутри махдистского лагеря вскрылись острые противоречия между знатью и массами. Вдобавок в 1885 году умер сам «Махди», Мухаммед-Ахмет, пользовавшийся огромным авторитетом и умевший временно примирять противоречивые интересы своих последователей. Затем, не без влияния Англии, разгорелась длительная война между Суданом и Эфиопией. Все это ослабило махдистское государство. В 1896 году британское правительство сочло обстановку достаточно созревшей для контрнаступления, и «сердáр» Китченер[12] начал операции против Судана. Они развивались довольно медленно, так как по мере своего продвижения Китченер тянул за собой железнодорожную

[12] Примечания: 12

Сердар — главнокомандующий англо-египетскими войсками. Впоследствии, в эпоху первой мировой войны, лорд Китченер был военным министром Англии.

линию. Однако 2 сентября 1898 года, то есть примерно через два года после начала военных действий, Китченер захватил махдистскую столицу Омдурман и нанес решительное поражение противнику. Вскоре после того махдистское государство окончательно рухнуло, и 19 января 1899 года между Англией и Египтом было подписано «соглашение о совместном управлении Суданом», которое фактически превращало Судан в колонию британской короны…»

Потапов замолчал и несколько минут молча пробегал текст. Потом он сказал:

— А вот и заключение главы… Слушайте!

«Простите, дорогой друг, —

переводил Потапов, —

что я прочитал вам скучную лекцию о прошлом Судана. Меня сильно заинтересовала его история. Но теперь я больше не буду злоупотреблять вашим терпением. Доскажу кратко. Вот уже сорок лет, как Судан находится под властью Англии. Ка-

ков же итог? Судите сами. Что получила Англия? В основном — хлопок для своей текстильной промышленности. За эти сорок лет производство хлопка в Судане увеличилось в тринадцать раз. Что получил Судан? А вот что: сейчас в Судане число грамотных жителей не достигает одного процента; в школах обучается не больше одного процента детей школьного возраста; на триста тысяч человек приходится одна больница. Красноречиво, не правда ли?

Что отсюда вытекает? Вчера я был в Омдурмане, который расположен в нескольких километрах от Хартума, по ту сторону Белого Нила. Один друг познакомил меня со стариком арабом, который в молодости участвовал в махдистском движении. Колоритная фигура! Большая белая борода, тюрбан на голове, длинный халат и кожаные туфли с загнутыми носками… Мой друг сумел привести его в хорошее настроение, и старик много рассказывал о Махди, к которому относится с благоговением, пел старинные махдистские песни. Потом замолчал и задумался,

точно соизмерял прошлое с настоящим. «Скоро аллах снова пошлет Махди на землю, и мы снова станем свободны… Уже навсегда!» — сказал он убежденно и торжественно.

Когда я возвращался в Хартум, у меня было такое чувство, точно я слышал голос миллионов суданцев. Конечно, новый «Махди», если он придет, будет одет в иной костюм, чем Мухаммед-Ахмет, и апеллировать он станет не к корану, а к принципу самоопределения наций. Но роль его будет та же, а успех превзойдет успех его предшественника…» [13]

Потапов закрыл книжку и задумчиво сказал:

— Неудивительно, что продавец сунул нам эту книжку из-под полы… Местным властям она, видимо, пришлась против шерсти.

На следующий день полет продолжался. В Хартуме трасса самолета вернулась к долине Нила — на этот раз Белого Нила. Снова под самолетом тянулась ярко-зеленая полоса, но здесь она все

---

[13] Примечания: 13

Первого января 1956 года, в результате успешно завершившейся борьбы суданского народа с английскими колонизаторами, Судан был провозглашен независимой и суверенной республикой.

решительнее оттесняла пески пустыни, и они отступали перед зелеными равнинами и густыми лесами.

Внизу лежали гигантские экваториальные болота — Бахр эль-Газель. Они тоже питают своими водами Нил. Болота сменились тропическими лесами без конца и края. Потом местность постепенно стала повышаться. На горизонте замаячили горы…

Все утро второго дня путешествия Бингхэм упорно молчал, а Петрова он словно вовсе не видел. Англичанин был явно скандализован «большевистской выходкой» Степана накануне и усматривал в ней «акт открытой пропаганды». Теперь в Бингхэме происходил какой-то смутный процесс, свойственный английской психологии, — процесс полусознательного-полуинстинктивного приспособления к новому, неожиданному явлению. Если бы можно было выразить словами пеструю смесь его мыслей и ощущений, то получилось бы примерно следующее. Бингхэм ставил перед собой вопрос, как ему надлежит держаться с советскими путешественниками: демонстративно ли отвернуться от них и замкнуться в ледяной холодности или, наоборот, продолжать, а может быть, даже развивать зна-

комство с ними? Отыскивая правильное решение этой «проблемы», Бингхэм в конце концов почувствовал — не пришел к логически законченному выводу, а именно почувствовал, — что, учитывая время и обстановку, круто рвать с советскими людьми было бы «не по-английски». Поэтому во время ленча, разнесенного молоденьким стюардом, англичанин как ни в чем не бывало обратился к Петрову:

— В вашей стране, вероятно, нет таких пустынь, как здесь?

— Пустыни есть, — ответил Степан. — Но вот таких тропических лесов, как те, над которыми мы пролетаем, у нас действительно нет.

Вновь завязался разговор. На этот раз Бингхэм стал развивать свои взгляды на британские перспективы в Африке.

— Я принадлежу к «африканской школе», — заявил он и, заметив вопросительный взгляд Степана, пояснил: — в среде работников нашего колониального ведомства есть такое направление. В прошлом веке наши государственные люди считали Азию, в особенности Индию, сердцем Британской колониальной империи. Для тех времен это было правильно. Даже в наш век немало английских политиков исповедовало

такие взгляды. Пожалуй, последним из могикан был лорд Керзон. Но сейчас «азиатская школа» постепенно вымирает. Да и неудивительно…

Бингхэму очень хотелось сказать, что за крушение «азиатской школы» в немалой доле ответственны большевики, революция которых дала сильный толчок росту национального движения в Азии. Но, вовремя вспомнив, что разговор идет как раз с одним из большевиков, Бингхэм придал своим рассуждениям более общую форму.

— Народы Азии, — говорил он, — в течение последних двадцати — двадцати пяти лет переживают эпоху национального подъема: мы разбудили их, внесли в их жизнь элементы европейской культуры. Остальное сделали события 1914-1918 годов и послевоенного периода. Естественно, что все это сокращает наши, британские, перспективы в Азии. Однако, разумеется, и в Азии мы еще нужны. Мы не можем просто сбросить со своих плеч ответственность за судьбу азиатских народов.

— А разве азиатские народы нуждаются в ваших плечах и сами не ответственны за свою судьбу? — саркастически спросил Степан.

Бингхэм сделал вид, что не понял иронии собеседника, и начал подробно развивать ту

лицемерную концепцию о «бремени белого человека», которой британские империалисты в течение веков старались замаскировать жестокое порабощение колониальных народов. Согласно этой «концепции», белая раса, проникнутая духом христианского учения, якобы самим богом и историей предназначена руководить погрязшей в невежестве и грехе «цветной расой».

— Сейчас в британском колониальном ведомстве, — продолжал Бингхэм, — преобладает «африканская школа». Мы, ее сторонники, думаем, что будущее Британской империи связано с Африкой. Народы Африки еще долгое время будут нуждаться в помощи и руководстве белых. У нас, англичан, в этой области имеется громадный опыт…

— И большие прибыли сулит это «руководство» африканскими народами? — снова съязвил Степан.

Бингхэм еще раз сделал вид, что не понял иронии, и погрузился в свои мысли.

Самолет миновал Эстеббе и шел сейчас над голубыми водами гигантского озера Виктория.

Степан не торопился прервать размышления Бингхэма, но затем все же спросил, на чем, собственно, основываются надежды приверженцев

«африканской школы».

— Во-первых, — начал Бингхэм, — на том, что Африканский континент очень богат естественными дарами природы. Здесь есть золото, хром, ванадий, кобальт, уран, медь, марганец, графит и многое другое. Здесь центр мировой добычи алмазов. Африканские недра еще мало исследованы. Кто знает, что скрывается под этими дикими лесами? — И он небрежным жестом указал в окно. — Одно ясно: геологические богатства Африки огромны и разнообразны. А ведь имеется и много другого: леса, могучие реки и водопады, земли, пастбища… Использование всего этого только начинается. Африка располагает большими топливными и энергетическими ресурсами, а между тем ее доля в мировом производстве топлива и электроэнергии в 1937 году не превышала одного процента! Англия в Африке в той или иной форме контролирует десять миллионов квадратных километров территории с шестьюдесятью пятью миллионами населения. Это составляет около трети всей территории и всего населения континента. Наиболее богатые районы Африки — Южно-Африканский Союз, Родезия, Кения, Танганьика, Золотой Берег — входят в состав Британской империи. Как же не говорить об ис-

ключительной важности Африки для Англии!

Бингхэм вздохнул и, точно возвращаясь из царства волшебных снов к суровой действительности, уже совсем другим тоном закончил:

— Вот только бы выиграть войну!..

Вторую ночь путешественники провели почти на самом экваторе, в Найроби — главном городе английской колонии Кения. Найроби лежит на полпути между Каиром и Кейптауном. Хотя город расположен в горах, было томительно жарко.

В пять часов утра самолет поднялся с аэродрома и, набрав высоту, понесся дальше на юг. Снова, точно на киноленте, внизу замелькали горы, тропические леса, саванны… Скоро миновали границу Кении и вступили в воздушное пространство Танганьики, бывшей германской колонии, ставшей после первой мировой войны британской подмандатной территорией. К полудню уже и Танганьика осталась позади.

Самолет шел спокойно. Ровно и мощно гудели моторы. Около часа дня мальчик-стюард, как всегда, роздал пассажирам дорожный завтрак…

И вдруг что-то резко изменилось в режиме полета. Ровное гудение моторов сменилось прерывистым. Редкие вначале перебои все учащались, мотор задыхался, чихал, то вдруг начинал рабо-

тать с бешеной скоростью, то вдруг замирал… Машину дергало, качало, клонило набок…

Пассажиры заволновались. Первым поднял тревогу «алмазный король». Схватив за рукав пробегавшего мимо Брауна, он резко спросил:

— В чем дело?

Браун нетерпеливо повел плечом, высвободил рукав и на ходу бросил:

— Правый мотор капризничает.

Беспокойство стало нарастать. Пассажиры приникли к окнам, смотрели на землю, проносившуюся внизу, многозначительно переглядывались и обменивались ничего не значащими словами. Никто не хотел громко сказать того, о чем думал, чего боялся…

Общее напряжение еще более возросло, когда самолет стал постепенно снижаться. Видимо отчаявшись в возможности долететь до ближайшего аэродрома, пилот решил посадить машину на первой подходящей площадке. Но внизу тянулся сплошной тропический лес да в отдалении, почти на самом горизонте, вставали острые пики синеющего горного хребта. Куда же тут сядешь?..

Внезапно раздался громкий выхлоп, и правый мотор сразу смолк. Самолет резко накренился вправо, и пассажиры, выброшенные из своих

кресел, попáдали друг на друга. Раздались крики, брань. Полковник Менц торопливо читал молитву, генерал Гордон закрыл глаза, а Бингхэм вытянул вперед руки, точно стараясь оттолкнуть от себя грозный перст судьбы.

Однако это еще не был конец. Взревел, как на старте, левый мотор. Самолет, все больше снижаясь, несся теперь на одном моторе. Пилот лихорадочно искал место для посадки. Он круто изменил курс и пошел под прямым углом к прежней трассе, взяв направление в сторону мерцавших в отдалении гор. Он надеялся, что где-то там, впереди, ближе к синеющим вершинам, девственный лес должен смениться саванной или открытым плоскогорьем. Там можно будет сесть, не подвергая пассажиров гибельной опасности. Самолет, как загнанная лошадь, дрожал и кренился набок, но все еще продолжал нестись вперед.

Очертания гор становились все отчетливее, но внизу по-прежнему ярко зеленела сплошная масса тропического леса. Нигде ни полянки, ни прогалинки. Судорожно вцепившись в рычаги управления, пилот пожирал глазами каждую складку, каждую неровность в зеленых дебрях, проносившихся внизу. Однако пока он не видел

ни одной «лужайки спасения»… Между тем самолет спускался все ниже… ниже… ниже… Вот уже явственно стали различаться кроны отдельных деревьев, густые переплетения лиан, темные и бледные пятна зелени лиственных покровов…

Что же дальше? Неужели машина сядет на вершины этих тропических гигантов? Неужели ударится с размаху в могучие вековые стволы?

С замиранием сердца пассажиры ожидали каждой следующей секунды. Все ниже… ниже… Вот уже кажется, что машина идет в каких-нибудь двух-трех метрах над вершинами деревьев. Еще секунда — и все будет кончено…

Пилот сделал последнее отчаянное усилие: он перевел мотор на форсированный режим. Мотор издал рев смертельно раненного животного. Самолет вздрогнул всем корпусом и подпрыгнул на несколько десятков метров вверх. Пелена леса словно провалилась вниз, вершины деревьев отступили. Но надолго ли?

Вдруг впереди что-то показалось… Оборвалась бесконечно зеленая панорама леса. На скате пологого горного склона мелькнула открытая площадка. Она была невелика, эта площадка, мерцавшая бледной зеленью травы, но все-таки под самолетом маячила какая-то плоскость. С

высоты она казалась ровной, гладкой…

Самолет спускался все ниже. Пилот выключил мотор и начал гасить скорость, выравнивая машину над землей. И вдруг резкий толчок о землю… Еще толчок… Машина побежала по травянистому полю. Оно было совсем не таким безобидным, каким казалось сверху: поле было в рытвинах и камнях. Самолет, еще полный инерции стремительного движения, высоко подпрыгивал, пассажиры ударялись о стенки, о сиденья, друг о друга…

Внезапно перед машиной вырос большой обломок скалы. Пилот сделал бешеный рывок — он хотел развернуть машину и избежать смертельного столкновения…

Но поздно! Самолет врезался в камень. Раздался страшный грохот. Столб обломков и пыли взлетел высоко над землей…

Глава десятая
В джунглях

Впоследствии Степан не раз пытался восстановить в памяти эти последние минуты перед катастрофой. Но события развивались с такой быстротой, а нервы были так напряжены, что все случившееся не успело закрепиться в его сознании. Степан хорошо запомнил только, что после удара самолета о скалу его с силой бросило вперед и подкинуло вверх. Он больно ушиб голову о потолок и чувствовал, что по лицу течет кровь. Он в страхе стал искать Таню и нашел ее позади себя, еще дальше от разбитого носа самолета. Она отделалась лишь несколькими синяками. У Степана отлегло от сердца. Он достал носовой платок и наскоро перевязал им голову. Потапов с трудом вылезал из-под груды баулов и чемоданов, обрушившихся на него в момент катастрофы. К счастью, он тоже не пострадал, если не считать здоровенного синяка под левым глазом. В общем, советским пассажирам явно повезло. Но дело было, конечно, не столько в счастье, сколько в том, что они сидели в средней части самолета. Что же до негров и мальчика-стюарда, находившихся в

хвостовой части, то они остались совсем невредимы. Несколько царапин на руках и голове в таких случаях не идут в счет.

Гораздо хуже обстояло дело с теми, кто сидел в передней части самолета. Пилот и «алмазный король» были убиты сразу. Полковника Менца ранило в грудь, генерала Гордона — в плечо, у Бингхэма была сломана ключица и рука, и он тихо стонал от боли. Капитан Лесли и механик Браун изрядно ободрали руки и ноги, но, в общем, мало пострадали.

После первых минут оцепенения начались поиски выхода из машины. Это несколько облегчалось тем, что при ударе о скалу самолет раскололся на две части. Сначала на землю выскочил Потапов. Он помог выйти Степану и Тане. За ними последовали другие.

Таня быстро осмотрела голову Степана.

— Ты, Степа, отделался пустяками! — обрадовавшись, сказала она. — Через два-три дня пройдет… Посмотрим, что у других.

Началась эвакуация из самолета тяжело пострадавших. На это потребовалось немало времени и усилий. Раны генерала и бурского полковника были болезненны, но не опасны. Когда Таня приблизилась к ним со своей медицинской сумкой, полковник Менц, сделав оборонительный жест,

резко бросил:

— Что вам угодно, мадам?

— Я хотела бы помочь вам, — мягко сказала Таня. — Я — врач, и у меня есть кое-какие медикаменты…

— Врач? — с явным недоверием повторил полковник. — Как это странно, в самом деле…

В его голове, видимо, никак не укладывались понятия: врач и красивая женщина. В конце концов бур все-таки смирился и отдал себя в распоряжение Тани, которая, ловко разрезав его одежду, занялась антисептикой и лечением раны. Как тут пригодилась Тане ее походная аптечка! Вскоре полковник Менц был тщательно перевязан и с удивлением почувствовал, что ему стало значительно легче. После опыта полковника генерал уже без сопротивления покорился указаниям Тани. Хуже всего обстояло дело с Бингхэмом. Сложный перелом его правого плеча и руки был очень болезнен и требовал гипса. Но где возьмешь гипс в африканских дебрях? И все-таки Таня с помощью Потапова вышла из затруднения. Александр Ильич сделал из деревянных обломков самолета достаточно прочный лубок, который и наложили на перелом Бингхэма.

Пока Таня занималась своими больными, дру-

гие с опаской осматривали местность, куда они так неожиданно свалились. Люди сугубо городские, они чувствовали себя в тропическом лесу совершенно потерянными. Советские путешественники тоже настороженно посматривали на лес: ведь до сих пор им никогда не приходилось бывать в африканских джунглях. Правда, Потапов в юности не раз путешествовал по тропическим лесам… сидя за книгой. Но одно дело — продираться сквозь девственные заросли с героями Майн Рида, и совсем другое — продираться сквозь них на самом деле.

Совсем иначе чувствовали себя оба африканца — Бенсон и Киви. Они родились и выросли в центральноафриканских лесах, принадлежали к двум родственным племенам народа банту и говорили на близких наречиях. Свалившись сейчас с неба на землю, они, в сущности, оказались в привычной с детства обстановке. Правда, Бенсон прожил около четверти века в египетских городах и несколько поотвык от джунглей, изнежился, отяжелел. Но, что ни говори, он был банту! И прошлое быстро возвращалось к нему, будя вековые инстинкты племенной жизни.

Еще более «дома» почувствовал себя Киви. Парню шел двадцать первый год. Он знал английский

язык и провел два года в Каирском университете. Но это не заглушило в нем навыков и привычек обитателя африканских дебрей. Киви прекрасно понимал и чувствовал природу своей земли, умел читать язык тропических лесов, саванн, рек. Он будто ожил, выпрямился и всем видом своим говорил, что попал в родную и любимую стихию.

Все быстро поняли, что Бенсону, а особенно Киви суждено сыграть большую, может быть, даже решающую роль в дальнейшей судьбе путешественников. Именно поэтому Петров и Потапов сразу же попытались привлечь обоих негров как товарищей по несчастью, притом как вполне равноправных товарищей, к общей борьбе с грозившими опасностями. Но тут они столкнулись с глухой оппозицией со стороны бурского полковника и генерала Гордона. Конечно, и тот и другой хорошо сознавали, что в сложившейся обстановке без помощи негров им не обойтись, и они хотели воспользоваться этой помощью, но лишь при условии, что негры ни на секунду не забудут о том, что они всего лишь негры, и будут знать «свое место». Пусть негры показывают дорогу, пусть негры тащат на своих плечах багаж, пусть негры по ночам дежурят у костра и отгоняют диких зверей — да, пусть негры делают все это! Но

не дай им бог забыть о цвете своей кожи! Этого ни генерал, ни полковник не потерпели бы. Советских людей глубоко возмущало такое отношение к африканцам, но они не пытались вступать в безнадежные дискуссии с расистами, а решили проводить свою линию явочным порядком.

— Ничего, ничего, — с усмешкой сказал Степану Потапов, — естественный ход вещей собьет с расистов немало спеси.

Этот «естественный ход вещей» дал о себе знать очень быстро. Надо было похоронить погибших при катастрофе. Их расплющенные тела были с трудом извлечены из самолета, из карманов убитых взяты документы и деньги, составлен акт об их смерти, подписанный Таней как врачом и еще тремя пассажирами. Затем нужно было приготовить могилу. Генерал, который считал себя старшим по чину среди оставшихся и потому бесспорным командиром всей группы, резко бросил, обращаясь к неграм:

— Немедленно вырыть могилу!

Бенсон и Киви послушно взялись за лопаты. Но Петров возразил:

— Рыть могилу должны все, кто способен к работе. Это дело общее.

Петров и Потапов присоединились к обоим

неграм. Их примеру последовали стюард Гассан и Браун. Петров пристально посмотрел на Лесли и спросил:

— А вы, капитан?

Лесли в нерешительности взглянул на генерала, но тот стоял, демонстративно отвернувшись. Смущенно потоптавшись на месте, Лесли в конце концов тоже взялся за лопату.

Скоро могила была готова. Убитых похоронили. Генерал бесцветной скороговоркой прочитал какие-то молитвы и поспешил отойти в сторону.

Теперь предстояло более подробно ознакомиться с местностью, куда случай забросил самолет. Не глядя на негров, но обращаясь именно к ним, генерал буркнул:

— Обойти район и доложить мне!

— Простите, генерал, — возразил Петров, — ведь это дело тоже общее и притом чрезвычайно важное. В разведке местности должны принять участие не только наши африканские товарищи. Пускай господин Киви, господин Потапов и господин Лесли обследуют местность, а мы тем временем попытаемся извлечь из самолета все, что может нам пригодиться. Согласны?

Бурский полковник возмущенно фыркнул при словах «наши африканские товарищи» и злобно

пробормотал:

— Большевистская пропаганда!

А генерал изумленно поднял брови, услышав, что слово «господин» было отнесено также и к негру Киви.

Однако предложение Петрова было настолько разумно, что даже расисты не решились его оспаривать, и оно было немедленно приведено в исполнение.

Пока разведчики обследовали окрестности, из самолета вытащили все ценные вещи, рассортировали и уложили их в мешки. Среди «трофеев» оказались два карабина с патронами, несколько топоров, набор наиболее необходимых инструментов и немало продовольствия, главным образом консервов. При экономном расходовании этого запаса могло хватить на три-четыре дня. Таня пополнила свою походную аптечку медикаментами, которые нашлись на самолете.

Часа через два вернулись разведчики и сообщили, что поляна, на которую упал аэроплан, имеет около трех километров в поперечнике и является частью пологого горного склона. На юге она граничит с густым тропическим лесом, на севере тоже лес, но более редкий. Почти в центре поляны находится небольшое озеро, вокруг кото-

рого обнаружено много разнообразных звериных следов. Очевидно, сюда приходят на водопой животные из окружающих лесов.

Киви взобрался на вершину исполинского баобаба и оттуда в северо-восточном направлении увидел остроконечную гору, хорошо знакомую ему с детства. Именно у подножия этой горы жило его племя. Разведчики предлагали — и тут их мнение было единым — идти по направлению к остроконечной вершине. По всей вероятности, путники там найдут помощь или сумеют выйти оттуда на линию железной дороги.

С вершины дерева Киви видел, что огромное пространство, которое предстояло преодолеть, было покрыто лесом с отдельными пятнами лугов. Трудностей впереди было, несомненно, много. Однако не оставалось ничего другого, как пробиваться через лес.

Генералу и бурскому полковнику очень хотелось выдвинуть какой-нибудь другой план действий, они пытались разными каверзными вопросами сбить разведчиков с толку. Но это им не удалось. Потапов и Киви, который, кстати сказать, сильно осмелел рядом с Потаповым, твердо отстаивали свои выводы, и даже Лесли, несмотря на явное неудовольствие генерала, в общем

поддерживал их. В результате после краткого совещания план разведчиков был принят.

Между тем солнце уже стало склоняться к горизонту. Надо было подумать об ужине и ночлеге. Бенсон и мальчик-стюард взялись за приготовление пищи. Они развели костер, вскипятили воду, заварили чай, открыли консервы.

После ужина встал вопрос: где и как ночевать? Все были согласны с тем, что ночевать лучше на открытом месте, а не в лесу, — меньше опасности со стороны зверей. Все были также согласны, что место ночлега следует огородить завалом из деревьев, растений, камней. Но в каком именно пункте разбить лагерь?

Генерал настаивал на том, чтобы расположиться около самолета: он будет прикрывать спящих с тыла.

Однако неожиданно против такого плана выступил Киви. Молодой негр не решился сделать это открыто — привычка повиноваться белым сковывала его волю, — но он что-то прошептал на ухо Петрову. Степан нашел его слова настолько существенными, что сразу же довел их до сведения генерала. Суть дела состояла в том, что совсем близко от самолета Киви заметил на земле следы слонов. Такие же следы он видел и возле озера.

Очевидно, этим путем слоны ходят ночью к озеру на водопой. Лучше уйти с их дороги. Поэтому Киви считал, что надежнее было бы устроить ночлег несколько в стороне, на небольшом возвышении у края поляны.

Изложив эти соображения, Петров сказал:

— По-моему, господин Киви прав. Мы не можем к нему не прислушаться…

Тут генерал пришел в крайнее раздражение. Опять «господин Киви»! Что это? Издевательство?

— Не вижу никакой необходимости отдаляться от самолета! — желчно проговорил он. — Какие тут могут быть слоны? Все это выдумки чернокожих!..

И так как встреча со слонами большинству показалась маловероятной, а разбитый самолет был все же реальной защитой, то предостережению Киви не придали серьезного значения и после ужина принялись за устройство ночлега около самолета.

Руководить «укреплением» лагеря взялся Потапов: ведь это была его военная специальность. Работали все здоровые мужчины, даже генерал Гордон. Только полковник Менц оставался непреклонным. Сонными, холодными глазами

он посматривал на работающих, ожидая возможности лечь и заснуть, наконец, после всех пережитых ужасов. Два костра должны были гореть в течение всей ночи.

И здесь снова произошел конфликт. Когда все приготовления ко сну были закончены, генерал скомандовал:

— Бенсону, Киви и Гассану сменяться каждые два часа! Остальным — спать!

— Почему, господин Гордон? — впервые заговорила с генералом Таня. — Я тоже буду дежурить.

— И я! И я! — подхватили Петров и Потапов.

Их поддержал Браун.

Капитан Лесли сначала изобразил на своем лице гримасу, которая одновременно означала и «да» и «нет», но затем, расхрабрившись, он тоже заявил о своем желании охранять лагерь.

— Если придут звери, — точно извиняясь, пояснил он, — надо, чтобы были люди, умеющие стрелять.

Генерал скрипнул зубами, но возражать не стал — видимо, его окончательно сморила усталость.

И вот наступила ночь — черная, глубокая, тропическая ночь, с ярко сверкающими в небе звездами, с горячей духотой словно застывшего воздуха, с тысячами самых разнообразных шу-

мов, криков, стенаний. На европейских путешественников ночной африканский лес действовал угнетающе. В каждом звуке им чудилась угроза, в каждой тени рисовался образ врага. Нервы были натянуты, как туго подвинченные струны, слух напряжен до предела, взгляд обострен до боли. Несмотря на усталость, все долго не могли уснуть.

Лагерь был в стороне от лесной чащи, но все же временами до слуха людей доносились из леса таинственные пугающие звуки: то грозный рык, то пронзительный вопль-хохот, то клекот хищной птицы. Все вздрагивали, настораживались, вопросительно вглядывались в тьму экваториальной ночи.

С озера шли более мирные, успокаивающие шумы: шуршал тростник, хлюпала вода, иногда раздавался дробный топот копыт или довольное пофыркивание. На озере кипела бойкая ночная жизнь… Внезапно все звуки и шумы перекрыл близкий, все нараставший рык, перешедший в визгливое мяуканье, будто где-то совсем рядом бродила гигантская кошка. Все всполошились. Петров и Лесли схватились за карабины. Свирепое мяуканье повторилось ближе… Еще раз… Потом оно стало удаляться и в конце концов

стихло. Очевидно, леопард, гроза африканских лесов, ушел в джунгли, напуганный бивачными кострами.

Однако постепенно усталость брала свое, и обитатели лагеря начали засыпать тревожным сном. Не спали только дежурные. Они подбрасывали ветви и валежник в костры, весело трещавшие в ночной темноте. Каждая вахта продолжалась два часа. В первой стояли Петров и Бенсон. Их сменили Киви и Потапов. Так как Киви не знал ни русского, ни немецкого языка, а Потапов еще недостаточно объяснялся по-английски, дежурным было трудно беседовать. Но чему не научит нужда! Оба часовых виртуозно изъяснялись мимикой и жестами, дополняя их языком рисунков, которые они быстро чертили палочкой на земле. В общем, все шло благополучно, и Потапов к концу своей вахты даже начал думать, что ночь обойдется без каких-либо происшествий.

И вдруг…

Откуда-то очень издалека послышался странный гул, ровный и непрерывный… На лице Киви отразился ужас. Глаза его расширились, все движения выражали панику. Руками, ногами, голосом он пытался объяснить Потапову причину своего волнения. Увидев, что тот его плохо

понимает, Киви начертил на слое пепла возле костра грубые очертания слона.

— Так это, значит, правда? — воскликнул Потапов. В волнении он не заметил, что заговорил по-русски.

Киви не знал русского языка, но выражение лица Потапова было настолько красноречиво, что он понял и усиленно закивал головой в знак подтверждения.

Между тем гул рос и приближался. Киви становился все беспокойнее. Вдруг он бросился к Бенсону и, подняв его, торопливо, громко и тревожно заговорил. Бенсон вскочил и прислушался. Гул угрожающе приближался. Бенсон воздел руки к небу и в ужасе воскликнул:

— Горе! Горе!.. Слоны!

Разбуженный Петров поднял голову и спросил:

— В чем дело?

Бенсон торопливо объяснил, что, как и предупреждал Киви, стадо диких слонов идет к озеру на водопой. Уже слышна поступь сотен гигантских животных. Они очень опасны. Никто и ничто не может удержать их страшного движения. Они сметают все, что попадается на их пути. Надо как можно скорее бежать из лагеря, иначе слоны растопчут всех.

Поняв всю серьезность положения, Петров вскочил и стал громко кричать:

— Вставать! Вставать! Слоны! Слоны!.. Прочь из лагеря!

Начался переполох. Бурский полковник, Бингхэм, Лесли и Браун метались, не зная, что делать. Генерал, еще так недавно считавший слонов выдумкой чернокожих, теперь вопил:

— За мной! За мной!

Но он и сам не знал, куда бежать, и беспомощно топтался на месте. Тем временем Киви и Потапов перепрыгнули через завал и призвали всех следовать за ними к возвышению, на котором были сложены вещи.

Страшный гул становился все более могучим, грозным. Уже ясно слышался топот сотен тяжелых ног. Уже доносилось мрачное фырканье исполинов, неудержимо несущихся в ночи. Уже раздавались пронзительные крики слонят.

Скоро все обитатели лагеря оказались на возвышении и, запыхавшиеся, со страхом смотрели на место своего недавнего пребывания, туда, где еще ярко горели костры и угрюмо темнел корпус разбитого самолета.

— Тише!.. Слоны не должны нас заметить! — крикнул Киви.

Все стояли во мраке, затаив дыхание. Таня крепко прижималась к Степану, и он ощущал, как дрожит она от страха и напряжения.

В это мгновение раздался громкий треск ломаемых деревьев, и из леса на поляну вырвался огромный старый слон с длинным хоботом и гигантскими ушами — по-видимому, вожак стада. Подняв хобот, он понюхал воздух, но, должно быть, не почувствовал присутствия людей, потому что сразу же решительно направился в сторону озера. За ним на полянку выбежали другие слоны, за ними еще и еще… Среди слонов были старые и молодые, крупные и мелкие, быстрые и медлительные. Было много слонят, которые бежали за своими матками. Все слоны вытянулись в длинную колонну, по четыре в ряд, и, фыркая, топая, шаркая, с шумом дыша, неслись к водопою. Это был грозный поток, неудержимая лавина.

По дороге слоны зацепили лагерь. Один слон ступил ногой в костер и со страшным ревом промчался дальше. Другой напоролся на острое крыло самолета. Издав дикий вопль, он стал с яростью топтать землю, а потом, увлекаемый общим течением, исчез в темноте.

Бурский полковник, генерал Гордон и Бингхэм подавленно молчали, наблюдая разыгрывавшу-

юся перед ними картину. Киви и Бенсон, став на колени, склонились головой до земли. Во всем этом было что-то грозное, мрачное, первобытное.

Наконец поток слонов иссяк. Снова стало тихо и спокойно, только вокруг озерка слышался топот тяжелых ног, хлюпанье грязи, шумные всплески воды и удовлетворенное фырканье.

Так продолжалось около часа. Потом снова появился гигантский слон-вожак. Гордо подняв хобот, он двинулся назад в лес, а за ним и все стадо. Снова мрачный и могучий гул наполнил темный горячий воздух, возносясь к ярким звездам и серебристо-легкой луне, поднявшейся над горизонтом. Но вот в последний раз треснуло в лесу дерево, в последний раз резкий крик отставшего слоненка прорезал ночную тьму — и все стихло.

Киви поднялся с колен и спокойно произнес:

— Теперь опасность миновала. Можно вернуться в лагерь.

С рассветом начались сборы в путь. После раннего завтрака из консервированного мяса, хлеба и чая все принялись готовиться к походу. Собирались беспорядочно, ибо среди потерпевших аварию все явственнее обнаруживался разброд. Формально возглавлял группу генерал, который

самовольно узурпировал эту роль. Генерала открыто поддерживали бурский полковник, Бингхэм и Лесли. Ни Брауну, ни тем более неграм и Гассану и в голову не приходило, что может быть как-либо иначе. На первых порах против руководства генерала не возражала и советская тройка. Однако очень быстро обнаружилось, что генерал решительно не способен справиться со своей ролью. Это был типичный штабист, который, быть может, умел выигрывать теоретические сражения на картах генерального штаба, но никогда не командовал войсками на подлинном поле битвы. Оказавшись в трудной обстановке, генерал понятия не имел, как надо действовать. Боясь обнаружить свою беспомощность, он не обращался за советами к другим. Он считал своим долгом командовать и действительно командовал, но его приказания были настолько нецелесообразны и нелепы, вызывали такую неразбериху, что чувство раздражения против него возникало у всех членов группы. Все помнили также и о том, что именно благодаря глупому упрямству генерала они едва не погибли под тяжелыми ступнями слонов.

Постепенно генерал терял свои командные позиции. Люди все меньше считались с ним и

все больше прислушивались к голосу Потапова. Природная сметка, опыт юношеских скитаний, практическая хватка инженера и сапера — все это помогало Александру Ильичу ориентироваться в непривычной обстановке. Это сразу почувствовали оба негра — Киви и Бенсон. Они прониклись к Потапову большой симпатией и доверием. И остальные, делая вид, что подчиняются генералу, выполняли указания Потапова. Такая двойственность грозила серьезными осложнениями в дальнейшем.

После долгих сборов двинулись в путь. Вопреки опасениям Петрова, вопрос о том, кому нести груз, не вызвал споров. Даже генерал и бурский полковник, видимо, сообразили, что в сложившейся обстановке невозможно строго придерживаться расистских «принципов». Груз разделили между всеми здоровыми. Киви хотел было взять на себя Танину часть, но она решительно отказалась от помощи. После этого генералу и бурскому полковнику было уже неудобно отлынивать. Они даже не возражали, когда, по предложению Тани, было решено совсем освободить Киви от груза: как местный человек, он, естественно, лучше всех подходил для роли проводника-разведчика. Он должен был идти впереди партии, разведы-

вать и прокладывать дорогу, предупреждать об опасностях. Такая работа требовала быстроты и подвижности.

В шесть часов утра группа тронулась. Впереди легкой, упругой походкой шел Киви, за ним — Петровы и Потапов, далее бурский полковник, Бингхэм, генерал, Лесли и Браун. Шествие замыкали Бенсон и Гассан. Быстро миновав полянку, на которой они провели ночь, путешественники углубились в тропический лес и сразу затерялись в зеленом океане.

Да, это был могучий лес!

Гигантские вековые стволы в несколько обхватов величественно возносились к небу, образуя наверху почти непроницаемый переплет ветвей. Лучи солнца никогда не проникали в глубь этого зеленого моря. В лесу было всегда темно и мрачно, сыро и прохладно. Со стволов и ветвей свисали странного вида влажные лохмотья — мхи, лишаи, ползучие растения.

Каких только не было тут деревьев! Исполинские баобабы с длинными, мучнистыми, кисло-сладкими плодами; черное дерево твердости железа, достигавшее 80 метров в высоту, столь тяжелое, что тонуло в воде; стройные пальмы дум с большими плодами-орехами; бананы с листьями

необъятной ширины и двухметровыми гроздьями плодов; манго-аноны с ярко-оранжевыми грушевидными плодами, вкусом напоминающими землянику со сливками; зонтичные акации с широченными кронами: прелестные тамаринды; бесчисленные лианы, обвивающие стволы других деревьев, лианы, цветы которых — красные, синие, лиловые — мерцали в полутьме, как глаза чудовищ; громадные древовидные папоротники, в чаще которых было легко скрыться и человеку и зверю; исполинские кустарники с колючками, острыми и твердыми, как гвозди… Какое пестрое смешение пород, и видов, и цветов!

Но это был не просто могучий лес — это был страшный лес! Тысячи различных зверей, пресмыкающихся, птиц, насекомых населяли его, на каждом шагу грозя путнику увечьем или смертью. Здесь были кровожадные леопарды, нередко первыми бросающиеся на человека. Здесь были громадные кабаны-бородавочники с длинными, круто изогнутыми клыками, столь дикие и свирепые, что даже львы избегали с ними встречаться. Здесь были исполинские дикобразы, стреляющие своими колючками на расстояние в полтора-два метра. Здесь были гвинейские гадюки — толстые, широкоголовые, длинные змеи, издали прыс-

кающие смертельным ядом в глаза животному или человеку. Здесь были тонкие, смертельно ядовитые змеи мамба, нападающие на противника из зарослей кустов или трав. Здесь были черные скорпионы величиной с голову барана, укус которых смертелен для человека. И здесь же были веселые стайки обезьян, издающих громкие крики и ловко переносящихся с дерева на дерево, гигантские красавицы бабочки, крохотные птички колибри, сверкающие в полумраке леса, как разноцветные драгоценные камни.

Таков был тропический лес, в который ранним утром вступили уцелевшие пассажиры погибшего самолета.

Первые часы похода были особенно мучительными для европейцев. Каждый шаг брался с боя, приступом. Киви старался выбирать путь поудобнее, но все же партия поминутно останавливалась. Люди продирались сквозь колючки, то и дело пуская в ход топоры и ножи, прорубая проходы в стене кустарников и лиан. Они проваливались в незаметные колдобины, перелезали через толстые стволы упавших лесных гигантов. Скоро одежда путников превратилась в лохмотья, их руки и ноги покрылись ссадинами, кровоточащими порезами и царапинами.

Когда на маленькой полянке, около холодного родника, бьющего из земли, был устроен первый привал, все европейцы уже изнемогали. Казалось, они не смогут двинуться дальше. Но нужно было идти, и, отдохнув часа два, группа снова поднялась. Второй переход оказался легче первого. Не потому, что обстановка изменилась к лучшему, — нет, тропический лес по-прежнему встречал незваных пришельцев с первобытной свирепостью. Однако теперь они приобрели уже некоторый опыт и стали втягиваться в мучительный для них путь по африканским дебрям.

Неожиданности то и дело подстерегали путешественников. В одном месте они вспугнули окапи. Странное животное, полужираф-полузебра, с шумом ломая ветви и кустарники, мгновенно исчезло в лесной чаще. В другом месте наткнулись на исполинского барсука, который бросился в заросли папоротника, оставив после себя зловонную струю воздуха. Несколько раз большие черно-зеленые змеи пересекали дорогу и с противным шипением скрывались в траве. А к концу дня произошло событие, которое могло иметь трагические последствия для путешественников.

Впереди группы, как всегда, шел Киви. Искусно

и осторожно он прощупывал длинным легким шестом казавшиеся подозрительными заросли, ловко уклонялся от вспугиваемого зверя или пресмыкающегося.

Но на этот раз случилось неожиданное. Киви засунул свой «зонд» в густой колючий кустарник, преграждавший путникам движение вперед, и вдруг… откуда-то сбоку раздался грозный рев, и в тот же миг огромный леопард, сорвавшись с ветви гигантского дерева, бросился на Киви. Это было так внезапно, что никто не успел даже ахнуть. Казалось, для Киви наступил последний час. К счастью, рядом оказался Степан. Мгновенно грянул выстрел из карабина — и, не долетев до Киви, леопард с пробитой головой грохнулся на землю.

Глава одиннадцатая
Воздушный мост над крокодилами

Прошло два дня. Путники продолжали медленно, но упорно продираться сквозь чащу леса. Их руки, ноги и лица почернели, покрылись синяками и кровавыми царапинами. Бурский полковник умудрился запутаться в колючих зарослях и теперь шествовал в одной штанине: вторая осталась на кусте… Сквозь френч генерала, изодранный о колючки, выглядывали клочья его нижнего белья. От Таниной кофточки остались одни лоскутья, и ей пришлось надеть запасную гимнастерку Потапова. Весьма жалкий вид имел пиджак Степана. Не пострадала одежда Киви, да и то лишь потому, что одежды на нем почти не было. Он сбросил с себя все, кроме черных трусов, и чувствовал себя в этом облачении так, словно вернулся к временам детства.

Чем дальше продвигалась партия, тем острее давало о себе знать то расслоение, которое наметилось в первые же часы после аварии самолета.

Петровы и Потапов довольно быстро приспособились к непривычным условиям тропического леса. Полковник Менц, бурский землевладелец,

проживший в своих поместьях всю жизнь, также очень легко ориентировался в африканских джунглях. Но генерал Гордон и лондонец Бингхэм оказались совершенно беспомощными. Особенно плохо приходилось Бингхэму, который сильно страдал от перелома руки. Таня всячески старалась помочь ему, но тропический лес оставался тропическим лесом, и лондонский сановник слабел с каждым днем.

Генерал Гордон, как человек военный, вначале храбрился, но очень скоро выдохся. Где уж было ему распоряжаться и командовать! Мало-помалу бразды правления фактически перешли в руки советских людей и африканцев. Разумеется, другим представителям белой расы такое положение не слишком нравилось, но поневоле им приходилось мириться с «засильем демократии».

Постепенно группа, пробивавшаяся через лес, втянулась в своеобразный режим. Вставали с рассветом и после того, что по привычке называли «завтраком», выступали в путь. Среди дня дважды отдыхали, обычно у источников хорошей воды, и подкреплялись пищей. На ночь разбивали на какой-нибудь полянке лагерь, огораживали его со всех сторон чем придется и по очереди дежурили у костров. Утром и вечером Киви один уходил в

джунгли, чтобы разведать местность, выбрать наиболее легкий путь. Он взбирался на верхушки высоченных деревьев и определял правильность выбранного маршрута. Ориентиром служила та далекая остроконечная вершина, в окрестностях которой обитало племя Киви.

Несмотря на охрану, ночи проводили тревожно: из чащи доносился то свирепый рык, то отталкивающий хохот, в темноте мелькали глаза, горевшие зловещими огоньками…

Особенно тревожной была вторая ночь. К вечеру разгулялся ветер. Он раскачивал вершины могучих стволов, лес наполнился таинственно-грозным шумом, устрашающим и могучим голосом первобытной природы…

Степану, Тане и Потапову приходилось на родине не раз слышать величественный гул соснового бора. Но здесь было совсем другое: казалось, будто гигантские волны океана, вздыбленные свирепой бурей, с воем обрушиваются на скалистый берег и с треском откатываются вспять, чтобы через мгновение снова вернуться.

К середине третьего дня пути лес стал понемногу редеть. Люди приободрились, даже повеселели.

— Мы скоро выйдем в саванну, — сказал Киви.

В связи с этим генерал снова расхрабрился и начал заверять спутников, что главные трудности уже позади и что теперь дело пойдет гораздо лучше. Однако Киви оставался серьезным, озабоченным и продвигался вперед, пожалуй, даже с большими предосторожностями, чем прежде.

К концу третьего дня путники вышли на широкий простор саванны. Здесь росла высокая жесткая трава. Кое-где виднелись группы деревьев. Идти было значительно легче, но Киви почему-то становился все более настороженным. Он часто припадал к земле и подозрительно осматривал примятую траву, внимательно изучал кору и ветви деревьев. Его встревоженность подействовала на путников, все молчали, и только генерал продолжал высмеивать страхи «черной обезьяны».

Наконец Потапов спросил Киви:

— Что ты разыскиваешь?

— Следы льва или человека, — ответил Киви. — Оба могут быть опасны…

Больше он ничего не сказал.

К вечеру партия подошла к реке, не очень широкой и, видимо, не слишком глубокой. Река текла медленно, местами образуя почти стоячие водоемы, поросшие камышом и различными

болотными растениями.

Река пересекала путь под прямым углом. Необходимо было наладить переправу.

Генерал, быстро войдя в свою прежнюю роль, приказал сделать небольшой плот, благо на берегу реки валялось немало стволов. Но едва люди принялись за работу, как Киви коротко сказал:

— Нельзя!..

И показал на какие-то бугорки над поверхностью воды.

— В чем дело? — вскипел генерал.

Киви молча усмехнулся.

Вдруг бугорки неожиданно начали двигаться… Скоро для всех стало ясно, что невинные «бугорки» — это надбровные выступы крокодильих глаз. Скрытые под водой животные выставили наружу только глаза и высматривали добычу. У генерала мурашки пошли по спине. В реке оказалось так много этих чудовищ, что о переправе на маленьком утлом плоту не приходилось и думать.

Потапов предложил двинуться вверх по реке, чтобы поискать более безопасную переправу. Киви согласился с Александром Ильичом, но посоветовал прежде всего разбить лагерь на берегу реки — конечно, на почтительном расстоянии

от крокодилов. Сегодня надо отдыхать, отдыхать, отдыхать…

Наступило утро четвертого дня странствований. Припасы, взятые с самолета, подходили к концу, и на завтрак были выданы уменьшенные порции.

— Проклятие! — пробормотал бурский полковник. — Мы тут еще с голоду подохнем!

Генерал попытался поднять падающий дух своего коллеги ссылкой на исторические примеры.

— Когда лорд Китченер наступал на Хартум… — начал было он, но тут подошел Петров и предложил возможно скорее трогаться в путь.

Генерал умолк на полуслове, и бурский полковник так и не узнал, что же именно произошло, когда лорд Китченер наступал на Хартум.

Путь вверх по течению реки оказался очень трудным. Берега почти сплошь были болотистыми, поросли камышом и кустарниками, которые надо было обходить, хлюпая по воде и ежеминутно рискуя встретиться в густых зарослях с носорогом, бегемотом или кабаном. Вдобавок к вечеру выяснилось, что путники за целый день не только не приблизились к остроконечной вершине, но даже отошли от нее в сторону. О переправе в этих местах нечего было и думать.

За ужином доели последние консервы. Теперь оставалось рассчитывать лишь на добычу от охоты да на плоды баобаба или манго.

Дух путников сильно упал, и Потапову стоило немалых усилий подбодрить Лесли и Брауна.

Пятый день пути оказался удачным: Лесли подстрелил окапи, и группа по крайней мере на два-три дня была обеспечена хоть не очень вкусным, но все же съедобным мясом. Спасали также плоды баобаба и манго — не только полезные, но и приятные на вкус.

Река заметно сузилась, болотистые берега сменились каменистыми. Опытный сапер Потапов шел по берегу, внимательно изучая местность. Около полудня он остановился и, обращаясь как бы к самому себе, сказал:

— Стоп! Здесь мы будем налаживать переправу.

Русло реки в этом месте казалось не шире пятнадцати — двадцати метров, и оба берега представляли собой почти отвесные скалы. Каким-то чудом на этих камнях, запорошенных вековой пылью, росли могучие деревья, простиравшие свои ветви над самой водой. Два таких дерева особенно заинтересовали Потапова. Они стояли друг против друга на противоположных

берегах, как два часовых, и их мощные ветви почти соединялись над водой, образуя зеленую арку.

— Если кто-либо из нас, обвязавшись веревкой, сумеет перескочить с одного дерева на другое, потянув веревку за собой, — объяснил Потапов, — нам удастся наладить переправу. Она пойдет над рекой. Это, конечно, связано с риском, но…

И Потапов указал рукой на воду: поверхность ее кишела знакомыми «бугорками».

— Фантазия! — недовольно перебил генерал, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

Если бы кто-либо спросил Гордона, почему он так быстро и так резко отверг план Потапова, он затруднился бы ответить. Да, план был смел, даже рискован, но ведь в случае успеха он выводил из безвыходного положения всю группу, включая самого генерала. И все же генерал возражал. Он так привык встречать в штыки все, что исходило от Потапова, что и теперь не мог удержаться от возражения.

Однако это не смутило Александра Ильича. Спокойно и терпеливо он стал доказывать реальность своего плана.

— Конечно, прыгать с дерева на дерево — опасно, — с улыбкой заключил он, — особенно, когда

внизу тебя ждут крокодилы. Но что же делать?.. Наше положение вообще очень опасное. А в опасном положении могут помочь только опасные средства.

Доводы Потапова были убедительны. В самом деле, не погибать же всем на этом берегу! Раз иного выхода нет, надо рисковать. И предложение Александра Ильича в конце концов было принято. Правда, генерал при этом мрачно молчал, но он остался в одиночестве.

Началась подготовка к осуществлению дерзкого плана.

Кто же должен совершить головоломный прыжок?

Чтобы предотвратить споры и новые осложнения, Потапов заявил:

— Я готов прыгнуть.

Однако Киви — с самого начала горячий сторонник плана Потапова — покачал головой и, как всегда, кратко сказал:

— Он не может… Сук сломается…

И Киви показал на один из длинных суков дерева, стоявшего на правом берегу. Им неизбежно пришлось бы воспользоваться при осуществлении плана. Вряд ли эта тонкая ветвь могла выдержать тяжесть Потапова.

Наступило неловкое молчание. Казалось, проект провалился, ибо все другие мужчины — крупные, массивные — были не легче Потапова. В эту минуту из-за спины Бенсона появился легкий, миниатюрный Гассан.

— Я могу перепрыгнуть, — тихо, почти робко сказал он.

Все вздохнули с облегчением. Степан воскликнул:

— Молодец, парень! Но сумеешь ли ты?

— Я уже не раз прыгал так, — несколько ободрившись, пояснил Гассан. — В нашей деревне все мальчишки хорошо прыгают с дерева на дерево…

Работа закипела.

Потапов тщательно осмотрел оба дерева и установил, что расстояние между двумя самыми близкими сучьями не меньше полутора метров. Для воздушного прыжка — слишком много… Тогда он накинул на сук дерева, стоявшего на этом берегу, петлю из тонкого, но очень крепкого манильского троса, взятого еще с самолета. Когда сук несколько пригнули, расстояние сократилось примерно до метра, и Гассан твердо заявил, что свободно перескочит его.

Александр Ильич поставил Петрова и Лесли с

карабинами в руках на берегу и предложил им держать на прицеле крокодилов: если Гассан упадет, они должны бить крокодилов смертельным для них выстрелом между глаз.

Гассан обвязался веревкой, поплевал на руки и полез на дерево… Глаза всех следили за мальчиком. Гассан кошкой взбирался вверх. Вот он уже почти у вершины… Вот перебрался на длинный сук и медленно и осторожно пополз к его тонкому и гибкому концу… Еще немного… Маленькая фигурка раскачивается на двадцатиметровой высоте над водой, над крокодилами…

Мгновение… И быстрый, стремительный, внезапный бросок.

Маленький комочек летит по воздуху на другое дерево, к протянутой с того берега ветви.

Вдруг резкий предательский треск… Сук, за который Гассан ухватился правой рукой, сломался… Гассан висел, держась одной лишь левой рукой…

Люди внизу невольно опустили глаза. Всем стало страшно.

Но нет, Гассан не упал духом! Изогнувшись, он

ногами обвил соседнюю ветвь. Потом мальчик стал медленно сползать вниз, и, наконец, ему удалось, уцепиться за большой, надежный сук. Теперь все было в порядке. Гассан, как обезьянка, раскачиваясь, стал прыгать по веткам, спускаясь все ниже к земле. Вот он освободился от манильского троса, которым был обвязан вокруг пояса, и закрутил его вокруг ствола.

Раздались громкие аплодисменты. Хлопали все, даже бурский полковник не удержался. А генерал Гордон воскликнул:

— Как спортсмен я должен сказать, что это было сделано прекрасно!

Итак, тонкий, прочный, смазанный жиром трос был перекинут на другой берег. Дальнейшее уже не представляло особых трудностей. Под искусным руководством Потапова трос был натянут над рекой. Затем из ветвей и лиан сплели грубую люльку. Она должна была ходить по скользкому от жира тросу. Прикрепленные к люльке длинные, гибкие лианы позволяли подтягивать ее к нужному берегу.

По этому воздушному мосту вся группа благополучно переправилась через реку.

На другом берегу путешественников ждал густой тропический лес. И, хотя остроконечная

вершина — цель пути — приближалась, состояние людей заметно ухудшалось.

Вот уже неделю бродили они по африканским дебрям. За долгий день все страшно уставали; спали тревожно и беспокойно; питались плохо. Начались желудочные заболевания, которые еще больше ослабляли людей. Таня упорно боролась с болезнями, но у нее было слишком мало лекарств…

Хуже всего приходилось Бингхэму. Таня всячески старалась помочь ему, и, в общем, это ей удавалось. Неизвестно только, что именно больше помогало больному: лекарства или беседы с врачом. Поговорив с Таней, Бингхэм заметно приободрялся, становился веселее.

Если же она долго не подходила к нему, он начинал нервничать и жаловаться на недуги. Колониальному сановнику казалось, что в его отношении к Тане нет ничего, кроме признательности пациента к лечащему его врачу. Однако иногда он ловил себя на мысли: «Как жаль, что такая милая женщина — большевичка!»

Шел восьмой день пути, и вся группа с трудом продиралась сквозь чащу зарослей и кустарников. Вдруг Киви, шедший, как обычно, впереди, остановился и стал внимательно рассматривать

стоявшее чуть в стороне дерево. Потом он подошел к нему, потрогал ветви. Одна из ветвей была надломлена. Киви беспокойно посмотрел по сторонам и пошел дальше. Спустя несколько минут он остановился у другого дерева. На нем тоже была надломлена ветка. Обратившись к Петрову, с которым после истории с леопардом Киви особенно подружился, он сказал:

— Здесь недавно были люди… — И, указав на поломанную ветку, пояснил: — Так всегда делают наши люди, чтобы не потерять дорогу.

Петров озабоченно спросил:

— Значит, люди недалеко?

Киви покачал головой и осторожно заметил:

— Пойдем — увидим…

Весть о близости людских поселений вызвала у европейцев вздох облегчения. Негры почему-то не выражали никаких восторгов. На вопрос Лесли, Бенсон ответил:

— А если это не друзья?..

В тот вечер Киви просил усилить охрану лагеря на ночевке, а на следующий день он вел группу с особенной осторожностью — часто останавливался, внимательно осматривал деревья, иногда прикладывал ухо к земле. В одном месте Киви указал Петрову на человеческие следы,

явственно отпечатавшиеся на песчаном берегу маленького озера.

Ближе к полудню откуда-то стал доноситься странный, прерывающийся гул, будто где-то в отдалении свирепствовала буря. По мере продвижения вперед гул усиливался.

Киви обнаружил явные признаки беспокойства.

— Что это такое? — спросил его Петров. — Гроза? Водопад?

Киви отрицательно мотнул головой и односложно ответил:

— Тамтам.

— Тамтам? — не понял Петров. — Что это значит?

Киви скупо объяснил: это бой барабанов. Звуками тамтама негры извещают о многом: о празднике в селении и о похоронах, о грозящей опасности и о выступлении в поход…

— А о чем говорят барабаны сейчас? — тревожно спросила Таня.

Киви пожал плечами и ответил, что он не может толком понять этого тамтама. Во всяком случае, надо быть очень осторожными.

В полном молчании цепочка усталых людей прошла еще с километр. Тамтам слышался все

отчетливее…

Внезапно за ближними кустами раздались громкие крики, и из-за деревьев выскочило десятка полтора негров. Многие были вооружены — кто дубиной, кто копьем, кто кинжалом, а один держал в руке старинное ружье. Увидев белых, да еще с двумя карабинами, негры в нерешительности остановились. Этим моментом воспользовался Киви. Он выступил на языке, родственном языку местного племени, назвал себя и коротко рассказал, что с ним за люди и как они сюда попали. Киви просил негров сразу же провести всю группу к вождю племени. Воины отошли в сторону, посовещались и сказали, что пошлют в деревню двух вестников. А белым придется подождать в лесу…

Киви спросил воинов о причине тамтама. Оказалось, что жена их вождя вот уже третий день не может разрешиться от бремени, и главный колдун назначил тамтам, чтобы напугать злых духов, мешающих появлению на свет наследника вождя.

Тогда Киви сказал:

— Среди нас есть женщина. Она умеет изгонять самых злых духов… Ей повинуются добрые духи. Если эта женщина захочет, наследник вождя

сегодня же прибудет.

— Неужели эта молодая белая женщина — колдунья? — недоверчиво спросил один из воинов.

— Да, она великая колдунья белых! — торжественно подтвердил Киви. — И я советую вам быть с ней в дружбе…

Вестники исчезли под зелеными сводами леса, а оставшиеся негры присмирели и лишь время от времени бросали на Таню взгляды, полные суеверного страха.

Прошел час ожидания. Воображение у некоторых из белых путешественников стало разыгрываться. Вдруг зеленые заросли закачались, послышался треск сучьев, и перед путешественниками появился высокий африканец с карабином в руках, в плаще из мягкой звериной шкуры, под которым виднелся старый военный френч европейского покроя. Его сопровождал небольшой отряд телохранителей, вооруженных копьями. Отдав какое-то приказание, африканец жестом пригласил пришельцев следовать за ним.

Воины окружили путников и повели их по малозаметной тропинке. Скоро группа выбралась на открытое место. Вдали, на пригорке, замаячили хижины небольшого селения. Круглые, сделанные из глины и покрытые высокими

коническими крышами из соломы хижины живописно расположились большим полукругом.

Когда процессия подошла к самому селению, ее встретила толпа. Мужчины, женщины и дети пожирали взглядами неожиданных гостей. Слышался сдержанный гул голосов, покрываемый мощными звуками тамтама. Лица выражали любопытство, смешанное с недоверием. Жители деревни теснились, чтобы пробраться поближе к процессии, получше рассмотреть пришельцев. Особенным вниманием пользовалась Таня. Должно быть, поразительная весть о белой могущественной «колдунье» уже облетела всех, и каждому хотелось заглянуть ей в лицо.

Путников привели к большой хижине и усадили под окружавшим ее соломенным навесом. Высокий негр повелительно обратился к Киви.

— Вождь приказал, — перевел Киви, — привести к нему белую женщину.

Таня вспыхнула и испуганно отказалась. Степан и Александр Ильич решительно стали рядом с ней и просили передать, что Таня одна никуда не пойдет. Киви обменялся с высоким негром несколькими фразами и затем, улыбнувшись, сказал Петрову:

— Миссис Петровой ничего не грозит. Здесь

живут добрые люди. Вождь племени услышал, что миссис искусная колдунья и может прогнать злых духов, которые мучают его жену и мешают прибытию наследника. Он просит миссис оказать помощь. Он щедро наградит миссис за это…

— Ничего не понимаю! — воскликнула Таня. — Какие злые духи? Какой наследник? Какая жена вождя? И при чем тут я?..

Киви рассказал путникам о причине тамтама и смущенно признался, что выдал Таню за «колдунью». Эти люди иначе не поймут, они не знают врачей, их лечат «колдуны», объяснил он в свое оправдание.

Таня очень рассердилась и стала шумно возмущаться:

— Безобразие! Позор! Выдать меня за колдунью — еще этого не хватало!..

— Иначе они не поняли бы меня, — продолжал оправдываться Киви, — а вам ведь от этого нет никакого вреда. Простите, миссис… Здесь хорошие люди, охотники, земледельцы, только темные… Им надо помочь, миссис!

Таня в некотором замешательстве взглянула на мужа и по-русски сказала:

— А вдруг положение матери и ребенка уже безнадежно? Если я возьмусь за лечение, а они

все-таки умрут? Что тогда?

Степан посмотрел на толпу, на Киви и решительно сказал:

— Надо рискнуть…

Таня поняла, что как врач она не имеет права, не может отказаться от подачи помощи, каковы бы ни были условия и обстоятельства.

И она согласилась. Однако Петров прибавил:

— Мы с Сашей тоже пойдем с тобой, а Киви будет нашим переводчиком.

Высокий негр сначала горячо возражал: ему приказано привести только белую женщину, а вовсе не белую женщину и трех мужчин. Киви снова слукавил и заявил, что в таком случае белая женщина рассердится и… кто знает?.. может навлечь несчастье на жителей селения. Негр испугался и уступил.

Когда Таня переступила порог большой хижины, где лежала жена вождя, роженица находилась в состоянии полного изнеможения.

Вначале Таня ничего не могла рассмотреть: окон в хижине не было, дверной проем был закрыт плотной циновкой. Вошедшим с яркого света темнота показалась совершенно непроницаемой. Когда глаза несколько освоились, Таня начала едва различать обстановку. Этому

помог узкий луч света, проникавший внутрь из маленькой щели между циновкой и стеной. В одной половине хижины были свалены большие мешки, стояла глиняная и деревянная посуда. В другой половине на груде шкур и циновок неподвижно лежала роженица. Около нее бубнила и приплясывала повитуха — она же местная колдунья. В хижине была еще одна женщина, которая показалась Тане служанкой жены вождя. Тяжелые испарения наполняли воздух. Тучи больших и маленьких мух оглушали своим непрерывным жужжанием.

— Прикажите повитухе уйти из хижины, — обратилась Таня к Киви. — Пусть при роженице останется только служанка.

Киви перевел Танин приказ. Повитуха стала громко протестовать. Поднялись негодующие крики среди женщин — родственниц, соседок, сидевших на земле вокруг хижины в ожидании событий. Но Киви был неумолим. Когда все аргументы были исчерпаны и не достигли цели, Киви пригрозил, что «белая колдунья» поразит скот тех, кто не хочет ей повиноваться. Это подействовало, и повитуха вышла из хижины, бросив на Таню взор, полный ненависти.

Затем Таня потребовала, чтобы подняли ци-

новку. Дневной свет ворвался в хижину. Это противоречило обычаям племени и опять вызвало шумные протесты со стороны женского окружения хижины. Но Таня решительно настаивала, и женщины, памятуя о только что высказанной Киви угрозе, примирились с неизбежным.

Теперь Таня занялась обследованием роженицы.

— Ну как? — послышался из-за стены голос Степана.

— Совершенно то же, что было с нашей уборщицей Аксиньей… Помнишь? — откликнулась Таня.

— Справишься?

— Справлюсь, но действовать надо быстро. Женщина очень истощена… К счастью, сердце хорошее…

Таня открыла свою медицинскую сумку, вынула шприц и ампулки с камфарой. Тщательно вымыв руки и смазав их йодом, она принялась за работу. Служанка с ужасом смотрела на эти приготовления. А когда Таня хотела вонзить в тело женщины иглу, она бросилась к ней и схватила за руку.

Таня вырвала свою руку и крикнула Киви:

— Скажите ей, что, если будет мешать, жена

вождя умрет!

Негритянка смирилась и поклонилась белой чародейке до земли. Таня через Киви приказала вскипятить воду.

Камфара возымела свое действие. Через некоторое время роженица ожила, стала двигаться, громко стонать. Теперь служанка смотрела на Таню как на божество и беспрекословно выполняла все ее распоряжения.

Забыв обо всем на свете, кроме матери и ребенка, которых она должна была во что бы то ни стало спасти, Таня не замечала ни времени, ни окружающей обстановки.

Нервно расхаживающий вокруг хижины Петров несколько раз спрашивал через стенку:

— Ну как?

И Таня каждый раз торопливо отвечала:

— Нормально. Не мешай!

И продолжала работу.

…Впоследствии Таня никак не могла припомнить, сколько времени провела она у постели жены вождя. Но зато с чрезвычайной яркостью запечатлелось в ее сознании другое: она выходит из хижины и с гордостью показывает всем, кто сидит на улице, новорожденного, с такой гордостью, будто бы это был ее собственный сын. А

маленькое черное тельце, крепкое и здоровое, извивается у нее в руках, и мальчишка оглашает воздух громким, пронзительным криком...

Эффект этого события был потрясающий. Толпа, теснившаяся перед хижиной, немедленно разбежалась, разнося во все концы селения весть о необыкновенном происшествии. «Белая колдунья» оказалась сильней всех злых духов! К вождю прибыл столь долгожданный сын и наследник!..

В этот торжественный момент на сцене появился и сам вождь. До сих пор он предпочитал

сноситься с Таней через своего советника — высокого негра, который привел группу белых в селение. Теперь, придя в бурный восторг от исполнения заветного желания, вождь вышел из своей хижины и отвесил глубокий поклон Тане, приложив широко раскрытую ладонь к груди. Вождь был рослый, красивый африканец с умными и энергичными чертами лица; тело его от подмышек до щиколоток было обернуто куском пестрой ткани, с шеи на цепочке свисала серебряная бляха, выдаваемая деревенским вождям колониальными властями; ноги его были обуты в остроносые европейские ботинки, которые выглядели особенно экзотично рядом с босыми ногами его подчиненных.

Вождь произнес краткую речь. Киви перевел ее: «Нет предела нашей благодарности, — говорил вождь, — и я хотел бы исполнить всякое желание великой белой колдуньи. Чего она просит? Какой награды хочет?»

Таня ответила, что ей никаких наград не надо, что она поздравляет вождя с новорожденным сыном и просит только одного: помочь ей и ее спутникам поскорей добраться до линии железной дороги.

Вождь ответил, что он окажет белым путеше-

ственникам всяческое содействие, но сверх того он хотел бы все же вознаградить великую колдунью за ту большую услугу, которую она оказала ему и его жене.

Таня с улыбкой вновь повторила, что ей ничего не надо, а лучшей наградой для нее будет здоровье и счастье только что родившегося ребенка.

Но вождь никак не хотел понять Таню. Сначала он пытался осчастливить ее пачкой английских кредиток, а когда это не удалось, то принес из глубины своей хижины миниатюрную статуэтку из слоновой кости и торжественно сказал:

— В течение многих поколений этот бог охранял нашу семью от горя и несчастий! Возьми его ты — пусть он теперь охраняет тебя от горя и несчастий!

Отказаться от такого подарка было невозможно. Таня приняла его и низко поклонилась вождю.

Через день путники снова тронулись в дорогу. Но теперь все было по-иному. Вождь племени дал чужеземцам группу носильщиков и охрану. Они должны были проводить путешественников до ближайшей железнодорожной станции, расположенной в пяти переходах от селения. Для Тани вождь прислал специальные носилки

— примитивный паланкин, сплетенный из лиан и жердей. Четыре рослых негра опустили эти носилки перед Таней, приглашая ее сесть, но она очень смутилась и стала отказываться.

Негры были расстроены. А Киви сказал:

— Если вы откажетесь, то обидите вождя племени и все племя. Разве они сделали вам что-либо плохое?

Таня пожала плечами и, покраснев от неловкости, уселась в паланкин, который дюжие воины подняли на свои крепкие плечи.

Глава двенадцатая
Мыс Доброй Надежды

Когда Петров устроился в вагоне железной дороги и, устало вытянув ноги, полузакрыл глаза, им овладело странное чувство, будто все, что произошло за эти двенадцать дней, случилось не с ним и его друзьями, а промелькнуло в каком-то странном приключенческом фильме.

Однако покачивание вагона, мелькающий за окном африканский пейзаж и, главное, еще незажившие ссадины на руках и ногах очень быстро вернули его к действительности. Нет, и авария самолета, и блуждание по тропическому лесу, и схватка с леопардом — все это не пригрезилось…

«Ну вот, наконец-то все это позади, все хорошо…» — подумал Степан и крепко сжал в своей руке Танину руку. И Таня, точно подслушав его мысли, ответила нежным, ободряющим рукопожатием.

Сидевший напротив Александр Ильич задумчиво смотрел в окно и мысленно перебирал в памяти события последних пяти дней, после выхода из негритянской деревушки.

Да, они были несравненно легче, чем дни

слепых блужданий по лесу! Теперь их вели проводники, хорошо знавшие местность. Были носильщики. Дежурили по ночам гостеприимные африканцы, и можно было спокойно спать. Шли кратчайшими путями, избегая рек, болот и непроходимых зарослей. Таню несли на легких носилках. Ее это очень стесняло, и на второй день пути она решительно заявила, что пойдет, как и все, пешком. Услышав это, носильщики и проводники, посланные вождем сопровождать гостей, пришли в смятение. Они восприняли отказ Тани как признак гнева и недовольства ими.

Чтобы успокоить добрых людей, Тане пришлось вновь вернуться в паланкин.

«В общем, хорошие, простодушные парни эти африканцы, — думал Потапов. — Но как еще темны и суеверны!..»

Тут мысли Потапова переключились на Киви. «Прекрасный юноша! — вспомнил он о Киви. — Сильный, смелый, правдивый и, несомненно, с большими способностями. Хорошо, что учится... Наверное, со временем он станет вождем своего племени, но вождем нового типа — не таким, как его отец. Он, конечно, встанет в ряды борцов народа банту за национальное освобождение и независимость».

И Потапов с грустью вспомнил о минуте расставания с Киви. Стоя на перроне маленькой железнодорожной станции, куда их привели негры, Киви, сильно волнуясь, сказал Петрову:

— Ты мне спас жизнь, ты — мой брат, и я тебя никогда не забуду!

Потом, порывисто повернувшись к Потапову, прибавил:

— И ты тоже мой брат, хотя и не спасал мне жизни… И миссис Танья…

Подумав немного и, видимо, не сразу найдя нужные слова, Киви продолжал:

— Теперь я узнал, что есть белые, которые совсем не похожи на белых… Они любят черных…

И Киви крепко пожал руки трем советским друзьям.

Через купе от Петровых разместились бурский полковник, генерал Гордон, его адъютант Лесли и сэр Рональд Бингхэм. Они шумно радовались тому, что тяжелые блуждания по африканским лесам кончились и что они снова вернулись в привычную обстановку европейской цивилизации. Мягкие диваны вагона, закуски и напитки, разносимые стюардом, папиросы и сигары, купленные на станции, покачивание вагона на эластичных рессорах… Хорошо! Они словно от-

таивали, приходили в себя и опять становились самими собой. Вернулось к ним то приятное, самодовольное чувство «господ жизни», которое временно было подавлено исключительностью обстановки и вихрем налетевших событий.

Генералу теперь казалось странным и непонятным, как он мог там, в лесу, уступить фактическую власть большевику и почему стал считаться с мнением этой «черной обезьяны» Киви. Генерал старался поскорее забыть свою временную «слабость» и поэтому принял теперь подчеркнуто гордый и непреклонный вид.

Бурский полковник, негодуя на себя, вспоминал, что и он мирился с «большевистскими порядками», введенными этими «советскими агентами», и даже тащил на своих плечах — наряду с черными! — багаж… Вся кровь вскипала в жилах Менца при мысли об этом, и теперь он с особенно свирепой ненавистью смотрел на всякого негра, который попадался на глаза за окном вагона. А капитан Лесли поеживался, вспоминая, как в лесу он иногда позволял себе не соглашаться со своим генералом, и теперь стремился загладить эту легкомысленную непочтительность усиленным заискиванием перед начальником.

Несколько сложнее были ощущения сэра Ро-

нальда Бингхэма. Постепенно возвращаясь к самому себе, снова обретя осанку и повадки крупного сановника колониального ведомства, Бингхэм тоже корил себя тем, что допускал в лесу излишний либерализм в отношении черных и излишнюю податливость перед «красными». Но все-таки… эта русская спасла его сломанную руку — перелом теперь быстро заживал. К тому же она так очаровательна! И Бингхэм никак не мог решить, каковы же должны быть его дальнейшие отношения с советскими людьми.

Выйдя в коридор, он столкнулся с Петровым и, лишь бы что-нибудь сказать, любезно заметил:

— Вот и кончились наши мучения…

— Надеюсь, — отозвался Петров. — Мне только искренне жаль, что с нами нет Киви. Я очень привязался к нему. Пожалуй, не выбрались бы мы, не будь его помощи…

Бингхэм подумал: «Большевистский выпад!», но вслух равнодушным тоном сказал:

— Киви вернулся домой. Лучшее, что можно пожелать таким людям, — это вернуться к своему племени, к привычному для них образу жизни. То же самое, в сущности, относится к Бенсону, но он как будто отправился на север заготовлять что-то для каирского интендантства…

— На север уехали и Браун с Гассаном, — заметил Петров, — они должны вернуться в Египет.

— Да-да, — впадая в философский тон, продолжал Бингхэм, — люди случайно сходятся и расходятся в этой жизни. А потом забывают друг друга… Нет ли во всем этом чего-то, предопределенного провидением?..

Так как Петров не обнаруживал желания продолжить разговор на столь глубокомысленную тему, то Бингхэм, пожелав ему спокойного отдыха, вернулся в свое купе.

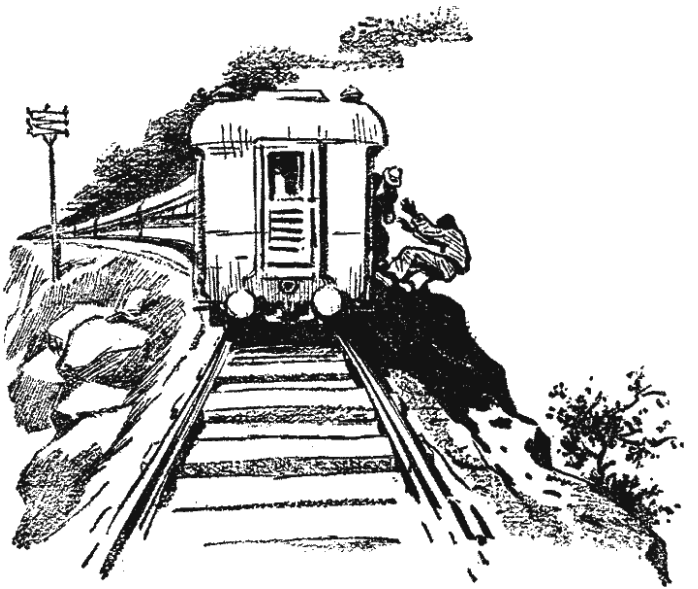
На смену появился бурский полковник. С толстой сигарой в зубах он прошел по коридору, не обращая на Петрова ни малейшего внимания. Выйдя в тамбур, полковник стал смотреть в окно.

Поезд быстро шел по очень высокой, узкой каменной насыпи. По обе стороны пути круто обрывались вниз поросшие кустарником откосы. Место было дикое и мрачное.

Выпуская кольца синеватого сигарного дыма, полковник Менц высунулся в окно. И вдруг лицо его исказилось бешенством, а пальцы судорожно вцепились в ручку двери: снаружи, на подножке вагона, сжавшись в комочек и стараясь быть незамеченным, висел безбилетный «заяц», по-

луобнаженный худой негр. В глазах его застыли ужас и мольба.

Полковник рванул дверь тамбура на себя и со всего размаха ударил «зайца» ногой в лицо. Африканец сорвался с подножки и покатился вниз. Хватаясь широко расставленными руками за камни и сухую траву, он пытался задержаться, но тщетно. Мгновение спустя черная фигура исчезла в глубине пропасти.



Все это Петров отчетливо видел, высунувшись в открытое окно. Взрыв бешеного возмущения внезапно захлестнул сознание, глаза налились кровью, руки сжались в кулаки. На него «нака-

тил» тот приступ безудержной ярости, которым он изредка был подвержен.

Закрыв за собою дверь тамбура, полковник Менц спокойно возвращался в свое купе. Но он не дошел до места. Схватив бура за шиворот, Степан потащил его назад, к тамбуру, с явным намерением выбросить из поезда.

Бурский полковник неожиданно тонким, бабьим голосом отчаянно завизжал. Таня выскочила из своего купе и, увидев лицо Степана, сразу поняла, что с ним происходит. Она не знала причины, вызвавшей приступ ярости, но в том, что на Степана «накатило», не было никаких сомнений. Бросившись к мужу и обвив руками его шею, она стала молить:

— Степа! Степа! Успокойся!..

Потапов схватил Степана за руки. Выскочили из своего купе генерал Гордон, Бингхэм и Лесли. Все бросились освобождать полковника из железных объятий разъяренного Петрова. Сознание стало медленно возвращаться к нему, но он все еще не выпускал из рук свою жертву. Со страшной силой Степан поднял мистера Менца в воздух и бросил на пол вагона. По лбу полковника потекла струйка крови…

…Час спустя Петров сидел на своем месте, хму-

рый и молчаливый. Когда волна ярости схлынула и к Степану вернулось его обычное спокойствие, он не мог не осудить своей вспышки.

Да, конечно, этот бурский крепостник в полковничьем мундире совершил гнусное, подлое убийство. Было от чего прийти в негодование любому честному человеку! Но вправе ли он, Степан, позволять себе такую несдержанность? Нет, нет!.. Ведь он путешествовал по Африке не просто как Петров. Он представлял собою Советское государство! И Степан с горечью вспомнил слова контр-адмирала Карпова, его напутствия и советы, его доверие к нему, молодому советскому дипломату. Ведь из-за этого инцидента могут возникнуть серьезные осложнения. Что тогда? Получится, что Петров не только не облегчил в тяжелое время положение своей страны, а, наоборот, усугубил его.

Степан был подавлен всем происшедшим. В бессильном гневе на себя, на свой характер он невольно сжал кулаки. Досада его усиливалась еще тем, что Таня и Александр Ильич молчали. В их молчании Степан чувствовал осуждение, укор.

Наконец Александр Ильич мрачно сказал:

— Ну, брат, и натворил же ты дел…

Петров почувствовал себя еще более виноватым. Он отвернулся и стал угрюмо смотреть в окно.

Когда полковник Менц поднялся на ноги с большой шишкой на лбу, он с возмущением заявил, что ни минуты больше не останется в одном вагоне с «этими людьми», и сразу же перебрался в соседний вагон. За ним последовали генерал Гордон и Лесли. Но Бингхэм остался на старом месте и, закурив сигару, погрузился в глубокие размышления. Потом он встал и направился к своим друзьям. С бесстрастным, холодным лицом он уселся на месте против взъерошенного полковника и сказал ему:

— Безобразный инцидент! Я возмущен до глубины души и выражаю вам сочувствие, сэр…

— Я не сомневался в вашем отношении! — воскликнул бурский помещик, обрадовавшись такому пониманию его чувств.

А Бингхэм продолжал:

— Можно только сожалеть о том, что в войне против Германии нам приходится иметь союзников со столь дикими взглядами на право белого человека и со столь дурными манерами.

— Да-да! — еще более ободренный, закричал полковник. — Я должен был сойти в Иоганнес-

бурге, но теперь решил ехать прямо в Кейптаун! Я буду жаловаться правительству! Я буду требовать, чтобы этого большевистского бандита немедленно арестовали и бросили в одну тюрьму с неграми! Пусть целуется там с этими черными обезьянами!

Бингхэм не спеша вытащил из кармана сигару и протянул ее полковнику. Потом, выпустив несколько клубов дыма, проследил за ними взглядом и, наконец, задумчиво сказал:

— Н-да… Возмутительный инцидент! Возмутительный! Но… стоит ли подымать по этому поводу шум, сэр?

— Как?! — почти задохнувшись от ярости, взревел полковник. — Спустить этому негодяю оскорбление?! Да ни за что на свете!

— Я вполне понимаю ваши чувства, — невозмутимо продолжал Бингхэм, — я вполне им сочувствую… Но… надо считаться с реальной обстановкой.

— К черту вашу обстановку! — закричал Менц. — Большевиков — за решетку! Иной обстановки быть не может!

Генерал, который до сих пор не проронил ни слова, решил вмешаться.

— Нельзя же допускать, — авторитетно заявил

он, — чтобы лучших людей страны безнаказанно оскорбляли какие-то проходимцы!

— В принципе вполне с вами согласен, джентльмены, — возразил Бингхэм, — но попрошу вас принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, мистер Петров — лицо дипломатическое и поэтому аресту не подлежит. Мы вправе лишь просить советское правительство отозвать его на родину. Но ведь мистер Петров, насколько мне известно, не собирается оставаться в Южной Африке. Он направляется в Швецию. Во-вторых…

Однако, прежде чем Бингхэм успел сказать, что именно «во-вторых», бурский полковник вскочил и, ударив кулаком по ручке сиденья, крикнул:

— Какое мне дело до того, что этот красный — лицо дипломатическое! Правительство Южно-Африканского Союза, слава богу, не поддерживает дипломатических отношений с большевиками! Мы не связаны никакими обязательствами в отношении большевистских дипломатов!

— Да, но вы забываете, — спокойно возразил Бингхэм, — что инцидент произошел не в Южно-Африканском Союзе, а на территории, которая является колонией британской короны. А британская корона поддерживает дипломатические отношения с Советами… Все дело, таким

образом, находится в сфере юрисдикции правительства его величества, которое связано вполне определенными обязательствами в отношении советских дипломатов.

Разъяснения Бингхэма произвели явное впечатление на генерала. Но взбешенный бурский полковник не желал сдаваться.

— К черту все эти юридические крючки! — раздраженно воскликнул он. — Мы здесь, в Южной Африке, и не такие крючки срывали…

— Теперь позвольте сказать мое «во-вторых», — вежливо продолжал Бингхэм. — А оно касается политической стороны. Ведь если вы вздумаете жаловаться правительству, вся эта история попадет в мировую печать. Вмешается советское правительство, начнутся ноты, протесты, агитация… Все узнают, что мистер Петров хотел вас выбросить из поезда. За что? За то, что вы выбросили чернокожего! Какое впечатление это произведет на миллионы черных? Вполне определенное: большевики приобретут в их глазах огромный авторитет! Можно себе представить, какие легенды пойдут по Черной Африке! Выгодно ли это нам? Нет, совсем невыгодно. Чернокожие и так кипят… Хотите подбавить масла? Дать пищу злонамеренным агитаторам?

Бингхэм замолчал, как бы желая измерить силу своих аргументов. Генерал, видимо, начал соображать, что расправиться с Петровым не так-то просто. На лице его отразилась растерянность. Но полковник Менц все еще не хотел признать себя побежденным. Тогда Бингхэм сказал, адресуясь только к нему:

— И, наконец, в-третьих… Ведь если подробности инцидента станут широко известны, как будете выглядеть лично вы, сэр? Большевик чуть не выбросил вас из поезда… Большевик швырнул вас на пол… А вы? Вы скушали это и сбежали в другой вагон! Нет, сэр, такая роль не придаст вам популярности.

Бурский полковник изменился в лице и в ярости сломал карандаш, который вертел в руках. Однако последний аргумент Бингхэма произвел на него явное впечатление.

— Но что же мне делать? — растерянно и даже жалобно протянул Менц.

— Ровно ничего! — сдерживая чувство удовлетворения, ответил Бингхэм. — Надо забыть о том, что здесь произошло, джентльмены. За-а-быть! — повторил он раздельно. — К счастью, об инциденте знают только генерал, капитан Лесли да еще я… Беру на себя смелость торжественно

обещать вам от имени всех нас, что происшествие это будет погребено в наших сердцах, как в могиле.

Бингхэм вопросительно посмотрел на генерала и Лесли. Те охотно подтвердили, что сохранят всю историю в тайне.

Полковник Менц сердито размышлял несколько мгновений, но, видимо, понял безвыходность своего положения и мрачно пробормотал:

— Должно быть, придется с вами согласиться…

Довольный успехом, Бингхэм вернулся в свой вагон, выкурил еще одну сигару и постучался в соседнее купе. С самой любезной улыбкой он попросил супругов Петровых и Потапова оказать ему честь и в Кейптауне прийти к нему на обед.

— Запросто, — сказал он, — как приходят к друзьям. Эти лесные приключения и опасности так сблизили нас! — И, умильно поглядев на Таню, он добавил: — А вам, мадам, я бесконечно благодарен за все, что вы для меня сделали!

Возвращаясь в свое купе, Бингхэм подумал: «С моей стороны было бы просто не по-английски игнорировать факт русских побед под Сталинградом».

Бингхэм занимал красивый особняк в аристократической части Кейптауна. В молодости он

был женат, и женат несчастливо. Когда лет десять назад жена умерла, он решил больше не испытывать судьбу и зажил холостяком. Его хозяйство вела старушка сестра, похожая на высохшую мумию.

Вернувшись домой, Бингхэм первым делом вызвал своего домашнего врача мистера Бичема. Бичем исследовал сломанную руку и нашел, что перелом сросся хорошо, но, пока кость не окрепнет, требуется большая осторожность.

— Кто оказал вам первую помощь, сэр Рональд? Признаюсь, это был очень искусный врач!

— Если бы только искусный!.. — с загадочной улыбкой ответил Бингхэм. — Нет, Бичем, это врач не только искусный, но и очаровательный!..

Только теперь Бингхэм рассказал домашним все, что с ним случилось после вылета из Каира. Имя Тани он называл в этом рассказе так часто, что доктор Бичем шутя заметил:

— Я начинаю вас ревновать к столь замечательному коллеге… Покажите мне это чудо!

— Вы увидите его, — заявил Бингхэм, — и не дальше, как завтра вечером. Всех троих моих советских попутчиков я пригласил на обед. Приходите и вы. Сможете подискутировать с мадам Петровой на свои медицинские темы… Но будьте

осторожны: она сумеет за себя постоять!

Кроме Бичема, Бингхэм решил пригласить еще своего племянника Ричи и друга сэра Вильяма Драйдена.

Ричи, молодой человек лет двадцати семи, окончил Кембриджский университет и три года работал младшим преподавателем в Лондонской школе экономики. Он принадлежал к числу тех левых английских интеллигентов, которые отлично видят пороки капитализма, резко осуждают их, однако не находят в себе достаточного мужества и последовательности для того, чтобы сделать из этого необходимые практические выводы. По мобилизации Ричи попал в Южную Африку и в чине капитана служил в Кейптауне в английском штабе. Бингхэм недолюбливал племянника за его взгляды, но считал, что на обеде для гостей-большевиков приличие требует «сервировать» и левого англичанина.

Сэр Вильям Драйден — крупный лондонский банкир — приехал в Кейптаун для завершения очень выгодной финансовой сделки, но из-за войны застрял здесь больше чем на полгода. Это был ловкий делец и неглупый человек. Он считал себя знатоком и покровителем искусств и имел прекрасное собрание картин английских

и иностранных художников. В Лондоне, в салоне его жены, молодящейся пятидесятилетней дамы, можно было встретить виднейших писателей и артистов столицы. Сын Драйдена окончил Оксфордский университет и работал в банке отца на положении наследника. Сам Драйден, несмотря на свои шестьдесят лет, был еще очень бодр и подтянут. Высокий блондин, с серо-стальными глазами, он не отказывался от земных утех ни в Лондоне, ни в Париже, ни даже здесь, в Кейптауне.

В лондонском Сити Драйден пользовался большим уважением. У него был широкий кругозор, отличный деловой нюх, и поэтому он почти всегда опережал соперников. К тому же он владел секретом, который мало кому доступен: умел наживать деньги и вместе с тем сохранять репутацию благородного и деликатного человека.

Чем это достигалось, трудно сказать. Это получалось как-то само собой: работал предпринимательский инстинкт, дисциплинированный хитрым рассудком. Рассказывали такой случай. Однажды видный текстильный фабрикант запутался в долгах. Положение его было безнадежно; все векселя находились в руках банка Драйдена. Директору банка достаточно было нажать кнопку

— и старинная ланкаширская фирма вылетела бы в трубу. В подобных случаях банкиры обычно так и делают: нажимают кнопку… Но сэр Вильям Драйден поступил иначе. Он пригласил текстильного фабриканта на обед и угостил его не только изысканными блюдами, но и дружеской беседой, в которой выразил самую искреннюю симпатию к своей жертве. А в заключение беседы сэр Вильям сказал:

— Я глубоко уважаю древность вашей фирмы. Я питаю большое расположение к вам лично. И я готов помочь: даю шестимесячную отсрочку по вашим векселям.

Произнося эти слова, сэр Вильям прекрасно знал, что полугодовая отсрочка поможет текстильному фабриканту, как вазелин чахоточному. То же самое знал, или, во всяком случае, подозревал, и текстильный фабрикант. Но в тот момент оба были довольны: один — своим великодушием, другой — призраком надежды на спасение.

Прошло шесть месяцев, и случилось то, что и должно было случиться: текстильный фабрикант еще глубже увяз в долгах. На этот раз сэр Вильям уже не кормил его обедом. На этот раз он просто нажал кнопку и… Однако славе сэра Вильяма как

благородного человека было положено начало. Он еще несколько раз повторил тот же прием, и в результате репутация чуткого человека прочно укрепилась за сэром Вильямом: она стала традицией, а ведь традиции в Англии — сильнее всего!

Бингхэм знал Драйдена еще по Лондону. Они любили беседовать, даже философствовать… ну, хотя бы о каналах на Марсе. В их душах было что-то родственное. И теперь Бингхэм решил лично заехать к Драйдену, чтобы пригласить его на обед.

Драйден встретил Бингхэма радостным возгласом:

— Привет пропавшему и нашедшемуся другу! — И, вопреки своей обычной сдержанности, он протянул Бингхэму обе руки. Заметив руку гостя в перевязке, хозяин встревожился: — Что с вами?!

Бингхэм рассказал о своих необыкновенных приключениях, и снова Таня играла в его рассказе большую роль.

— Я очень рад, — выслушав друга, сказал Драйден, — что все кончилось благополучно. Эта история могла иметь скверный финал.

И затем, иронически взглянув на Бингхэма, Драйден прибавил:

— Что же касается феи-целительницы из гиперборейских стран, то тут я умолкаю. Она, конечно, седьмое чудо в свете!

— Почему вы так скептически относитесь к моим словам? — обиделся Бингхэм. — Я говорю чистую правду, и вы, сэр Вильям, можете сами в этом убедиться, если согласитесь сегодня вечером приехать ко мне на обед. У меня будут мои русские знакомые. Приедете?

— Охотно! Я никогда не видел живых большевиков. Интересно на них поглядеть.

— Как? — спросил Бингхэм. — Разве в Лондоне вы не встречались с людьми из советского посольства?

— Нет, не приходилось. Вы ведь знаете, что мой банк работает главным образом в Африке и Южной Америке, где Советы имеют мало интересов.

Драйден на мгновение умолк и затем, слегка усмехнувшись, продолжал:

— Я нахожу, что некоторые лица в Англии излишне волнуются из-за большевиков. Мы, англичане, — нация устойчивая, старая, мы пережили и якобинцев, и Наполеона. У нас в истории всякое бывало. И в Европе тоже мы всякое видали… Нам нечему удивляться, не от чего впадать в панику. Стоит ли терять голову из-за того, что

где-то там есть большевики? Наши твердолобые своим шумом создают только рекламу большевикам. Надо проявить выдержку. Все в конце концов образуется к нашей выгоде.

— Я не вполне с вами согласен, — возразил Бингхэм. — Большевизм опаснее, чем вы думаете, сэр Вильям. Его влияние чувствуется даже здесь, в Африке. Впрочем, сейчас речь не о том… Так вы приедете сегодня вечером?

— Непременно, — еще раз подтвердил Драйден. — Что ни говорите, а большевизм — любопытное историческое явление, и в коллекции моих жизненных встреч я хочу иметь и большевиков. Без этих редких экспонатов коллекция была бы неполна.

Советские путешественники приехали к Бингхэму ровно в восемь часов вечера. Все приглашенные были уже на месте. Старушка сестра, как хозяйка дома, встречая гостей, очень волновалась: она тоже до сих пор никогда не видела «живых большевиков» и испытывала явное смятение. Однако простота и естественность русских быстро вернули старушке привычное равновесие.

Бингхэм радушно приветствовал советских гостей, как старых знакомых. Доктор Бичем не

сумел скрыть повышенного интереса к «очаровательной коллеге» и решил, что для врача она, пожалуй, слишком молода и слишком красива — это вовсе ни к чему. Что касается Ричи, то он пребывал в состоянии радостного возбуждения. Да, он был известен в своем кругу как «левый», однако в Англии ему не доводилось встречаться с русскими коммунистами, и мысль о том, что сегодня он проведет с ними целый вечер, глубоко волновала его.

Когда Степан с Таней и Александр Ильич вошли, сэр Вильям скромно стоял в сторонке, не без интереса наблюдая сцену знакомства своих друзей с русскими. Он чувствовал себя в положении экзаменатора, а советских гостей рассматривал как экзаменующихся. Поздоровавшись со всеми, русские подошли, наконец, к банкиру, и сэр Вильям мысленно должен был сознаться, что ему не к чему придраться.

Стол, за который все уселись, был сервирован строго по-английски. Только здесь, кажется, было еще больше вилок и вилочек, чем в Багдаде и Каире, еще тщательнее продумано место каждого гостя за столом.

Таня как почетная гостья — ибо обед был устроен в честь советских гостей — сидела справа от

Бингхэма, а слева от него — Александр Ильич. Петров был усажен справа, а Драйден слева от хозяйки. Доктор Бичем и Ричи заняли «нейтральные» места посредине.

За обедом, как это принято у англичан, говорили мало. Но, когда лакей подал кофе, завязались беседы. Доктор Бичем вступил в оживленную дискуссию с Таней и со смешанным чувством удовольствия и ревности установил, что в области медицины она человек, отлично осведомленный. Разговор увлек обоих; однако, едва допили кофе, как сестра Бингхэма, следуя английскому обычаю, увела Таню в гостиную, оставив мужчин в столовой. Таня с тоской подумала, что ей придется битый час проскучать в обществе старухи, в то время как в столовой будут, вероятно, идти интересные разговоры.

А в столовой действительно развернулась любопытная беседа. Ричи буквально набросился на Степана с расспросами о военном положении Советского Союза. В меру возможности Степан старался удовлетворить его интерес и в заключение сказал:

— Прошло около трех недель с начала нашего контрнаступления под Сталинградом. Теперь уже совершенно ясно, что Сталинград станет пово-

ротным пунктом всей второй мировой войны…

— Но хватит ли у вас сил выбросить немцев за границы своей страны? — спросил Драйден. — Ведь они захватили такую огромную территорию!

— Выбросим! И в Берлин придем! — уверенно ответил Петров.

— На чем вы основываете свои надежды? — снова спросил Драйден голосом, в котором звучали нотки скептицизма.

— Моя уверенность, — отвечал Петров, — основывается на всей истории русского народа и Советского государства. Не впервые нам выбивать из своей страны захватчиков, не впервые отстаивать свою независимость! И мы отстоим ее и сейчас! Вы это увидите.

— Я тоже уверен, что Россия победит, — заметил Ричи. — Но вот что будет с Англией?

— С Англией? — не понял Драйден. — А чего вы, собственно, ждете? Вот уже три года идет война, и мы существуем… Это же огромное достижение!

— Но ведь у нас, в сущности, не было до сих пор ни одной настоящей победы! — возразил Ричи.

— Как — не было? — пожал плечами Драйден. — А победа над итальянцами в Северной Африке?

— Над итальянцами… — протянул Ричи.

— А чем это не победа? — продолжал Драйден. — Впрочем, дело не в этом. Испокон веков англичане во всех войнах проигрывали все битвы, кроме последней. Я уверен, что последнюю битву мы выиграем и в нынешней войне!

Ричи с сомнением покачал головой:

— Если судить по тому, что делается в Южной Африке, можно в этом усомниться…

— Что ты имеешь в виду? — спросил Бингхэм, бросив на племянника беспокойный взгляд.

— Многое… Прежде всего — расовый вопрос.

— Ах, это! — недовольно поморщился Бингхэм.

— Да, это! — твердо повторил Ричи, адресуясь главным образом к советским гостям. — Судите сами: в Южно-Африканском Союзе десять миллионов жителей. Из них только около двух миллионов белых, преимущественно потомков голландских поселенцев — буров и англичан. Весьма скромное меньшинство! А коренного населения страны — черных африканцев — свыше семи миллионов! В основном это племена зулу, бечуана, коса, базуто и другие, принадлежащие к народности банту. Прибавьте к ним свыше миллиона мулатов, индонезийцев, индийцев, и вы получите восемь миллионов бесправных, презираемых законом черных и цветных, угнетаемых

белыми «господами». При таком численном соотношении твердолобая политика, отнявшая все права у коренного населения, весьма опасна. А здешнее правительство будто нарочно стремится до крайности обострить вражду между белыми и небелыми.

— В чем же это выражается? — поинтересовался Петров.

— О, в тысяче и одной вещи! — горячо воскликнул Ричи. — Прежде всего африканцы лишены избирательного права в парламент. Целые племена выброшены с земель, которыми владели в течение веков, и загнаны в так называемые резервации, где им нечем прокормиться. Земли там мало, земля плохая, воды нет, климат ужасный… Ведь какое сейчас распределение земли: десять процентов у черных и девяносто процентов у белых, то есть у бурских и английских помещиков. Надо ли удивляться, что черные бегут из резерваций и за лепешку батрачат у помещиков! Их не допускают ни к какой другой работе, кроме физической. Неграмотность — почти поголовная. Детская смертность — ужасающая. Взрослые болеют и умирают без медицинской помощи. В городах цветные лишены самых элементарных прав: они изолированы в особых нищенских

«гетто», им запрещено появляться на улице после девяти часов вечера, запрещено гулять по набережной Кейптауна или ходить в кино, находящееся в «европейской» части города. По закону 1922 года ни одному негру не разрешается доступ в города, кроме тех случаев, когда они хотят служить белым. По окончании срока работы они должны покидать город. Прибавьте сюда погромы, которые частенько устраиваются для устрашения цветных. Вот вам картина местных нравов! Да о чем говорить! Двадцать процентов «белых дикарей», чужеземцев, держат восемьдесят процентов населения страны в полурабстве, бесправии, на грани голодной смерти, за гнусной решеткой расистских законов...

— Но, Ричи, — опять вмешался Бингхэм, — ты же хорошо знаешь, что я не сочувствую ряду мероприятий здешнего правительства. Однако Южно-Африканский Союз как доминион Англии самостоятелен в своей внутренней политике. Правительство его величества не может вмешаться в эти дела, хотя и сожалеет о некоторых действиях здешней администрации, считая их неблагоразумными.

— «Неблагоразумными»! — с раздражением воскликнул Ричи. — Они безобразны и возму-

тительны! Они стоят в прямом противоречии с принципами христианской цивилизации! Здешние расисты готовят себе страшное будущее... Как можно ждать, что страна, раздираемая такой внутренней враждой, внесет полноценный вклад в победу над гитлеризмом? Да ведь многие буры сочувствуют гитлеризму! Возьмите хотя бы таких людей, как Малан или Пирроу[14].

— Я тоже нахожу, что местное правительство совершает ошибки, — снисходительно проговорил Драйден. — Однако, оставаясь на строго конституционной почве, правительство его величества лишено возможности изменить господствующие в Южной Африке порядки.

— Так где же выход? — спросил Ричи.

— Выход в постепенном воспитании общественного мнения, — ответил Драйден. — Рано или поздно его влияние — и в Англии и в Южной Африке — приведет к устранению нездоровых крайностей.

Упоминание о «строго конституционной почве» и о «воспитании общественного мнения» произвело заметное впечатление на Ричи. Он как-то сразу смяк и потерял большую часть своего

---

[14] Примечания: 14
Малан и Пирроу — лидеры бурских националистов.

задора. Однако ему не хотелось ронять в глазах советских гостей престиж «левого», и потому он нехотя сказал:

— Конечно… Расовый вопрос — сложный вопрос, но я все-таки не могу согласиться ни с тобой, дядя, ни с вами, сэр Вильям.

Слушая этот спор между двумя поколениями англичан, Петров подумал: «Да, по всему видно, что неграм остается надеяться только на самих себя».

Когда гости, наконец, встали и начали прощаться, Бингхэм спросил:

— Когда вы отплываете?

Потапов ответил с расстановкой, но довольно правильно:

— Мы отплывает через три дня на «Диане» в Ливерпуль.

— Как! На «Диане»? — оживился Драйден. — Я ведь тоже отплываю на «Диане». Значит, будем попутчиками!

— Что ж, будет веселее, — любезно заметил Петров, а про себя подумал: «Вероятно, поссоримся в пути…»

— Да-да, будет веселее! — в тон ему откликнулся Драйден, а про себя подумал: «В общем, эти большевики не такие уж дикари».

На другой день утром Ричи приехал в отель, где остановились его новые знакомые, и с дружеской улыбкой предложил:

— Если вам угодно, я готов быть вашим гидом по Кейптауну.

Разумеется, советским гостям это было «угодно», и все четверо сразу же сели в автомобиль.

— Я буду вам показывать город по своей системе, — заявил Ричи. — Начнем со Столовой горы.

Автомобиль быстро доставил всю четверку на станцию фуникулера. Здесь они сели в маленький вагон и понеслись вверх. Два мощных стальных троса были натянуты между городом и макушкой горы, возвышавшейся на тысячу метров над уровнем моря. Вагон плавно скользил вверх по одному из тросов. На полпути к вершине он разминулся с другим таким же вагоном, который по соседнему тросу опускался вниз с вершины в город. Чем выше поднимался вагон, тем шире становился горизонт и вольнее дышала грудь. Быстро уходили вниз уступы скал, пропасти, лесные заросли. Белые дома города словно сжимались, улицы превращались в тонкие ниточки, колокольни церквей и башен становились похожими на легкие игрушки. Делалось холоднее, в ушах слегка покалывало. Наконец вагон

остановился, и пассажиры вышли. Перед ними открылись необъятные, широкие дали.

Внизу, у подножия Столовой горы, — а она действительно была плоской, как стол, — широко раскинулся Кейптаун с многочисленными пригородами. Справа его сторожил грозный Пик дьявола, слева — мощная Львиная голова. С высоты город походил на огромное скопление разноцветных ракушек, вытянувшееся вдоль морского берега. Под яркими лучами солнца алмазами горели стекла домов и магазинов. Вдоль берега тянулись желтые пляжи, гряды утесов, дамбы и волнорезы… А еще дальше, за твердыми линиями побережья, в беспредельную даль бежала могучая и необозримая синь океана, сливаясь на горизонте с такой же могучей и необъятной синью неба. Молча стояли путешественники перед этой грандиозной, величественной картиной, как бы растворяясь в ослепительном великолепии природы…

— Перенеситесь мысленно на четыреста пятьдесят лет назад, — заговорил наконец Ричи. — Тогда были те же берега, та же Столовая гора, на вершине которой мы сейчас стоим, тот же могучий и жестокий океан, но не было ни города Кейптауна, ни его трехсот пятидесяти тысяч

жителей — тех, кто своей бестолковой возней только нарушает извечный круговорот природы.

— Вы что же, по натуре нелюдим-отшельник? — улыбнулся Петров.

— Немножко, — скромно отозвался Ричи. — Я всегда люблю природу и не всегда люблю человека… Да, так вот, в один из бурных дней 1486 года к этим берегам пристали два маленьких португальских суденышка под командой смелого моряка Бартоломео Диаса. Несомненно, он был очень смел! Подумайте: пройти семь тысяч миль по неизвестным морским путям на утлых каравеллах, с сотней человек команды из отчаянных головорезов… Для этого надо было обладать сверхчеловеческой смелостью!

Ричи на мгновение задумался, как бы вглядываясь в образы далекого прошлого, а затем продолжал:

— Так или иначе, но Бартоломео Диас открыл этот знаменитый мыс, который он не без основания назвал мысом Бурь. Не смотрите, что сейчас кругом все здесь дышит тишиной и спокойствием. Сегодня хороший день. Но здесь бывает много страшных, грозных дней, когда кажется, что океан в бешенстве обрушивается на эту землю, хочет уничтожить ее.

— Но почему же, в таком случае, этот мыс теперь называется мысом Доброй Надежды? — спросила Таня.

— А потому, — ответил Ричи, — что тогдашний король Португалии Иоанн Второй уже давно мечтал о морском пути из Европы в Индию вокруг Африки. Открытие Диаса окрылило португальцев надеждой на возможность исполнения этой мечты, и они переименовали мыс Бурь в мыс Доброй Надежды. Новое название оправдало себя: действительно, в 1497 году другой отважный португальский мореплаватель, Васко да Гама, отправившийся на поиски морской дороги в сказочные страны Азии, обогнул этот мыс — южную оконечность Африки — и после целого ряда приключений в конце концов добрался до Индии.

Ричи увлекся рассказом о судьбе мыса. Он с жаром рисовал яркую историческую картину. Морской путь в Индию, открытый Васко да Гамой, стал в XVI-XVII веках большой дорогой тогдашних мореплавателей. Много португальских, испанских, голландских, английских судов, огибавших Африку, приставали на мысе Доброй Надежды, чтобы запастись пресной водой, получить у туземцев в обмен на европейские товары меха, скот, плоды. Только через сто пятьдесят пять лет,

в 1652 году, хирург голландского флота ван Рибек основал здесь первое европейское поселение — Кейптаун. Несколько десятков голландцев, обосновавшись на берегу, начали разводить огороды, чтобы снабжать проходившие корабли свежей зеленью — ведь цинга была тогда страшным бичом дальнего мореходства. После Варфоломеевской ночи 1688 года на мыс Доброй Надежды бежало от преследований много гугенотов из Франции. В XVIII веке усилился приток переселенцев из Голландии. Так постепенно возрастало количество европейских колонистов на диком юге Африканского континента. Город на мысе Доброй Надежды стал оживленной «заправочной станцией» для проходящих кораблей. Моряки всех наций шутливо окрестили его «Таверной у моря».

В годы наполеоновских войн Англия отняла у Голландии этот важный перекресток морских дорог и близлежащую прибрежную область — Кэпленд. Сюда потянулся поток иммигрантов с Британских островов. Англичане стали притеснять и вытеснять голландских колонистов.

В 1836 году десять тысяч голландцев покинули мыс Доброй Надежды и окружающую область и ушли внутрь страны, к северу, в обширные юж-

ноафриканские степи, образуя чисто голландские поселения. Так возникли впоследствии Оранжевая республика и республика Трансвааль.

Голландские колонисты и их потомки получили здесь название «буров». Они сгоняли коренных обитателей страны — негров многочисленных племен народности банту — с их исконных земель. Жестокие и грубые помещики-буры насильно заставляли работать в своих огромных поместьях тысячи и тысячи «освобожденных» таким путем негров, превратив их в полурабов. Эта экспансия белых сопровождалась потоками крови, уничтожением целых племен. Но африканцы мужественно отстаивали свою независимость и свободу. Они выдвинули из своей среды крупных вождей и военачальников — Чака, Дингеана, Мошеша, Мозеликатсе и других, — которые с большим искусством руководили героическими войнами своих племен против иностранных поработителей. В период 1779-1877 годов между африканцами и белыми разыгралось девять кровопролитных войн. Однако, несмотря на героизм негров, они вынуждены были постепенно отступать перед силой огнестрельного оружия, перед техническим превосходством «белых дикарей». Последнее большое восстание произошло в 1906

году, когда сопротивление африканских племен было сломлено и они были загнаны колонизаторами в пресловутые резервации. Здесь-то и подстерегали их колючая проволока, голод, вымирание.

В этом кровавом преступлении захватчики — буры и англичане — шли рука об руку.

Но, когда борьба между белыми и черными была закончена и черные превратились в полурабов, обострилась рознь в лагере белых. В 1899 году она привела к трехлетней англо-бурской войне, которая окончилась поражением буров. После этого Кэпленд и другие возникшие в XIX столетии провинции и государства — Трансвааль, Наталь, Оранжевая республика, — завоеванные англичанами, были объединены в Южно-Африканский Союз и превращены в доминион британской короны.

После прорытия Суэцкого канала порт Кейптаун потерял свое значение важнейшей морской стоянки на пути из Европы в Восточную Азию. Казалось бы, южноафриканские колонии должны были захиреть… Но этого не случилось. На почти даровом труде черных батраков выросли огромные скотоводческие хозяйства белых помещиков. А с середины XIX века здесь стали бурно разви-

ваться золотые, платиновые, алмазные прииски. По добыче алмазов и драгоценных металлов Южная Африка вышла на первые места в мире. В глубине рудников трудятся сотни тысяч обезземеленных негров. По официальной статистике, рабочему-африканцу платят во много раз меньше, чем белому. Рабочие-африканцы содержатся на рудниках в специальных лагерях, за колючей проволокой, на полутюремном режиме…

— Такова краткая история этой страны, — закончил Ричи свой рассказ. — Внизу, у наших ног, лежит резиденция парламента Южно-Африканского Союза — Кейптаун. Из крошечного голландского поселения, основанного хирургом Рибеком, в течение веков вырос большой капиталистический город.

— Со всеми внутренними противоречиями, свойственными капиталистическому городу? — полувопросительно бросил Петров.

— Вот именно! — подтвердил Ричи. — Даже бóльшими. Над обычными уродливыми противоречиями здесь господствует еще омерзительный дух расовой ненависти и расового неравенства. В этом вы скоро сами убедитесь… А теперь позвольте показать вам самый Кейптаун, который мы обозревали пока только с высоты птичьего

полета.

Когда в вагоне фуникулера вся компания спустилась вниз, Ричи усадил гостей в ожидавший их автомобиль и медленно повел машину по городу. Он выехал на нарядную, оживленную улицу с многоэтажными домами, зеркальными витринами, пышными зданиями банков и страховых обществ. По мостовой проносились сотни машин, по тротуарам плыла пестрая толпа пешеходов.

— Аддерлей-стрит — главная улица Кейптауна, — сообщил Ричи.

Через несколько минут машина остановилась на широкой площади, окруженной громадами высоких домов. Заметно выделялись два здания — каменный массив городского муниципалитета и четырнадцатиэтажный небоскреб почтово-телеграфного ведомства. Площадь была щедро обставлена изящными фонарями.

— На этом месте когда-то были разбиты первые огороды Рибека, — сказал Ричи. — От грядок картошки до этого стеклянно-гранитного небоскреба — таков путь, пройденный Кейптауном за три века! Кстати, о небоскребе... Зайдемте-ка внутрь!

Внутри громадного здания Ричи подвел гостей к одной из стен и указал на вделанный в нее большой грубый камень. На поверхности камня

сохранилась надпись:

«Посмотрите под камень, есть письма».

И тут же даты: «1622» и «1629».

— Что это такое? — спросила Таня.

— Это почтовый ящик семнадцатого столетия, — улыбнувшись, ответил Ричи. — В те дни регулярной почты не было. Капитаны судов, шедших из Европы в Индию, клали свои письма, адресованные домой, под обломки скал на берегу океана, а капитаны судов, шедших обратным путем, из Индии в Европу, вынимали эти письма и доставляли их в Европу. И вот в память о далеком прошлом один из таких «почтовых ящиков» семнадцатого века вделан в эту стену.

Ричи почти с нежностью погладил шероховатую поверхность камня. Затем он с гордостью произнес:

— А сейчас через этот четырнадцатиэтажный «почтовый ящик», в котором мы находимся, проходят два с половиной миллиона писем и тридцать тысяч посылок в неделю!

Когда вернулись к автомобилю, Ричи сказал:

— Вы видели лицевую сторону медали. Теперь я покажу вам оборотную…

Через несколько минут машина остановилась

возле потемневшего старинного здания, похожего на крытый рынок.

Ричи пояснил:

— Здесь когда-то был невольничий базар… Ведь в семнадцатом, восемнадцатом и даже девятнадцатом веках в Южную Африку привозили немало рабов из Индии, Малайи и других азиатских стран. А кроме того, сюда тысячами гнали местных негров. Под этими потемневшими сводами продавали и покупали людей. Мрачное напоминание о мрачном прошлом!

Ричи резко махнул рукой, точно хотел отбросить призраки минувшего, и голосом, в котором слышалось смущение, прибавил:

— Впрочем, настоящее едва ли лучше… В этом вы сейчас убедитесь.

Двадцать минут спустя автомобиль оказался точно на другой планете. Куда девались блеск и роскошь нарядной Аддерлей-стрит? Куда исчезли широкие улицы, большие красивые дома, потоки машин, толпы хорошо одетых пешеходов? Кругом вились узкие, тесные, вонючие улочки. Ни мостовых, ни тротуаров, ни фонарей, ни даже домов!.. Хижин и тех не было. Просто из старых деревянных ящиков, из обломков жести и глины люди слепили какие-то конуры, землянки, в которые

можно было вползать только на четвереньках. Эти конуры составляли целый огромный город — с запутанными ходами, переулками, тупиками. Кругом бегали полуголые, босые ребятишки. Лениво лаяли облезлые собаки. Иногда слышался крик осла, иногда раздавалось кудахтанье курицы… Иссохшие старухи разговаривали, сидя у своих конурок. И всюду — только негры! Ни одного белого! Даже «цветные» встречались редко.

Это были кварталы для африканцев, коренных жителей страны.

Автомобиль с белыми был здесь большой редкостью. Около него сразу же собралась толпа. В глазах негров любопытство смешивалось с недоверием и страхом. Пристальные, вопрошающие взгляды смущали советских гостей. Им стало как-то не по себе. Они вышли из машины. Таня нагнулась к курчавому мальчику лет семи и вдруг с ужасом воскликнула:

— Трахома!

Рядом стояла худенькая девочка. Ее глаза ярко блестели, впалая грудь то и дело сотрясалась сухим кашлем.

— А у этой туберкулез... — как бы про себя заметила Таня.

Степан окинул взглядом толпу и спросил, говорит ли кто-нибудь из местных жителей по-английски. Среднего роста негр с умным изможденным лицом поклонился и на ломаном английском языке тревожно спросил:

— Что нужно господину?

— Можно нам зайти в какую-нибудь хижину?

— Заходите... — нерешительно ответил африканец. Ему, видно, неясно было, хорошего или плохого следует ждать от этих гостей.

Все двинулись за негром. Жилище его находилось в двух шагах. Оно было чуть получше

других: маленькая, подслеповатая землянка, в углу которой чернел крошечный очаг. Пожилая женщина возилась около огня. С испугом взглянув на белых, она быстро отвернулась.

— Где ты работаешь? — спросил Ричи хозяина дома.

— Моя работай хорошо, — ответил негр. — Моя работай прачка… Моя получай два шиллинга в день…

— Это значит, — пояснил Ричи, — что он получает в шесть раз меньше, чем получал бы белый на его месте… Впрочем, белые в прачечные не идут.

— Сколько вас здесь живет? — поинтересовалась Таня.

Африканец весело заулыбался и затем, считая по пальцам, сказал:

— Моя живет… Мой хозяйка живет… Четыре детки живет… Моя хорошо живет!..

— Не удивляйтесь! — вставил Ричи. — Здесь в таких лачугах нередко ютятся по десять — двенадцать человек.

Таня зябко передернула плечами и вышла на улицу, на свет.

Глава тринадцатая
Драма семьи Таволато

Капитан парохода «Диана» не понравился Петрову о первого взгляда. В Ленинградском порту и в заграничных плаваниях Степану не раз приходилось сталкиваться с английскими моряками, и у него составилось о них вполне определенное представление. Английский капитан — это, как правило, крепкий, худощавый человек с обветренным лицом, прямым, твердым взглядом серых или голубых глаз, с ровным, несколько хриплым голосом и внушительной неторопливостью движений. Английский капитан не любит много разговаривать. Но если приходится что-либо говорить, то говорит ясно, веско, точно отдает команду. Английский капитан — это обычно моряк в третьем или четвертом поколении. Он свято хранит морские традиции и… морские суеверия. Политики он не любит и от всяких попыток втянуть его в политику отмахивается, но по своим взглядам и настроениям близок к консерваторам. Он строго соблюдает кодекс морской чести: глядя на него, не сомневаешься, что в случае несчастья он последним покинет тонущий корабль.

Капитан «Дианы» Вальтер Смит совсем не походил на типичного английского капитана. Это был средних лет человек, с бегающими карими глазами и с чрезвычайно подвижным матово-бледным лицом. В его суетливой фигуре, в голосе и жестах не было того глубоко вкоренившегося чувства собственного достоинства, которое так характерно для настоящего английского «морского волка». Он как-то слишком охотно сгибался перед важными особами и слишком надменно покрикивал на команду.

Впоследствии Петров узнал, что Вальтер Смит и не являлся потомственным моряком. Его отец был маклером ливерпульской биржи, и Вальтер стал моряком случайно. Но, став им, он обнаружил большую изворотливость, быстро достиг высоких чинов и превратился в капитана-дельца, в моряка-спекулянта. Это и наложило печать на внешность и манеры Вальтера Смита.

«Диана» отплывала ровно в полдень. За полчаса до отхода на борт прибыл сэр Вильям Драйден. Он встретился с советскими путешественниками, как со знакомыми, но поспешил сразу же отойти от «большевиков», чтобы у посторонних не создалось впечатление о его близости к ним. Проводить отъезжающих прибыл и Бингхэм. Ему

было очень приятно в последний раз увидеть Таню, но, опасаясь каких-либо «нежелательных толков», он больше держался около Драйдена.

На пристани был и Ричи. Он не отходил от своих советских друзей. Чувствовалось, что ему дорога была каждая минута общения с ними.

Когда погрузка судна заканчивалась, в толпе провожающих вдруг произошло движение. По трапу поднялся высокий, костлявый человек с уверенными движениями и надменным выражением лица. Все взоры были устремлены на него.

Капитан Смит с подобострастием бросился навстречу посетителю, и через мгновение оба исчезли в капитанской каюте. Спустя несколько минут высокопоставленный гость вышел из каюты и в сопровождении мелко семенящего сбоку капитана торжественно спустился на берег.

Бингхэм и Драйден многозначительно переглянулись, а Ричи проворчал, обращаясь к советским друзьям:

— Это Саймон… Один из алмазных воротил. Можете быть уверены, тут пахнет какой-то спекуляцией.

К причалу, громко трубя в рожок, подкатил военный мотоциклист и, козырнув, передал капитану запечатанный конверт. Смит быстро

распечатал пакет, и лицо его сразу изменилось: точно туча набежала… К капитану подошел стоявший поблизости начальник порта. Он торопливо и озабоченно что-то сообщил. Вернувшись на судно, капитан отдал команду о немедленном отплытии.

«Диана» отвалила от стенки. Раздались прощальные приветствия, замелькали шляпы, платки. Бингхэм не выдержал и крикнул, глядя на Таню:

— Счастливого пути! И спасибо вам за все!

Таня весело махнула ему рукой. Петров и Потапов любезно приподняли шляпы.

«Диана» отошла, как полагалось по расписанию, ровно в двенадцать. Но дальше начались неожиданности. Дойдя до выхода из гавани, она вдруг стала на рейде и бросила якорь. Пассажиры заволновались: в чем дело, почему задержка?

Вскоре поползли слухи: мотоциклист привез капитану сообщение о том, что на пути следования «Дианы» обнаружены две немецкие подводные лодки и до наступления темноты судно не выйдет в море.

В каютах, салоне и на палубах все тревожно шушукались, качали головами и беспокойно переспрашивали друг друга: что-то будет?

Только в полночь, в кромешной тьме, судно, наконец, двинулось в путь и, бесшумно скользнув вокруг волнорезов, вышло в открытый океан.

«Диана» была товарно-пассажирским пароходом водоизмещением в 7000 тонн. Построенная в 20-х годах на английской верфи, она отличалась прочностью и устойчивостью, которые вообще свойственны британским судам. Но для 40-х годов это был уже несколько устаревший пароход. Ход его не превышал пятнадцати-шестнадцати узлов, и так как от Кейптауна до Ливерпуля было около 7000 миль, то все путешествие должно было занять примерно двадцать дней.

Знакомясь с судном, Степан заинтересовался тем, как была подготовлена «Диана» к возможной встрече с подводными лодками. Ничего утешительного он не узнал. На судне находилось около трехсот человек пассажиров и команды. На борту имелось десять шлюпок, каждая на тридцать — сорок человек. Арифметически как будто бы все обстояло благополучно. Но на случай катастрофы подготовлены были только три шлюпки; остальные не имели ни запасов воды и продовольствия, ни парусов, ни даже достаточного количества весел. Эта преступная небрежность еще более усилила неприязнь Степана к командиру судна.

В час дня в кают-компании был сервирован второй завтрак — ленч. Когда пришли советские путешественники, почти все места за столами уже были заняты. Как принято на море, на хозяйском месте главного стола восседал капитан, а справа и слева от него — наиболее почетные пассажиры. За другими столиками разместились остальные.

Советские путешественники остановились на мгновение в нерешительности, оглядывая кают-компанию в поисках свободных мест.

— Прикажете принести специальный столик? — услужливо предложил подскочивший к ним метрдотель.

Но, прежде чем Петров успел ответить, Таня воскликнула:

— Товарищи, вон там есть три свободных места!

И она указала на столик в дальнем углу, возле двери.

Метрдотель, брезгливо поморщившись, шепнул:

— Но ведь там цветные!

За угловым столиком сидели только двое: красивый мужчина с бронзовым лицом и ярко горящими глазами и белокурая женщина. Они

дружески беседовали и, по-видимому, не замечали окружающих.

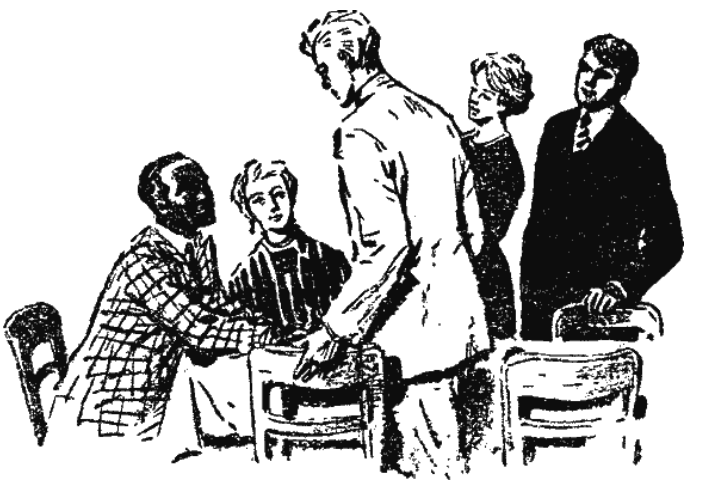
— Вот и прекрасно! — заметил Александр Ильич, направляясь к ним.

Маска услужливости сразу соскочила с лица метрдотеля. С подчеркнутой сухостью он бросил:

— Как вам будет угодно…

Подойдя к столику, Петров спросил у сидевших за ним:

— Эти места свободны? Вы разрешите?..



Щеки женщины внезапно покрылись румянцем, и она нерешительно ответила:

— Да, свободны…

Под любопытно-насмешливыми взглядами других пассажиров Степан, Таня и Александр Ильич заняли места.

— Будем знакомиться, — просто сказал Степан и представил соседям себя, жену и Потапова.

— Инженер Карло Таволато из Кейптауна… Моя жена — Мэри Таволато… — услышал он в ответ.

Завязался легкий разговор, связанный с предстоящим дальним путешествием. Скоро нетрудно было установить, что супруги Таволато — очень милая, приятная пара. К концу обеда они вполне расположили к себе наших путешественников.

После кофе, когда пассажиры уже собирались встать из-за стола, Петров подошел к капитану Смиту и негромко сказал:

— Капитан, как ваш коллега по профессии — я советский моряк — считаю долгом обратить ваше внимание на то, что большая часть шлюпок не подготовлена на случай встречи с подводными лодками, а ведь такая неприятность возможна…

Смит недовольно поморщился.

— Не следует нервничать и преувеличивать опасность, — насмешливо возразил он. — Подвод-

ной лодке не угнаться за «Дианой». Да и вообще встреча с подводной лодкой возможна лишь сегодня, завтра… Дальше мы выходим из зоны опасности…

— Допустим, — ответил Петров. — Но ведь сегодня и завтра мы находимся в зоне опасности! Время военное… Надо быть начеку!

— Чего вы хотите? — уже с раздражением воскликнул Смит. — Шлюпки подготовлены!

— Только три, — возразил Степан.

— Не три, а гораздо больше! Вы не в курсе дела, сэр.

— Только три, — упрямо повторил Степан. — Я видел все шлюпки.

Капитан вскипел:

— Ничего страшного! На трех шлюпках хватит места для всех белых. К какой шлюпке вы приписаны?

— К третьей.

— Так чего же вы волнуетесь? Сеете панику!

— Я не о себе волнуюсь, — тихо произнес Петров, вдруг ощутив прилив столь хорошо знакомой ему ярости. Он все-таки сдержал себя и спокойно продолжал: — Я полагаю, что черные и цветные имеют такое же право на спасение, как и белые. Кроме того, неужели вы думаете, что в минуту ка-

тастрофы деление на белых и черных останется в силе? Да ведь простой инстинкт самосохранения сразу опрокинет все барьеры!

Пассажиры, оказавшиеся поблизости, стали внимательнее прислушиваться к разговору. Вначале они молчали, но теперь, после слов Степана, послышался тревожный шепот. Люди начали понимать опасность положения.

Капитан не хотел сдаваться.

— Но у нас есть оружие, — воскликнул он, — и мы сумеем заставить черных подчиниться!

Петров улыбнулся:

— Что же, в момент нападения врага вы начнете на судне гражданскую войну?

Ропот среди пассажиров усилился, а Драйден недовольно заметил:

— Господин капитан, почему бы в самом деле не подготовить на случай нападения все шлюпки?

— В этом нет никакой необходимости! — резко заявил Смит. Он был явно взбешен тем, что пассажиры, особенно этот «большевистский моряк», осмеливаются учить его.

— Как вам угодно, господин капитан, — громко заключил Петров. — Я исполнил свой долг: я вовремя предупредил. Если что-либо случится, ответственность ляжет на вас.

И, резко повернувшись, он вышел из кают-компании.

Всю остальную часть дня советские путешественники провели с Карло и Мэри Таволато. Между ними сразу возникла взаимная симпатия. Так бывает, когда встречаются люди, души которых настроены на один камертон.

Все пятеро вместе пили чай и обедали, гуляли по палубе или сидели в салоне парохода. Особенно сблизились Таня и Мэри. К вечеру Таня уже знала всю историю семьи Таволато, над судьбой которой тяготело проклятие «расовой проблемы», этой кровоточащей раны Южной Африки.

Мэри была дочерью владельца машиностроительного завода в Средней Англии. Ее отец, почтенный консерватор Альберт Мортон, в предвоенные годы все чаще брюзжал на внешнюю политику консервативных правительств Англии. Он считал, что премьер-министры Болдуин, а затем Невиль Чемберлен проявляют излишнюю уступчивость перед наглыми притязаниями Гитлера и Муссолини и что это обернется в конце концов против Англии. Мортон примкнул к группе Черчилля и Идена, которые тогда стояли за тройственный союз Англии, Франции и СССР в целях защиты британских интересов от

фашистских агрессоров. Нельзя сказать, чтобы Мортону нравилось иметь дело с «большевиками». Нет, он не любил их и втайне огорчался всяким сообщением об их успехах. Но, понимая, что в сложившейся обстановке без помощи СССР не обойтись, он готов был мириться с этой неизбежностью, как с горьким, но необходимым лекарством. «Мы их сначала используем, а потом выбросим, — говорил он себе. — Разве в английской политике не бывало такого?»

Мортон очень любил свою единственную дочь и стремился дать ей самое современное воспитание. Когда Мэри решила пойти в университет, у родителей возникли разногласия. Мать Мэри — женщина, воспитанная в старых понятиях, — была против «каприза» дочери. Она считала, что девушка может сделать хорошую партию и без университета, что студенческая среда окажет «плохое влияние на взгляды и манеры» Мэри. Но отец, находившийся в разгаре своего увлечения «тройственным союзом», поддержал Мэри, и вскоре она оказалась в стенах Бирмингамского университета.

Здесь девушка столкнулась с новым для нее миром. Выросшая в строгой семье, где мать, полная всяческих предрассудков и традиций,

контролировала каждый ее шаг, Мэри теперь наслаждалась свободой. Дома Мэри выпускали на улицу не иначе, как в обществе какого-нибудь сопровождающего. Здесь она одна разъезжала по городу, посещала товарищей, бывала на митингах, участвовала в студенческих празднествах и вечеринках. Все это было так ново и интересно.

Скоро Мэри подружилась с группой студентов, занимавшихся изучением социальных вопросов. Они часто собирались в одном из студенческих обществ, подолгу и горячо спорили, ибо в группе были представители самых разных политических взглядов и течений. Особое внимание Мэри привлек студент Беккер, выделявшийся большой начитанностью и осведомленностью в общественных вопросах. Беккер выступал не часто, но, в отличие от других, всегда очень ясно и четко. Правда, не все в его высказываниях нравилось девушке.

Когда Мэри слушала Беккера, ее задевало, что он слишком мрачно смотрел на все английское и слишком часто ставил в пример Россию. И все же она не могла не признать, что Беккер был единственным среди ее друзей, кто по всем вопросам имел вполне определившееся мнение. Это и нравилось Мэри и отталкивало ее — ведь англичане

вообще не любят особой четкости в идеологической области, а Мэри была истой англичанкой.

Неизвестно, как пошла бы жизнь Мэри, если бы все в ней сложилось «нормально». Вероятно, окончив университет, она в свой срок вышла бы замуж за какого-либо почтенного дельца, в свой срок стала бы, подобно своей мамаше, «дамой-патронессой», и вся разница между матерью и дочерью свелась бы к тому, что дочь нашла бы для своей благотворительной деятельности более современные словесные этикетки. Да, все, вероятно, случилось бы именно так. Но в игру внезапно вступили непредвиденные обстоятельства…

В Кейптауне жил младший брат Мортона — инженер Сидней Мортон. Еще в молодые годы он пустился на поиски счастья в Южную Африку, нажил там деньги и приобрел контрольный пакет акций в солидном промышленном предприятии. Сидней увенчал свой коммерческий успех весьма выгодной женитьбой на дочери своего компаньона, бура по национальности.

В течение многих лет братья не виделись. Сидней не раз приглашал старшего брата навестить его в Кейптауне. Когда подросла Мэри, Сидней стал просить, чтобы, по крайней мере, племянница приехала к своему дяде и познакомилась с

его семьей. У него тоже есть дети — сын и дочь, — которые жаждут увидеть свою английскую кузину. И вот летом 1939 года Мэри оказалась в Кейптауне, где была с распростертыми объятиями встречена родней.

Мэри думала погостить в Южной Африке месяца два. Однако 1 сентября вспыхнула вторая мировая война, сообщение между Англией и Южной Африкой стало опасным и ненадежным, и девушке пришлось застрять в Кейптауне.

В начале войны, следуя духу времени, Мэри надела форму Красного Креста, но это мало изменило образ ее жизни. Война гремела вдали от Южной Африки, где-то там, за тридевять земель, в Кейптауне она почти не чувствовалась, и светская жизнь «лучшего общества» шла своим чередом. Молодой девушке некогда было вздохнуть от балов, прогулок, спортивных развлечений. На ее горизонте, или, точнее, у ее ног, появился даже серьезный претендент на руку и сердце — фабрикант консервов, носивший почему-то лётную форму.

Так прошло два года.

Когда после нападения гитлеровской Германии на СССР война приняла особенно широкий и ожесточенный характер, антифашистские на-

строения докатились наконец до Южной Африки. Но коснулись они далеко не всех: влиятельные круги буров группировались около Малана — южноафриканской разновидности фашиста — и не скрывали своих симпатий к Германии. Но в среде англичан антифашизм — правда, бледно-розовой окраски — стал модой. В доме Мортона начались политические разногласия: сам Мортон и Мэри были против Гитлера, а его жена и дети занимали уклончивую позицию. Впрочем, противоречия эти легко сглаживались тем, что война принесла фирме большие прибыли. «Золотой дождь» охлаждал политические страсти.

Как-то раз, вернувшись с очередного светского пикника, Мэри вошла в кабинет дяди и застала там гостя — высокого, бронзоволицего человека. Хозяин и гость были так углублены в рассматривание чертежа, что не сразу заметили присутствие девушки.

— Извини, дядя! — воскликнула Мэри. —Я не знала, что ты занят…

И вышла из комнаты.

Вечером за обедом она спросила Мортона:

— Кто был у тебя, когда я так некстати ворвалась в кабинет?

— Это Таволато, наш инженер… Он принес

новое изобретение, и мы немного поспорили.

— Он, значит, изобретатель?

— О да! — воскликнул Мортон. — И весьма талантливый! Этот молодой инженер далеко пошел бы, если бы…

Мортон осекся и недовольно пожал плечами.

— Если бы?.. — переспросила Мэри.

— Видишь ли, Мэри… — начал Мортон. — Лет тридцать пять назад в Кейптауне появился способный итальянский инженер Таволато. Но ему не повезло: влюбился в цветную красавицу и женился на ней, по-настоящему женился! Ну, после этого, конечно, его карьера была кончена… Здешнее белое общество этого не прощает. Итальянец с трудом перебивался… А мой сегодняшний гость — его сын. Он, пожалуй, еще способнее отца, учился в Италии… Чертовски умная голова! Но жаль — цветной!..

До сих пор Мэри просто не думала об этой стороне южноафриканской жизни и расовую дискриминацию негров и «цветных» в Кейптауне воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Теперь ей впервые показалось, что тут есть над чем призадуматься.

Двумя днями позже Мортон пришел домой в великолепном расположении духа. Он удо-

влетворенно потирал руки и бодро мурлыкал какой-то мотив.

— Случилось что-нибудь приятное, дядя? — спросила Мэри.

— О да, очень приятное! — ответил дядя и, перейдя на доверительный тон, прибавил: — Этот Таволато — молодец! Его изобретение сэкономит нам в год по крайней мере сто тысяч фунтов! Благодаря его блестящей технической идее мы побьем наших конкурентов!

— Он много получит за свое изобретение?

— Разумеется! — кивнул головой Мортон. — Я заплачу ему триста фунтов, и он будет счастлив.

— Триста?..

— Не меньше!

— Но, дядя! — удивленно воскликнула Мэри. — Ты же говоришь, что изобретение сэкономит сто тысяч фунтов. Сто тысяч! Почему же изобретателю ты хочешь заплатить только триста? Разве это справедливо?

Мортон рассмеялся:

— Твоей головке недоступны такие вещи... Меня считают либеральным предпринимателем, я не прижимаю своих служащих и рабочих так, как мои коллеги и конкуренты. Но чего же ты хочешь? Промышленность на том и стоит,

что предприниматель стремится извлечь наибольшую выгоду от каждого изобретения своего служащего. Конечно, кое-что получает и изобретатель — ровно столько, чтобы у него не пропала охота к дальнейшим поискам. Я плачу триста фунтов Таволато, — и он будет доволен, учитывая свое положение!.. Значит, все в порядке, и не о чем беспокоиться.

Мэри смутно чувствовала, что где-то в объяснениях Мортона есть фальшь. Как-то невзначай, словно сквозь дымку, в памяти Мэри возник образ Беккера с его прямыми и резкими обвинениями общественных порядков в Англии и ее владениях.

— Все-таки, — нерешительно сказала она, — триста фунтов — это слишком мало.

— Мало? — удивился Мортон. — Ну хорошо, ради тебя я готов увеличить сумму до пятисот фунтов, хотя это чистое баловство... Ведь Таволато цветной!

Впоследствии Мэри считала, что именно этот разговор положил начало крутому повороту всей ее жизни. Этот разговор как-то сосредоточил ее мысли на судьбе молодого инженера. И, когда через несколько дней она случайно встретила Карло Таволато около своего дома, он показался

ей и значительнее, и красивее любого из ее кружка кейптаунской «золотой молодежи».

Она много думала о Таволато, и чем больше думала, тем больше он ей нравился. Здесь было сложное переплетение чувств: и чувство женщины к красивому и сильному мужчине, и чувство, похожее на то, какое испытывает мать к несправедливо обиженному ребенку.

Они встречались еще несколько раз, случайно, невзначай, то на улице, то у входа в дом. Мэри, едва кивнув головой, почти неслышно произносила: «Добрый день», а Таволато, низко склонив голову, сдержанно отвечал: «Добрый день, мисс Мортон...»

Незначительность этих редких встреч стала злить Мэри. Ей хотелось, наконец, заговорить с ним, узнать, какие мысли таятся за его высоким смуглым лбом, какие чувства живут в его широкой груди.

Однажды на горной прогулке в окрестностях Кейптауна, карабкаясь по скалам, Мэри далеко опередила свою компанию. Неожиданно на крутом повороте тропинки она лицом к лицу столкнулась с Таволато. Молодой инженер, одетый в спортивный костюм, шел глубоко задумавшись. Оба смутились, и, чтобы скрыть

смущение, завязали разговор, обыкновенный разговор альпинистов — о трудных скалах в этой местности, о способах подъема, о последних спортивных новостях. Но для обоих он был полон скрытого значения, точно каждое слово имело второй, сокровенный смысл.

Когда послышались голоса отставших друзей Мэри, Таволато быстро сказал:

— Им лучше не видеть меня здесь…

Он рванулся было за скалу, но на мгновение остановился, пожал руку Мэри и взволнованно прибавил:

— Этих минут я никогда не забуду…

С того дня Мэри в думах своих уже не расставалась с Карло, мысленно вела с ним длинные разговоры, по каждому поводу ей приходило в голову: а как бы он посмотрел на это? А как бы он поступил в таком случае?

Таволато, приходивший часто в дом Мортона для доклада, всегда держался подчеркнуто сдержанно, как человек, воспитанный в условиях южноафриканского расизма. Мог ли он решиться первым сделать шаг к сближению с белой девушкой?

Инстинктом Мэри догадывалась, что этот умный и, видимо, смелый человек не может, не

смеет переступить через черту, отделяющую белых от черных и «цветных», что эта черта грозит превратиться в глухую стену между ними. Все яснее становилось, что первое слово должна сказать она сама. Но против этого в девушке восставало все: женское самолюбие и традиции прошлого, навыки воспитания и расовые предрассудки… Все чувства Мэри пришли в смятение, вступили между собой в борьбу, превратили ее дни и ночи в клубок неутихающих, злых противоречий.

В эти дни Мэри прочитала в одной из лондонских газет занимательное сообщение о том, как в России простая цыганка стала доктором биологических наук, профессором. Вместе с мужем, русским по национальности, тоже биологом, она руководит крупной научной лабораторией.

«Как же так! —думала она. — Простая цыганка?.. Да ведь к ним в Англии относятся с таким презрением!..»

Эта история сильно взволновала девушку. «Да-да, в университетском кружке, — вспомнила она, — Беккер рассказывал, что в России нет расовой дискриминации, что все нации там равноправны и молодые люди различных народов и рас могут свободно любить друг друга, свободно создавать

семьи. Разве в этом есть что-либо плохое?»

Неделю спустя Мэри решилась. Когда Карло опять пришел к своему патрону, Мэри сунула ему в руку клочок бумаги. Торопливым почерком на нем было написано:

> «В ближайшее воскресенье в полдень будьте в горах, на том месте, где мы уже встречались».

Выбежав из комнаты, она прижала руки к щекам: шаг, решающий всю дальнейшую жизнь, сделан. На глазах ее показались слезы…

Час, проведенный Мэри и Карло на скале, прошел очень сумбурно. Никто не обмолвился ни словом о самом сокровенном, о будущем… Зато они много говорили о своем прошлом, о своем воспитании, о несправедливостях жизни, о бездушии окружающей среды. Говорили быстро, отрывочно, беспорядочно, то и дело перебивая друг друга.

— Мы должны теперь часто видеться! — твердо сказала Мэри, прощаясь.

— И мы будем часто видеться! — воскликнул Таволато. В его голосе прозвучали нотки упрямой, ожесточенной решимости.

Однако в условиях кейптаунской жизни осуществить это было очень трудно. Бесчисленные препятствия возникали на пути влюбленных. В течение четырех следующих месяцев они обменивались лишь короткими записками и смогли встретиться только раза три. Для этого пришлось прибегнуть к разного рода ухищрениям и уловкам, чтобы не вызвать подозрений окружающих. Все это оскорбляло и унижало ясное, молодое чувство. От трудностей, от постоянной тоски друг о друге их любовь разгоралась все жарче.

Как-то весной 1942 года Мэри и Карло встретились в пригородном лесу. Таволато был необычно для него взволнован. Мэри ужаснулась перемене в его лице: оно осунулось, горькая складка легла около сжатого рта.

— Это наше последнее свидание, — тихо, с отчаянием сказал он. — Завтра меня не будет здесь…

— Что случилось?!

— Я больше не могу! — торопливо стал говорить Карло. — Я сойду с ума… Мы не должны продолжать нашу дружбу, она слишком опасна для тебя. Мы не можем соединить наши жизни, мы не можем любить друг друга. Нас затравят, тебя изгонят из общества! Из-за меня… Я решил бежать в Мозамбик. Там я найду работу и… постараюсь

забыть тебя… Так будет лучше… Это мой долг!

— Карло, опомнись! — почти закричала Мэри. — Почему мы не можем стать мужем и женой? Я не хочу капитулировать перед расистскими тупицами и негодяями. Мы не должны убить нашу любовь в угоду диким предрассудкам! Я готова стать рядом с тобой, Карло, как твоя жена! Я не боюсь их!

— Ты хочешь быть моей женой? — почти с ужасом спросил Таволато. — Ты не боишься? Понимаешь ли ты, что это значит? Знаешь ли, какая буря злобы, ненависти, оскорблений поднимется против тебя?

Он с восхищением и одновременно с недоверием смотрел на Мэри.

— Я все понимаю, все знаю, — сказала Мэри твердо и спокойно.

По натуре более трезвая и хладнокровная, чем Карло, она стала излагать план, который уже давно обдумывала. С небольшими изменениями он был одобрен Карло, и вскоре началось его осуществление.

Прежде всего Таволато нанял небольшую славную квартирку в квартале для «цветных». Это был тоже бедный и запущенный квартал, но все же рангом выше жалких трущоб для черных

африканцев; здесь можно было найти сносный домик.

Вопрос о свадьбе вначале казался неразрешимым: ни один священник в Кейптауне не повенчал бы «цветного» с белой. Но Мэри не унывала:

— Помнишь изречение «ищите и обрящете»? Будем искать!

И она нашла…

Около года назад в Кейптауне появился родственник Мэри — Ричи. Они встречались еще в Англии, когда Ричи был студентом Кембриджского университета и под руководством профессора-коммуниста Мориса Добба изучал экономические науки. Должно быть, поэтому Ричи считался «красным», и в те времена Мэри избегала его. В начале войны он был мобилизован и в офицерском мундире прибыл в Кейптаун, в распоряжение местного штаба. В доме Сиднея Мортона он встретил Мэри и, — странное дело! — сейчас, пять лет спустя, она очень быстро нашла с ним общий язык, хотя Ричи был такой же «красный», как и раньше, если не стал еще «краснее».

Когда Мэри рассказала Ричи о своем намерении выйти замуж за Таволато, молодой человек с участием, смешанным с недоверием, воскликнул:

— Вы это всерьез?

— Конечно, всерьез! — зло бросила Мэри. — Мы любим друг друга и пойдем вместе до конца!

— Ну, если так… — неопределенно протянул Ричи.

Минуты две он о чем-то молча думал. Потом, неторопливо вытащив из кармана записную книжку, перелистал ее и, наконец, сказал:

— Хорошо, я помогу вам обвенчаться… Это будет через неделю.

Ах, как мучительна была эта неделя! Мэри не находила себе места, не спала, не ела. Ее глаза лихорадочно блестели, так что дядя даже спросил, не больна ли она. А Таволато все время терзался сомнениями. Его горячее воображение рисовало ему страшные картины катастрофы, которая в последний момент помешает им с Мэри.

…Но вот, наконец, наступил назначенный срок. В полдень Мэри, как обычно, вышла на прогулку. В условленном месте ее ждали Ричи и Таволато. Машина, за рулем которой сидел Ричи, доставила всех троих в отдаленную часть порта. Оставив машину, они пересели на маленький катер и быстро понеслись по волнам. Тем временем Ричи объяснял:

— Вон там, на рейде, видите большое двухтруб-

ное судно? Это английский пароход «Кенильворт». Он вчера прибыл в Кейптаун из Глазго. По морским законам «Кенильворт» считается английской территорией, и, стало быть, на нем действуют не южноафриканские, а английские законы. Судовой священник — мой приятель еще с кембриджских времен; он христианский социалист и последователь известного друга Советского Союза доктора Хьюлетта Джонсона, настоятеля Кентерберийского собора. Я с ним говорил. Он вас обвенчает.

По узкому, длинному трапу Ричи, Мэри и Карло поднялись на высокий борт парохода. Их встретил человек в строгом черном костюме с белым стоячим воротником, застегнутым сзади[15]. Продолговатое лицо священника с ярко-голубыми глазами приветливо улыбалось.

— Позвольте вас представить, — несколько церемонно произнес Ричи. — Священник Робинсон… Мисс Мэри Мортон… Мистер Карло Таволато…

Церемония бракосочетания не заняла много времени. Свидетели были Ричи и молодой механик пароходной команды. Когда священник

---

[15] Примечания: 15
Обычный костюм английских священников.

вручал новобрачным документы о браке, в каюту принесли бутылку шампанского. Робинсон сердечно поздравил супругов Таволато и, глядя куда-то вдаль и ввысь, взволнованно произнес:

— Я рад, что мне посчастливилось положить хоть маленький камешек в фундамент равенства… общечеловеческого равенства…

Не возвращаясь домой, Мэри послала Мортону письмо, в котором извещала дядю о своем браке и просила прислать ей оставшиеся в ее комнате платья и книги. Она заканчивала письмо так:

> «Я прекрасно понимаю, каким ударом для вас будет мой брак с Таволато. Но я — счастлива! А все вы поскорее примиритесь с совершившимся. Не пытайтесь меня «спасать». Я много думала, прежде чем сделать этот шаг, и мое решение твердо. Наши жизни — моя и Карло — соединены навсегда».

В солидном доме Мортона будто внезапно взорвалась бомба. Письмо было получено в тихий час, когда вся семья сидела за обеденным столом. Мортон, прочитав письмо племянницы, стал бледнее салфетки и, пошатываясь, не прикасаясь

к еде, ушел к себе в кабинет. Там он провел всю ночь, не сомкнув глаз. Сначала его охватило бешенство, и он решил было немедленно обратиться за помощью к властям. Потом пришли более трезвые мысли: что это даст?.. История попадет в газеты. Имя его будет смешано с грязью. Конкуренты используют это в своих интересах. А беды все равно не поправишь. Уж лучше попробовать замять скандал…

Супруга Мортона, Юлиана, билась в истерике, и домашний врач всю ночь провозился у ее постели. Среди рыданий она выкрикивала:

— Я давно подозревала эту мерзавку! Я ее никогда не любила! Ее надо насильно отослать в Англию, а эту цветную обезьяну сгноить в тюрьме!.. Линчевать! Повесить!..

Молодые Мортоны удалились в дальнюю комнату и там долго и горячо обсуждали «чудовищную» новость. При этом брат резко осуждал кузину, а сестра краснела, вздыхала, судорожно сжимала руки и решительно не знала, что сказать.

С трудом Мортон добился, чтобы «скандал» не попал в газеты. Однако в городе об этом происшествии толковали много, всласть. Столичное «общество», разумеется, обрушило гневное

проклятие на голову той, кем еще недавно так восхищалось. Семья Мортона также подверглась опале. Белые инженеры на его заводе отказались работать вместе с этим «цветным негодяем», и Карло был уволен. Правда, вскоре ему удалось устроиться на конкурирующем заводе, — нужды военного времени и технические таланты Таволато сыграли свою роль. Однако должность ему предложили скромную, а жалованье — намного меньше прежнего.

Но если белые отвернулись от молодой пары, то со стороны «цветного общества» и Мэри и Карло встретили глубокую симпатию, восторженное восхищение, дружескую поддержку.

Однако вскоре их положение очень обострилось.

Как-то утром почтальон вручил Таволато анонимное письмо, полное ругательств и угроз. Под текстом была изображена фигура «цветного» с вонзенным в грудь кинжалом.

Через неделю неожиданно ушла служанка-мулатка, до этого очень заботливо и нежно относившаяся к Мэри. Низко кланяясь и не скрывая слез, она попросила расчет. Сколько ни старалась Мэри выяснить причину ухода, женщина молчала. Через месяц то же самое повторилось

с новой служанкой. На этот раз говорил с ней Карло. После долгих отнекиваний и обильных слез бедная женщина в конце концов созналась, что к ней приходили двое белых и под угрозой смерти потребовали, чтобы она подсыпала яд в пищу, которую готовит своим хозяевам. Женщина перепугалась и решила побыстрее покинуть столь опасное место. Теперь Мэри пришлось одной вести все их хозяйство.

Затем Таволато стал замечать, что на улицах за ним следят какие-то подростки хулиганского вида. Сначала они только ходили за Карло по пятам, потом стали кричать вслед ему ругательства, а однажды, в малолюдном месте, даже попытались наброситься на него. Будучи очень сильным человеком, Карло легко разбросал вооруженных палками хулиганов и обратил их в бегство. Мэри была очень напугана этим происшествием. Часы ожидания Карло с работы превратились для нее в часы страха и мучительного беспокойства.

Однажды Карло не пришел к обеду. Часы шли, наступила ночь, а Карло все не было. В предчувствии ужасного Мэри бросилась за помощью к друзьям. Все было поставлено на ноги, но поиски оставались бесплодными. В полиции, куда на следующий день Мэри заявила об исчезновении

инженера Таволато, ее встретили грязными намеками и издевательствами. Тогда, в полном отчаянии, она решилась на крайнее — обратиться к своему дяде. Теперь ей было не до самолюбия…

Поздно вечером Мэри переступила порог столь хорошо знакомого ей дома. Мортон принял племянницу в кабинете холодно и даже враждебно. Выслушав просьбу Мэри, он бесстрастно заявил, что ничем не может помочь, и встал, давая понять, что разговор окончен.

Еще одну ночь Мэри не сомкнула глаз, а утром к ней пришел один из ближайших друзей Карло. Волнуясь, сжимая кулаки от гнева, он сообщил, что Таволато был избит на улице бандой, связанной с партией Малана. В бессознательном состоянии Карло подобрали и отправили в больницу. Ему придется полежать, вероятно, не менее недели… Самое скверное, однако, то, что, по сведениям, полученным из верных источников, имя Таволато внесено в списки подлежащих уничтожению… Списки эти составлены фашистским центром Южной Африки. Нужно принять срочные меры… А пока друзья будут тайно охранять Карло…

Когда спустя десять дней Карло вернулся домой, товарищи посоветовали ему уехать вместе с

Мэри, уехать немедленно. В Кейптауне их не оставят в покое. Но куда бежать?.. Карло предлагал уехать в соседний Мозамбик. Мэри предпочитала Англию.

После долгой борьбы с собой она написала, наконец, отцу, спрашивая, может ли она с мужем приехать домой. Ответа долго не было. Мэри очень волновалась и гадала, как отнесется отец к ее просьбе. Что окажется в нем сильнее: любовь к дочери или расовые предрассудки? Карло тем временем готовился к бегству в Мозамбик. Наконец в ноябре 1942 года из Лондона пришло долгожданное письмо. Мортон писал, что считает шаг, сделанный Мэри, безумием, что глубоко скорбит и не знает, как сообщить матери о том, что их дочь находится в «связи с цветным». Но… если иного выхода нет, то он согласен на приезд дочери с ее другом. Мортон умышленно не написал «мужем», как бы подчеркивая, что считает брак Мэри незаконным. Заканчивалось письмо следующими словами:

> «Мистер Таволато, если он действительно такой способный конструктор, как ты изображаешь, конечно, найдет себе здесь работу. Однако учтите, что даже в

Англии двери общества будут перед вами закрыты. Вам придется жить незаметно и скромно. Но здесь, в отличие от Кейптауна, ничто не будет угрожать жизни мистера Таволато».

— ...Так мы попали на «Диану», — закончила Мэри свой рассказ. — Нам разрешили столоваться в кают-компании для белых, — все-таки я белая, да к тому же дочь директора крупного завода в Англии. Но, как вы заметили, отношение кают-компании к нам недружелюбное. Не знаю также, что ждет нас на родине... Отец в своем письме называет Карло «мистер Таволато»... Это плохой признак. Отец все еще не хочет примириться с тем, что Карло мой муж.

— Не падайте духом, Мэри, — ответила ей Таня. — Уверена, что вы найдете людей, свободных от расистских взглядов, и в Англии, найдете хороших друзей, близких вам по духу. Вот увидите!

— Если бы это было так! — вздохнула Мэри. — Если бы мы нашли их….

Таня крепко пожала руку Мэри и убежденно сказала:

— Если захотите — найдете!

Глава четырнадцатая
Катастрофа

Крупный разговор Петрова с капитаном Смитом в кают-компании не прошел бесследно. Предупреждение советского моряка произвело на окружающих сильное впечатление: пассажиры почувствовали, что безопасность далеко не в надежных руках. Общее настроение выразил генерал Блимп, который проворчал:

— Э… э… Конечно, он большевик… Э… э… Но как моряк, кажется, говорит дело. Надо посмотреть…

Разойдясь по пароходу, пассажиры стали рассматривать шлюпки и их оснащение. Когда выяснилось, что советский моряк говорил правду, «общественное мнение» кают-компании возмутилось против капитана Смита. Генерал Блимп, Драйден и еще несколько наиболее видных пассажиров явились к капитану, и генерал произнес следующую выразительную речь:

— Э… э… М-да… М-да… Сэр, я не хочу, черт подери, идти на завтрак акулам! — И, окинув мутным взглядом своих спутников, еще громче крикнул: — Да, сэр! М-да… М-да… Мы все не хотим идти на завтрак проклятым акулам!

Капитан вынужден был уступить и с чувством оскорбленного достоинства отдал приказ о приведении в готовность всех шлюпок судна. Однако злоба его на Петрова отнюдь не уменьшилась, и он не стеснялся при каждом удобном и неудобном случае открыто высказывать свое мнение об «этом большевике, который сует нос не в свое дело».

Второй и третий дни плавания прошли спокойно. «Диана» шла ровным пятнадцатиузловым ходом. Немецкие подводные лодки не появлялись. Погода улучшилась, а вместе с ней исчезла и опасливая настороженность пассажиров парохода. Капитан окончательно успокоился и победоносно поглядывал на Петрова. На четвертый день, после ленча, Смит обратился к пассажирам с кратким заявлением:

— Леди и джентльмены, мы благополучно миновали зону опасности. Поздравляю! Правда, опасность эта была весьма и весьма предположительной, но все-таки... — тут Смит многозначительно взглянул в сторону Петрова, — все-таки мы приняли все меры предосторожности, потому что дорожим жизнью и благополучием наших уважаемых пассажиров. Сейчас, когда беспокоиться уже не о чем, наши дорогие гости могут

повеселиться. Я приглашаю вас к девяти часам в главный салон на бал!

Во время войны английские моряки считали неудобным устраивать в открытом море подобные развлечения: это выглядело бестактным; но находились и такие капитаны, которые не очень считались с моментом. К ним относился и капитан Смит. Он полагал, что война войной, а пассажиров надо развлекать. К тому же район Южной Атлантики, где сейчас шла «Диана», представлялся ему совершенно безопасным: он так далек от театра военных действий! А те немецкие подводные лодки, о которых ему сообщили перед выходом из Кейптауна, не более как досадная случайность. Капитан даже склонен был сомневаться в достоверности этого сообщения. Надо поднять у пассажиров настроение веселым балом, и пусть этот советский моряк лишний раз увидит, что он, Смит, хозяин на своем судне и умеет создать на корабле здоровую атмосферу.

Неожиданное решение капитана несколько удивило пассажиров, но никто не возразил ему. Дамы даже обрадовались. Но тут к Смиту снова подошел Степан и отвел его в сторону.

— Простите, капитан, — тихо начал он, — но я должен сообщить вам, что несколько минут

назад, гуляя по палубе, я отчетливо увидел на расстоянии каких-нибудь трех кабельтовых перископ…

— Как? Перископ? — забыв об окружающих, громко воскликнул капитан.

Пассажиры, услышав этот возглас, окружили беседующих.

— Да, перископ, — подтвердил Петров. — Я не мог ошибиться…

И он положил ладонь на большой морской бинокль, висевший на ремешке у него на груди.

— Не слушайте этого большевика! — вдруг тонким голосом закричал Смит. — Ему доставляет удовольствие пугать пассажиров! Уверяю вас, это ложь! Я все время держу радиосвязь с Кейптауном и с британскими военными судами, оперирующими в Южной Атлантике. На основании имеющейся у меня информации заявляю: зона опасности пройдена, никаких подводных лодок в этом районе нет!

Уверенный тон Смита, а особенно его ссылка на радиосвязь несколько успокоили пассажиров. Кое-кто с иронией посмотрел на советского моряка.

Но Степан не собирался уступать.

— Несмотря на заверение господина капитана,

— продолжал он, — я категорически подтверждаю сказанное мною и — это мое личное мнение — считаю сегодняшний бал несколько преждевременным…

Это было уже слишком! Как? Этот советский моряк позволяет себе критиковать распоряжение его, капитана Смита? Капитан вспылил и издевательским тоном крикнул:

— Возможно, что в советском флоте моряки страдают галлюцинациями и видят перископы там, где их нет! Но моряки британского флота — славу богу! — люди здоровые и смелые!

Степан почувствовал, что на него снова «накатывает» приступ ярости, но Таня вовремя взяла его под руку. Он сдержался и только бросил:

— Не вам судить о советских моряках! Они показали себя в Севастополе!

Смит, обратившись к своему помощнику, демонстративно приказал:

— Распорядитесь к девяти часам вечера приготовить главный салон. Откроем бал!

Выйдя из кают-компании, Степан сказал Тане и Александру Ильичу:

— Этот капитан не доведет нас до добра. Надо самим о себе позаботиться.

Все трое спустились в свои каюты и быстро

уложили в небольшие чемоданчики самое необходимое, подготовили спасательные пояса. Таня проверила и пополнила свою медицинскую сумку. Решили все время держаться вместе и поблизости от шлюпки №3, к которой были приписаны советские путешественники.

Карло и Мэри Таволато примкнули к своим друзьям.

После пятичасового чая Драйден разыскал Петрова и смущенно спросил:

— К какой шлюпке вы приписаны?

— К третьей.

Драйден помедлил и затем с усмешкой прибавил:

— Я приписан к первой шлюпке, но… предпочел бы в случае катастрофы быть с вами. Как это сделать? Впрочем, вы правы: в момент катастрофы — от чего боже избави! — на судне начнется такое, что все смешается… Итак, разрешите присоединиться к вашей группе?

— Мы будем только рады, — любезно ответил Петров и посоветовал Драйдену на всякий случай кое-что подготовить, уложить.

Драйден откланялся. Через полчаса он вернулся и полушутливо доложил, что он «готов» и поступает «под команду советского адмирала».

Прогуливаясь с Петровым по палубе, Драйден медленно и спокойно говорил:

— Наш капитан кажется мне человеком смелым, но несколько легкомысленным для военного времени. Трудно сказать, как он себя покажет, если «Диана» будет действительно атакована германской подводной лодкой. Поэтому, — с усмешкой закончил он, — я решил довериться мудрому правилу, что «береженого и бог бережет…»

Бал начался точно в назначенное время. Благоухающий, сияющий капитан Смит, расточая улыбки, танцевал с миссис Ванболен, женой крупного южноафриканского золотопромышленника, красивой блондинкой в роскошном вечернем туалете. За ними плыли другие пары: мужчины — в формах, смокингах и фраках, дамы — в вечерних платьях, с драгоценностями в ушах, на груди и на руках. Одна пожилая леди привлекала завистливые взгляды дам ослепительной бриллиантовой диадемой на своих сильно поседевших волосах.

Играла музыка. Пары тесно кружились по лощеному паркету салона. За высокой стойкой с винами и закусками хлопали пробки, слышался смешанный гул голосов. Здесь собралась большая

часть ехавших на пароходе англичан и буров — большая часть, но не все. Кое на кого слова Петрова подействовали, видимо, сильнее, нежели заверения капитана. Эти сидели и прогуливались по палубе, держась поближе к шлюпкам.

Капитан Смит был в ударе. Опасная зона позади, да и была ли опасность? Теперь ясно, что «Диана» благополучно войдет в ливерпульскую гавань. А там… там его ждет богатая награда: недаром алмазный делец был у него на борту в Кейптауне…

При мысли об этом визите волна приятных предчувствий охватывала капитана, и ему хотелось пить, танцевать, смеяться…

Настроение Смита передалось пассажирам и офицерам судна. Все шумнее становился бал. Шаркали ноги танцующих, развевались платья раскрасневшихся дам, звенели бокалы… Особенно разошелся младший помощник капитана, распорядитель бала. Казалось, все в салоне утратили представление и о времени и о месте. Будто не было в мире ни войны, ни жертв…

В разгар веселья в зал вошел старший помощник Джон Вильямс. Этому потомственному моряку, просоленному водами и ветрами всех океанов, претила легкомысленность капитана.

Она вызывала в нем чувство тревоги, смешанное с брезгливостью. Отозвав начальника в сторону, Вильямс приглушенным басом спросил:

— Не потушить ли огни, сэр?

— Не глупите, старина! — пьяно рассмеявшись, ответил капитан. — Кажется, и вы, Джон, заразились страхами этого советского труса?

— Никак нет, сэр! Со мной все в порядке. Но кто знает…

— Никакой опасности нет! — воскликнул Смит. — Подойдем к Европе — будем гасить огни. А пока нам не от кого прятаться!

Вильямс пожал плечами и молча вышел.

Все произошло с молниеносной быстротой.

В половине двенадцатого ночи, когда веселье достигло высшего градуса, в кормовой части раздался страшный грохот, и судно содрогнулось от киля до верхушек мачт. Сразу после этого оно стало оседать назад, кренясь в то же время на левый борт.

В зале началась паника. Танцующие попадали на пол. Через несколько мгновений главная люстра погасла, и зал погрузился в полумрак. Только настенные бра тускло освещали барахтающихся джентльменов и леди. Буфетная стойка с грохотом опрокинулась, и густой поток вин,

коньяков и ликеров медленно пополз по паркету. Многие дамы лишились чувств, другие истерически кричали:

— Мы тонем!

— Мы погибли!

— Спасите!

Люди, хватаясь за стены, бросались из стороны в сторону, стараясь пробиться на палубу. В дверях образовалась пробка. Минуту назад элегантные и очаровательные, дамы внезапно превратились в бешеных тигриц: они злобно толкались, кричали, рвали друг на друге платья, в отчаянии заламывали руки. Мужчины даже не пытались оказать помощь женщинам. Наоборот, грубо работая локтями, они озверело пробивались к дверям, без стеснения отшвыривая слабых. Те, кто сумел выбраться из этой каши, как одержимые неслись по коридорам, сбивая с ног встречных.

В их числе был и капитан Смит. Долг капитана судна требовал, чтобы он немедленно появился на капитанском мостике и руководил спасательными операциями. И, если бы Смит первым покинул салон именно с этой целью, никто не осудил бы его. Но капитан бежал не на мостик, а в свою каюту. Алмазный воротила в Кейптауне вручил ему партию брильянтов для контрабанд-

ной доставки в Англию. Брильянты были зашиты в специальный пояс, который Смит все время носил под бельем. Однако в поясе было неудобно танцевать, и Смит, наряжаясь к балу, снял его. Теперь капитан мчался быстрее лани в каюту за драгоценным поясом.

Тем временем гибнущий пароход охватила всеобщая паника. Люди бежали из трюмов и кают, из кубриков и машинных отделений, из кочегарок. Они мчались по коридорам, лестницам, трапам. Люди рвались наверх, на палубу, к шлюпкам. Они прыгали друг через друга, кричали, молились, изрыгали проклятия. Обезумев от ужаса, они способны были во имя собственного спасения на самые низкие поступки. В такой момент положение может спасти только крепкое и твердое руководство. Но его не было…

Пока капитан добежал до своей каюты, пока он раздевался, пока пристраивал на пояснице брильянтовый пояс, пока снова одевался и бежал на капитанский мостик — прошло минут десять. Этого было достаточно для того, чтобы стихия ужаса вырвалась на волю.

Медлительный старший помощник Вильямс

пытался отрезвить людей, но ему не подчинялись. Он был бессилен перед толпой обезумевших людей.

Особенно беспомощно и нелепо выглядели дамы, только что выбравшиеся из бального зала. Ночь на океане была свежей, и в своих вечерних платьях, с оголенными спинами и руками, они дрожали так, что у них зуб на зуб не попадал. Кавалеры их покинули, думая только о себе.

Выскочив на палубу и увидев, что творится на судне, капитан бросился к шлюпке №1 и вместе с несколькими офицерами, сорвав верхний брезент, погрузился в нее. Около шлюпки был установлен патруль, который допускал в нее только по указанию капитана. Через две-три минуты шлюпбалки, на которых висела лодка, были повернуты в сторону моря, шлюпка на мгновение повисла над пучиной и затем быстро скользнула на талях вниз, за борт. Так, вопреки морским законам и традициям, капитан Смит покинул тонущий корабль не последним, а одним из первых.

Возле шлюпки №3 обстановка была сложнее. Когда раздался грохот взрыва, Петровы, Потапов, Драйден и чета Таволато бросились к шлюпке. Таня и Мэри немедленно заняли свои места, а

мужчины командовали посадкой. Скоро в шлюпку набралось человек тридцать. Больше она поднять не могла. Но толпа не убывала. Началась свалка. Люди рвались вперед. Со всех сторон неслось:

— Я банкир Девет! Десять тысяч фунтов за место!

— Я генерал Хаксли — пропустите меня!

— Я член парламента Аллен — спасите меня!

— Я газетный король Биндер! Вы не смеете меня задерживать!

В кромешной тьме люди напирали, оттаскивали друг друга за руки, за волосы, хрипели, сквернословили. Когда положение стало угрожающим, Петров крикнул:

— Назад! Буду стрелять! В шлюпку сядут только те, кто к ней приписан.

Кто-то заревел:

— Прочь с дороги, убью!

Степан выстрелил из револьвера вверх. Это подействовало: толпа сразу отшатнулась.

Спустя мгновение Петров, Потапов, Таволато и Драйден были уже в шлюпке и поспешили спустить ее на воду. Схватив весло, Потапов резко оттолкнулся им от корпуса судна и крикнул:

— Надо отгрести подальше, чтобы нас не втяну-

ла воронка, когда пароход пойдет ко дну…

Десятки людей, сброшенных в море взрывом или прыгнувших за борт, плавали вокруг судна, цепляясь за обломки и взывая о помощи.

На шлюпке №3 был уже полный комплект пассажиров. Но, когда за весло ухватилась индианка с маленькой девочкой, привязанной к спине, Петров втащил ее в лодку. Подобрали также и генерала Блимпа, жалобно взывавшего к Драйдену о спасении.

Между тем «Диана» доживала последние минуты. Судно садилось кормой, высоко поднимая нос над поверхностью океана. Скоро пароход встал почти вертикально. С палуб посыпались вниз скамейки, ящики, грузы, канаты, якоря… Казалось, «Диана» встала на дыбы, сражаясь с бездонной пучиной. Затем черная железная башня вздыбленного парохода стала медленно уходить в воду.

— Смотри! Смотри! — закричала Таня и схватила Степана за руку.

Мачта парохода была уже в метре от воды. Каким-то чудом на конце ее продолжал гореть электрический фонарь. По мачте к фонарю быстро бежала серая обезьянка. Она добралась до верхушки мачты и остановилась. Ее глаза, ярко освещенные лампочкой, говорили о смертельном ужасе. Обезьянка с отчаянием вытянула вперед черные ручки и закричала, моля людей о спасении. Она кричала, махала рукой, звала... Мэри не выдержала:

— Надо снять ее!

— Нельзя! — ответил Петров, отворачиваясь от этого зрелища. — Шлюпку может втянуть в водоворот…

Прежде чем он успел закончить эту фразу, набежавшая волна смыла бедное животное в океан.

Стало совсем темно: последний огонек, светившийся на мачте, исчез. Над океаном простерся чернильный мрак южной ночи. Но темнота была полна звуков: слышались отчаянные крики людей, скрип уключин, слова команды, ругательства.

Неожиданно все эти звуки перекрыл громкий, оглушительный выхлоп, будто вылетела пробка от гигантской бутылки. Одновременно послышались душераздирающие вопли.

— «Диана» скрылась под водой… — мрачно сказал Александр Ильич. — Лопнула воздушная подушка, державшая ее на плаву. И, должно быть, какую-то шлюпку втянуло в водоворот…

— Кончено, — глухо проговорил Петров и мгновение спустя, взявшись за весла, уже другим, озабоченно-деловым, тоном прибавил: — Пошли искать другие шлюпки… Надо держаться вместе…

Шлюпка №3 долго крейсировала вокруг места катастрофы. Вдали послышались голоса. Гребцы

налегли на весла и наткнулись на две другие переполненные людьми шлюпки. Скоро подошла еще одна, под командой капитана Смита. Стало чуть светать.

Неожиданно совсем рядом вздыбились волны, и из глубины океана поднялось длинное и черное, тяжело фыркающее чудовище. Темноту прорезал резкий свет прожектора.

Люди окаменели. В мертвенно-белом свете стали видны искаженные ужасом лица. После секундного оцепенения раздались крики:

— Ложитесь! Скорей! Подводная лодка! Пулеметы!..

Одни бросились на дно шлюпок, другие закрыли глаза руками.

Однако пулеметы субмарины молчали. Открылся ее люк — слышно было, как загремело железо, — и на мостике появился человек.

— Какое судно? — громко в рупор крикнул он.

— Английское судно «Диана»! — не сразу отозвался капитан.

— Порт назначения?

— Ливерпуль.

— Какой груз?

— Три тысячи тонн шерсти, тысяча тонн фруктовых консервов, вольфрамовая руда, пятьсот

тонн свинцового концентрата. Двести пятьдесят пассажиров…

На мостике подводной лодки что-то загремело. Все еще ниже пригнулись, прижались ко дну шлюпок.

Но субмарина молчала. Медленно текли тягостные мгновения. Кто-то на одной из шлюпок стал истерически громко читать молитву. Неожиданно с мостика крикнули в рупор:

— Внимание! Ближайшая земля — остров Девы. Восемьсот миль. Курс северо-запад…

Опять загремело железо, хлопнул люк, море закипело короткими волнами, подлодка пошла на погружение.

…Поднявшееся солнце осветило шесть шлюпок с «Дианы», круживших неподалеку друг от друга. В них находилось около двухсот пассажиров и членов команды. Значит, свыше ста человек погибло.

Море было спокойно. Свет тихого утра живительно подействовал на людей. Все воспрянули духом, приободрились.

С капитанского суденышка был дан сигнал «Следовать за мной, курс — северо-запад». Поставив паруса, шлюпки двинулись за своим «флагманом». Но это не был кильватерный строй.

Это вообще не был какой-либо строй. Шлюпки беспорядочно скользили по поверхности моря, обгоняли одна другую, отставали, вдруг скоплялись вместе, как сошедшая на воду стайка утят. Вскоре обнаружилось, что и мореходные качества шлюпок и морской опыт их команд далеко не равноценны. Капитан и не подумал о том, чтобы укомплектовать каждую шлюпку хоть двумя-тремя опытными моряками.

Самой быстроходной, конечно, оказалась капитанская шлюпка. Вдобавок только на ней имелся секстант и другие мореходные приборы, необходимые для прокладывания верного курса. Шлюпка №1 все время вырывалась далеко вперед от следующего за ней каравана.

Когда к вечеру выяснилось, что за день пройдено всего около 60 миль, капитан Смит поднял сигнал сбора. Как только шлюпки сошлись вместе, капитан приставил к губам рупор и обратился к их пассажирам со следующей речью:

— Леди и джентльмены! Мы оказались в тяжелом положении. Нашей ближайшей целью является остров Девы. До него восемьсот миль. За целый день мы прошли только шестьдесят миль. Таким ходом мы в лучшем случае доберемся до острова Девы не раньше чем дней через десять.

На этот срок у нас не хватит ни воды, ни съестных припасов. Однако есть выход! Моя шлюпка по крайней мере в два раза быстроходнее шлюпки номер пять, самой тихоходной. Поэтому на своей шлюпке я пойду вперед. Через трое-четверо суток я могу быть уже на острове Девы, снесусь оттуда по радио с различными судами, находящимися в Южной Атлантике, и организую срочную помощь. Полагаю, что мое решение будет одобрено…

В ответ со всех шлюпок раздался протестующий рев:

— Он хочет бежать и спасти свою шкуру!

— Трус, негодяй!

— Бросает людей в океане!

— Он позорит доброе имя английского моряка!

— Мы будем жаловаться!

— Мы не позволим тебе уйти!

Но капитан ничуть не смутился. Вновь приложив рупор к губам, он закричал:

— Как капитан я имею право в открытом море самостоятельно принимать решения! Мое решение окончательное. Моя шлюпка пойдет вперед и ускорит ваше спасение!

Тут же Смит приказал своей команде поднять парус и взяться за весла.

— Злодей! Убийца! — кричали со всех шлюпок. — Держите его, не позволяйте ему уходить! Выбросьте его акулам за борт! Позор!

Тем не менее шлюпка №1 стала быстро удаляться, взяв курс на северо-запад.

Но далеко она не ушла. Люди на оставшихся шлюпках скоро заметили, что с «флагманом» творится что-то странное: капитанская шлюпка кружит на месте, парус ее спущен…

Как ни осмотрительно подбирал Смит команду для шлюпки №1, но в суете панической посадки он не смог предотвратить проникновения на нее «нежелательных элементов». И теперь, в самый критический момент, эти «элементы» неожиданно взбунтовались.

Джемс Максвелл, один из младших офицеров «Дианы», встал и, волнуясь, с сильным шотландским акцентом, громко сказал:

— Я вполне понимаю ваши мотивы, сэр. Но мы не можем оставить в открытом море пять шлюпок! Это, сэр, противоречит нашим морским традициям.

— Откуда вам знать морские традиции? — надменно оборвал его капитан. — Вы еще слишком молоды!

— Сэр, — разгорячился Максвелл, — я молод, но

мой отец был моряком и мой дед был моряком, и я твердо знаю, что честь капитана — последним покинуть тонущее судно!

Намек Максвелла на преступление Смита, сбежавшего с «Дианы» одним из первых, развязал языки другим. Старший боцман Дженкинс, не глядя на капитана, хмуро прогудел:

— Нельзя бросать шлюпки… Не будет счастья… Без нас они пропадут…

Механик Шафер крикнул:

— Совесть надо иметь! Вместе пострадали — вместе и спасаться будем. От судьбы не уйдешь!

Капитан Смит был раздражен, но не рискнул оборвать своих подчиненных. В его изворотливой голове мелькнула мысль, что сейчас лучше всего сманеврировать и очистить свою шлюпку от тех, кто страдает избытком благородства.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Кое-кто из нашей команды может перейти на другие шлюпки, чтобы помочь им ускорить ход. На некоторых совсем нет людей с морскими навыками.

— Я готов, — вызывающе бросил Максвелл.

— И я!.. И я!.. — присоединилось к нему еще несколько голосов.

Неожиданным ударом для Смита прозвучал голос Барнби, одного из старших офицеров. Смит

считал его вполне «своим», но Барнби, сурово взглянув на капитана, сказал:

— Если придется умереть, буду умирать честным моряком.

Во время этих препирательств старший помощник Вильямс чувствовал себя как на иголках. Добрый английский моряк, он считал поведение Смита позорным и несколько раз порывался высказать свое мнение. Он даже многозначительно кашлял, как бы прочищая глотку перед выступлением. Но… когда он уже готов был открыть рот, где-то в дальнем уголке его сознания вдруг возникала знакомая картина: маленькая ферма в Кенте… Милое лицо голубоглазой женщины на пороге… Двое сорванцов-мальчишек, играющих на дворе… Пегая корова на полянке… Лишиться всего этого? Нет! И решимость старшего помощника сразу растаяла. «Ответственность за все несет Смит, — успокаивал он себя, — я — подчиненный, я обязан исполнять приказания начальника. Стоит ли рисковать?»

И Вильямс остался в капитанской шлюпке.

…Тем временем шлюпка Смита вернулась к брошенному каравану. Первыми расстались с капитаном юный Максвелл и механик Шафер, перескочившие на шлюпку №3. Петров встретил

их холодно и заявил:

— Мы нагружены до отказа. Если мы берем двух новых, то капитанская шлюпка также должна принять от нас двух человек.

Услышав это, большой, грузный бур, примостившийся на носу, быстро поднялся. Но сидевший рядом Потапов схватил его за руку.

— Как вы смеете! — взвыл бур и стал отчаянно вырываться.

Однако Александр Ильич точно стальными клещами зажал руку бура.

— Есть более достойные, — усмехнувшись, сказал по-русски Александр Ильич и обратился к молодой англичанке, прижимавшей к себе двух маленьких детей: — Мадам, вам лучше перейти в шлюпку капитана.

Англичанка, с благодарностью взглянув на него, подхватила ребят и мигом очутилась в шлюпке №1. Только теперь Потапов отпустил бура. Тот бросился вслед за женщиной, но было поздно: капитанская шлюпка уже отвалила. Потом с нее в другие шлюпки пересело еще несколько человек. После этого капитан Смит подал команду «вперед!», и его шлюпка, постепенно набирая ход, скоро исчезла в полумгле сумерек…

Пять оставшихся шлюпок медленно и нестрой-

но двинулись вперед, держась одна подле другой. Время от времени пассажиры перекликались, чтобы не растеряться в быстро наступающей тьме.

Ночью налетел шквал. Исчезли звезды, тучи низко неслись, точно стараясь задеть крылом взволнованную поверхность океана. Непрерывно сверкали молнии. Раскаты грома становились все оглушительнее. Дикие порывы свистящего ветра срывали верхушки волн. Стремительные потоки тропического ливня смешивались с соленой водой…

Шлюпка №3 безвольно неслась меж водных хребтов, чудом удерживаясь на плаву, с трудом повинуясь рулю. Вода заливала суденышко, и люди лихорадочно вычерпывали ее. Женщины сидели, крепко прижавшись друг к другу, вцепившись в лавки и борта. Стало очень холодно.

Особенно плохо пришлось индианке и ее девочке. Женщина была в легком платье. Намокнув, оно облепило ее худенькую, хрупкую фигурку. Крепко прижимая полуобнаженного ребенка, индианка старалась согреть его своим дыханием, растирала, но девочка дрожала от холода и чуть слышно плакала.

На Тане было просторное шерстяное пальто.

Расстегнув его, она протянула к девочке руки и хотела взять ее, чтобы укутать, согреть. Индианка с ужасом посмотрела на белую женщину и громко вскрикнула. Могла ли она ждать добра от белого человека?.. Индианка обхватила девочку обеими руками и исступленно замотала головой. Таня жестами пыталась успокоить мать, объяснить ей свое намерение, но бедная женщина или не понимала, или не верила. Только когда сосед-индиец прошептал что-то ей на ухо, мать решилась и протянула ребенка Тане. Через несколько минут девочка уже крепко спала, пригревшись под пальто на груди белой женщины.

К утру шторм начал стихать. Когда поднялось солнце, растревоженный океан еще продолжал волноваться, но буря уже унеслась за горизонт. Вдруг из всех уст вырвался крик удивления и тревоги: на широком, вспененном просторе океана не виднелось ничего, кроме перекатывающихся волн. Все другие шлюпки с «Дианы» исчезли в неистовстве промчавшегося шторма…

Глава пятнадцатая
Шлюпка в океане

Итак, шлюпка №3 осталась одна.

Одна в безбрежности океана, одна в своих усилиях добраться до твердой земли… Жуткое чувство закрадывалось в душу каждого: удастся ли спастись?

Это была не просто большая шлюпка, набитая тридцатью пятью потерпевшими крушение людьми, скованными вместе нависшей угрозой смерти, — нет, это был целый мир, отразивший в себе всю сложность современного общества и раздираемый всеми его внутренними противоречиями…

Здесь были советские люди. К ним сильно тяготели Карло и Мэри Таволато. На шлюпке эта «пятерка» сплотилась в единое целое.

Здесь была английская «десятка», очень пестрая по социальному составу и политической окраске. В нее входили банкир Драйден, генерал Блимп, фабрикант оружия Петерсен с женой, механик Шафер, лейтенант Максвелл, буфетчик Наттинг, медицинская сестра Кроули, ирландский священник Дюланти, а также профессор-орнитолог

Мандер, который вез на «Диане» большую коллекцию собранных им южноафриканских птиц и теперь оплакивал ее гибель во время катастрофы.

Здесь была бурская «шестерка»: крупный южноафриканский золотопромышленник Ванболен с женой, полковник Дрентельн с женой и ребенком и богатый помещик-овцевод Крейгер, тот самый толстый бур, которому Александр Ильич помешал перескочить в капитанскую шлюпку. Крейгер был ярым, свирепым расистом, он жил в своих владениях как неограниченный властитель и держал тысячи работавших на него негров на положении рабов.

В носовой части шлюпки собралось девять южноафриканских негров: кочегаров, матросов, грузчиков. Среди них заметно выделялись двое: юный геркулес лет двадцати, веселый подвижной парень, которого товарищи звали Бамбо, и крепкий мужчина лет сорока пяти с умными глазами и морщинистым лицом, по имени Мако, плававший много лет на английских пароходах. Мако сразу стал вожаком этой группы. Он говорил на ломаном английском языке и крайне недоверчиво относился к белым.

Наконец было пять индийцев: два официанта

«Дианы», судовой парикмахер и женщина, дочку которой Таня согревала во время шторма. Муж индианки — конторщик «Дианы» — погиб во время катастрофы, и теперь она робко жалась к своим соплеменникам. Лидером индийцев был парикмахер Кришна — бывалый и смелый человек.

И вот все эти столь разные люди оказались в маленьком деревянном ковчеге, из которого не было выхода.

Конечно, нависшая над всеми смертельная опасность в известной мере приглушала противоречия. И тем не менее, подспудно, они продолжали существовать, грозя вырваться наружу при первом же серьезном поводе.

И такой повод скоро представился.

После бури установилась тихая погода. Солнце слало вниз палящие лучи. К полудню стало нестерпимо жарко. Люди в шлюпке изнемогали от жажды, но запас воды был так мал, что Максвелл распорядился выдавать не более ста граммов в сутки на человека.

Бурский помещик Крейгер не мог с этим примириться. Потный и красный, он сидел в носовой части шлюпки, окруженный бурами, и шумно выражал свое недовольство. Ему очень хотелось

пить, но еще больше его возмущало то, что рацион воды для всех — белых и черных — был одинаков. Как? Он, знатный «африкандер»[16], и последний негр, которого даже человеком-то считать нельзя, получают по сто граммов воды в сутки! Это просто нестерпимо!

Наконец Крейгер не выдержал и крикнул Максвеллу:

— Передайте мне еще воды!

Максвелл в замешательстве поглядел на бура, а тот, ободренный его растерянностью, продолжал:

— Надо изменить систему выдачи воды, молодой человек!

Драйден, отлично понявший Крейгера, осторожно вставил:

— Сейчас едва ли уместно подымать вопрос о системе... — И, наклонившись к нему, тихо прибавил: — Ради бога, оставьте этот вопрос. Выйдет только хуже...

Но Крейгер вообще был упрям, как бык, а сейчас еще раздражен до крайности «бестактностью молокососа». Поэтому, не обращая внимания на предупреждение Драйдена, он запальчиво

---

[16] Примечания: 16
Африкандер — белый африканец; то же самое, что бур.

продолжал:

— Нечего миндальничать! Белые есть белые и должны получать больше воды.

Буры поддержали своего лидера. Драйден, английский фабрикант Петерсен и генерал Блимп в душе вполне соглашались с Крейгером, однако считали неуместным и даже рискованным это высказывать. Они молчали, и по лицам их трудно было решить, сочувствуют они Крейгеру или осуждают его.

Со стороны негров и индийцев послышался глухой ропот, однако открыто протестовать никто из них не решился.

Вдруг вскочила, сверкая синими глазами, Таня. В тишине прозвенел ее звонкий, негодующий голос:

— Стыдитесь! Разве черный человек хочет меньше пить, чем белый? Все должны получать воду поровну! Исключение — только для ребенка!

Крейгер снисходительно улыбнулся Тане:

— Мадам — иностранка. Она не знает здешних отношений… — И решительно заключил: — Еще раз предлагаю навести порядок! Белые должны получать больше воды! Черные и цветные обойдутся, они привыкли…

И он воинственно посмотрел на всех.

Вмешался Петров.

— В этом вопросе нет ни белых, ни цветных, — твердо заявил он. — Здесь люди, одинаково терпящие бедствие.

Со стороны африканцев и индийцев послышались робкие возгласы одобрения.

Англичане продолжали дипломатично молчать.

— Мистер Максвелл! — рявкнул Крейгер. — Вы — командир шлюпки. Решайте так, как подобает белому человеку!

Лицо Максвелла выражало глубокое смятение. Он хороший моряк, он это доказал минувшей ночью, во время шторма. Но решать вопросы внутренней жизни человеческого мирка на шлюпке, решать вопрос о том, как распределять между белыми и черными воду… Нет, в таком деле он не знал, где правая, где левая сторона. И Максвелл, обратясь к сидевшим перед ним, но глядя главным образом в сторону англичан, сказал:

— Я прошу освободить меня от командования шлюпкой. Конечно, я сделаю все, что могу, по мореходной части. Но командовать? Нет! Назначьте более опытного.

Воцарилось длительное молчание. Крейгер, опустив глаза, нарушил его и предложил:

— Попросим его превосходительство господина генерала взять командование: он здесь старший в чине.

— Да-да, ваше превосходительство! — раздалось несколько голосов. — Просим!

Генерал Блимп усмехнулся и уже хотел было согласиться, но вдруг вспомнил, что здесь — не привычная ему твердь земная, а океан, относящийся к морскому ведомству. Океан — грозный, непонятный, изменчивый. Океан, командовать которым он не умеет, от которого хотел бы убежать…

Генерал в смущении посмотрел на Драйдена, ожидая, что этот умный и влиятельный человек подскажет ему решение. Но Драйден сосредоточенно рассматривал ногти, казалось — до окружающего ему не было никакого дела.

Тогда генерал промямлил:

— Э… Мм… Я очень благодарен за оказанное мне доверие… Мм… Да! Но, к сожалению, леди и джентльмены, я не могу взять на себя командование шлюпкой. Я сухопутный солдат. Надо обратиться, так сказать, по другому ведомству… Э-мм…

Все молчали. Драйден поднял голову и сказал:

— Но командир нам все-таки необходим. Какие же имеются еще предложения?

Механик Шафер неожиданно выпалил:

— Пусть командиром будет мистер Петров! Он профессиональный моряк и справится с такой задачей.

Африканцы и индийцы одобрительно закивали головами: ведь Степан и Таня так справедливо говорили о раздаче воды! Буры возмутились, но после провала Крейгера не решались возражать открыто. Максвелл, медсестра Кроули, буфетчик Наттинг и профессор Мандер считали, что Петрову можно доверить свою судьбу. Они дружно поддержали механика Шафера. Драйден оказался в затруднительном положении.

«Очень неприятно, — думал банкир, — оказаться под началом этого большевика. Но, с другой стороны, сейчас самое важное — спастись. А Петров — человек с опытом. Пусть пока командует — дальше посмотрим».

А Драйден, будто не услышав предложения Шафера, еще раз промолчал, опять углубившись в изучение собственных ногтей. Генерал Блимп и Петерсены, следуя примеру банкира, тоже промолчали. Шафер, неожиданно оказавшийся

в роли председателя этого необычного собрания, спросил:

— Никто не возражает против избрания мистера Петрова капитаном?

Никто не возразил.

Так Петров стал главой крошечного человеческого мирка, затерянного в океане.

Обернувшись к Крейгеру, Драйден вполголоса сказал:

— Вот что вы наделали своим упрямством!

Поблагодарив товарищей по беде за доверие, Степан предупредил:

— Один я много не сделаю. Мне нужна помощь всех. Только общие усилия спасут нас. Работать должны все!

Затем он приступил к организации своего микромира. Максвелл был назначен первым помощником командира и ответственным за оснастку и всю материальную часть шлюпки. К рулю были приставлены Шафер и Мако, которые поочередно несли вахту. Управление парусом было возложено на Кришну и Мэри, которая в студенческие времена славилась как смелая яхтсменка. Потапов и Таволато возглавили две смены гребцов. Тане и сестре Кроули поручили заботу о здоровье пассажиров.

Наиболее щекотливым был вопрос о пище и воде. Чтобы избежать обвинений в нарушении справедливости, Петров предложил выбрать специальных людей, которые будут выдавать пайки и отвечать за сохранность запасов. Крейгер никак не хотел успокоиться и предложил:

— Среди нас есть служитель бога, лицо — выше всяких подозрений. Поручим ему питать голодных и поить жаждущих!

И, хотя Крейгер пытался придать своему грубому басу елейную слащавость, его никто не поддержал. Ирландский священник вел себя очень странно. Все время он мрачно сидел, уставившись в дно лодки, перебирал четки и беспрерывно читал молитвы. Он ничего не видел, ничем не интересовался и был полностью сосредоточен в самом себе. Изредка священник взглядывал на большой черный молитвенник, который держал в правой руке, потом обращал взор к небу и снова безучастно опускал очи долу. Эта мрачная фигура, чуждая всему происходившему в шлюпке, невольно отталкивала пассажиров. Кандидатура Крейгера встретила молчаливое неодобрение.

Вдруг гигант Бамбо, показывая пальцем на Таню, скороговоркой произнес:

— Ему!.. Ему!..

Бамбо поняли. Индийцы и африканцы отозвались радостными криками. За Таню высказались также Максвелл, сестра Кроули, Драйден и многие другие. Однако Петров внес поправку:

— Во избежание недоразумений, — заявил он, — предлагаю поручить это дело не одному человеку, а небольшой комиссии, в состав которой вошли бы представители всех групп.

Предложение было встречено общим одобрением. «Интендантами», кроме Тани, были избраны профессор Мандер от англичан, мадам Ванболен от буров, матрос Дери от негров и официант Билли от индийцев. Комиссия сразу же проверила запасы воды и продовольствия. Оказалось, что питья может хватить на семь дней, а еды — дней на десять, из расчета ста граммов воды и одной галеты в сутки на каждого.

...Солнце нещадно палило, но над океаном дул ровный бриз, туго надувая парус.

Из весел и обломков дерева была поставлена новая мачта, из брезента и одеял скроен второй парус. Шлюпка рванулась вперед и пошла вдвое быстрее. Все повеселели. Даже буры перестали ворчать на скудный рацион.

Третий и четвертый дни прошли спокойно. Погода держалась прекрасная, легкий ветер гнал

шлюпку вперед точно по нужному курсу, и казалось, что через день-два на горизонте появится долгожданная полоска земли…

Пятый день принес неприятности. Ветер утих, и паруса бессильно повисли на мачтах. Шлюпка покачивалась почти на одном месте, а солнце по-прежнему безжалостно сверкало в вышине, обжигая затерянную в океане горсточку людей.

За кормой появились две акулы. Они с каждым часом наглели и все ближе подбирались к утлой скорлупке. Тридцать пять пар глаз с отвращением и страхом следили за мелькавшими в воде спинными плавниками.

Петров приказал взяться за весла. В изнурительном зное это была воистину мучительная, каторжная работа!

Истерзанные жаждой и голодом, ослабевшие люди чуть шевелили тяжелыми веслами. Ладони гребцов скоро покрылись волдырями и кровоточащими ссадинами. Уже через час люди выдохлись, гребли беспорядочно, цепляясь веслом за весло.

Некоторые — Крейгер, генерал Блимп, Петерсены — пытались уклониться от работы, которую они считали унизительной для их ранга и положения, тем более что на шлюпке было достаточно

«черных рук». Но Петров оказался неумолимым, и, к вящему удовольствию африканцев, белые — «полубоги» — бок о бок с ними должны были взмахивать тяжелыми веслами. Однако результат этих усилий был ничтожным: перегруженная шлюпка едва продвигалась вперед. К вечеру люди окончательно выбились из сил. Стало ясно, что, если штиль не прекратится, их ждет медленная смерть: через два дня иссякнет запас воды. И тогда…

Утро шестого дня не принесло облегчения. Солнце встало над безжизненной, мертвой гладью океана. Штиль продолжался. Петров, чтобы подать пример, первым взялся за весла и усиленно греб две смены.

В числе гребцов третьей смены был ирландский священник Дюланти. Когда ему протянули весло, случилось страшное…

Дюланти смолоду был чудаком. Его ум, экзальтированный и легко возбудимый, никогда не отличался устойчивостью. Тяжелые потрясения последних дней вконец расшатали его душевное равновесие, затмили рассудок. Священник впал в состояние исступленной, мрачной восторженности, без конца шептал — вел разговоры с самим господом богом. И теперь, когда Таволато оклик-

нул его, он вдруг вскочил и, страстно простирая вперед руки, воскликнул:

— Это ты, мой Иисус, мой спаситель! Я вижу тебя!..

Глаза Дюланти расширились и загорелись. В них билось безумие. Перегнувшись вперед, точно всматриваясь во что-то, видимое ему одному, Дюланти громовым голосом продолжал:

— Ты зовешь меня к себе! Ты сотворишь чудо — я пойду по водам, как ходил ты! О, я иду к тебе, господи!..

С этими словами Дюланти вытянул руки вперед и выскочил из шлюпки.

Вода булькнула и расступилась. Тело священника исчезло в глубине. Несколько минут спустя полоса крови выступила на морской глади, и тяжелый хвост акулы гулко шлепнул по воде. В оцепенении и ужасе смотрели тридцать четыре

пары глаз на расходящиеся по воде круги.

Гибель Дюланти — первая смерть среди пассажиров шлюпки — грозно напомнила, что эта страшная гостья с косой стоит у каждого за плечами, кружит здесь рядом, высматривая следующую жертву.

Утром седьмого дня, после раздачи воды, Петров объявил:

— Осталось только еще на одну выдачу…

Все опустили головы, боясь взглянуть в глаза друг другу. Долго ни единый звук не нарушал тягостного молчания.

Через час будто волшебная палочка коснулась всех. Население шлюпки зашевелилось. Выпрямились согнутые спины, поднялись головы, кто-то встал, ловя пересохшим ртом воздух. С юга потянуло свежестью, над океаном дул чуть заметный, шелковый ветерок…

Моментально были поставлены оба паруса. С помощью некоторых остроумных приспособлений, придуманных Максвеллом и Потаповым, быстро поставили третий парус. Три пары гребцов, сменяясь каждый час, сидели на веслах, подгоняя лодку ослабевшими руками. Шлюпка двигалась медленно — слишком слаб был ветерок, но ее пассажирам казалось, будто она чайкой

несется по волнам.

В полдень на горизонте показался дымок — легкая тонкая струйка, поднимавшаяся кверху и округло загибавшаяся вправо. Все поднялись с мест. Африканцы испускали радостные крики и горячо жестикулировали. Бамбо стал исполнять на шлюпочной банке победный танец. Ванболен кричал, что это безусловно большой пароход. Максвелл утверждал, будто уже видит его корпус. Гребцы на веслах заработали с небывалой энергией. Шлюпка круто взяла курс на дымок. Все были полны уверенности, что тяжкие испытания уже позади, что час-два — и страхам, голоду и жажде — всему придет конец. Даже сдержанный Драйден, потирая руки, проговорил:

— Ну, наконец-то мы спасены!

И вдруг… вдруг отдаленный дымок стал бледнеть, таять… Вот на горизонте осталось лишь маленькое темное облачко. Вот оно вытянулось, расползлось. И над бескрайней поверхностью моря уже ни облачка, ни струйки. Пароход прошел стороной, не заметив терпящих бедствие. И снова — широкий, ясный, недосягаемый горизонт… Безграничная, волнующаяся, мрачно синеющая под обжигающим солнцем пустыня океана…

Население шлюпки словно было низвергнуто с

неба в ад. Чем ярче светила надежда, тем чернее теперь было отчаяние. Мадам Ванболен билась в истерике. Из глаз Бамбо текли горькие слезы.

Смерть снова кружила вокруг одинокой шлюпки, высматривая добычу…

За последние три дня совсем ослабела четырехлетняя дочка индианки. Таня делала все, что только было в ее силах, она яростно сражалась за жизнь маленького человека. Но зной, голод и жажда делали свое дело: девочка угасала, и ничто не могло спасти ее. И вот наступил час, когда свершилось неизбежное: девочка умерла.

Разум обезумевшей матери не хотел примириться с этим. Глядя воспаленными глазами на дочь, она продолжала прижимать ее тельце к груди, не замечая холода, сковавшего члены бедного ребенка.

Прошли час, два, три… Не выпуская девочки из объятий, индианка продолжала укачивать ее и запекшимися, черными губами все нежнее пела ей колыбельную песенку. Между тем лучи тропического солнца делали свое дело. К вечеру тело умершей стало разлагаться. Обитатели шлюпки начали роптать. Кришна попытался было взять тело ребенка, чтобы похоронить его в волнах, но мать пришла в такое неистовство, что индиец

отступил.

И мать снова пела свои бесконечные песенки, все теснее прижимала к себе дочурку, и все безумнее становилось ее лицо.

Наконец генерал Блимп не выдержал.

— Да выбросьте же вы ее в воду! Безобразие! — крикнул он.

Кришна снова пробрался к несчастной матери и с помощью двух соотечественников с трудом разомкнул ей руки. Выхватив тельце девочки, он с отчаянием взглянул в высокое звездное небо, пробормотал какие-то слова и нежно опустил свою ношу за борт в черные волны.

В тот же миг раздался душераздирающий крик, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, женщина вскочила и бросилась в океан…

…На следующее утро была выдана последняя порция воды. В тот же день сердечный удар поразил толстяка Крейгера. Избалованный организм бурского помещика, еще раньше подорванный невоздержанной жизнью, сдал. Сыграли свою роль и потрясения иного порядка: Крейгер зверем смотрел на негров и индийцев, его душило бешенство, что он уравнен с ними во всем, что он гнет спину над веслом рядом с черными. Таня

сделала все, что в таких случаях предписывает медицина. Однако скоро для нее стало ясно, что в лучшем случае Крейгер протянет еще несколько часов.

Одновременно с Крейгером заболел молодой негр — почти мальчик. Накануне он выловил из воды какого-то неизвестного моллюска и, мучимый голодом, съел его. Утром его стало корчить от острых резей в желудке, началась кровавая рвота. Юноша обессилел, впал в забытье. Сердце его чуть пульсировало, но Таня знала, что если сердце поддержать, то парень наверняка выживет.

За время блужданий по океану походная аптечка Тани почти иссякла — приходилось лечить едва ли не всех пассажиров шлюпки. Когда у Крейгера началась предсмертная агония, к Тане бросился Ванболен:

— Мадам Петрова, Крейгер умирает!.. Впрысните ему камфару! Облегчите последние минуты!..

— Я не могу этого сделать, — вспыхнув, ответила Таня. — Камфары осталось только на один укол… И, если не впрыснуть ее этому мальчику, он умрет. А если впрыснуть, он будет жить.

Ванболен остолбенел.

— То есть как? — воскликнул он. — Вы хотите

последнюю дозу камфары отдать черному?!

Бурский полковник Дрентельн и его жена издали какое-то звериное рычание, а мадам Ванболен в бешенстве спросила:

— Значит, вы не хотите поддержать силы умирающего белого человека и христианина? Вы предпочитаете ему грязного черного мальчишку?

— Да-да! — подхватил Драйден. — Ведь речь все-таки идет о белом человеке! Об этом нельзя забывать!

Генерал Блимп, Петерсены, профессор Мандер и другие англичане смотрели на Таню с нескрываемым возмущением.

Таня поднялась. В глазах ее сверкнуло негодование.

— Для меня нет белых и черных, — жестко сказала она. — Для меня есть только люди, которых я лечу по мере своих знаний и возможностей. Крейгера укол не спасет. Он обречен. А этот юноша будет жить! Кстати, господа, он тоже христианин, если для вас это так важно… Свой последний укол камфары я обязана отдать тому, кого он может спасти. Так велит мне долг врача.

«Молодец Танюха!» — с восхищением подумал Степан.

…Голод, мучительный, неутихающий голод уже много дней терзал пассажиров шлюпки №3. Одна галета в день — что это для взрослого человека? Первые два дня после катастрофы были ужасны: каждому казалось, что внутри у него сидит какой-то хищный зверь, который рвет когтями желудок, печень. Потом боль несколько ослабела, стала более тупой, ноющей. Некоторые впали в состояние длительного изнеможения: не хотелось ни говорить, ни двигаться; хотелось лишь закрыть глаза, лечь и безвольно отдаться течению времени и событий.

Но были и такие, которым все еще хотелось есть, есть, есть. Во что бы то ни стало — есть! Они жадно высматривали, выискивали, чем бы утолить терзавший их голод или хотя бы на время обмануть свой желудок. Они вылавливали из моря моллюсков, каких-то рачков, медуз и немедленно все поглощали, мучаясь потом острыми болями и рвотой.

Попытки рыбной ловли ни к чему не привели. На самодельные крючки и снасти рыба не брала. Правда, Мако ухитрился поймать большого тунца, но это была единственная удача.

Так преступное легкомыслие капитана Смита, не обеспечившего спасательные шлюпки ава-

рийным запасом, обрекло людей на медленное голодное умирание.

Ночью подул сильный ветер. По океану пошли большие волны, сверкнули молнии. Лодка снова превратилась в щепку, ныряющую между громадами водяных хребтов. С неба хлынули потоки тропического ливня.

Вода! Вода!

Люди уже второй день не имели во рту ни капли влаги, их распухшие языки с трудом двигались во рту. И вдруг на них обрушились буйные струи чудной, прохладной, живительной воды! Ее было много, сколько угодно! Она текла за ворот, омывала лица, наполняла шлюпку; ее приходилось выплескивать в океан… Запрокинув головы, люди ловили воду открытыми ртами, набирали ее в сосуды, пили, пили… Никто не обращал внимания на то, что шлюпку может вот-вот перевернуть крутой волной. Все, что можно наполнить водой, было использовано, и на шлюпке оказался запас воды больший, чем в момент катастрофы.

Жажда отступила, но зловещий брат ее — голод — подошел вплотную.

На десятый день все получили по последней галете. Мако сбил шестом на лету пять летучих рыб. Их сырыми роздали самым слабым. Мако не взял

себе ни одной. Больше пополнения ждать было неоткуда. Всюду, куда ни падал взгляд, шумел океан — безбрежный, могучий, бесстрастный…

Возбуждение, вызванное дождем, скоро улеглось, и людьми снова овладела безнадежность, тупая покорность неизбежной смерти.

Силы оставляли их…

У Дрентельнов умер ребенок, и сами они находились между жизнью и смертью. Ванболен без движения лежал на дне шлюпки; жена его непрерывно беззвучно плакала, вглядываясь в немую даль горизонта. Профессор Мандер бредил какими-то птицами и насекомыми. Сестра Кроули лежала будто в летаргическом сне, и сердце ее почти не билось. Буфетчик Наттинг, индиец Кришна, генерал Блимп и большинство негров впали в состояние тупой дремоты и, изредка просыпаясь, с изумлением смотрели на своих спутников, странно тряся головами.

Степан и Александр Ильич едва держались ценой последнего напряжения воли. Таня всячески старалась не сдаваться, но силы ее явно иссякали. Она походила сейчас на худенького, изможденного мальчика-подростка, перенесшего тяжелый недуг. Давно поблекли ее живые краски, и только голубизна глаз, неправдоподобно больших на

осунувшемся лице, еще говорила о жизни.

Мэри была совсем плоха. Она едва могла шевелиться. Зато Таволато обнаружил необыкновенную силу и выдержку. Сравнительно хорошо переносили страдания африканцы Мако и Бамбо, лейтенант Максвелл и механик Шафер. К удивлению Петрова, известную бодрость сохранял и Драйден. Он был, правда, очень слаб, но не терял ни сознания, ни интереса к окружающему.

…Беззвучно скользила над бездной шлюпка №3, плавучий островок полусмерти-полужизни, грозивший скоро превратиться в плавучую могилу.

— Степан, ты помнишь, что сегодня за вечер? — слабым, чужим голосом спросила Таня.

— Да, Танюша, помню… Тридцать первое декабря. Завтра — Новый год. Вот где пришлось его встретить…

В вышине дрожали крупные звезды. Все вокруг покрывала густая, черная тьма. Внизу, под зыбко качающейся шлюпкой, тихо дышал бездонный океан.

Таня тесно прижалась к Степану.

— А в Москве сейчас мороз… Хорошо! Люди вместе собираются, читают письма с фронта друзьям, соседям… Скоро сядут за столы, поднимут рюмки за тех, кто в землянках, за победу…

Ослабев, она умолкла. Степан нежно положил ее голову к себе на колени.

Передохнув, Таня снова начала:

— А у нас дома? Мама на кухне и вокруг стола хлопочет… Папа тоже дома. Ванёк вертится под ногами, нацепил твой кортик и с Гитлером воюет… — Голос Тани дрогнул, в нем послышались слезы. — Сынок мой милый, мальчишенька… увижу ли я тебя?..

По щекам Тани покатились слезы, оросили руки Степана. Он безмолвно сжал худенькую ладонь жены.

Прошло несколько минут. Снова послышался приглушенный голос Тани:

— Знаешь, я начинаю терять надежду, что мы… — Таня запнулась на слове, которое не хотела произнести вслух. — Вот уже одиннадцать дней, как мы плывем, а земли все нет… Будет ли она?

— Будет, Таня! Поверь, мы увидим землю, — стараясь придать своему голосу убедительность, сказал Степан.

По его расчетам, за одиннадцать дней шлюпка прошла на северо-запад не меньше восьмисот миль, но где же остров Девы? Что, если произошла ошибка в курсе?.. Ведь шли, ориентируясь лишь по звездам и солнцу.

«Проклятый Смит! — мысленно выругался Петров. — Если бы у нас имелись точные инструменты, мы давно бы уже были в безопасности!»

Словно подслушав его мысли, Таня спросила:

— Скажи мне правду: ты веришь, что мы доберемся до этого острова?

— Верю! Невзирая ни на что, верю! До конца, до последней минуты надо верить, чтобы бороться за жизнь, — твердо ответил Петров.

Почувствовав в воздухе прохладу, он достал пальто, которого Таня давно не надевала, и заботливо накинул его на плечи жены. Таня тихонько плакала, вспоминая о доме, о сыне. Машинально она полезла в карман пальто за платком и вдруг радостно воскликнула:

— Степан, смотри, что я нашла!

И она вложила в его руку связанный узлом платочек.

— Что это? Темно, я ничего не вижу…

— Это горсточка родной земли с бакинского аэродрома. Помнишь, я завязала ее в носовой платок перед отлетом?

Степан сжал в своей ладони платочек с землей и Танину руку.

— Вот и мы с тобой получили новогодний подарок с Родины, — шепнул он Тане.

Обоим стало как-то легче.

— Который час? — спросила Таня.

Петров всмотрелся в светящийся циферблат: стрелка показывала без трех минут двенадцать. Он тотчас встал и, обращаясь в темноту, громко по-английски провозгласил:

— Новый год!.. Пусть принесет он нашим странам победу, а нам — спасение!

Из мрака отозвались три слабых голоса:

— Новый год!

— Новый год!

— Новый год!

Остальные молчали…

Молчало небо. Молчала тьма. Только волны океана перекатывались с тихим рокотом.

Шел тринадцатый день после катастрофы…

Солнце неистовствовало в вышине. Легкий бриз чуть волновал поверхность океана. Водная пустыня привычно и жестоко убегала в даль горизонта.

Шлюпка №3 медленно продвигалась вперед. Куда? В никуда… Ясной ориентировки ни у кого уже не было.

В последние два дня смерть собрала богатую жатву. Умерли мадам Ванболен, сестра Кроули, фабрикант Петерсен. Умерли двое негров и один

индиец. Драйден, Таня и Мэри лежали без движения. Они не умерли, нет, но смерть уже заглянула им в глаза.

Пять человек еще сохраняли признаки жизнедеятельности. Это были Максвелл, Таволато, Мако, Петров и Потапов. Они кое-как управляли парусом. Надежда добраться до острова Девы почти исчезла из их сердец. Они одолели уже столько сотен километров, а острова все не было! Так чего же ждать? Впереди расстилался ненавистный пустынный океан. Дорога к смерти…

В сущности, не стоило бы даже тратить сил на парус, на движения. Пусть несет шлюпку по воле океанского течения… Но все же полусознательно, машинально люди продолжали делать привычное дело.

Петров находился уже у последней грани своих сил. Страшным усилием воли заставлял он себя двигаться, разговаривать. Глаза сами собой закрывались, голова склонялась на грудь, но в затуманенном мозгу все время маячило: «Что станет со шлюпкой, если мы, пятеро, окончательно свалимся?»

…Вдруг Максвелл судорожно схватил Петрова за руку и, указывая на небо, крикнул:

— Мистер Петров, смотрите!

Степан с трудом открыл глаза и посмотрел вверх.

— Птицы, — равнодушно бросил он.

За эти тринадцать дней он видел много птиц — чаек, альбатросов, — потом они исчезли, теперь снова появились… Он не мог понять волнения Максвелла.

— Да, конечно, птицы, — серьезно возразил Максвелл. — Но какие птицы?

Петров вгляделся, и дремота вдруг сразу соскочила с него. Высоко в голубом небе кружили птицы, но совсем не те, что встречались над океаном до сих пор. Эти были другие — и по размерам, и по оперению, и по полету. Степана осенила невероятная, ослепительная мысль, но, сдерживая себя, он небрежно спросил:

— Какие же это птицы, Максвелл? Вы знаете?

— Могу поклясться, что не морские, но какие именно, не знаю…

— Послушайте, Максвелл! — закричал Петров. — Ведь если они не морские, так, значит...

Он не докончил фразы. Максвелл и без того прекрасно понял его.

— Как бы это поточнее выяснить? — нетерпеливо воскликнул Петров и тут же хлопнул себя по лбу.

Искусно маневрируя между лежавшими в

шлюпке телами, он пробрался к Мандеру, который больше походил на труп, чем на живого человека, и попытался растолкать ученого. Тот даже не пошевелился. Тогда Петров вылил на Мандера несколько ведер морской воды. Мандер слегка шевельнул руками, ногами, но глаза его остались по-прежнему закрытыми. Петров задумался и вдруг вспомнил: в плоской металлической фляжке у него сохранилось несколько глотков коньяку. Для Тани, чтобы с самую критическую минуту поддержать ее. Но теперь… Степан разжал губы Мандера и влил в них несколько капель. Это возымело свое действие. Голова профессора чуть повернулась, веки слегка приподнялись. Петров с силой схватил его за шиворот, посадил и, подавляя волнение, прокричал в ухо:

— Ради бога, мистер Мандер! Вы орнитолог… Смотрите, птицы!

Мандер бессмысленно уставился на Петрова, не узнавая его, потом на небо, и какая-то искра мелькнула в его безучастных глазах.

— Сэр! Бога ради, где обитают эти птицы, где они кормятся? — взмолился Максвелл. — В море или на берегу?

Мандер слабо кивнул головой и едва слышно

пробормотал:

— Лесные, на суше…

— Но как далеко они залетают в море? — продолжал его допытывать и трясти Петров.

— М… м… а… а… — беспомощно забормотал профессор, силясь что-то сказать. Но глаза его снова закрылись, голова повисла.

— Мы узнали самое главное. Давайте следить за птицами, — предложил Петров, перестав тормошить ученого. — Будем держать курс по их полету.

Птицы долго кружили на одном месте, но потом, точно по команде, с громкими криками повернули на восток и понеслись к горизонту.

— Курс ост! — решительно скомандовал Петров.

Шлюпка сделала неуклюжий поворот и медленно поплелась в новом направлении. Птицы давно скрылись. А пятеро на шлюпке, переходя от надежды к отчаянию и снова к надежде, смотрели на восток.

Прошел час. Петров не отводил глаз от бинокля. Впереди лежала синяя гладь моря, впереди — все тот же далекий, слегка затуманенный горизонт. Ничего нового! Птицы больше не появлялись…

Прошло еще несколько времени. Степан не

смог бы сказать — сколько именно. Вдруг Таволато вскочил и стал пронзительно кричать, колотя себя в грудь.

— Что с вами? — воскликнул Петров. «Карло не выдержал, сошел с ума…» — с ужасом подумал он.

— Я вижу! — восторженно кричал Таволато, протягивая руки вперед.

Степан лихорадочно схватился за бинокль. Да, не могло быть сомнений: вдали, на самом горизонте, среди ровной глади моря чернела точка. Крошечная, едва заметная. На лбу Петрова выступили крупные капли пота: «Неужели правда?..» Он передал бинокль Максвеллу, чтобы проверить себя. Мгновение спустя Максвелл испустил крик не менее дикий, чем Карло:

— Земля!

Теперь все пятеро по очереди хватались за бинокль. Но скоро он стал не нужен. Точка увеличивалась, густела. Вот она превратилась в тонкую, четкую полоску.

Ах, как медленно ползла шлюпка, как нескончаемо долго приближалась она к земле! Скорей! Скорей! Если бы она двигалась волей, нервами, желаниями людей, она понеслась бы вперед со стремительностью торпеды.

Но шлюпка все шла да шла неторопливым ходом, чуть покачиваясь на легкой волне.

Вот полоска стала дрожать, туманиться: горячий воздух струился над землей… Вот она развернулась в маленький островок с обрывистыми скалистыми берегами… Уже можно было различить утесы, заливы, трещины, неровности почвы…

Вот, наконец, мелькнули белые стены домиков, красные черепичные крыши. Показались деревья, сады…

— Таня! Таня! Проснись! Земля!

Степан тормошил Таню и старался вывести ее из состояния небытия. Таня открыла глаза, попыталась сесть, но голова закружилась, и она вновь опустилась на дно шлюпки…

Между тем на берегу появились люди. Они жестикулировали и подавали какие-то сигналы. Потом кто-то поднял на высоком древке белый флаг и пошел с ним вдоль берега, приглашая шлюпку следовать за ним. Стало ясно: берег с этой стороны скалистый и обрывистый, пристать негде; гавань, очевидно, где-то в другом месте.

Шлюпка медленно обогнула вдавшийся в море каменный мыс и затем пошла вдоль берега, который быстро понижался. Показался пляж, за ним

— узкий вход в небольшую внутреннюю бухту. Со всех сторон к бухте бежали люди.

Развернувшись, шлюпка скользнула в бухту. Здесь стояли две моторки, было много рыбачьих лодок и шаланд. На якоре слегка покачивались две парусные шхуны.

Толпа на берегу следила за эволюциями шлюпки затаив дыхание. Когда нос ее, наконец, врезался в песок, поднялся страшный крик, все бросились вперед.

— Дошли! — тихо выдохнул Степан.

Он неуверенно перешагнул через борт и тут же упал, потеряв сознание.

Глава шестнадцатая
Остров Девы

Открыв глаза, Степан увидел над головой что-то белое, спокойное. Он лежал на чем-то мягком, странно устойчивом. Ни привычного плеска волны, ни зыбкого покачивания… Тишина…

Степан напряг память, но ничего не мог припомнить. Он пытался пристальнее вглядеться в белое над головой, но оно расплывалось и таяло. Не хотелось ни смотреть, ни думать, ни двигаться. Так бы лежать, лежать, не задаваясь вопросом: жизнь это или смерть?.. И снова закрылись глаза, погасло сознание…

Когда Степан опять полуоткрыл веки, то почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Он сделал усилие, повел глазами в сторону и увидел пожилую женщину в темном платье с красным крестом на накрахмаленной белой косынке.

— Наконец-то вы пришли в себя, сэр! — удовлетворенно сказала женщина по-английски.

Петров непонимающе поглядел на нее, но ничего не ответил. В его больном мозгу шла смутная, тяжелая работа, и английские слова пока еще не доходили до сознания.

— Вы долго были в бессознательном состоянии, сэр, — продолжала женщина. — Бог мой, когда подумаешь, чего вы натерпелись! Но теперь, слава богу, скоро все будет в порядке…

Женщина была словоохотлива.

— Меня зовут сестра Тилли, сэр, — представилась она. — Я работаю в этой больнице. Вы, должно быть, голодны? Сейчас я принесу вам поесть, но только очень немного… Чуть-чуть… После такого поста нужно быть очень осторожным, сэр!

Она тихонько, неслышными шагами выскользнула из палаты и минуту спустя вернулась с маленькой чашечкой бульона.

— Вот выпейте это, сэр, — сказала она, точно обращаясь к маленькому ребенку. — И пока хватит… Больше — ни-ни!

Сестра Тилли забавно погрозила пальчиком и слегка приподняла голову больного. Когда бульон был выпит, она нравоучительно сказала:

— Теперь лежите спокойно и, пожалуйста, не волнуйтесь, сэр.

— Где моя жена? — спросил Степан, с трудом вспоминая английские слова.

— Она в женской палате, сэр, — быстро ответила сестра Тилли. — Она уже пришла в себя…

— Могу я ее видеть?

— Пока еще рано, сэр. Вам сейчас вредно всякое волнение. Но вы не должны беспокоиться: мадам быстро поправляется.

Сестра ушла, а Степан стал оглядываться. Он уже ясно понимал, что над головой белый потолок, что лежит он на кровати, укрытый одеялом. В окно врывались широкие полосы красноватого света. «Должно быть, закат», — сообразил он. И тут им овладели туманные видения: катастрофа… шлюпка… океан, бесконечный океан… птицы, крик Карло…

«Мы спасены! — внезапно понял он. — И потолок, и сестра Тилли, и бульон — не галлюцинация!»

Ликование так переполнило и потрясло его, что он готов был сейчас же вскочить на ноги, но смог только медленно повернуть голову.

На соседней кровати лежал Александр Ильич. Саша! Он спал здоровым сном, громко присвистывая носом. Напротив стояли еще две кровати, и Степан увидел на них Драйдена и Ванболена. Никто не двигался.

«Или спят, или еще не очнулись», — подумал Петров, и веки его стали сами собой закрываться. Мысли в голове путались: ему казалось, что он

куда-то едет, но как-то странно — не поездом, не автомобилем, не пароходом и не самолетом, а просто несется вперед, быстро, парит в свободном, безграничном пространстве, не делая никаких движений, не прилагая никаких усилий… И он заснул крепким, целительным сном выздоравливающего человека.

Его разбудили яркие лучи солнца, врывавшиеся в окно. Было утро.

На соседней постели полулежал в подушках Потапов. С улыбкой глядя на проснувшегося Степана, он сказал по-русски:

— Ну, брат Степа, и спали же мы!..

— Да, вздремнули, — откликнулся Петров. — Не пора ли вставать?

И он попытался спустить с кровати ноги. Однако страшная слабость сковала его.

Вошла сестра Тилли.

— Что вы, что вы, сэр?! — испуганно воскликнула она. — Вам надо по крайней мере еще два дня провести в постели, сэр!

— Ну хорошо, — смирился Петров, — буду лежать. Но нельзя ли принести мне чернила и бумагу? Я должен отправить телеграмму.

Сестра Тилли с сомнением посмотрела на Петрова, но потом смилостивилась и сказала:

— Так и быть, посылайте телеграмму. Но только без волнений, сэр!

И, когда Петров поклялся, что будет спокоен, как улитка, сестра Тилли принесла письменные принадлежности. Петров взял бумагу и перо и задумался. Потом медленно, непослушными пальцами написал по-английски адрес:

«Лондон, Советскому послу».

И дальше уже по-русски, но латинскими буквами:

«Я, капитан третьего ранга Петров, моя жена и капитан инженерных войск Потапов плыли на борту английского парохода «Диана», торпедированного немецкой подводной лодкой в Южной Атлантике. Тринадцать суток блуждали в шлюпке по океану. Сейчас находимся в больнице на острове Девы. Горячо просим вас помочь нам поскорее добраться до Англии, чтобы оттуда поехать к месту нашего назначения в Швеции. Не откажите уведомить о нашей судьбе и местонахождении Наркомвоенмор в Москве. Петров».

Степан дважды перечитал текст и удивился большим, детским буквам. Внезапно его осенило: «А что, если это не остров Девы?»

— Александр, где мы находимся? — с беспокойством спросил он Потапова.

— Думаю, на острове Девы… — отвечал тот. — Но точно не могу сказать.

Когда сестра Тилли вновь появилась в палате, Петров нетерпеливо спросил ее:

— Как называется эта земля?

— Остров Девы, сэр, — несколько обидевшись, заявила сестра.

Ей казалось, что всякий должен знать: остров Девы — это есть остров Девы!

Петров протянул ей телеграмму и сказал:

Очень прошу вас срочно отправить эту телеграмму.

…В западной части Лондона, в районе Кенсингтона, есть улица Кенсингтон Палас Гарденс. Она не длинна — едва ли больше полукилометра. Она не бойка — движение по ней редкое и медлительное. Она не блещет зеркальными стеклами витрин и богатыми выставками товаров — здесь нет ни одного магазина. И тем не менее эта маленькая, тихая улица хорошо известна всему Лондону, ибо это совсем особенная улица.

В прежние времена Кенсингтон Палас Гарденс называли «кварталом миллионеров». И недаром! Здесь стояли роскошные особняки самых знатных и богатых людей столицы — лордов, банкиров, крупных промышленников, колониальных тузов, индийских магараджей. При каждом особняке был свой сад, а сама улица с обеих сторон окаймлялась вековыми деревьями, что превращало ее в длинную тенистую аллею.

Одной своей стороной улица примыкала к знаменитым «Садам Кенсингтона» — тенистому парку, с гигантскими липами и платанами, с большими лужайками и красивыми клумбами, с прелестными прудами. Поэтому улица являла собою настоящее чудо: находясь в центре гигантского девятимиллионного города, она дышала сельской идиллией, тихо дремала в зеленой тени. Сюда не доносился грохот британской столицы, здесь не было ее сутолоки. Автомобилям разрешалось двигаться по этой улице со скоростью не более двадцати километров. Запах бензина поглощался зеленью, и воздух был чист и прозрачен.

Да, Кенсингтон Палас Гарденс представляла собой островок комфорта, чинного спокойствия и «благорастворения воздухов» в самом сердце

исполинского человеческого муравейника со всеми его внутренними противоречиями и социальными контрастами. Как бы для того чтобы еще больше подчеркнуть исключительность этой улицы, на обоих ее концах стояли ворота, закрывавшиеся на ночь. У ворот дежурили сторожа в цилиндрах и расшитых галунами ливреях, которые после двенадцати часов ночи останавливали каждый автомобиль и каждого пешехода и спрашивали, к кому именно направляется машина или достоуважаемый господин. Сторожам «помогала» старая, разжиревшая собака, до такой степени облинившаяся, что даже никогда не лаяла. Содержание сторожей и собаки оплачивали владельцы роскошных особняков, ибо по какому-то капризу старинных традиций (а таких капризов в английской жизни немало) Кенсингтон Палас Гарденс считалась «частной улицей», то есть улицей, принадлежавшей этим владельцам и лишь с известными оговорками признававшей над собой порядки и власть лондонского городского муниципалитета.

Так было в прежние времена. Но, как гласит известная древнеримская пословица, «времена меняются», а с временами меняются и люди и обстоятельства.

В 1930 году в истории Кенсингтон Палас Гарденс произошла революция. Вернее, самая революционная из всех революций в истории внезапно ворвалась под развесистые кроны ее вековых деревьев. Случилось это так.

В 1927 году английское консервативное правительство Болдуина, устроив провокационный налет на «Аркос», прекратило дипломатические отношения с Советским Союзом. Болдуин рассчитывал, что этот шаг послужит сигналом к аналогичным действиям со стороны других капиталистических держав и что таким образом создастся благоприятная обстановка для изоляции «страны большевиков» и нового крестового похода против нее.

Однако ожидания английских «твердолобых» не оправдались: ни Франция, ни Германия, ни Япония, ни какая-либо иная капиталистическая держава не последовали примеру Англии. Напротив, они попытались занять на советском рынке место, освобожденное Великобританией. Для английских консерваторов сложилась крайне обидная и невыгодная ситуация, и на выборах 1929 года они потерпели поражение. К власти пришло второе лейбористское правительство Макдональда, которое восстановило с Советским

Союзом дипломатические отношения.

В начале 1930 года в Лондон вернулось советское посольство. Ему нужно было помещение. Прежнего посольского дома, который представители СССР занимали раньше, уже не было. Тот дом был арендован еще царским правительством на шестьдесят лет, и срок его аренды закончился в 1928 году. Найти новое помещение оказалось делом чрезвычайно трудным. Несмотря на победу лейбористов, консерваторы оставались очень сильными и были настроены антисоветски. Большинство владельцев крупных особняков принадлежали к консервативным кругам и не хотели сдавать своих помещений большевикам. Советское посольство осмотрело чуть не сотню подходящих зданий, но каждый раз заключение сделки срывалось. Получалось очень странно: если владелец дома соглашался передать его в аренду советскому посольству, то владелец земли, на которой стоял дом (в Англии это часто разные лица), заявлял протест; если владелец земли соглашался заключить сделку с «большевиками», то владелец дома накладывал свое вето. Богатые лондонские лендлорды отказывали советскому посольству в приюте, несмотря на то, что лейбористское правительство восстановило

дипломатические отношения с СССР.

Еще раз было продемонстрировано, что в буржуазном государстве фактическая власть находится в руках того, кому принадлежат земли, дома, деньги.

Наконец счастье улыбнулось посланцам Москвы. Тяжелый мировой кризис 1929 года сильно ударил по многим магнатам капитала. Среди них оказался некий южноафриканский «шерстяной король», владелец солидного особняка на Кенсингтон Палас Гарденс. Остро нуждаясь в наличных деньгах, он решил сдать его кому угодно, лишь бы сразу получить арендную плату за много лет вперед.

Советское посольство приняло это условие. Земля, на которой стоял дом, принадлежала дворцовому ведомству. Король Англии не мог, разумеется, наложить вето на сделку между «шерстяным королем» и советским правительством: ведь он сам как глава страны только что санкционировал восстановление официальных отношений с СССР!

Владельцы особняков на тихой Кенсингтон Палас Гарденс, прослышав о грозящей их «частной улице» опасности, подняли невероятный шум и пытались расстроить сделку. Однако «шерстя-

ной король» находился в слишком критическом положении и не мог отступить. В результате советское посольство обосновалось в «квартале миллионеров», к ужасу его аристократических обитателей.

Да, это был скандал! И «большевики» поспешили еще подсыпать соли на болезненную рану, вызванную их вторжением в священную обитель высшей аристократии. Дом «шерстяного короля» был тринадцатым по счету. Англичане суеверны, они не любят число «13». И потому дом «шерстяного короля» обозначался не номером, а именем одного из его прежних владельцев: он назывался «Дом Гаррингтона». Но эти «красные из Москвы», нимало не смущаясь, закрасили слова «Дом Гаррингтона» и поставили на их место цифру «13», как бы желая подчеркнуть, что они не боятся ни бога, ни дьявола.

Так совершилось «грехопадение» чопорной Кенсингтон Палас Гарденс…

В один из хмурых дней начала января 1943 года к крыльцу советского посольства ловко подкатил мальчик-велосипедист в форме почтового ведомства и, быстро взбежав по ступенькам, передал привратнику кипу очередных телеграмм.

Несколько минут спустя в кабинет советского посла вошел первый секретарь и, протягивая послу листок бумаги, сказал:

— Телеграмма на ваше имя с острова Девы.

— С острова Девы? — удивился посол, отрываясь от газет, которые просматривал.

Он развернул телеграфный бланк. На нем стояло:

«Лондон. Советскому послу. Я, капитан третьего ранга Петров, моя жена и капитан инженерных войск Потапов…»

Дочитав телеграмму до конца, посол снова перечитал ее и задумчиво произнес:

— Остров Девы…

Посол встал и прошелся по кабинету. Остановившись у окна, выходившего в сад, он обернулся к первому секретарю и с улыбкой проговорил:

— Знаете, Петр Васильевич, эта телеграмма невольно напомнила мне мальчишеские годы.

И он вполголоса продекламировал:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем,
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем!

Есть остров на том океане,
Пустынный и мрачный гранит…

Посол оборвал чтение, улыбнулся своим воспоминаниям и продолжал уже деловым тоном:

— Ну, а теперь надо выручать наших соотечественников с романтического гранита, куда их занесло по классическому рецепту Жюля Верна. С чего начнем?

— Они просят о скорейшем выезде в Англию, — напомнил первый секретарь.

— Да, конечно! — согласился посол. — И мы сделаем для этого все возможное. Но будем трезво смотреть на вещи. Остров Девы лежит в стороне от больших морских дорог. Сейчас время военное, суда нарасхват… Мы, разумеется, добьемся, чтобы какое-либо судно зашло на остров Девы, но на это потребуется время. А им надо помочь сейчас, немедленно! Надо поддержать их.

Посол задумался, шагая по кабинету, и затем изложил свой план:

— Конечно, мы обратимся в английское министерство иностранных дел. Это само собой разумеется… Но, кроме того, не послать ли мне телеграмму непосредственно начальнику острова? Думаю, эффекта от такой телеграммы будет много

больше, чем от трафаретного бюрократического указания со стороны лондонских чиновников…

Посол усмехнулся и прибавил:

— Ведь начальник острова Девы не часто получает телеграммы от «русского посла» в Англии! Думаю, что за всю историю острова еще не было такого случая…

Посол взялся за перо и несколько минут спустя протянул первому секретарю листок бумаги, на котором было написано по-английски:

> «Начальнику острова Девы. Трое советских граждан — супруги Петровы и Потапов — в результате кораблекрушения, причиненного немецкой подводной лодкой, оказались на острове Девы. Прошу Вас оказать им всяческое содействие. Перевожу на Ваше имя для них по телеграфу 50 фунтов. Принимаю меры к скорейшей эвакуации моих соотечественников с острова. За исполнение моей просьбы буду весьма признателен».

Дальше шла подпись посла с его полным титулом.

— Но этого мало, — продолжал посол, снова берясь за перо. — Надо их самих подбодрить!

Перо снова заходило по бумаге. Скоро готова была вторая телеграмма:

> «Остров Девы. Находящемуся в больнице капитану Петрову с товарищами. Поздравляю со спасением и желаю скорого выздоровления. Принимаю меры к вашей быстрейшей эвакуации с острова Девы, но прошу иметь в виду, что это потребует времени. Одновременно телеграфирую начальнику острова с просьбой оказать вам содействие и перевожу ему для вас 50 фунтов. В случае надобности пришлю еще. Наркомвоенмор извещаю о вашей судьбе и местонахождении. Давайте знать о себе».

— Мистер Петров, вам телеграмма из Лондона! От советского посла!

Голос сестры Тилли слегка дрожал. Еще бы! Ведь ей никогда еще не приходилось держать в руках телеграмму от столь высокого отправителя.

Пока Петров читал, сестра Тилли скромно стояла в стороне и думала: «Должно быть, мистер Петров очень важный человек, если ему шлет телеграммы сам советский посол в Лондоне!»

Драйден, уже несколько оправившийся от пе-

ренесенных испытаний, с любопытством следил за этой сценой.

Петров передал телеграмму Александру Ильичу, а затем просил отнести Тане. До сих пор он еще не видел ее: больничный врач запретил всем спасенным оставлять постели. Но коротенькими записочками Степан и Таня обменивались.

Несмотря на нетвердость в английском языке, Потапов уже вполне ориентировался в больничной обстановке и сообщил Петрову собранные им сведения:

— Генерал Блимп, Петерсен, Максвелл и Дрентельн лежат в соседней палате, профессор Мандер и механик Шафер — вместе с местными больными. А с Таволато вышла целая история. Его хотели поместить в сарае с цветными, Мэри же — в палату для белых женщин. Но Мэри решительно запротестовала и потребовала, чтобы и ее положили в этот сарай. Тогда администрация отвела супругам Таволато отдельную комнату. Они почти поправились и передают всем нам горячий привет.

— А где же наши темнокожие друзья, африканцы? — спросил Степан.

— Темнокожие? С ними поступили, как и следовало ожидать: затолкали в какой-то сарай, и

они валяются на земле, даже без коек…

— Да, быстро кончилось их равноправие… — задумчиво произнес Петров. — Но думаю, что они не забудут опыта тринадцати дней в океане…

Днем сестра Тилли вбежала в палату еще более взволнованная, чем утром.

— Джентльмены! — торжественно обратилась она к Петрову и Потапову. — Вас хочет видеть супруга начальника острова. Она лично приехала в больницу! Будьте добры, поскорее оденьтесь!

Степан и Александр Ильич накинули на себя больничные халаты.

— Мы готовы.

— Как? — ужаснулась сестра Тилли. — Вы хотите в таком виде представиться супруге начальника острова? Нет-нет! Я сейчас принесу ваши костюмы, их уже привели в порядок.

— К чему? — пожал плечами Петров. — Ведь мы здесь не офицеры, а больные. А парадная форма больного — больничный халат.

Сестра Тилли была ошеломлена, но не решилась протестовать. Она только торопливо прибавила:

— Пойдемте скорее, джентльмены, чтобы не заставлять ждать миледи. За миссис Петровой уже послали.

Оба советских офицера вышли из палаты, предводительствуемые раскрасневшейся сестрой Тилли. Скоро она вернулась в палату, стремясь облегчить перед кем-нибудь свое переполненное новостями сердце.

— Вы знаете, джентльмены! — воскликнула она. — Советский посол в Лондоне прислал начальнику острова телеграмму о господах Петровых! Просил о них позаботиться! Это очень важные особы! И деньги для них перевел… Вот как!

Сестра Тилли адресовалась к Драйдену и Ванболену, ожидая ответной реакции на столь потрясающую новость. Но оба джентльмена равнодушно молчали. Это обидело сестру Тилли, и она торопливо удалилась, скороговоркой бросив:

— Пойду посмотрю, что там делается…

Когда сестра Тилли вышла, Драйден раздраженно сказал:

— Ужасные люди!

— Кто? — не поняв его, спросил Ванболен.

— «Кто! Кто»! — с еще большей запальчивостью воскликнул Драйден. — Конечно, большевики!

— Я согласен с вами, сэр Вильям, что большевики ужасные люди, — промолвил золотопромышленник. — Но почему вы вспомнили об этом

именно сейчас?

Драйден приподнялся и сел на своей постели.

— Почему? Изволите ли видеть… Три советских человека потерпели крушение и попали на остров Девы; не какие-нибудь особо выдающиеся фигуры, а просто обыкновенные советские офицеры в небольших чинах… И что же происходит? Они шлют с острова телеграмму своему послу в Лондон. Заметьте, не в консульство, не в посольство, а лично послу! Посол немедленно отвечает им, посылает деньги, да еще телеграфирует начальнику острова. И вы видите результат! — Банкир оправил одеяло и невесело усмехнулся. — Я хорошо знаком, — продолжал он, — по крайней мере с четырьмя членами английского кабинета, но до сих пор никто из них не подумал даже поздравить меня со спасением. Меня! Одного из крупнейших банкиров Лондона!

— Но, может быть, сэр Вильям, ваши знакомые не знают о том, что произошло? — предположил Ванболен.

— Как — не знают? Знают! Я телеграфировал отсюда жене и в свой банк. Знают, но молчат! Какое им дело до меня? А эти… — Драйден кивнул в сторону кроватей Петрова и Потапова, — эти крепко спаяны!

Помолчав немного, Драйден желчно продолжал:

— Возьмите, например, господина Петрова… Лично я его очень уважаю. За время наших скитаний по океану мы все имели возможность оценить его высокие личные качества. Я прямо скажу: если бы не этот советский моряк, мы с вами, мистер Ванболен, давно пошли бы на обед акулам! Да, лично я многим обязан Петрову. Но… если в России много таких людей, как господин Петров, то мне становится страшно за наше будущее, за нашу старую цивилизацию. Ведь господа Петровы не скрывают, что они являются нашими противниками. И чем более высокого мнения я о господине Петрове как личности, тем страшнее мне становится…

Ванболен молчал. Он не совсем ясно представлял себе, куда ведет его собеседник.

— А мадам Петрова?.. — продолжал Драйден. — Очаровательная женщина! Хороший врач. Я готов восхищаться ею, но… опять-таки это «но»… Если в России много таких женщин, как мадам Петрова, мне тоже становится не по себе…

— Вы преувеличиваете, сэр Вильям, — возразил Ванболен. — Красивая женщина всегда останется красивой женщиной — и только. Политика здесь

ни при чем.

— Как сказать… Вы помните историю с последним уколом камфары? Я внимательно наблюдал тогда за мадам Петровой. О, какие огоньки загорелись в ее глазах!.. Нет-нет, мадам Петрова — тоже наш противник, и притом весьма опасный противник. — Драйден вздохнул и, как бы подводя итог своим мыслям, мрачно произнес: — Эти люди напоминают мне острый кинжал в ножнах с бархатной оправой. Оправа великолепна, ею любуешься. Но в ножнах все-таки смертельное лезвие! Должен признаться, что до сих пор я недооценивал большевистскую опасность для нас, англичан, да и вообще для наших западных устоев жизни. Но эта встреча с большевиками, эти тринадцать дней в океане многому меня научили! Да, большевики — опасные люди!

И банкир растянулся под одеялом, давая понять, что разговор окончен.

Но тут заговорил Ванболен.

— Я очень рад, что вы, сэр Вильям, изменили свой взгляд на большевиков, — начал Ванболен. — Признаться, меня сильно шокировали некоторые ваши суждения еще на «Диане». В частности, по вопросу о внутренней политике южноафриканского правительства. Мы всегда прекрасно

понимали, как важно держать в узде черных и цветных. Мы не миндальничали и с коммунистами. В Англии нас нередко осуждали за это, но теперь вы сами видите, что мы были правы.

— Должен вас разочаровать, дорогой мистер Ванболен, — невесело рассмеялся Драйден: — я и сейчас во многом не согласен с вашим правительством. Сейчас, пожалуй, даже больше, чем раньше…

— Как так? — изумленно воскликнул Ванболен.

— А так! Если речь идет о необходимости решительно бороться с большевиками, я полностью на стороне вашего правительства. Но вот как бороться? Какими методами? В каких формах? Тут мы сильно расходимся.

— Неужели вы симпатизируете всем этим диким теориям о равноправии белых и черных?

— За кого вы меня принимаете, сэр? — расхохотался Драйден. — Я прекрасно знаю, что белый есть белый, а черный есть черный и должен знать свое место. Но позвольте вас спросить, зачем южноафриканскому правительству нужно было издавать специальные законы об изоляции черных и цветных в особых районах ваших городов, о запрещении свободы передвижения для них и

другие подобные?

— Так что ж, — с возмущением воскликнул Ванболен, — по-вашему, мы должны были примириться с тем, что негры живут среди белых?

— Конечно, нет! — возразил Драйден. — Но к чему в законодательном порядке устраивать гетто? Это пахнет средневековьем. Это дает прекрасный материал всяким левым агитаторам. Ведь той же цели можно достигнуть и другими, менее скандальными средствами. Например, муниципалитет Кейптауна мог бы в определенных частях города, предназначенных для белых, установить известные архитектурные обязательства при постройке домов... В переводе на деньги эти обязательства могли бы быть столь высокими, что автоматически исключали бы возможность появления цветных в этих районах города. Я уверен, что в оправдание таких мер можно было бы найти массу архитектурных, эстетических, гигиенических и всяких других соображений, которые звучали бы убедительно даже для левых агитаторов.

— Все это слишком сложно, — возразил Ванболен. — Мы предпочитаем более простые и крутые средства.

— Вот именно! — с упреком сказал Драйден.

— Но возьмем другой пример. В Кейптауне мне рассказывали о господине Крейгере, который был с нами на шлюпке и о смерти которого я глубоко сожалею… В его поместьях, если не ошибаюсь, была собственная полиция, которая по его личному приказу казнила провинившихся негров самыми варварскими способами. Разве нельзя было поддерживать порядок с менее явным нарушением официальных юридических норм?

— М-да… — усмехнулся Ванболен. — Господин Крейгер был несколько слабоват по части юриспруденции. Но он был богат! Почему бы ему и не иметь своей полиции?

— Разумеется, раз у господина Крейгера были средства, он мог жить в свое удовольствие, — подтвердил Драйден. — Но мне рассказывали, что он без стеснения, под видом «контрактов», покупал рабочую силу у темных дельцов и загонял людей за колючую проволоку, без права выхода. А если кто убегал и был пойман, то господин Крейгер собственноручно избивал беглеца до смерти буйволовой плетью. Почему собственноручно? Это производит дикое впечатление, не правда ли? Ведь для таких деликатных поручений можно иметь специального человека.

— Господин Крейгер, несомненно, допускал

некоторые излишества, — неохотно признал Ванболен, — и я их не одобряю. Но вы, сэр Вильям, придаете слишком большое значение разным сплетням, которые ходят среди черных и цветных. Мы, буры, не обращаем на них внимания. Поверьте, так лучше!

— Не могу с вами согласиться, господин Ванболен! Эти, как вы считаете, «сплетни» разносятся среди цветного населения других частей нашей империи и только укрепляют в них вражду к белым. Они доходят и до белых агитаторов. Для репутации вашей страны это невыгодно…

Ванболен вспыхнул:

— Я отношусь к вам с величайшим уважением, сэр Вильям, но позвольте заметить, что и мы, буры, имеем основание критически относиться к некоторым сторонам политики правительства его величества. Вы слишком миндальничаете с вашими левыми. Вы их совершенно распустили, особенно коммунистов! А теперь еще вступили в союз с большевистской Россией! Куда все это может привести?

Слова Ванболена вызвали у Драйдена прилив раздражения. Он подумал: «Тупые провинциалы, а туда же… лезут в мировую политику!» Однако вслух примирительно сказал:

— Я также отношусь к вам с величайшим уважением, господин Ванболен, но позвольте вам заметить, что наша империя — очень сложный и чувствительный организм, а мировая политика в наши дни полна самых удивительных странностей и противоречий. Чтобы отстоять наши интересы, правительству его величества необходимо проявлять мудрость змия. Да-да! Сейчас не семнадцатый, а двадцатый век… Наша политика должна отвечать современности. Правительство его величества поступило разумно, вступив в этой войне в союз с красной Россией. Вам, живущим вдали от главных центров мировых противоречий, кое-что может казаться непонятным, даже неприятным, но поверьте: ради блага всей империи в целом оно должно так поступать!..

Под конец своей речи Драйден почувствовал в груди прилив вдохновения. Он казался себе воплощением высшей государственной мудрости, накопленной руководителями Англии в течение веков, и это еще более увеличивало его презрение к лежавшему на соседней кровати грубому, неотесанному южноафриканскому выскочке. Ванболен был смущен и не знал, что ответить. Несколько минут прошло в молчании. Наконец

Драйден философски изрек:

— Во всем, что мы делаем, нужны хорошие манеры… Хорошие манеры — большая сила! Смею сказать, целостность Британской империи до сих пор покоилась не только на могуществе ее флота, но также на хороших манерах ее политиков и администраторов.

Сестра Тилли привела Степана и Александра Ильича к Тане. Степану, впервые увидевшему жену после разлуки — худенькую, бледную, смешную в огромном больничном халате, — хотелось тут же прижать ее к груди и крепко расцеловать. Но кругом были чужие люди. Он лишь сжал ее руку и с нежностью заглянул в глаза.

Русских провели в кабинет матроны[17]. Здесь их уже ждала жена начальника острова, высокая, костлявая женщина лет под шестьдесят. Она заговорила официально любезным тоном:

— Я приехала повидать вас и справиться о вашем здоровье. Мне передавали обо всем, что вы претерпели. Ах, это ужасно! Но я надеюсь, что наш медицинский персонал, — тут жена начальника слегка кивнула в сторону матроны, — скоро

---

[17] Примечания: 17

В английских больницах матроной называют директрису, начальницу медицинского персонала.

поставит вас на ноги.

— О мадам, они уже на пути к полному выздоровлению, — поспешила заверить матрона.

— Как вы себя чувствуете? — спросила высокопоставленная гостья, обращаясь главным образом к Тане.

— Сейчас уже хорошо, — с улыбкой ответила Таня. — Я ведь сама врач и прекрасно понимаю, что после таких испытаний, какие мы перенесли, не сразу придешь в норму.

— О, неужели вы врач? — с интересом переспросила жена начальника и посмотрела на Таню, как смотрят на редкую безделушку. — Мы счастливы видеть у себя в больнице представительницу советской медицины, — церемонно продолжала она.

— Благодарю вас... — со свойственной ей непосредственностью ответила Таня. — Нет ли каких-нибудь новостей с фронта?

— Как же, как же, новости есть и очень приятные, особенно для вас, — улыбнулась жена начальника. — Доблестные русские войска под Сталинградом продолжают наносить удары немцам. Радио сообщает, что вчера снова разгромили несколько германских дивизий.

Петров быстро обменялся веселым взглядом с Таней и Потаповым.

— Мы надеемся, что ваша победа под Сталинградом приблизит окончание войны, — любезно добавила гостья и, заканчивая беседу, сказала: — После вашего выздоровления я и мой супруг будем рады видеть вас в нашем доме.

Лицо матроны приняло восторженное выражение.

Жена начальника острова удалилась, расточая направо и налево привычно-официальные улыбки.

Спустя два дня большая часть пассажиров шлюпки №3 уже настолько поправилась, что могла покинуть больницу. На этом маленьком острове, площадь которого не превышала сотни квадратных километров, а население — полутора тысяч человек (из них лишь около сотни белых), не было, конечно, ни отелей, ни пансионов. Потерпевшим кораблекрушение пришлось устраиваться у местных жителей. Драйдена и генерала Блимпа пригласил к себе начальник острова. Ванболен, Петерсен, Дрентельн и профессор Мандер нашли приют у англичан, представлявших различные ранги островной администрации. Часть африканцев и индийцев разместилась у бронзовокожих аборигенов острова; те же, для кого там не нашлось места, соорудили на берегу

шалаш и кое-как устроились в нем. Труднее было решить вопрос о питании негров и индийцев. Денег у них не было, а островные власти не имели фондов, предназначенных для подобных случаев. Пока им раз в день выдавали какую-то похлебку, в которой иногда попадались кусочки рыбы, но ходили слухи, что скоро прекратится и это.

На острове имелась небольшая таверна, где коротали время представители белого населения попроще, а также матросы изредка заходивших сюда кораблей. Над таверной был надстроен маленький и нескладный второй этаж в три крохотные комнатки. В них-то и поселились Петровы, Потапов, Карло и Мэри Таволато.

В первый же день у входа в таверну Петров неожиданно наткнулся на капитана Смита.

Прибытие на остров Девы шлюпки №3 было для капитана горькой неожиданностью. Он рассчитывал на то, что все брошенные им на произвол судьбы лодки погибнут в океане и таким образом не останется никого, кто смог бы выступить в качестве его обличителей. В «своих» пассажирах он был уверен — ведь, в сущности говоря, они являлись соучастниками преступления, и, стало быть, им оставалось только одно — держать язык за зубами.

Появление шлюпки под командой Петрова меняло положение. Капитан Смит испугался и, как все трусы, прежде всего попытался умилостивить своего противника. Завидев Петрова, он осклабился во весь рот, снял фуражку и, пытаясь «по-простецки» обнять русского, с деланным радушием воскликнул:

— Хэлло, друг! Как я рад видеть вас живым и здоровым!

Петров резко отвел его руки и прошел мимо, не сказав ни слова. Таким образом, взаимные позиции сразу определились.

В последующие дни из разговоров с людьми капитанской шлюпки удалось выяснить, что благодаря наличию мореходных инструментов эта шлюпка добралась до острова Девы на шестой день после катастрофы, что она лучше всех других шлюпок была снабжена водой и припасами и что все ее пассажиры прибыли в полном здравии, не испытывая никаких лишений. Выяснилось далее, что капитан Смит по прибытии на остров Девы ничего не сделал для организации поисков оставшихся в океане шлюпок и что вся его телеграфная переписка с Лондоном сводилась к переговорам о скорейшей эвакуации собственной персоны с острова Девы да уплате

причитающегося ему жалованья.

Все эти подробности подлили масла в огонь. Пассажиры «русской шлюпки», как ее называли на острове, и раньше до крайности возмущенные действиями Смита, теперь, не стесняясь, рассказывали жителям острова о гнусном поведении капитана. В рядах спутников Смита также начался разброд. Чтобы как-либо ослабить сыпавшиеся на него обвинения, капитан Смит, опираясь на клеветнические рассказы буров — Ванболена и Дрентельна, пустил в ход «большевистское пугало». Он утверждал, будто бы во время скитаний по океану Петров создал на шлюпке «советскую республику», потакал черным и даже грозил револьвером тем более благоразумным белым, которые пытались противодействовать его «большевистским безумствам».

Скоро все эти обвинения и контробвинения дошли до слуха начальника острова и поставили его в весьма затруднительное положение. С одной стороны, этот старый служака колониального ведомства не питал ни малейших симпатий к русским большевикам, но, с другой стороны, неблагоприятная шумиха вокруг имени капитана Смита заставляла его проявлять в отношении Смита известную осторожность…

Вообще с прибытием шлюпок с «Дианы» положение начальника острова очень усложнилось. Раньше — даже несмотря на войну — жизнь в этом далеком захолустье шла привычными, веками сложившимися путями. В сущности, не о чем было думать. На все имелись традиция, норма, образец. Именно поэтому с незапамятных времен установился обычай назначать начальником острова Девы человека, за выслугой лет выходившего на пенсию. Таков был и мистер Липер: маленький седенький старичок с благообразным румяным лицом и спокойными, неторопливыми движениями. Ему было 63 года, и в мирной обстановке он уже три года назад вышел бы в отставку. Из-за войны Липера задержали на посту сверхсрочно, но все его мысли и чувства были обращены к отставке, к пенсии, к тихой жизни на собственной ферме в Англии, в Йоркшире. Он с нетерпением ждал окончания войны, чтобы поскорее погрузиться в эту желанную «нирвану» и полностью отдаться единственной страсти своей жизни — рыбной ловле. На эту тему и вообще о рыбах он мог говорить бесконечно. В такие минуты его тусклые глаза загорались внезапным огнем, а движения становились быстрыми и энергичными. Здесь, на острове, мистер Липер

преимущественно и занимался рыбной ловлей — ничто не мешало ему.

И вдруг эти шлюпки — наказание господне! Одна — страшно сказать! — с русскими большевиками из Москвы, другая — с капитаном Смитом, о котором ходят нехорошие слухи… А такие солидные джентльмены, как лондонский банкир Драйден и генерал Блимп, когда спрашиваешь их совета, только руками разводят и неопределенно кряхтят. Да, никогда не было столько треволнений у почтенного мистера Липера.

«Как с ними держаться? — думал мистер Липер, получив от жены подробный отчет об ее свидании «с большевиками из Москвы». Как и полагается английскому чиновнику, мистер Липер официально был «беспартийным», но мыслями и чувствами принадлежал к «стопроцентным» консерваторам. И хотя ни одного «живого большевика» он никогда не встречал, но питал инстинктивную неприязнь к «коммунистической России», подкрепляемую различными газетными выдумками о ней. Да, все это так… Но сейчас? Сейчас эти большевики являлись союзниками правительства его величества в войне против Германии — и какими союзниками! Сталинград показывал, какие силы таятся в ны-

нешней России. С таким союзником обращаются вежливо, очень вежливо… К тому же трое русских, заброшенных капризом судьбы на остров Девы, отнюдь не походили на бандитов. Миссис Липер нашла их даже приятными людьми. Что же делать?

Впрочем, мистер Липер не очень долго размышлял. Он вообще не любил много думать и старался не предаваться столь опасному занятию. Мистер Липер предпочитал полагаться на традицию и на инстинкт, который у него, как у всякого англичанина, был сильно развит.

Так получилось, что через неделю после выхода из больницы Петровы и Потапов были приглашены на ленч к начальнику острова. Перед тем между мистером Липером и его супругой происходила длинная дискуссия по вопросу о том, кого еще пригласить. Само собой разумелось, что на ленче должны быть наиболее видные люди из числа спасшихся после катастрофы. Стало быть, и капитан Смит?.. Но мистер Петров и мистер Смит даже не кланяются друг другу… Сводить их вместе, за одним столом, было бы рискованно. Супруги решили: не сводить.

Но как же быть со Смитом? После долгого раздумья супруги Липер пришли к спасительному

компромиссу — устроить два ленча: один, на котором будут присутствовать советские путешественники, а также все лица, относящиеся к ним дружелюбно или хотя бы нейтрально, и другой, на котором будет присутствовать капитан Смит, а также те лица, которые ему симпатизируют и избегают контактов с «советскими красными». Кто знает, как еще обернется история с капитаном? Так пусть никто ни в чем не сможет упрекнуть мистера Липера. Конечно, два ленча стоят дороже, чем один, но ничего не поделаешь: во время войны каждый должен приносить жертвы на алтарь отечества.

Завтрак, устроенный для советских гостей, прошел, как и следовало ожидать, сухо и официально. Мистер Липер поднял тост за победу союзников. Его жена пожелала здоровья и успеха всем жертвам катастрофы. Петров поблагодарил хозяев за гостеприимство и предложил выпить за победителей под Сталинградом. Хозяева выпили, но без особого энтузиазма… Впрочем, все было вполне корректно, и, проводив гостей, мистер Липер облегченно вздохнул.

Глава семнадцатая
Окано и его народ

Однажды, собирая с Таней на берегу океана раковины удивительной красоты, Петров познакомился с Окано, учителем местной школы для коренного туземного населения. Этот бронзовокожий высокий человек был здешним островитянином, но хорошо говорил по-английски и среди своих соплеменников являлся единственным человеком, получившим европейское образование. Судьба Окано сложилась необычно.

Лет двадцать назад к острову Девы случайно пристала роскошная яхта лорда Брума, крупного промышленника и благотворителя, совершавшего со своими друзьями увеселительную прогулку по океану. Остров Девы понравился путешественникам, и они провели на нем дней десять. В то время Окано было лет пятнадцать. Он пристроился к богатым туристам проводником и порученцем. Сообразительный и быстрый мальчик пришелся лорду по нраву, и перед отъездом Брум предложил Окано отправиться с ним в Англию и там получить образование. Лорд Брум сдержал свое слово: молодой Окано пробыл в

Англии пять лет, учился на средства лорда, приобрел диплом педагога и вернулся на родину. Здесь он создал начальную школу для островитян и учительствовал в ней уже не первый год.

Разговорившись с русским моряком, Окано попросил его рассказать школьникам что-нибудь о своей стране, о России.

— Ведь это такой необыкновенный случай, что русские люди попали на наш остров! — говорил Окано. — Пусть наши дети услышат о Советской России от русского.

— Охотно исполню вашу просьбу, — ответил Петров. — Если, конечно, английские власти не будут против этого возражать... Вы понимаете мое положение? Мы здесь гости, и нам неудобно делать что-либо, что не понравилось бы нашим хозяевам.

— Вполне понимаю, — усмехнувшись, промолвил Окано. — Я поговорю с администрацией острова.

В тот же день он обратился за надлежащим указанием к помощнику мистера Липера, в ведении которого находилась школа. Помощник долго думал и, наконец, сказал, что он должен доложить начальнику острова. Мистер Липер тоже долго думал. Первым, почти инстинктивным его

желанием было отказать. Но это длилось только мгновение. Потом к нему пришла, как говорят англичане, «вторая мысль».

«Конечно, неприятно, — думал мистер Липер, — что московский агитатор будет выступать в нашей школе. Ах, эта ужасная война! Она все перепутала… Отказать? Гм-гм… Так поступил бы прусский фельдфебель, но ведь мы — англичане! Гм-гм… Это было бы не по-английски. Особенно теперь, в дни Сталинграда…»

Мистер Липер долго молчал, раздумывая в поисках «английского выхода» из трудного положения, и, наконец, сказал своему помощнику:

— Вот что, сэр… Скажите этому беспокойному Окано, что он может пригласить мистера Петрова, но во-первых, вполне достаточно будет одного выступления, — поняли: од-но-го! И, во-вторых, проследите, чтобы в школу пришли только дети. Ни одного взрослого туземца!

В назначенный день Степан, Таня и Александр Ильич пришли в школу. Это была легкая южная постройка, окруженная цветущим садом. В классе собралось около пятидесяти мальчиков, в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Чтобы освободить побольше места, парты вынесли, и школьники сидели на полу. В дальнем углу

жались у стенки несколько взрослых — педагогический персонал школы. Сбоку, на красной доске, висела карта мира.

Петров занял место за небольшой кафедрой. В прошлом ему приходилось нередко выступать, но никогда он не волновался так сильно, как сейчас. «Сумею ли я, — думал он, — донести до сердец этих детей, воспитанных в совершенно иных социально-политических и естественно-исторических условиях, величие нашего народа и его борьбы?»

— Мои дорогие друзья! — начал он, вглядываясь в темнокожие ребячьи лица и ощущая на себе пронзительно-пристальные взгляды черных глаз. — Я хочу рассказать вам о моей стране, о России…

Петров говорил по-английски. Многие ребята уже неплохо понимали этот язык: их учили в школе на английском языке, по английским учебникам. Однако Окано, стремясь сделать рассказ Петрова более понятным, стал переводить его на язык своего народа.

— Прежде всего, — продолжал Петров, — давайте посмотрим, где находится моя страна. — Он повернулся к карте и показал на ней Советский Союз. — А где остров Девы?.. Видите, как дале-

ко от моей страны до вашего острова!.. Теперь, как велика моя страна? — продолжал Петров, показывая на карте пространство от Балтики до Берингова пролива. — Если бы все это было море, то самый быстроходный корабль потратил бы тридцать дней, для того чтобы его пересечь.

— У-у-у-х!.. — пронесся вздох удивления по рядам.

— А сколько в моей стране населения? — снова заговорил Петров. — Вы знаете, что в Англии живет около пятидесяти миллионов человек. Так вот, в моей стране населения в четыре раза больше, чем в Англии, — двести миллионов!

По рядам снова пронеслось:

— У-у-у-х!

— Из всего нашего населения, — продолжал Петров, — половина русских. Вот таких, как мы. — Степан указал на себя, на Таню, на Потапова, — а другая половина состоит из шестидесяти разных других народов. Но все народы равноправны и живут в дружбе друг с другом. В школах все ребята учатся на своем родном языке. Все народы одинаково выбирают своих представителей в наш парламент…

Здесь один мальчик перебил Петрова.

— А если у человека вот такая кожа, — мальчик

показал на свою бронзовую руку, — может ли этот человек стать летчиком или капитаном большого парохода?

— Конечно, может, — улыбаясь, ответил Петров. — У нас ни на цвет кожи, ни на форму глаз и носа внимания не обращают. Только ум, способности и честность играют роль. У нас есть министры, и генералы, и ученые — сыновья разных народов, населяющих страну.

По рядам снова пронеслись возгласы неподдельного удивления, смешанного, пожалуй, с известным недоверием.

А Петров продолжал свой рассказ. Он говорил о советских детях, о домах пионеров и пионерских лагерях, о бесплатном обучении и стипендиях для всех студентов. Тут из угла, где разместились педагоги, выступила вперед молоденькая бронзовокожая девушка и, волнуясь, спросила:

— Это правда, что женщина у вас может получить любую профессию?

— Полнейшая правда! — ответил Петров. — У нас есть женщины инженеры, ученые, директора заводов, летчицы, даже капитаны судов. — Петров повернулся и, указывая на Таню, сказал: — Вот моя жена… Она военный врач и работала в военном госпитале.

Все глаза впились в Таню.

В заключение Петров заговорил о войне против фашистов, рассказал о героизме солдат Советской Армии и партизан, о Зое Космодемьянской.

— Мы победим! — уверенно воскликнул Петров. — Потому что наше дело правое и потому что мы готовы на все жертвы в борьбе за свободу. Борьбу с гитлеровской Германией мы ведем совместно с нашими союзниками — Англией и Соединенными Штатами Америки…

Ребята проводили Петрова восторженными криками. Слух о беседе в школе разнесся по всему поселку. В каждой хижине на все лады обсуждались и перетолковывались слова Степана. Особенно поразило местных жителей сообщение о равноправии всех национальностей в СССР. Старики доказывали, что это немыслимо. Люди помоложе хотели верить в это, но сомневались. Медленно покуривая свои длинные трубки, они качали головами и думали. Кто знает… может быть, на свете народились какие-то новые белые, которые не похожи на белых? Но живут они далеко-далеко, и будет ли от этого что-либо хорошее для обитателей острова Девы, неизвестно…

Дня через три к Тане пришла та молодая девушка, которая интересовалась, действительно ли

перед советской женщиной открыты все пути. С ней была сморщенная старушка. Очень смущаясь, что делало ее еще более привлекательной, девушка на ломаном английском языке объяснила, что она — сестра Окано, а пожилая женщина — их соседка и что они пришли к Тане за медицинской помощью.

Таня объяснила, что не имеет права лечить на английской территории, так как у нее нет английского врачебного диплома.

— А почему бы вам не обратиться в местную больницу? — спросила Таня.

— О, что вы! — испуганно воскликнула девушка. — Ведь в больнице только один врач, мужчина. Ни одна наша женщина не пойдет лечиться к мужчине, хоть зарежьте!

— Ну хорошо, — смягчилась Таня. — Я, пожалуй, посмотрю вашу соседку.

Исследование показало, что старушка страдает от глистов. Что было делать?.. Так просто было бы избавить эту женщину от болезни, но на пути стояли некоторые формально-юридические препятствия. Считаться ли с ними?.. Таня, которая довольно часто решала сложные вопросы сразу, сплеча, махнула рукой. Попросив своих пациенток немножко подождать, она пошла в

расположенную рядом больницу. Здесь она зашла в аптеку, с заведующей которой еще раньше познакомилась, и спросила:

— Нет ли у вас сантонина?

— Есть, мадам, — ответила заведующая и кивнула на большие банки, стоявшие в шкафу.

— Можете вы мне дать немного?

— Пожалуйста!

И заведующая отсыпала Тане солидную порцию лекарства.

Вернувшись, Таня объяснила молодой девушке, чем больна ее соседка, и рассказала, как употреблять лекарство.

Потом Таня спросила:

— Как вас зовут, милая девочка?

— У меня очень трудное имя, — улыбнулась девушка. — Вам его не произнести. Зовите меня Майей. Я люблю это имя. Оно напоминает мне имя великого древнего народа с Американского континента. Легенда говорит, что мы происходим от этого народа…

Несколько дней спустя Майя прибежала к Тане веселая и торжествующая.

— Соседка совсем здорова! — радостно воскликнула она. — Спасибо вам! Спасибо! — и протянула Тане полуфунтовую кредитку.

Таня рассмеялась и, отведя руку девушки, сказала:

— Я никогда не беру денег у больных. У нас это вообще не принято. У нас лечат бесплатно. За мою работу мне платит государство.

Весть об исцелении соседки Окано быстро разнеслась по поселку, и к Тане началось паломничество темнокожих женщин. Они и сами приходили и приносили с собой детей. Майя выполняла роль переводчика. Популярность Тани возросла не только потому, что быстро исцелилась первая пациентка. Воображение индианок было поражено тем, что доктор — женщина, да еще белая! И к тому же не берет с больных денег. Последнее было просто невероятно!

Неожиданно возникшая практика поставила Таню в затруднительное положение.

Степан ей говорил:

— Надо согласовать этот вопрос с английской администрацией острова.

— Что значит «согласовать»? — горячилась Таня. — Островитяне нуждаются в медицинской помощи, а я врач. Неужели этого недостаточно?

— Надо считаться с обстановкой, — возражал Степан. — Мы не должны давать повода обвинять нас в нарушении английских законов и

вмешательстве во внутренние дела британской колонии. Ты сама должна понимать, что мы не для этого посланы за границу. Ясно? Надо попробовать урегулировать вопрос с английскими властями, получить их разрешение… Ну, хотя бы в виде исключения, на время нашего пребывания на острове. Без согласия англичан у тебя все равно ничего не выйдет: откуда ты возьмешь лекарства?..

Таня обратилась к матроне с просьбой разрешить ей лечить индианок. Матрона удивленно пожала плечами и презрительно воскликнула:

— И охота вам возиться с этими цветными! Или вы состоите в дамском филантропическом обществе?

Когда матрона доложила о просьбе Тани мистеру Липеру, тот поморщился: «Новое беспокойство! Не сидится этим большевикам! Поскорей бы они убрались с острова! Но как же быть?»

Отказать мадам Петровой? Но это значило бы вооружить против себя местных жителей, отношения с которыми были и без того не слишком дружественные. Это значило бы также вступить в конфликт с советскими людьми. Русские, чего доброго, раздуют эту историю в Лондоне. Левые ухватятся за нее, начнутся крики о том, что

колониальная администрация нарушает элементарные законы гуманности… Неудобно… И одобрит ли такой конфликт министерство колоний в Лондоне? С другой стороны, однако, затея мадам Петровой подымет престиж большевиков в ущерб престижу английской администрации… Как же быть?»

В конце концов инстинкт английского чиновника еще раз одержал в мистере Липере верх, и он пошел по пути компромисса: разрешил мадам Петровой практиковать, однако только по женским и детским болезням и не чаще двух раз в неделю. «В случае чего, — думал мистер Липер, — в министерстве увидят, что я разрешил, но с известными ограничениями. И в конце концов скоро эти большевики уедут…»

Итак, Таня одержала победу. Теперь в одной из подсобных комнат больницы был устроен маленький кабинет, в котором она принимала пациенток, и по ее рецептам больничная аптека изготовляла лекарства. В жизни острова это стало событием громадной важности. Произошла крутая перемена и в судьбе Майи.

Майя как переводчица присутствовала на всех врачебных приемах Тани, наблюдала за ее работой, помогала делать перевязки, носила рецепты

в аптеку, раздавала лекарства пациентам. Майя навещала больных на дому, передавала им советы и указания врача.

Однажды, блестя глазами и запинаясь от смущения, девушка умоляюще обратилась к Тане:

— Мадам Петрова, научите меня быть врачом! Я все для вас сделаю! Я поклонюсь вам в ноги!.. Только научите…

— Глупенькая девочка, — ласково заговорила Таня и потрепала Майю по ее иссиня-черной головке. — Стать врачом не так-то просто. Для этого надо учиться много лет, в специальных школах, у многих профессоров. К сожалению, я не могу научить тебя быть врачом.

Однако, вспомнив, как поражала ее эта девочка своими замечательными способностями, сообразительностью и ловкостью, Таня сказала:

— Вот что, Майя… Врачом я тебя сделать не могу, но думаю, что помогу тебе стать чем-то вроде медицинской сестры…

И она подробно объяснила Майе, что это значит.

С тех пор они начали упорно и много заниматься. Майя приходила ежедневно, и Таня стала посвящать свою ученицу в тайны медицинской науки, начиная с анатомии человека. В больнице

имелся анатомический атлас, но матрона, узнав о замыслах Тани, под благовидным предлогом отказалась его выдать. Тане пришлось делать важнейшие анатомические рисунки самой — вот когда ей пригодилось умение рисовать, приобретенное еще в детстве! Конечно, рисунки были далеки от совершенства, но все-таки служили своей цели. Подходящих руководств в больнице не оказалось. Вся учеба велась устно. Но память у девушки была блестящая, и она схватывала все на лету.

Конечно, не обходилось без курьезов, коренившихся в первобытной наивности Майи. Как-то, объясняя Майе происхождение различных болезней, Таня заговорила о микробах и сказала, что увидеть их простым глазом невозможно — они слишком малы.

Но горящая усердием Майя воскликнула:

— О мадам, я увижу их! У меня очень хорошее зрение. Я даже Скалу спасения в ясную погоду вижу.

Скалой спасения назывался пустынный утес в океане, стоявший далеко от острова Девы. Всякий, кто видел этот утес в солнечный день, считался человеком с особенно острым зрением.

Таня рассмеялась и сказала:

— Нет, Майя, тут даже твоего зрения не хватит. Но ты их все-таки увидишь.

Достав в больнице небольшой микроскоп — единственный на острове, — Таня проделала азбучный опыт. Она показала девушке стакан с питьевой водой и спросила:

— Смотри, есть ли что-нибудь в этой воде?

— Разумеется, ничего нет! — живо отвечала Майя. — Вода совершенно чистая!

Таня капнула на стеклышко и положила его под объектив микроскопа.

— Теперь смотри!

Майя взглянула в микроскоп, и на ее подвижном лице отразился ужас, смешанный с изумлением.

— Я больше никогда не буду пить воду! — воскликнула она.

— Как же так? — рассмеялась Таня. — Без воды ты не сможешь жить. Но не бойся: в нашем организме есть могущественные средства защиты от всех этих микробов, а умные люди сумели найти способы, для того чтобы еще больше усилить эти средства.

И Таня популярно изложила своей ученице историю борьбы с микробами.

Выйдя из больницы, профессор Мандер испытывал тягостное, неловкое чувство: ему решительно нечего было делать…

Сын провинциального учителя, он с детства привык трудиться. Он трудился в школе — стремясь стать первым учеником; в университете — глубоко изучая естественные науки; после окончания университета — специализируясь на орнитологии и упорно прокладывая себе путь к профессорской кафедре. Лекции, заседания, статьи, музеи, экспедиции, ученые конгрессы — все это заполняло часы, месяцы, годы жизни, не оставляя свободной минуты.

И вот на острове профессор оказался в нелепейшем положении, чувствовал себя выбитым из привычной колеи. Он уже обошел два раза остров, ознакомился с его немногочисленными достопримечательностями, побывал в тузем-

ном поселке, посидел несколько раз на берегу, любуясь безбрежностью океана. И, наконец, в глубоком недоумении задал самому себе вопрос: что же дальше?

Ведь так, в ожидании парохода, придется провести на острове много недель… может быть, даже месяцев! Утром вставать с мыслью, что сегодня нечего делать, вечером ложиться с мыслью, что завтра пройдет, как сегодня? Нелепо! В таком положении профессор никогда еще не бывал.

К этому примешивалось другое — ощущение неловкости, которое все сильнее давало себя знать. Откуда оно бралось? Когда Мандер задумывался на эту тему, ему все больше начинало казаться, что ощущение неловкости каким-то таинственным образом связано с тремя русскими, которых он узнал на шлюпке…

Мандер никогда не интересовался политикой и даже не участвовал в голосовании на парламентских выборах. Он считал политику «грязным делом».

«Мир птиц чище мира людей», — говорил он и все свои силы отдавал науке.

Когда в России пал царизм, а затем произошла Октябрьская революция и началась гражданская война, Мандер не счел нужным особо интересо-

ваться этими событиями. Ведь все это область политики, от которой надо держаться подальше…

Неожиданно капризная судьба свела его в океане с тремя советскими людьми, представителями той страны, о которой он четверть века не хотел думать и не думал. Вначале он просто не замечал их. Однако жестокие испытания тринадцати дней заставили Мандера стать искренним — по крайней мере, с самим собой. И очень скоро он вынужден был признать, что советские люди его не только интересуют, но что он внимательно следит за каждым словом и действием русских и что они отнюдь не вызывают в нем чувства неприязни. Скорее, наоборот… Сейчас, на острове, он все чаще думал: «Что это за люди? Можно с ними иметь дело или нельзя? И что это за страна, откуда они пришли? Есть ли там что-нибудь хорошее или же в ней (как он неоднократно слышал) только хаос и насилие?»

Профессор раздумывал об этом и без цели слонялся по острову, испытывая недовольство самим собой.

Как-то невдалеке от туземного поселка он встретил запыхавшуюся, спешившую Таню. Они обменялись обычными приветствиями, и

Таня, сообщив, что торопится к тяжелобольной, предложила ему проводить ее. По дороге она с увлечением рассказывала о своей работе.

Профессор выслушал Таню внимательно и потом несколько нерешительно спросил:

— И это действительно доставляет вам удовлетворение, мадам?

Таня с таким удивлением посмотрела на Мандера, что он невольно смутился.

Проводив Таню, профессор пустился в обратный путь, сердито думая, что эта молодая женщина преподала ему полезный урок, черт возьми! Пока он предается смутным размышлениям, она делает дело. Пока он с пренебрежением скучающего столичного жителя иронически посмеивается над захолустным островком, его обитателями и их нравами, она — вполне серьезно! — приняла к сердцу нужды этих чужих для нее людей и усердно работает, будто в лондонской или московской клинике.

Конечно, то, что она оказывает помощь бесплатно, — донкихотство. Но все же она работает не как дама-благотворительница, а вполне профессионально, с чувством обязанности. Удивительно!..

А что же он, Мандер, профессор-орнитолог?..

Разве на острове Девы нет птиц? Насколько известно, до сих пор никто из его коллег не занимался составлением коллекции птиц острова Девы. Конечно, не бог весть какие открытия тут можно сделать, и за такую коллекцию не получишь медали Королевского общества. Но разве это так уж важно для настоящего ученого? Однако без помощников коллекции не соберешь. Нанять помощников? Нет денег, все погибли при катастрофе…

Тут Мандер вспомнил, что на острове есть школа для детей местных туземцев и что мистер Петров провел там какой-то урок.

«Если Петров может чему-то учить здешних школьников, — думал Мандер, — почему я не могу? Дам им несколько уроков орнитологии, расскажу о жизни пернатых, а взамен попрошу их помочь мне в ловле птиц».

Окано был польщен и обрадован, когда на следующий день профессор изложил ему свое намерение. Что касается школьников, то они были в восторге. Особенно им понравилась перспектива ловли птиц. Когда началась эта работа, Окано обратился к профессору с просьбой:

— Если можно, соберите две коллекции: одну вы увезете, а другую, пожалуйста, подарите

школе.

— Что ж, можно, — ответил Мандер сдержанно, но на душе у него стало как-то особенно хорошо. И он мысленно задорно подмигнул Тане.

После этой встречи профессор стал чаще видеться с советскими людьми. Заглядывал он в амбулаторию к Тане, якобы за медицинским советом. Вид этой молодой женщины, с такой серьезностью вникающей в недуги своих темнокожих пациенток, как-то бодряще действовал на почтенного джентльмена.

Приглядывался он и к Петрову. Еще на шлюпке Степан произвел на него сильное впечатление своей решительностью, энергичностью, какой-то сдержанной, подчиняющей себе суровостью. Но и сейчас, в обычной обстановке, уравновешенный и далекий от восторженности, ученый должен был признаться самому себе, что Петров ему нравится. Для Мандера было неожиданностью то глубокое уважение, которое Петров питал к науке. Приятно поражала широта его кругозора. С удивлением профессор отмечал, что даже здесь, на острове, Петров не теряет времени даром и читает много книг по истории Англии и Британской империи, которые берет в небольшой местной библиотеке. Да, Петров мало походил на

тех моряков, с которыми Мандеру приходилось когда-либо встречаться...

Профессор много расспрашивал Петрова о Советском Союзе и то, что он услышал, вызывало у него двойственное отношение. Были факты, которые Мандеру не нравились или, по крайней мере, казались сомнительными. Так, например, он скептически относился к возможности планирования творческой науки или искусства. Но были вещи, которые приводили Мандера а восхищение, — например, гигантские достижения советской власти в сфере народного просвещения или огромный технический прогресс Советского государства. Положение науки в СССР особенно восхищало Мандера. Впервые в жизни профессор вплотную коснулся области политики и социальных проблем и с удивлением вынужден был признать, что все это его интересует и даже волнует.

Драйдена уже давно раздражало сближение профессора с русскими. Банкиру не нравились также дружеские связи Мандера со школой и туземными ребятами. Он видел во всем этом проявление того зловещего влияния, которое коммунизм оказывает на мир. Но до сих пор у Драйдена не было случая откровенно поговорить

с этим «полубольшевизированным профессором», как мысленно он называл теперь Мандера. И вот этот случай, наконец, представился, когда они вдвоем прогуливались на берегу океана.

— Я слышал, — начал банкир, — что вы преподаете в туземной школе. И еще что-то делаете для нее…

— О, не так много! — смущенно пробормотал Мандер. — Несколько уроков и коллекция пернатого царства для школы…

— Вот как! — язвительно произнес Драйден. — Все складывается весьма неплохо для туземцев, этих попрошаек: вы учите их детей, мадам Петрова лечит их женщин… И притом все бесплатно! Прелестная картина: белые обслуживают цветных.

— Это не совсем так! — возмутился Мандер. — Просто у меня и у мадам Петровой много свободного времени. Отчего бы не использовать его разумно? К тому же, в отличие от мадам Петровой, я работаю не бескорыстно: школьники помогают мне собрать коллекцию.

— Но и мадам Петрова также лечит этих женщин не столь уж бескорыстно! — с раздражением заметил Драйден. — Все это не больше как большевистская пропаганда. Неужели вы до сих пор

не поняли?

— Пропаганда? — растерянно переспросил Мандер. — О нет! Мадам Петрова просто милая и сердобольная женщина. Ей хочется помочь этим бедным туземкам.

— «Бедным туземкам»! — саркастически повторил Драйден. — Неужели у вас, дорогой профессор, совершенно исчезло «чувство цвета», чувство превосходства, свойственное каждому англичанину, даже больше — каждому белому?

И, прежде чем Мандер успел ответить, банкир продолжал:

— Я не стану отрицать доброты мадам Петровой. Я говорю лишь о том, что у большевиков даже доброта превращается в оружие подрыва и разрушения английских устоев.

— Вы странно смотрите на вещи, сэр Вильям! — рассмеялся Мандер. — Что за оружие разрушения — припарки, которые ставят больной женщине?

— Вы слишком мало имели дело с политикой, дорогой профессор, — начал Драйден, — и потому иногда склонны идеализировать действия и мотивы людей… Но вот послушайте…

И Драйден с непривычной для него горячностью стал развивать перед Мандером свои взгляды: коммунисты — это ужасные люди, возмутители умов, смертельные враги того мира, который является естественной средой для него, сэра Вильяма, и для него, профессора Мандера, и для тысяч других солидных людей, занявших прочное место в жизни.

— С ними нашему миру, — закончил свою гневную речь Драйден, — придется вести жестокую борьбу, но вести умно и гибко, разносторонне.

Мандер внимательно слушал банкира, слегка склонив голову, не произнося ни слова. Только в спокойных глазах его иногда вспыхивали и сразу же гасли недобрые огоньки. Когда Драйден, наконец, замолчал, профессор с необычной для него твердостью заговорил:

— Мне трудно согласиться с вами, сэр Вильям. Вы подходите к большевикам как политик, а

я подхожу к ним как ученый… Видите ли, сэр Вильям, ученый прежде всего изучает факты и уже потом, на основании анализа и обобщения этих фактов, делает вывод. Так вот… в вопросе о большевиках я прежде всего хочу опираться на факты. С нами в шлюпке были три человека из Советской России, и я стал знакомиться с ними, как ученый знакомится с новым для него видом, то есть спокойно и систематически следить за их словами и действиями. Согласитесь сами, сэр Вильям, что наше блуждание на шлюпке открывало для таких наблюдений много возможностей. Далее, здесь, на острове Девы, я продолжал собирать факты, но совсем в другой обстановке…

Профессор вызывающе посмотрел на своего собеседника и, помедлив немного, продолжал:

— Как ученый, сэр Вильям, я знаю, что хороший колос произрастает только на хорошей земле. Советские люди, с которыми судьба столкнула нас на шлюпке, — это, будем считать, колос. Я его проверил со всех сторон, в разных условиях, и пришел к выводу — пусть предварительному! — что колос здоровый, хорошего качества. Эти люди — как в деловом, так и в моральном отношениях — проявили себя высоко, и вы не станете этого отрицать. Какой вывод я обязан сделать

как объективный исследователь? Только один: очевидно, почва, на которой этот колос вырос, — почва хорошего качества, и климат, в котором он произрастал, — климат, благоприятствующий росту. Иначе быть не может. Что же это за почва и климат? Советское государство, советское общество… Стало быть, в Стране Советов есть что-то здоровое и крепкое, что способствует произрастанию хорошего человеческого материала. Таков мой вывод!

— Положительно, можно подумать, дорогой профессор, что вы стали большевиком! — раздраженно воскликнул Драйден.

— Весьма далек от этого, — спокойно возразил Мандер. — Я никогда не был и никогда не буду коммунистом. Мне далеко не все нравится в большевизме. Я взращен на совсем иной, возможно, во многом менее разумной почве и слишком глубоко ушел корнями в нее. Но, как объективно мыслящий ученый, я заинтересовался Советской страной.

Мандер круто повернул к дому, как бы давая понять, что разговор окончен, и заключил:

— Короче говоря, я считаю, что к Советскому Союзу надо относиться объективно, как к реальному факту действительности. Эта страна идет

своим, весьма интересным путем. И пусть Англия идет своим путем. А будущее покажет, на чьей стороне правда.

Драйден недоуменно пожал плечами и саркастически бросил:

— Это для меня слишком вегетарианское кушанье… Я предпочитаю бифштекс с кровью.

Глава восемнадцатая
Белые, которые не похожи на белых

Однажды Окано пригласил советских друзей и чету Таволато совершить прогулку по острову Девы. К ним присоединилась и Майя. С рюкзаками за плечами вся компания рано утром двинулась в путь. В дороге Окано рассказал своим спутникам все, что знал об острове и его населении.

Остров Девы был вулканического происхождения. Его окружали самые глубокие воды Атлантического океана. В длину остров простирался на 12 километров, ширина колебалась между 6 и 8 километрами. Рельеф острова был очень разнообразным: здесь были и скалистые горы высотой до 500 метров, и лесистые долины, и миниатюрные плодородные поля, и прохладные ключи, и небольшое озерко. Остров был очень красив. Шагая по его тропинкам в этот солнечный день, Петров вспомнил южный берег Крыма.

Окано рассказывал:

— Когда именно остров Девы был заселен нашими предками, трудно сказать. Много веков назад… Откуда они пришли и какого были племени, тоже загадка. Некоторые особенности нашего

языка и фольклора позволяют думать, что наши предки вышли из Центральной Америки и происходят от великого народа майя. Но точных доказательств нет. В древних песнях и легендах упоминаются такие животные, растения и пейзажи, каких нет и не могло быть на нашем островке. Эти сказания, сохранившиеся в народной памяти, по-видимому, созданы древними цивилизациями Центральной Америки или Перу.

Окано задымил длинной трубкой, какие были в ходу у местных людей, и продолжал:

— Лет триста назад остров был захвачен английскими пиратами, которые сделали его своей базой. Настали черные дни для моего народа. Лучше их не вспоминать... В начале девятнадцатого века остров перешел в ведение английского колониального ведомства, и формы господства белых несколько изменились, но только формы. Существо осталось то же, что и у пиратов...

В одном из укромных местечек морского берега экскурсия наткнулась на маленький лагерь. Это был временный приют негров с «Дианы». Здесь были Мако, Бамбо и все другие уцелевшие африканцы. Встреча была радостной, сердечной. Жали друг другу руки, весело улыбались. Мако объяснял:

— Капитан Смит не хотела давать деньги… Начальник не хотела кормить… Дала лодку и снасти… Рыбу ловим, едим… Все лучше…

Произнеся эту трудную для него речь, Мако повел своих гостей в пещеру, где были аккуратно разложены охапки травы — вместо постелей, стояли ржавые консервные жестянки — вместо посуды. Мако указал на негров и внушительно сказал:

— Наша дома…

Когда-то, давным-давно, Мако весело, радостно смотрел на мир. Однако жизнь сильно изменила его характер. И главную роль в этом сыграли белые. Белые люди забрали всю радость, весь свет себе, а черных людей обрекли на вечную тьму. К сорока годам у Мако сложилось твердое представление о мире: глубокой пропастью мир делится на лагерь белых и лагерь черных. Мако затруднился бы сказать, всегда ли хороши черные, но зато прекрасно знал, что белые всегда плохи. Они злы, хитры, вероломны. Они только и думают о том, как бы сделать худо черным. Все белые злы: и помещики, и фабриканты, и капитаны, и полицейские, и содержатели кабачков в приморских городах. Четверть века Мако плавал на больших пароходах по всем морям

и океанам, он много видел и слышал, всего насмотрелся… И окончательный вывод его гласил: «Белый — это все равно, что ядовитая змея; даже если он прикидывается другом, не верь ему — непременно укусит…» Мако доводилось участвовать в нескольких стачках моряков, ему были знакомы профсоюзные организации в английских и американских портах, но пользы от них для чернокожего рабочего он не видел. В этих тред-юнионах белый очень мало думал о черном брате. Правда, он слышал, что есть такая страна, где рабочие выгнали хозяев, забрали пароходы и заводы и взяли власть в свои руки, но плохо верил в это.

Очутившись на шлюпке, Мако впервые в жизни столкнулся с белыми, поведение которых никак не укладывалось в его привычные представления о белых. Мако был потрясен, услышав, как решительно Таня заявила, что белые и черные должны получать одинаковые порции воды. Но тут же ему пришло в голову: «А не хитрят ли эта белая леди и ее муж?» И Мако стал зорко следить за ними. Особенные подозрения вызывала в нем Танина сумка с походной аптечкой: не спрятана ли там вода? Может быть, леди и ее муж пьют еще дополнительно из этой сумки? Мако нарочно

несколько раз помогал Тане при ее врачебной работе — он хотел заглянуть в таинственную сумку. Но оказалось, что в сумке нет никакой воды. Мако был удивлен и вместе с тем почему-то обрадован.

Однако укоренившееся недоверие к белым не покидало Мако.

Когда возник спор о последнем уколе камфары, Мако насторожился и подумал: «Ну, как-то теперь поступит белая леди?» Ему казалось, что тут уж «белое» начало победит в ней и последний укол достанется Крейтеру. Но, когда леди решила иначе, Мако был снова поражен и снова обрадовался. В его сознании даже стала пробиваться робкая мысль, что, может быть, на земле есть белые, которые совсем не белые, несмотря на свою белую кожу. Просто до сих пор ему не доводилось встречаться с ними…

Теперь, пожимая руки советским друзьям и широко им улыбаясь, Мако был очень рад встрече. И, однако, в его недоверчивой голове все время бродило: «А настоящие ли они друзья? Может, они были там, в море, друзьями, а на земле — обыкновенные белые?» И он решил устроить последнее, решающее испытание.

Жестом любезного хозяина Мако пригласил

гостей разделить трапезу. С большого костра африканцы сняли чугунный котел, в котором варилась рыба, переложенная душистыми травами, и поставили на землю. Мако внимательно следил за каждым движением Петровых и Потапова. Гостям было предоставлено первым начать. Потапов вынул купленный еще в Дамаске широкий кинжал, с которым он не расставался. Ловко орудуя им, он вытащил несколько изрядных кусков рыбы и оделил всех пришедших. Потом негры стали вылавливать рыбу из котла руками. Все ели и похваливали. Действительно, рыба была приготовлена отлично.

Глаза Мако ласково смеялись. «Если человек ест со мной из одной миски, — думал он, — значит, он настоящий друг».

Он что-то шепнул своим товарищам, и вдруг огромный Бамбо, а за ним и другие негры ударились в бешеный пляс.

В рощице у подножия гор, возле сбегавшего с них потока, экскурсия набрела на группу темнокожих женщин, растиравших зерно самым древним способом, какой только знает человечество. Стоя на коленях, согнув спины, они тянули бесконечный мотив и в такт ему руками двигали камень о камень: вперед — назад, вперед

— назад…

По голым спинам катился пот, жилы на натруженных руках вздулись. Мерно раскачивались темные фигурки, мелькали локти, шуршали камни, и лилась над рощей песня, больше похожая на ритмический стон, чем на песню…

Петровы и Потапов долго смотрели на эту живую картину из времен каменного века, пораженные и подавленные ею.

— Точно машина времени перенесла нас в первобытное общество, — шепнула Таня мужу по-русски.

Окано по выражению лица русских друзей уловил смысл сказанного.

— Наши женщины с незапамятных времен растирают зерно вручную, между двумя камнями, — объяснил он. — Правда, пароходы привозили на остров муку, можно было бы купить, но она очень дорогая… Половину года мы всегда свой хлеб ели, а зерно растирали вот так. Теперь совсем плохо — война! Пароходы заходят редко, мало продуктов привозят. Кормимся только своим зерном. Женщинам трудно, очень трудно…

Выше по течению потока, под сенью могучих деревьев, виднелась на берегу старенькая приземистая постройка, сложенная из толстых бревен.

Древняя, поросшая мхом, местами обвалившаяся — она имела весьма романтический вид. Потапов медленно побрел к ней и мечтательно уселся на большой позеленевший камень у темной стены хибары. Внезапно он соскочил с камня и стал проявлять к нему необычайный интерес: осматривать, ощупывать… Подошли Окано и Таволато.

— Что это за постройка, что здесь было раньше? — живо спросил Потапов. — Ведь это жернова лежат!

— Давным-давно здесь была мельница, еще пираты ее выстроили, — ответил Окано. — Когда мой дед был мальчиком, она уже не работала. Пробовали починить — ничего не вышло.

Потапов и Таволато зашли внутрь старой мельницы и с интересом рассматривали остатки ее древнего, примитивного устройства.

Александр Ильич, усмехнувшись, заметил:

— Реликвия! Точно скелет мамонта…

Выйдя на лужайку, Потапов еще раз оглянулся на позеленевшую от времени постройку, прислушался к песне женщин и нерешительно сказал:

— А ведь было бы очень легко устроить здесь простейшую водяную мельницу… Главное есть — жернова у нас имеются.

Окано недоверчиво улыбнулся:

— О, это очень трудно!

— Весьма просто, — уже тверже ответил Потапов.

И тут же, схватив ветку и чертя ею по земле, он с увлечением объяснил, как именно можно восстановить мельницу.

В Таволато тоже проснулся инженер-конструктор, и он, со своей стороны, кое-что предложил. Окано и Майя слушали инженеров со все возрастающим любопытством. Когда они кончили, Окано спросил:

— А сколько должна стоить такая перестройка?

— Немного, — подумав, ответил Александр Ильич. — Потребуется пятнадцать — двадцать бревен, несколько кусков железа, вроде тех, что валяются на берегу. Ну, шестерни... Их можно снять со старой лебедки, что ржавеет тоже на берегу. Ну, разумеется, пять-шесть рабочих на две недели. Вот, в сущности, и все!

— Все? — с недоверием переспросил Окано.

Потапов еще раз подтвердил, что больше ничего не потребуется. Таволато присоединился к его мнению.

— В таком случае, — заявил Окано, — об этом

надо подумать, посоветоваться с нашими стариками.

Дни шли своим чередом… Таня лечила больных, Степан читал исторические книги из местной библиотеки, Александр Ильич ревностно овладевал английским языком. Дело это пошло у него отлично благодаря оригинальному, но очень эффективному методу.

Еще на шлюпке Потапов сблизился с механиком «Дианы» Шафером. На острове они крепко подружились.

Шафер был левым лейбористом, активным членом профсоюза механиков. Честным и открытым сердцем он стоял за интересы рабочего класса и был полон самых лучших намерений, но в мозгу его застряло немало традиционной идеологической трухи, почерпнутой у вожаков английских профсоюзов. Поэтому в действиях своих Шафер часто бывал нерешительным, половинчатым.

Механика сильно тянуло к Александру Ильичу: отчасти как к товарищу по профессии, отчасти потому, что в Потапове он чувствовал цельность взглядов и действий. А этого как раз не хватало механику «Дианы».

Однажды Шафер сказал своему русскому другу:

— Завидую и удивляюсь вашим ясным, твер-

дым взглядам на всяческие сложные вещи в жизни и в политике. Как вы добились такой гармонии мировоззрения и практических дел?

Потапов попытался было объяснить, что ничего исключительного в этом нет, что гармония теории и практики составляет «душу» марксизма-ленинизма. А он, Потапов, — марксист и ленинец. Но, взявшись объяснять, Александр Ильич сразу же запутался и почувствовал, что для таких целей его английского словаря явно не хватает. Он беспомощно умолк и со смущением посмотрел на Шафера. Механик рассмеялся и сказал:

— У меня есть предложение! Я буду обучать вас английскому языку, а вы меня — твердости воззрений. Идет?

Потапов согласился. С тех пор оба друга ежедневно уединялись на берегу моря и горячо беседовали. Шафер закидывал Александра Ильича вопросами, а Потапов отвечал по-английски. Механик терпеливо подсказывал ему нужное слово, поправлял его. В сложных случаях разговор откладывался до вечера, когда можно было проконсультироваться у Петрова. Сначала беседы шли медленно и неровно, но постепенно шероховатости стали исчезать, речь Потапова делалась свободнее, глаже. А одновременно и в мыслях

Шафера происходило явное просветление.

Когда Александр Ильич рассказал Шаферу об идее восстановления старой пиратской мельницы, механик загорелся:

— Дело хорошее! Надо помочь здешнему народу!

Через неделю Окано пригласил в школу Петрова, Потапова, Таволато и Шафера. Их ждали здесь три пожилых островитянина. Величественно восседая на низеньких лавочках, они сосредоточенно курили длинные трубки.

— Позвольте познакомить вас, — торжественно провозгласил Окано, обращаясь к гостям, — со старшиной нашего поселка и его помощниками!

Островитяне в знак приветствия слегка склонили головы, не двинувшись с места.

— Я позволил себе пригласить вас сюда, — продолжал Окано, — чтобы вместе с мудрейшими людьми нашего маленького народа обсудить вопрос о постройке мельницы. Это большое для нас дело, мы очень хотели бы восстановить мельницу. Но нужно обсудить: по силам ли нашему поселку такая задача? Может быть, мистер Потапов сообщит о своих предположениях?..

Александр Ильич коротко и понятно изложил свой план и сообщил, сколько, по его расчетам,

потребуется труда и материалов. Он говорил по-английски, а Окано переводил на местный язык.

Три старца продолжали бесстрастно курить трубки, ни единым движением не обнаруживая своего отношения к предложению русского.

Когда перевод был закончен, воцарилось долгое молчание. Слышалось лишь легкое посапывание трубок.

Окано почувствовал неловкость и смущенно сказал гостям:

— Извините, я поговорю со своими сородичами на нашем языке, разъясню… — И он стал что-то горячо объяснять и доказывать «мудрейшим».

Старики слушали, молчали и равнодушно пыхтели трубками.

Когда Окано, наконец, умолк, старшина поселка медленно процедил несколько слов. Его помощники, в знак согласия с ним, молча кивнули головами. И снова все трое невозмутимо задымили. Окано растерянно развел руками.

— Что случилось? — прервал молчание Таволато. — Я вижу, вашим старейшинам не нравится предложение русского товарища? Они возражают?

— Нет-нет! — заволновался Окано. — Мельница нам очень нужна и предложение нравится, но

мудрейшие думают, что постройку нам не осилить. Слишком дорого будет стоить. Таких денег не собрать….

— Почему дорого? — удивился Петров. — Тут какое-то недоразумение… Саша, повтори-ка еще раз все расчеты, попонятнее…

Потапов снова обстоятельно изложил проект. Таволато дополнил его, Окано все добросовестно перевел. Но лица «мудрейших» по-прежнему сохраняли каменное выражение. Выждав приличествующее время, старшина вынул, наконец, чубук изо рта и обратился к гостям с речью, на этот раз более длинной: в ней было не меньше десяти — пятнадцати слов.

— Они все же думают, — в извиняющемся тоне сказал Окано, указывая на старейшин, — что такое дело нам не по средствам…

— Как — не по средствам? — перебил его Петров и, разгорячившись, стал по пальцам пересчитывать, какие материалы и сколько рабочих рук потребуется.

— Это все нетрудно, — сокрушенно ответил Окано. — Но они говорят, что вашему другу, — он указал на Александра Ильича, — надо будет заплатить за руководство работами, вам всем — за помощь... Много заплатить, как белым платят. А у нас нет таких денег.

Потапов весело рассмеялся. В бесстрастных глазах «мудрейших» сверкнула искорка удивления.

— Так вот оно что! — обрадованно воскликнул Петров. — Успокойте их, пожалуйста. Моему другу Потапову не нужно платить ни пенса. И нам всем не надо платить. Сейчас у нас много свободного времени, мы ждем парохода и, пока он не придет, охотно поможем вашим людям.

С лиц стариков впервые исчезло выражение бесстрастия. Оно сменилось удивлением. Взглянув на Потапова, старшина спросил на ломаном английском языке:

— Ты не шутишь?

— Какие шутки! — воскликнул Александр Ильич. — Давайте-ка лучше приниматься за работу, да поскорее!

…Работа закипела.

Потапов и Таволато целые дни проводили у старой мельницы. Правда, Таволато было несколько странно работать, не получая вознаграждения, но он уже настолько привязался к советским друзьям, что считал невозможным даже заикнуться об этом. Шафер был обескуражен результатом разговора со старейшинами: ему казалось само собой разумеющимся, что за свою работу он должен получить какое-то вознаграждение. Пусть

небольшое — он не хочет эксплуатировать туземцев! — но все-таки вознаграждение... Как же без этого?

Когда Шафер высказал свои мысли Александру Ильичу, между ними произошел следующий разговор:

— Ты от своей пароходной компании продолжаешь получать зарплату?

— Продолжаю.

— В полном размере?

— В полном размере.

— Значит, ты материально обеспечен и располагаешь временем?

— Обеспечен.

— Интересы простых людей, трудящихся, тебе близки?

— Очень близки!

— Только на словах? Или ты хочешь за свое сочувствие содрать деньги? Пользуясь трудным положением туземцев, сделать маленький бизнес?

Шафер смутился и стал неловко вертеть пуговицу на своей форменной куртке.

После этой беседы вопрос о вознаграждении труда Шафера больше не возникал.

Поселок выделил для работы на мельнице

десять мужчин. Целый день на берегу потока стучали топоры, гремело железо, слышался громкий смех.

Окано и Майя все свободное время проводили на стройке. По вечерам на лужайку у мельницы собирались люди из поселка. Они смотрели на невиданное зрелище. Пересмеивались, пели песни, просили «белого начальника» Потапова и для них подобрать работу. Недостатка в добровольцах не было. Островитяне все больше удивлялись простоте и ранее не виданному здесь добродушию «белого начальника».

Потапов был радостно возбужден и деятелен. Ему вспомнились далекие дни детства на Дону, когда он помогал своему дяде строить рыбачьи лодки. Не ограничиваясь ролью «главного инженера», Александр Ильич часто снимал рубашку и вместе с другими весело махал топором или с наслаждением орудовал лопатой.

Однажды к мельнице подъехали верхами Драйден и Ванболен. Они слышали о «подвигах» Потапова, но решили увидеть «большевистскую затею» собственными глазами.

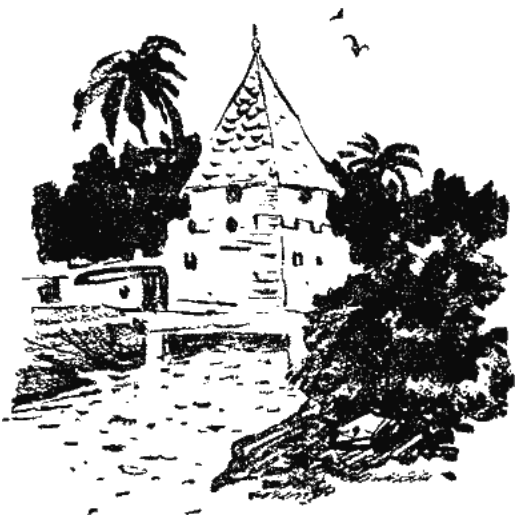
Вежливо поклонившись, Драйден крикнул:

— Добрый день, мистер Потапов! Как поживаете?

— Добрый день, мистер Драйден! — также вежливо ответил Потапов. — Великолепно! А как вы? Давайте присоединяйтесь...

Оба джентльмена криво улыбнулись и поскакали прочь.

Ровно через пятнадцать дней постройка мельницы была закончена. Весть об этом подняла на ноги весь поселок. К мельнице сбежались мужчины, женщины, дети.



Когда открыли плотину и с шумом закрутилось мельничное колесо, поднимая алмазные брызги воды, раздались крики удивления и радости. Восторг достиг высшей точки, когда минут через двадцать из мельничного помещения вышел улыбающийся старшина, неся на вытянутых руках плетеное блюдо с первой мукой. Все бросились щупать муку, пробовать ее на язык. Люди не расходились и, окружив Окано, кричали:

— Говори! Говори!

Смущенный и счастливый Окано взобрался на бревно и произнес речь. Он рассказал о том, как белый человек из далекой страны увидел трудную работу женщин, как он предложил восстановить старую мельницу и вместе со своими друзьями взялся организовать это дело.

— И вот теперь, вы видите, — закончил он, кивая на постройку, — работа сделана. Теперь у нас своя мельница. Она может смолоть весь урожай, который мы собираем, и даже больше. Наши женщины не должны будут растирать зерно вручную между камнями. Это хорошо!

— Хорошо! Хорошо! —гулко отозвались сотни голосов.

— Мы обязаны этим белому начальнику, который стоит рядом со мной, — Окано указал на

Потапова, — и его друзьям. Они нам помогли и не взяли ни одного пенса. Они наши друзья! Наши братья!

— Братья! Братья! — неслось отовсюду.

Старушка, стоявшая рядом с Майей, спросила:

— Этот белый начальник сошел с неба?

Майя нетерпеливо отмахнулась и ответила:

— Этот белый начальник пришел из далекой страны, где белые люди — братья черным и желтым людям.

Глава девятнадцатая
Прощайте, темнокожие братья!

Время шло. Наступил апрель 1943 года.

Однажды лейтенант Максвелл, очень взволнованный, прибежал к Петровым.

— Только что получены сведения о двух шлюпках с «Дианы», — сообщил он.

— Что? Что с ними? — в один голос воскликнули Степан и Таня.

— Одна шлюпка — номер четыре… Помните — в нее с капитанской шлюпки перешел старший офицер Барнби?.. Эта шлюпка после невероятных усилий пристала к западному берегу Африки. Она прошла свыше тысячи миль, половина пассажиров погибли…

Максвелл передохнул, зачем-то поправил галстук и затем продолжал:

— А другая шлюпка — номер пять… Самая тихоходная… Она проболталась в океане пятьдесят два дня! В конце концов ее прибило к берегам Южной Америки. В ней нашли только двух полуживых пассажиров. Они рассказали, что все остальные погибли от голода и жажды. Когда умерли последние трое, эти еще остававшиеся в

живых были так слабы, что не могли выбросить трупы за борт. Так шлюпка и носилась по волнам с двумя умирающими и тремя умершими.

На глазах Тани показались слезы, она быстро отвернулась.

— А шлюпки номер два и номер шесть? — спросил Петров. — О них ничего не слышно?

— Ровно ничего. Я думаю, их больше нет.

Все, склонив головы, замолчали, отдавая дань памяти погибших спутников по «Диане».

Долгожданное судно все еще не появлялось. Невольные пленники острова Девы все чаще нервничали, томились.

В конце февраля Петров отправил в Лондон телеграмму с просьбой сообщить, когда примерно можно ожидать эвакуации с острова. Через два дня от советского посла в Англии пришел ответ:

> «Перспективы вашей эвакуации проясняются. Делаю все возможное для ее ускорения. Проявите терпение».

За телеграммой последовал новый денежный перевод.

Прошел еще месяц, но о желанном судне ничего не было слышно. Петровы и Потапов волнова-

лись. Ведь там, в большом мире, идет жестокая борьба за будущее человечества, каждый из них должен занять место на линии огня. Особенно нервничала Таня. Она настойчиво просила Степана снова телеграфировать послу. Но не успел он сделать это, как пришло еще одно сообщение:

> «Ваше пребывание на острове Девы близится к концу. Не теряйте выдержки».

Советские путешественники воспрянули духом, но все-таки оставалось загадкой, сколько еще времени им придется провести на острове. И что там происходит, в далеком и туманном Лондоне? Кто и как решает там их вопрос?

А там, в Лондоне, происходило вот что.

Когда в разговоре с товарищем министра иностранных дел советский посол коснулся вопроса об эвакуации трех его соотечественников с острова Девы, он получил от своего собеседника любезный ответ:

— Да-да, конечно, мы сделаем все возможное…

Про себя, однако, товарищ министра подумал: «У нас и без того хлопот полон рот, а тут еще возиться с этими тремя русскими. Удивляюсь

бестактности большевиков!»

Товарищ министра отнесся к просьбе советского посла настолько невнимательно, что даже не упомянул о ней в официальной записи беседы, которую он составил в соответствии с дипломатическими правилами.

Предвидя возможность такого отношения, посол несколько дней спустя отправил в английское министерство иностранных дел специальную ноту, в которой, «свидетельствуя свое почтение министру иностранных дел», излагал историю злоключений советских людей и настойчиво просил принять срочные меры для вывоза их с острова Девы. Нота попала к товарищу министра иностранных дел, он поморщился и распорядился переслать ее копию в адмиралтейство с сопроводительным письмом, в котором выражалась надежда, что адмиралтейство, «в соответствии со своими возможностями», примет необходимые меры. Советскому же послу был послан краткий ответ, в котором сообщалось, что его нота получена и «ей уделяется внимание».

Начальник одного из отделов адмиралтейства, к которому попала бумага министерства иностранных дел, уголком глаза пробежал ее содержание и, увидев, что она подписана не

министром и не товарищем министра, а всего лишь заместителем заведующего одного из департаментов министерства, решил, что дело не срочное, и сунул бумагу в папку, на которой крупными буквами было написано: «По мере возможности».

Так прошло около месяца. В начале февраля посол при очередной встрече с министром иностранных дел снова напомнил ему о людях на острове Девы. Это случилось сразу после капитуляции армии Паулюса под Сталинградом. В создавшейся обстановке министр иностранных дел считал необходимым проявить интерес к судьбе трех русских и обещал лично вмешаться в это дело. После ухода советского посла он позвонил начальнику морского штаба и, кратко информировав его о существе вопроса, прибавил:

— Вы, конечно, понимаете наше щекотливое положение… Сейчас, когда русские одержали такую блестящую победу на Волге, надо быть к ним внимательными.

— Да-да, — недовольно отозвался начальник штаба, — я вполне понимаю ваше положение… Но вы поймите и мое: немецкие подводные лодки и бомбардировщики свирепствуют, потребности

в тоннаже громадны, судов не хватает, а остров Девы лежит так далеко от всех главных линий коммуникаций...

После этого разговора сложные колесики английского бюрократического аппарата стали медленно двигаться, и, наконец, в середине февраля товарищ министра иностранных дел уведомил советского посла, что эвакуация советских граждан с острова Девы «состоится в ближайшем будущем».

Именно это письмо и дало советскому послу основание телеграфировать Петрову, что «перспективы эвакуации проясняются». Однако судно, которому адмиралтейство предписало попутно зайти на остров, было торпедировано германской подводной лодкой, и план эвакуации сорвался. Надо было придумать что-то другое. Неизвестно, сколько времени потребовалось бы на это адмиралтейству, если бы неожиданно в игру не вошел новый и существенный фактор.

...Чем дальше затягивалось пребывание советских людей на острове Девы, тем более затруднительным становилось положение его начальника. Уже выступление Петрова перед школьниками было для мистера Липера серьезной неприятностью. Еще больше тревог и

огорчений доставила ему медицинская практика Тани. Но, когда Потапов взялся за восстановление пиратской мельницы и успешно это осуществил, мистер Липер окончательно растерялся. И он решил посоветоваться с Драйденом и генералом Блимпом. Все-таки это люди высокого положения!

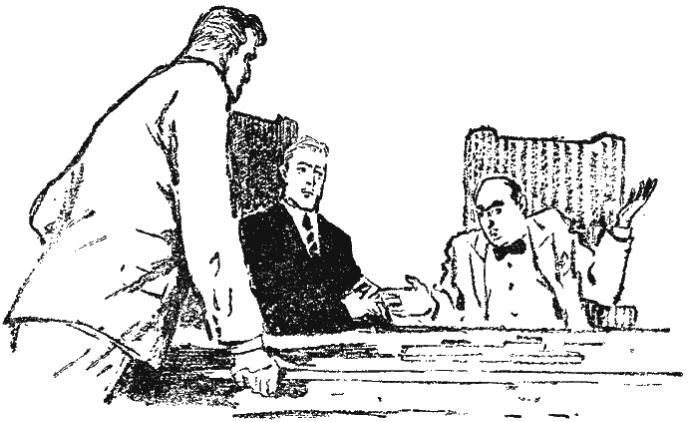
Однажды после обеда, когда они остались втроем, мистер Липер изложил перед своими гостями сущность возникших затруднений.

— Формально я не могу ни на что пожаловаться, — говорил начальник острова. — Они ведут себя строго лояльно в отношении наших законов. Господин Петров выступал в школе с моей санкции, мадам Петрова лечит туземцев также с моего разрешения, господин Потапов руководил работами, которые относятся к компетенции самой туземной общины. Сами по себе действия этих лиц едва ли могут вызывать какие-либо возражения. Ну, кто может возражать, в самом деле, против того, что мадам Петрова оказывает медицинскую помощь туземным женщинам? Это, так сказать, дело гуманности, филантропии. Все как будто бы в порядке. А вместе с тем все не в порядке… Весь дух их действий несовместим с установленными традициями…

Мистер Липер недоуменно развел своими короткими ручками, и, так как его собеседники сохраняли молчание, он счел своим долгом разъяснить:

— М-да… За последние два-три месяца настроение туземцев изменилось. Война вызвала у них разные ненужные мысли, а пребывание на острове большевиков еще больше развратило их скудные умы… Могу вас заверить, что среди туземцев сейчас идут неприятные разговоры, очень неприятные разговоры!

— Так зачем же вы, сэр, э… э… проявляли излишний либерализм? — заговорил, наконец, генерал Блимп. — Зачем вы, сэр… э… э… разрешили господину Петрову выступать? Зачем вы позволили… э… э… мадам Петровой практиковать?



— Ну как я мог им это не разрешить? — извиняющимся тоном отвечал мистер Липер. — Если бы я так поступил, туземцы взволновались бы, и опять-таки начались бы разные неприятные разговоры. К тому же мы не можем забывать, что эти господа прибыли из союзной страны…

Тут мистер Липер совсем сбился и замолчал. То обстоятельство, что столь почтенное лицо, как генерал Блимп, осудило его действия, сильно

расстроило начальника острова. Но в разговор вступил Драйден.

— А я думаю, — медленно сказал он, — что наш хозяин не мог действовать иначе, чем он действовал.

Генерал Блимп недовольно засопел, а мистер Липер приободрился.

— При всем моем уважении к вашим боевым талантам, сэр, — продолжал Драйден, адресуясь к генералу Блимпу, — я все-таки позволю себе заметить, что на поле битвы и на поле политики действуют разные правила игры. Запретить было бы очень просто, но едва ли благоразумно. Начальник острова прав, указывая, что это только раздражило бы туземцев, а сверх того — обидело бы наших союзников. Наша страна находится сейчас в чертовски сложном положении и вынуждена пускать в ход чертовски сложные маневры. Имейте это в виду, генерал!

— Вот-вот! И я то же самое чувствую! — радостно воскликнул мистер Липер.

Генерал Блимп сердито посмотрел на Драйдена и сказал:

— Вы преувеличиваете наши трудности, сэр! К тому же мне непонятно, сэр… э… э… что же вы предлагаете, сэр… в отношении этих больше-

виков?

— Что я предлагаю? — оживился Драйден. — Я предлагаю прежде всего не вспоминать прошлого. Это — пролитое молоко. Что сделано, того не воротишь. А затем я предлагаю… помочь большевикам поскорее уехать с острова Девы!

— Вполне согласен! — радостно откликнулся мистер Липер. — Я и сам уже думал об этом.

— Да, это будет наилучший выход, — пояснил Драйден. — Большевики уедут, и все трудности нашего хозяина останутся позади. Да и нам с вами, генерал… — Драйден сделал легкий поклон в сторону Блимпа, — нам это тоже будет выгодно. Мы что-то уж слишком засиделись на этом прекрасном, но все-таки слишком отдаленном острове.

В результате «военного совета трех» в Лондон полетели многочисленные телеграммы. Драйден апеллировал к своим друзьям в военном кабинете. Изображая в самых мрачных красках злоключения, пережитые им с момента отплытия из Кейптауна, он просил облегчить ему возвращение в Англию. Генерал Блимп, подчеркивая свое желание быть полезным родине в строю, телеграфировал о том же военному министру. А мистер Липер забросал колониальное ведомство письма-

ми о своих трудностях и настаивал на скорейшей эвакуации «опасных русских коммунистов», как на единственном средстве сохранить на острове Девы «основы цивилизации и порядка».

Этот нажим, странным образом совпадавший с требованием советского посла в Лондоне, возымел свое действие: колесики английского бюрократического аппарата начали двигаться быстрее.

В конце апреля наступила осень Южного полушария. Урожай был снят, и, следуя традиции, островитяне собрались на большой народный праздник.

На широкий луг возле мельницы пришел весь поселок. До́ма остались только больные. Все уселись в круг. Женщины были в венках, мужчины — с трубками в зубах.

По звуку бубна начались танцы. Сначала группа юношей в легких набедренных повязках исполнила сложную пляску. Ее темп все ускорялся, и в конце концов танец превратился в бурю движений.

Внезапно раздался глухой удар большого барабана. Все пляшущие мгновенно застыли в тех позах, в каких застал их этот сигнал.

Потом закружились в хороводе девушки. С цве-

тами в волосах и звенящими украшениями на руках и ногах, они плавно двигались в хороводе, который то распадался на отдельные кольца, то вновь превращался в сплошной круг, то извивался змеей, то вытягивался в две линии. Во время пляски девушки перебрасывались венками из цветов и колосьев. И опять по глухому удару большого барабана танцующие мгновенно замерли.

За плясками пошли песни. Пели все — мужчины, женщины, дети. Звучали протяжные, гортанные, ритмические напевы. Было в этих красивых мелодиях что-то глубокое, за душу хватающее.

В прежние годы белые обычно не присутствовали на празднике урожая. Но сегодня их собралось много: здесь были Максвелл, Мандер, Шафер, Наттинг, Мэри и Карло Таволато, несколько офицеров и матросов с капитанской шлюпки. В полном составе явились негры с «Дианы» во главе с Мако. Сюда пришли и представители английской администрации на острове. Даже Драйден и Ванболен приехали в коляске.

Петровым и Потапову туземцы отвели почетные места — рядом со старшинами.

Когда веселье достигло высшей точки, Майя, славившаяся в поселке как плясунья и певица,

подбежала к Тане и стала просить ее:

— Покажите нам, как танцуют русские!

Просьбу поддержали Окано, старейшины, молодежь... Отказаться было трудно. Таня кивнула Александру Ильичу, и оба они вышли в круг.

— Что ж, спляшем «русскую»? — полувопросительно сказал Потапов.

И впервые под этим небом, на далеком острове, затерянном в просторах Атлантики, впервые перед этими бронзовыми людьми, до сих пор не подозревавшими даже о существовании Советской страны, русские люди сплясали «русскую».

Когда танец окончился, со всех сторон послышалось:

— Хорошо! Весело!

Женщины подбрасывали кверху цветы, дети восторженно кричали, прыгали и пытались повторить то, что видели.

Драйден, с презрительной улыбкой наблюдавший эту сцену, обернулся к Ванболену и, кивнув в сторону Тани, сквозь зубы процедил:

— Какая недостойная демагогия!

Всеобщее веселье нарушил темнокожий мальчишка. Запыхавшись, дико вращая глазами и размахивая руками, он ворвался в круг и что есть силы закричал:

— Пароход!

Точно ветер пронесся по толпе. Все обернулись.

На широкой глади океана виднелся корпус большого судна, направляющегося к острову. Черный столб дыма поднимался из его высокой трубы.

Прибытие парохода в жизни острова было великим событием, особенно с тех пор как началась война.

На берегу собралась огромная толпа. Отдельной небольшой группой стояли белые: начальник острова с супругой, чиновники и служащие местной английской администрации с женами и детьми. Ведь в Лондон отбывали такие видные лица, как банкир Драйден, генерал Блимп, миллионер Ванболен!

Пароход «Мальта» был грузовым судном водоизмещением в 5000 тонн. Он шел с хлебом из Аргентины в Англию. Для маленькой гавани острова пароход был слишком велик, и он стал на рейде в миле от берега. Пассажиров доставляли к борту «Мальты» на шлюпках.

Первым рейсом отправились Драйден и другие важные персоны. Мистер Липер и его супруга крепко жали отъезжающим особам руки и жела-

ли счастливого пути. Другие белые, всех рангов и положений, выражали свои чувства словами, жестами и поклонами. Толпа туземцев почтительно, но в то же время отчужденно наблюдала за церемонией.

Петровы и Потапов могли бы, конечно, также отплыть с первым рейсом шлюпки, но эта привилегия исключалась для Мэри и Карло Таволато. А отделяться от своих друзей они не хотели. К тому же приятно было провести несколько лишних минут с Окано, Майей и другими островитянами. Решили отправиться вторым рейсом.

Степан, Таня и Александр Ильич подошли к начальнику острова и его супруге, вежливо поблагодарили их за гостеприимство и оказанные услуги; любезно попрощались с матроной, врачом и некоторыми другими лицами из числа островной администрации. Все было гладко и корректно, но с оттенком официального холодка. Затем, несколько отступив назад, Петровы и Потапов поклонились всем остальным белым.

Когда это было исполнено, советские путешественники решительно пересекли ту сотню шагов, которые отделяли их от толпы бронзовокожих островитян.

По рядам туземцев прошло волнение. Послы-

шались восклицания, причмокивания. Толпа качнулась и окружила отъезжающих. Им трясли руки, что-то горячо говорили. Плечи всех троих были мгновенно увешаны гирляндами цветов. Старшина поселка, сказав несколько слов, отвесил советским друзьям низкий поклон. Окано был очень взволнован. Крепко пожимая руку Степану, он сказал:

— Спасибо вам за все! Теперь я знаю, что и белые могут быть настоящими братьями.

В глазах Майи сверкали слезы. Она бросилась Тане на шею и быстро лепетала какие-то слова. В горле у Тани защекотало. Она обняла девушку и крепко поцеловала.

— А что, если я забуду все, чему вы меня учили? — спросила Майя.

— Не забудешь! — рассмеялась Таня. — У тебя память лучше моей. — Подумав мгновение, она прибавила: — Я пришлю тебе медицинские книги — ты ведь теперь единственный в своем народе врачеватель!

Подошла шлюпка. Вместе с советскими людьми в нее уселись Таволато, Максвелл, Шафер, профессор Мандер и другие. Когда шлюпка отвалила, группа туземцев бросилась вперед. Майя бежала первой, и через мгновение ее тоненькая фигурка

застыла на краю утеса, над морем. Плавными взмахами руки она посылала последнее «прости» уезжающим друзьям.

Таня, стоя на корме, отвечала девушке, которая стала ей так дорога. Когда Майя, наконец, исчезла из глаз за выступом утеса, Тане показалось, будто кусочек ее сердца остался на этом крохотном скалистом островке, затерянном в беспредельности океана.

Глава двадцатая
О чем думали разные люди на «Мальте»

«Мальта» шла мерным двенадцатиузловым ходом на восток, к берегам Африки, и на борту ее плыли разные люди, с разными мыслями и стремлениями.

Капитан «Мальты» Боб Джемисон, старый английский моряк с простой, честной душой, больше всего думал о том, как бы ему избежать немецких подводных лодок и благополучно довести свое судно до Ливерпуля. У берегов Африки «Мальта» должна была включиться в английский караван судов, идущий под конвоем крейсеров и эсминцев из Южной Африки в Великобританию. Но до места встречи было еще далеко, и кто знает, что может случиться с одиноким судном в пути? Чтобы ускорить день встречи с караваном, Джемисон увеличил команду «Мальты» за счет моряков «Дианы»: Максвелл, Шафер, Мако, Бамбо и некоторые другие были приставлены к делу, каждый в соответствии с его прежней службой.

«Мальта» торопилась. Джемисон не жалел угля. Он отдал приказание держать пар в котлах на

самом высоком уровне.

Трудно было разместить на пароходе людей, взятых с острова Девы. «Мальта» не была приспособлена для перевозки пассажиров, а тут пришлось принять на борт около сорока человек, среди которых были лица важные и избалованные комфортом. В конце концов все уладилось. Джемисон обратился к пассажирам с речью, в которой просил их не забывать, что сейчас идет война и что «Мальта» не является роскошным «лайнером» для богатых туристов. Его по-морски грубоватая речь возымела свое действие. Драйден и другие важные лица разместились в каютах капитана и офицеров судна на положении временных сожителей; Петровым и Таволато были предоставлены маленькие каютки, из которых на время пути выселили радиста и младшего механика. Потапов поселился с Максвеллом в его каюте. Негров и индийцев сначала поместили в тесных кубриках, но потом капитан распорядился сделать для них из ящиков и досок импровизированное помещение, где им было свободнее и удобнее. Ибо, несмотря на свой традиционный консерватизм, Джемисон, как человек практический, прекрасно понимал, что если моряк будет жить плохо, то он и работать будет плохо.

Особый интерес Джемисона вызывали, конечно, советские люди. С первого взгляда русские понравились ему, особенно Петров, который к тому же оказался моряком. Джемисон уже слышал рассказы об этих трех русских от пассажиров «Дианы». Слышал и плохое и хорошее. Особенно злобно о них говорил капитан Смит. Однако Боб Джемисон был достаточно искушенным человеком и опытным моряком, чтобы понять, что произошло при торпедировании «Дианы» и почему одни Петрова хвалят, а другие осуждают.

В душе капитан Джемисон считал, что капитан Смит поступил бесчестно, а этот русский, наоборот, обнаружил качества настоящего моряка. По разным соображениям тактического свойства Джемисон не считал удобным открыто высказывать свое мнение, однако в отношении капитана к Смиту стало проскальзывать что-то неприязненное, а о Петрове он иногда думал словами известной английской песни: «Он чертовски славный парень!»

Думал и лондонский банкир сэр Вильям Драйден. Он вспоминал все, что ему пришлось пережить, начиная с памятного обеда у Бингхэма в Кейптауне, и подводил итоги.

— Да, — говорил он Ванболену, сидя на ска-

мейке около пароходной трубы, — большевики — опасные люди… Помните наш разговор на эту тему в больнице? Сознаюсь, я недооценивал раньше опасности большевизма, но зато теперь!..

Драйден сделал такой жест, точно хотел снести голову свирепому дракону. Ванболен понял это по-своему и с улыбкой ответил:

— Большевизм нужно раздавить, иначе у нас не будет покоя.

— «Раздавить»!.. — недовольно повторил Драйден. — Вы, конечно, сейчас же думаете о Малане и его политике… Так позвольте вам сказать, что Малан не уничтожает большевизм, а, напротив, плодит его!

— Я вас не понимаю, — с недоумением сказал Ванболен. — Как же тогда бороться с большевизмом?.

— Как бороться? По-английски бороться.

— То есть как это — по-английски?

— А вот как! Прежде всего надо ослабить родину большевизма — Россию. Гитлер сейчас весьма успешно выполняет эту задачу — надо ему помочь! Вы думаете, я имею в виду сепаратный мир с Германией? Избави бог! Это противоречило бы всем нашим моральным принципам. Да и практически сепаратный мир нам невыгоден: Гитлер

разбил бы Россию, а потом, использовав ее огромные ресурсы, с удвоенной силой обрушился бы на нас. Нет-нет! Я думаю не о сепаратном мире…

— Так о чем же? — спросил Ванболен.

— Англии невыгодна победа ни Германии, ни России. Англии и Британской империи выгодно, чтобы и Германия и Россия вышли из войны обе изнуренные и ослабленные. И мы должны маневрировать, сложно маневрировать, чтобы добиться такого результата… Вот, например, сейчас: Россия настойчиво требует, чтобы Англия и Соединенные Штаты Америки открыли второй фронт, — надо с этим подождать! Россия еще может сопротивляться — пусть сопротивляется одна, пусть изматывает Германию. И сама изматывается… Мы, англичане, подождем да посмотрим. Если увидим, что силы России иссякают и грозит победа Германии или наоборот, Германии грозит полный разгром и плодами может воспользоваться одна Россия, — вот тогда и откроем второй фронт. А пока рано…

Драйден замолчал и долго смотрел неподвижным взглядом в синеющую даль горизонта.

— Но это не все, — спустя некоторое время вновь заговорил Драйден. — Наши государственные люди, политики, промышленники, колониальные

деятели должны применяться к духу времени. И соответственно маневрировать. Уверяю вас, Ванболен, эти три большевика дали мне на острове Девы хороший урок, о котором я не забуду…

Драйден встал и несколько раз прошелся по палубе. Потом он продолжал:

— Ну, вот хотя бы деятельность мадам Петровой, о чем мы с вами уже как-то говорили… Я задаю себе вопрос: почему наш милейший мистер Липер своевременно не позаботился о том, чтобы хоть как-нибудь организовать медицинскую помощь туземцам? Если бы такая помощь существовала, все было бы иначе, и эта большевичка не смогла бы пускать пыль в глаза туземному населению. То же самое и в других случаях…

— Вы слишком много требуете от правительства, сэр Вильям, — возразил Ванболен. — В конце концов, черный или цветной — это раб или полураб, чаще всего — просто рабочая скотина. А рабочей скотине нужен кнут, другого языка она не понимает.

— К сожалению, милейший Ванболен, — усмехнулся Драйден, — в наши дни даже рабочая скотина начинает рассуждать. Вы все еще думаете по-бурски, а вам надо научиться думать по-английски.

Драйден замолчал, пристально вглядываясь в даль океана, и, наконец, резко сказал, как бы делая окончательный вывод:

— Когда я вернусь в Англию, я буду умолять премьер-министра не торопиться с открытием второго фронта.

Думал и механик Шафер…

Все пережитое им на шлюпке и на острове, дружба с Потаповым, постройка мельницы — все это вызвало у Шафера рой новых мыслей, родило новые взгляды на многие вещи.

И вот теперь, среди грохота и жара пароходных машин, Шафер все яснее сознавал, что левое крыло лейбористской партии, в русле которого он до сих пор шел, перестало его удовлетворять: это были хорошие слова, а нужны были хорошие дела. Не раз он ловил себя на непривычной и пугающей, но настойчивой мысли: «А не вступить ли мне в Коммунистическую партию?..»

Да, механик Шафер думал, не только думал, но даже действовал.

Однажды во время его вахты в машинное отделение вошел старший механик Бромлей и, посмотрев на манометр, выругался. В котлах было мало пару, а между тем капитан Джемисон не переставал требовать ускорения хода судна.

Старший механик в сопровождении Шафера спустился в кочегарку, в этот пылающий ад, и набросился на Бамбо, стоявшего у ближайшей топки:

— Мерзавец! Черная свинья! Вот я тебе покажу, как баклуши бить!..

И он широко размахнулся, чтобы ударить негра.

Вдруг лицо Бромлея исказилось, и он вскрикнул. Кто-то железной рукой ухватил его за локоть. В бешенстве он повернулся и встретился с потемневшими от гнева глазами Шафера.

— Ты что? — взревел старший механик. — С ума сошел?

— Нельзя бить кочегара, — тихо, но угрожающе проговорил Шафер.

— А тебе какое дело? — проревел Бромлей и рванулся, чтобы все-таки ударить Бамбо. Но

стальные клещи, сжимавшие его локоть, не разжимались.

— Нельзя бить кочегара! — упрямо повторил Шафер.

Старший механик забыл о Бамбо. Теперь весь гнев его обратился на Шафера. Он ринулся на него, но тот ловким боксерским ударом свалил старшего механика с ног. Бромлей с трудом поднялся и, уходя, злобно крикнул:

— Ну, берегись! Ты будешь иметь дело с капитаном!

Когда вахта сменилась, Шафера действительно вызвали к Джемисону. У него уже сидел старший механик. Капитан внимательно и спокойно выслушал обоих. Шафер, закончив свои объяснения, твердо заявил:

— Я считаю, что кочегаров нельзя бить, даже если они черные… Если господин капитан с этим не согласен, он может уволить меня.

Но капитан не уволил Шафера. Джемисон не философствовал подобно сэру Вильяму Драйдену. Он был простой человек и чувствовал, что в мире происходят большие перемены — такие, при которых бить негров-кочегаров становится опасным пережитком.

Когда Шафер рассказал Потапову об этом инци-

денте, Александр Ильич с особой сердечностью сказал:

— Ты поступил как настоящий человек!

Думали и черные, жарившиеся в кочегарке «Мальты» или ежедневно драившие шваброй ее палубы.

За эти три с половиной месяца они с удивлением и радостью увидели, что на свете есть «белые, которые не похожи на белых». Эти белые приехали из далекой и холодной страны. Но почему в той загадочной стране такие странные белые? Почему они относятся к черным, как к равным? Может быть, они просто не видят цветов, не различают красок? Многие даже думали, что предки этих белых были черные, но, уйдя в холодные страны, они побелели кожей, хотя и сохранили душу черных.

Каково бы, однако, ни было происхождение этих белых братьев, важно то, что они существуют и даже добрались до тех мест, где живут Мако, Бамбо и их товарищи. Это поднимало дух, вселяло смутную надежду на что-то лучшее.

Однажды вечером Мако, только что сменившийся с вахты, сказал, обращаясь к своим товарищам:

— Я буду вам рассказывать.

Это было столь неожиданно, что все с изумлением поглядели на него. Мако был замкнутым и молчаливым человеком, не любил и не умел рассказывать. Но теперь он изменил своему нраву — настолько важным ему казалось сообщить черным то, что пришло ему в голову.

Медленно, нескладно Мако начал свое повествование. Его не всегда понимали и переспрашивали — он сердился, но продолжал. Это был даже не рассказ, а целая эпопея, сущность которой сводилась к следующему.

Лет двенадцать назад, когда Мако плавал между Лондоном и Бомбеем на английском грузовике, капитан судна получил в Пирее телеграмму из главной конторы с приказом зайти за важным грузом в какой-то порт, названия которого Мако не запомнил.

— Капитан тогда очень ругался, — рассказывал Мако, — и кричал, что не хочет идти в этот порт.

Но приказ есть приказ. Мако не может сказать, сколько времени судно туда шло и каким путем, но он хорошо помнит, что в одно ясное утро они оказались в виду красивого города, белые дома которого сбегали с высокого берега к морю. Судно вошло в порт, но не пришвартовалось у стенки, а бросило якорь на рейде. Капитан отдал строгий

приказ никого не спускать на берег, а сам уехал в город. Через несколько часов он вернулся оттуда очень злой и без всякого повода заехал в зубы случайно подвернувшемуся под руку Мако.

На другой день маленький буксир подвел к английскому судну баржу, с которой на судно принимали тяжелые тюки. Команде было строго-настрого запрещено о чем-либо говорить с людьми, которые привезли груз. Мако, который работал на погрузке, не мог понять, почему капитан так не хочет встречи матросов с местными людьми. Они понравились Мако. Это были веселые белокурые парни, они хорошо пели. Мако заметил, что они вовсе не чуждались черных и относились к ним даже особенно приветливо. Когда погрузка кончилась, один из этих парней крепко пожал руку Мако и что-то залопотал на своем языке. Потом парень ударил себя в грудь рукой и сказал одно слово: «Большевик». Мако знал это слово. Когда давным-давно команды всех судов бастовали в Гамбургском порту — Мако тоже бастовал, — приходили капитаны и хозяева и ругали матросов: «Большевики!» Однажды Мако стоял в пикете забастовщиков около своего парохода. Приехали полицейские на мотоциклах и набросились на пикетчиков. Высокий полисмен

бил Мако по лицу и кричал: «Большевик!» А тот парень с баржи, которая привезла груз, никого не боясь, сам назвал себя страшным для белых хозяев словом «большевик».

Сразу после окончания погрузки судно снялось с якоря. Когда пароход выходил из гавани, капитан грозил белому городу кулаком…

Тогда Мако не мог понять — он еще очень плохо говорил по-английски, — где побывало судно и почему капитан так боялся. Но теперь Мако думает, что этот белый город находился в стране большевиков, откуда пришли мистер Петров, миссис Танья и мистер Потапов. Она находится очень далеко от Кейптауна, но она существует, и он, Мако, хотел бы поближе познакомиться с ней и с ее людьми, которые любят справедливость и считают белых и черных равными.

Черные головы всё ближе склонялись к Мако во время его рассказа, черные глаза всё ярче загорались огнем мысли, чувства и надежды.

На седьмой день пути «Мальта» подошла к берегам Западной Африки. На судне все были охвачены тревожным ожиданием. Люди с опаской оглядывали океан. В этих районах уже действовали немецкие подводные лодки, здесь следовало серьезно опасаться вражеской торпе-

ды. И команда и пассажиры настроили себя на состояние «боевой готовности» и вглядывались в расстилающуюся перед ними синюю гладь с особым вниманием и подозрительностью.

Радио «Мальты» еще не нащупало караван, но он должен был быть где-то в этих водах, в этом районе…

Капитан Джемисон, за время пути привыкший к беседам с Петровым, с этим «good sailor»[18], теперь часто делился с ним своими тревогами и опасениями.

Утром восьмого дня капитан, Петров и Драйден, стоя на мостике, обменивались предположениями о том, почему молчит радио каравана. Подошел радист и передал Джемисону листок бумаги. Капитан быстро пробежал его, и лицо его омрачилось.

— Какие-нибудь неприятные новости? — спросил Петров.

— М-м-м… Как вам сказать… Вот, наконец, сообщение от каравана… Мы примкнем к нему сегодня вечером.

— Но это же отлично! — воскликнул Петров.

— Разумеется, хорошо! — согласился Джемисон.

---

[18] Примечания: 18
«Добрый моряк».

— Но «Мальта» вступит в хвост каравана и окажется судном номер тринадцать… М-м-м… Вот это нехорошо!

— Почему? — не понял Петров.

— Как? — в свою очередь, удивился Джемисон. — Судно номер тринадцать! Несчастливое число. Как бы чего не случилось…

Петров внутренне рассмеялся и взглянул на Драйдена, рассчитывая найти в нем человека, стоящего выше таких предрассудков. Однако и на лице Драйдена он заметил озабоченность. Тогда Степан повернулся к капитану Джемисону, с которым за время пути он сильно сблизился, и, смеясь, воскликнул:

— Вот еще!.. А для меня это счастливое число! Своей жене я объяснился в любви тринадцатого числа. Свой первый орден я получил тринадцатого числа. Шлюпка «Дианы» пристала к острову Девы на тринадцатый день!

— Ах, вот как? — искренне обрадовался Джемисон. — Если вам везет на число тринадцать — значит, и нам повезет. Вы — на борту, и можно рассчитывать, что с нашим судном ничего не случится!

Капитан Джемисон был явно доволен. С лица Драйдена, дипломатично молчавшего во время

разговора, тоже сошло озабоченное выражение.

Вечером «Мальта» присоединилась к каравану. Это была грозная и величественная армада. Транспорты шли кильватерным строем, на дистанции в четверть морской мили один от другого. Впереди бежали три эсминца и тщательно «просматривали» море. При малейшем подозрении они останавливали караван и начинали рыскать по океану в поисках врага.

Справа и слева от колонны транспортов шло еще десять эсминцев и фрегатов — по пять с каждой стороны. Заключал шествие авианосец, готовый в любой момент пустить на врага стаю боевых самолетов.

Быстроходный крейсер непрерывно курсировал вокруг каравана, наблюдал за порядком и строгим выполнением всех предписанных правил осторожности. Вся эта плавучая крепость, растянувшаяся чуть не на 10 километров, медленно двигалась на север.

Хотя вероятность встречи с немецкими подводными лодками теперь возросла, ибо врагу нетрудно было заметить движение большого каравана, на борту «Мальты» все повеселели. Вид сопутствующих боевых судов, особенно рыскающих по морю быстроходных эсминцев, сознание,

что ты не один в безбрежности океана и что в крайнем случае тебе помогут, — все это сильно подняло дух команды и пассажиров «Мальты».

Группировки, наметившиеся на пароходе при выходе с острова Девы, теперь окончательно оформились. Здесь была своя «аристократия» — Драйден, Ванболен, генерал Блимп и иже с ними; к «аристократии», конечно, примкнул и капитан Смит. Здесь была своя «демократия» — Петровы, Потапов, супруги Таволато, Шафер, Мандер и некоторые другие: к «демократии» сильно тяготели черные и «цветные». Капитан Джемисон старался деликатно лавировать между этими двумя лагерями. Воспитание, навыки, взгляды, положение невольно толкали его к «аристократии», но чутье практического человека и присутствие на судне советских людей сдерживали его.

История столкновения между Шафером и старшим механиком очень быстро стала общим достоянием. «Аристократия» была возмущена поведением Шафера и осуждала Джемисона за проявленную им «слабость»; зато «демократия» не скрывала своего удовлетворения. Особенно восхищены были черные. Шафер стал их героем, и сами они почувствовали прилив мужества.

Конечно, долгие годы унижения и оскорбления их человеческого достоинства продолжали довлеть над психологией черных. Но они стали менее терпимы к грубости и более независимы. Они начинали роптать, когда белые начальники несправедливо их ругали или угрожали наказанием. Бить черных после истории с Шафером больше никто не решался.

На борту «Мальты» советские люди получили, наконец, возможность услышать голос Родины. Дважды в день они принимали московское радио, пользуясь дружбой судового радиста. Этот высокий и нескладный парень, широко улыбаясь, предложил им послушать Москву уже через час после того, как «Мальта» отошла от острова Девы. Когда Степан, Таня и Потапов собрались в тесной радиорубке и услышали позывные сигналы Москвы, а затем знакомый голос диктора, читавшего очередную сводку Информбюро, у всех троих показались слезы на глазах. Таня, не стесняясь радиста, счастливо всхлипывала.

Теперь они регулярно, два раза в сутки с волнением ждали часа передачи и буквально впитывали каждое слово. Радист требовал только одного: подробного перевода сообщений о том, как советские войска бьют проклятых наци. Осо-

бенно интересовали и восхищали его подвиги советских партизан.

Таня стала все больше возвращаться к воспоминаниям о своей прошлой жизни, о родных, друзьях, знакомых. Кто из друзей-фронтовиков жив, кого уже нет?.. Она часто вынимала из сумочки потертую в скитаниях фотографию сына, подолгу глядела на нее и украдкой от Степана шептала какие-то смешные, нежные слова.

Чем ближе к Европе подходил караван, тем больше соблюдались меры предосторожности и напряженнее становилась атмосфера на борту «Мальты».

Когда караван достиг широты Канарских островов, едва не произошла катастрофа. Немецкая подводная лодка, находившая приют и источники снабжения в этих владениях Франко, попыталась атаковать суда. Однако ее перископ был вовремя замечен с одного из эсминцев. Конвойные суда мгновенно бросились в погоню за лодкой, и спустя полчаса с ней было кончено.

Через три дня разыгрались более серьезные события.

Караван проходил мимо берегов Испании. Было около восьми часов вечера, и пассажиры «Мальты» сидели за обеденными столами. Вне-

запно оглушительный взрыв потряс воздух. Все вскочили с мест и бросились на палубу. Первой мыслью Петрова было: «Неужели нас?» Но пароход продолжал идти ровным ходом, и это успокоило Степана. Однако, на всякий случай, он крепко схватил за руку Таню и не отпускал ее от себя ни на шаг.

Взбежав на капитанский мостик, Петров стал вглядываться в темноту. Где-то впереди слышался неясный шум, раздавались тревожные гудки…

На ближнем крейсере вспыхнул прожектор. Бело-голубая полоса пронеслась над взволнованной поверхностью океана, заколебалась… Стало видно, что через одно судно от «Мальты» дымится и кренится набок большой транспорт. Еще мгновение — и над кормой взвился язык пламени.

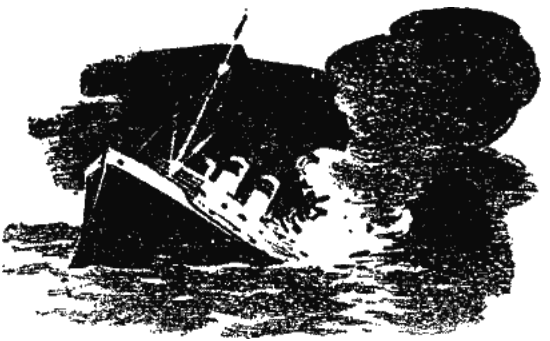
— Пропало судно! — с огорчением произнес Джемисон, стоявший рядом с Петровым. — Десять тысяч тонн! Жалко!

Тем временем пять эсминцев бросились за подводной лодкой и быстро исчезли в темноте. Спустя несколько минут над морем гулко пронеслось: «Бум… Бум… Бум…» Это эсминцы бросили глубинные бомбы.

— Степан, смотри! — воскликнула Таня, судорожно сжимая руку мужа. — Совсем как тогда…

В ее памяти мгновенно всплыла страшная картина: темная ночь, вопли и крики людей, зарево пожара на корме и медленно опускающийся в воду корпус «Дианы». Она закрыла глаза…

Подбитый пароход все глубже уходил в воду. В свете прожектора видно было, как на нем суетятся люди, одна за другой спускаются и отплывают в сторону шлюпки. Эсминец, подойдя к гибнущему пароходу, подбирал людей из шлюпок и с воды. Через несколько минут он быстро удалился и исчез во мраке.



Раздались два глухих взрыва. Капитан Джемисон хладнокровно отметил:

— Огонь добрался до взрывчатки. Опасный груз…

Караван пришел к берегам Англии, в Ливерпуль, поздно вечером. Город и порт были погружены в кромешную тьму. Полная светомаскировка, нигде ни луча!

Маленькие буксиры медленно и осторожно вводили суда в гавань. Петров знал, что Ливерпуль — огромный порт, но кругом была только глубокая, непроницаемая тьма, и Степан тщетно старался уловить присутствие где-то здесь, вокруг, сотен кораблей и тысяч домов, укрытых мраком. Минутами ему казалось, что каким-то внутренним чутьем он ощущает этот деятельный, но невидимый мир.

Никто на «Мальте» не спал в последнюю ночь. Все с нетерпением ждали рассвета, и, когда он пришел — хмурый, бесцветный, затянутый сеткой моросившего дождя, — люди стремительно бросились на палубу. Только сейчас они увидели лес мачт и труб в порту и закопченные дома города, медленно выплывавшие из желто-серого тумана.

«Мальта» стояла на рейде, далеко от причала. Команда уже была на ногах и готовила шлюпки для доставки на берег пассажиров и их багажа.

Раньше всех судно покинул сэр Вильям Драйден. Попав в привычную обстановку, он снова

почувствовал себя банкиром, дворянином, светским человеком. Он был тщательно выбрит, в свежеотглаженном костюме. Лицо его выражало спокойную солидность и уверенность. Крепко пожимая руку Ванболену и приглашая его к себе в Лондон, сэр Вильям говорил:

— Я возвращаюсь в Англию другим человеком. Я недооценивал раньше угрозу большевизма. Теперь я прозрел и знаю, что мне делать…

С Петровым Драйден простился любезно, но холодно, а Потапову только кивнул головой.

Зато как горячо прощались с советскими путешественниками их белые и темнокожие друзья! Негры с «Мальты» все высыпали на палубу, крепко жали им руки, что-то горячо говорили, жестикулировали и опять говорили. Слова были непонятны, но чувства не вызывали никаких сомнений.

Мэри и Карло Таволато расставались со своими советскими друзьями грустные и растерянные.

Мэри уже давно так подружилась с Таней, что полушутя называла ее своей старшей сестрой. Она не раз делилась с Таней своими опасениями: что ждет ее и Карло в Англии, как примут их родные, друзья и знакомые Мэри? Не окажутся ли они в полном одиночестве?

Таня старалась рассеять тревогу подруги.

Порывисто обнимая Таню, Мэри быстро шептала:

— Как я буду жить без тебя? Ты была мне помощью, опорой. Я боюсь будущего…

Таня прижимала голову Мэри к груди и, точно мать, ободряла ее:

— Ищи, Мэри! Я уверена, что в Англии есть тысячи и тысячи людей, стоящих выше гнилых предрассудков. Они тебе помогут. Надо только найти их!

Карло крепко пожимал руку Петрову и Потапову и обещал писать им о своей судьбе.

Душевно попрощались со своими русскими спутниками и товарищи по испытаниям Максвелл, Наттинг и другие англичане из состава команды погибшей «Дианы».

Профессор Мандер прочувствованно сказал:

— Вы многому научили меня за эти четыре месяца, я многое вижу теперь по-иному… Я буду с интересом следить за всем, что делается в Советском Союзе. Наши страны не должны мешать друг другу жить и развиваться. Скажу больше: мы обязаны помогать друг другу, чтобы людям в мире лучше жилось.

А Шафер, отозвав в сторону Александра Ильича,

с некоторой торжественностью, которая плохо вязалась с его простыми, искренними манерами, заявил:

— Я решил вступить в Британскую коммунистическую партию!

Глава двадцать первая
Лондон и его анатомия

Поезд быстро мчался через ярко-зеленые равнины, то и дело перемежающиеся с промышленными городами. Равнины радовали глаз необыкновенно свежей, сочной травой и небольшими задумчивыми рощами. Такой яркой зелени Петров еще нигде не видел. А мрачные, закопченные города тянулись длинными улицами с тоскливо-однообразными кирпичными домиками. Ни единого деревца, ни единой травинки… Черный, каменный ад…

Пожилой официант принес утренний завтрак: кашу-овсянку с молоком, поджаренные в масле кусочки хлеба, джем из апельсиновых корочек и густой цейлонский чай. Все было довольно вкусно, но так мало! Покончив с завтраком, Александр Ильич, смеясь, сказал:

— Я бы еще два таких завтрака съел!

За окнами вагона мелькали семафоры, мосты, станции, речки, луга, заводы, селения. И всюду лезли в глаза белые буквы на синем металличе-

ском фоне: «Bovril»[19].

Потапов тронул Петрова за рукав и с некоторым удивлением сказал:

— Смотри, Степан, здесь шпалы стальные!

Поезд приближался к Лондону. Зеленые равнины исчезли, темные дома тянулись бесконечной чередой, в воздухе висела серая дымка, пахнувшая копотью. Поезд громыхал на скрещениях путей, громко стучал по настилу мостов, мчался по улицам на уровне вторых этажей домов, мимо открытых окон, из которых выглядывали любопытные.

И вот, наконец, вокзал Паддингтон. Поезд сбавил ход и медленно вкатился под высокие стеклянные своды, густо закопченные дымом.

Наши путешественники вышли на платформу, заполненную сотнями людей. Держа в руках свой более чем легкий багаж, они спустились по лестнице на небольшую привокзальную площадь. Подкатило такси — смешной квадратный высокий домик на колесах. Советские путешественники сели в машину, и Петров несколько нерешительно сказал:

— В советское посольство… Вы знаете адрес?

---

[19] Примечания: 19
Фирма консервированного супа.

— Разумеется, знаю, — уверенно ответил шофер. — Приехали из России, сэр?

— Как вам сказать… В общем, из России, — улыбнулся Петров.

— Здорово вы колошматите немцев! — с довольным видом заявил шофер и добавил, имея в виду посольство: — Это недалеко… Мигом доставлю.

Четверть часа спустя автомобиль въезжал в ворота «частной улицы», охраняемой стариком привратником в ливрее и старой разжиревшей собакой.

Когда первому секретарю советского посольства доложили, что прибыли трое советских граждан с острова Девы, он быстро вышел в прихожую и, гостеприимно протянув гостям обе руки, воскликнул:

— Наконец-то! Мы уже начали опасаться, не случилось ли с вами еще каких-либо необыкновенных приключений в пути!

— Ну, нет! Хватит… — ответил Петров. — На этот раз все обошлось благополучно.

Первый секретарь усадил гостей в приемной и исчез. Приемная представляла собой большой двусветный зал, отделанный дубом и красным деревом. На высоте второго этажа вокруг зала шла галерея, а над ней висели картины советских ху-

дожников: пейзажи, жанровые сцены, портреты. На одной из стен светлел своими голубоватыми тонами «Иней» Грабаря.

— Пожалуйте! — раздался голос секретаря, и он повел прибывших в кабинет посла.

Это была просторная комната с окнами, выходящими в сад посольства. У окна, на небольшом возвышении, стояла невысокая колонна с прекрасным бюстом Ленина работы известного советского скульптора. На противоположной стене висел портрет Л. Б. Красина, сыгравшего столь важную роль в установлении дипломатических отношений и деловых связей между Англией и СССР.

Письменный стол, неподалеку от окна, был завален бумагами, газетами и толстыми фолиантами.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — воскликнул посол, идя навстречу гостям. — Рад вас видеть, наконец, живыми и здоровыми... Ну, садитесь и рассказывайте о вашей эпопее!

Степан подробно доложил о всех перипетиях их необыкновенного путешествия с момента вылета из Москвы. Таня и Потапов дополняли его рассказ живыми деталями. Посол воскликнул:

— Ну, знаете, это совершенно романтическая

история! Право, можно подумать, что вы решили повторить приключения героев Жюля Верна. Конечно, с поправками на современность. Но в этой истории есть момент, который особенно интересует меня как посла СССР в Англии. Вы, вероятно, догадываетесь, что я имею в виду поведение капитана Смита после торпедирования «Дианы». Позорный поступок! Прошу вас написать мне об этом факте официальный рапорт. Я сделаю представление английскому правительству.

Посол что-то отметил в блокноте, лежавшем перед ним на столе, и затем продолжал:

— А теперь отдохните немного в Лондоне после всех ваших злоключений. Тем более что вам едва ли раньше чем через неделю удастся получить места на самолет, отправляющийся в Швецию. Впрочем, вам не придется пожалеть об этой паузе: Лондон — интересный город.

— Я думаю, — вставил первый секретарь, — что наших гостей лучше всего познакомить с товарищем Орловым. Он будет отличным руководителем в путешествии по Лондону.

— Хорошая идея, — откликнулся посол. — Товарищ Орлов провел в Лондоне много лет как политический эмигрант еще в царские времена. После Октября он вернулся на родину, препода-

вал, занимался литературой. Сейчас, в связи с войной, его прислали в Лондон для работы в штате нашего посольства. Орлов превосходно знает Лондон, и притом с разных сторон. Никто не сумеет показать вам город так, как это сделает он…

Наконец посол поднялся и весело сказал:

— А теперь прошу вас ко мне обедать, товарищи! Угощу настоящим украинским борщом! Должно быть, давно его не едали?

На следующее утро Орлов явился в отель, где остановились «робинзоны», как окрестили вновь прибывших сотрудники посольства.

Это был человек лет шестидесяти, еще бодрый и крепкий, с умным и выразительным лицом. В манерах и обращении Орлова была та характерная естественность и простота, какая обычно отличает революционеров старого поколения.

— Позвольте представиться, — улыбаясь, начал он, — Орлов, Федор Петрович, старый эмигрант и новый дипломат… Вы, кажется, хотели ознакомиться с Лондоном, леди и джентльмены?

— Очень хотели бы, сэр, — в тон ему ответил Петров. — И будем весьма благодарны, если вы нам поможете в этом.

— Ну, какие там благодарности! — рассмеялся Орлов. — Это доставит и мне самому большое

удовольствие. Скажу откровенно: люблю Лондон! Здесь работали Маркс и Ленин. Лондон — это город моей молодости: я попал сюда, бежав из Сибири, когда мне было всего двадцать пять лет… Несколько лет я ежедневно сидел в читальном зале Британского музея и усердно занимался. Я очень рад случаю еще раз побродить по городу, на сей раз в качестве вашего проводника.

Орлов умолк, как бы охваченный воспоминаниями, но спохватился и деловито сказал:

— Однако, как любят говорить французы, «вернемся к нашим баранам». Итак, я покажу вам Лондон по моей собственной системе. Она выработана еще в далекие годы эмиграции и, смею думать, соответствует основам того мировоззрения, которое мы с вами разделяем.

На северо-восточной окраине столицы наши путешественники в сопровождении Орлова взобрались на верхушку двухэтажного автобуса, маршрут которого пролегал из одного конца города в другой. Автобус тронулся: наши путешественники превратились в слух и зрение.

На частых остановках кондуктор скороговоркой выкрикивал названия улиц и звонко щелкал машинкой для пробивания билетов. Запах дешевого табака бил в нос.

— Я повез вас по этому маршруту, — начал Орлов, — чтобы вначале дать общее представление о городе и его облике, о масштабах британской столицы. Потом мы перейдем к частностям.

Автобус (который лондонцы называют омнибусом) равномерно шел своим путем, и перед пассажирами вставали картинки будничной, ежедневной жизни Лондона, постепенно развертывалась панорама гигантского города: узкие, грязноватые улицы предместий, с темными, как две капли воды, похожими друг на друга домишками бедняков… Закопченные до черноты фабричные корпуса, с высокими, вечно курящимися трубами… Шумные рынки с лавками, лавчонками, палатками, возле которых теснятся тысячи людей… Роскошные здания банков и контор Сити… Шикарные магазины центральных районов столицы… Величественный собор Святого Павла, сооруженный знаменитым архитектором Реном и недавно сильно пострадавший от германской бомбы… Национальная галерея живописи, банкетный зал XVII века, десятки мюзик-холлов, сплошь заклеенных яркими, зазывающими афишами… Красивые легкие мосты, как стрелы перекинутые через мутно-коричневую Темзу… Зеленые парки с вековыми дубами и широкими

бархатными полянами… И в разных местах, как рваные раны на теле человека, зияли огромные разрушения, причиненные многочисленными налетами германских бомбардировщиков. Груды развалин, обвалившиеся стены, пробитые крыши, наполовину разрезанные дома, в которых каким-то чудом в углах стояли совершенно целые шкафы или застланные постели…

Люди в автобусе все время менялись. Вначале преобладали рабочие в синих промасленных комбинезонах, в кепках, с шарфами вместо галстуков на шее. Ближе к центру их вытеснили конторские служащие в шляпах, с белыми воротничками, лавочники с красными лицами и круглыми животами, интеллигенты в очках и с маленькими желтыми чемоданчиками в руках вместо портфелей. Автобус обгоняли большие, роскошные автомобили с разряженными дамами. По тротуарам ходили моряки в клешах, с бескозырками на головах, солдаты в защитной форме. Особенно много солдат…

Наконец, спустя два с лишним часа, автобус прибыл на свою конечную остановку в юго-западной части Лондона. Здесь кончался город, начинались поля и перелески. Кондуктор поднялся на верхушку омнибуса и крикнул:

— Все выходят!

Вслед за Орловым трое «робинзонов» спустились и вышли на улицу. Это была унылая улица фабричного предместья, над которой низко нависло серое, туманное небо.

— Знаете, Федор Петрович, — ошеломленно сказал Петров, — Лондон просто подавляет своими размерами! Я в жизни не представлял себе ничего подобного.

— И не увидите такого нигде… — засмеялся Орлов. — Второго подобного города нет на земле… Позвольте привести несколько цифр: Большой Лондон, то есть Лондон со всеми слившимися с ним предместьями, имеет в поперечнике пятьдесят километров! В нем двадцать пять тысяч улиц и площадей и два миллиона домов; на его территории живет девять миллионов людей! Правда, сейчас, когда в связи с войной часть населения эвакуировалась в провинцию, в столице стало несколько меньше людей, но это — временное явление.

— Меня поразило другое, — вступил в разговор Александр Ильич. — Я знал раньше, что Лондон — самый большой город в мире, но я представлял себе его в виде скопления громадных, многоэтажных зданий, небоскребов. А на самом деле — это

плоский низенький город… Такое, по крайней мере, у меня создалось впечатление.

— И оно совершенно правильно, — подтвердил Орлов. — В Лондоне очень мало высоких домов и домов-гигантов, какие можно видеть в Америке и в некоторых европейских странах. Здесь большие дома стоят только в центральной, деловой части, да и их очень немного. Типичным для Лондона домом является отдельный узкий коттедж в два этажа с мезонином. Здесь все живут в таких коттеджах. Конечно, коттеджи более зажиточных людей богаче, красивее, лучше построены, чем коттеджи менее зажиточных. Но принцип дома — одинаков. В каждом коттедже живет только одна семья: в нижнем этаже, как правило, — столовая, кухня и гостиная, в верхнем этаже — спальни. Таков уровень жизни средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, а также рабочей аристократии. Люди малооплачиваемых профессий — грузчики, чернорабочие, люди случайного заработка — живут иначе, а как именно, — это мы увидим завтра. Но ясно, что при такой системе строительства жилых домов Лондон должен занимать огромную территорию.

— Федор Петрович, что это такое? — вдруг взволнованно спросила Таня, указывая на несколько

колясок с грудными детьми, стоявших у дверей маленького почерневшего кабачка.

— Это… — протянул Орлов, — это одно из тяжелых бытовых явлений Англии.

— То есть? — не поняла Таня.

— Видите ли… Мамы этих малюток, несомненно, находятся сейчас у стойки кабака и прикладываются к кружке эля или пива. Впрочем, зайдем внутрь, — сами увидите.

Это был простой, неприхотливый кабачок рабочего предместья: темная, прокопченная комната, широкая металлическая стойка, а за ней — хозяин с красной, лоснящейся физиономией и подвернутыми рукавами. Батареи разномастных бутылок стояли на полках. Из большого репродуктора вырывались звуки танцевальной музыки. У стойки и в углах комнаты видны были группы людей в рабочих костюмах: они пили стоя. В помещении не было ни стула, ни скамьи: английский закон запрещает сидеть в кабачках, — это называется борьбой с алкоголизмом! Среди пьющих было немало женщин. Нет, это не были веселые девицы! Это были жены рабочих… Лица их раскраснелись, прически сбились. Они перемигивались и пересмеивались друг с другом, иногда громко взвизгивали или разражались

хохотом.

— Противно! — брезгливо сморщилась Таня. — Уйдемте отсюда поскорей!

— Что ж, уйдем! — согласился Степан. — Действительно, пьяная женщина — отталкивающее зрелище.

— К сожалению, в Англии силен алкоголизм. По статистике, Англия — одна из самых «пьяных» стран в мире, — сказал Орлов. — Правда, англичане пьют понемногу, но зато регулярно, ежедневно, и результат вы видите…

Выйдя из кабачка, наши путешественники, предводительствуемые Орловым, вновь взобрались на верхушку автобуса и двинулись в обратный путь. Опять перед ними проплывали темные маленькие коттеджи предместий, высокие фабричные корпуса, улицы, парки, театры, вокзалы… И люди, люди, люди…

— Мы видели внешнюю картину Лондона. Теперь попытаемся раскрыть внутреннее содержание его жизни, — изрек Орлов шутливо-подчеркнутым тоном заправского гида.

Они сошли на какой-то маленькой, закованной в камень площади. Прямо перед ними возвышалось величественное, с колоннами здание, перед которым мрачно темнела конная статуя

военного.

— Перед вами лондонская биржа, — продолжал свое повествование Орлов, — а перед ней памятник герцогу Веллингтону, победителю Наполеона под Ватерлоо. Биржа торжественно открылась в присутствии королевы Виктории в 1844 году, то есть около ста лет назад. По английским понятиям, это совсем недавно. Но и за сто лет здание биржи, как видите, успело покрыться толстым слоем густой, несмывающейся сажи. Впрочем, таков стиль Лондона…

— Так вот она, знаменитая лондонская биржа, о которой приходится так часто читать в газетах, — задумчиво произнес Потапов.

— Да, много тысяч охваченных ажиотажем и страстью к наживе людей толпится здесь ежедневно, — продолжал Орлов. — Сколько молниеносных обогащений и столь же молниеносных разорений происходит здесь каждый день! Сколько мировых финансовых потрясений вызывалось, да еще и сейчас вызывается комбинациями, затеянными в этих стенах… Но оставим биржу, взгляните направо: это Мэнчон-Хаус, официальная резиденция ежегодно сменяемого лорд-мэра лондонского Сити. Позвольте попутно разъяснить одно недоразумение, жертвой

которого становятся многие иностранцы: часто за границей говорят «лорд-мэр Лондона». Это ошибка. Лорд-мэра, то есть городского головы всего Лондона, не существует[20]. Зато есть лорд-мэр Сити — одного из двадцати восьми районов внутреннего Лондона. Но так как Сити — самый старинный район столицы и до сих пор остается ее деловым центром и средоточием богатства, то в глазах англичан лорд-мэр лондонского Сити олицетворяет собой промышленное и торговое могущество Англии.

Мэнчон-Хаус представлял собой большое красивое здание с колоннами, в вычурном стиле XVIII века. Когда-то оно было, очевидно, желтого цвета, но теперь, подобно бирже, покрылось черным слоем копоти.

---

[20] Примечания: 20

Нынешний Лондон образовался из сотен бывших городов, городков, деревень, которые постепенно, в течение веков, слились в одно огромное целое. Однако, в соответствии с почти болезненным консерватизмом англичан, каждое из этих поселений, входя в состав Лондона, стремилось сохранить, хотя бы частично, элементы своей прежней самостоятельности. В результате получилось, что совет Лондонского графства, то есть то, что обычно считается лондонским муниципалитетом, распространяет свою власть лишь на внутренние районы «Большого Лондона» (около 4,5 млн. жителей), а внешние его районы управляются 84 совершенно самостоятельными муниципальными единицами, среди которых имеются 5 советов графств, 3 городских совета графств, 25 городских советов, 43 районных городских совета, 3 районных сельских совета и 5 приходских советов. Итак, 85 не связанных друг с другом коммунальных организаций регулируют удовлетворение многообразных нужд девятимиллионного населения

столицы.

— Теперь взгляните налево, — сказал Орлов. — Перед вами знаменитый Английский банк. Банк этот был основан в 1694 году и сначала помещался в маленьком одноэтажном домике. Позднее, с ростом финансового могущества Англии, на месте старого домика было воздвигнуто большое тяжелое здание, напоминавшее крепость. Этот дом в дальнейшем несколько раз расширялся и перестраивался, пока не принял свой нынешний вид — внушительного, монументального строения с двумя ярусами колонн и двумя этажами балконов.

— А вы знаете, — заметила Таня, — этот банк и сейчас похож на крепость: в нижнем этаже стены слепые, без окон, вооруженные часовые у входа…

— Нечему удивляться, — улыбнулся Орлов: — все здесь рассчитано на то, чтобы вызвать доверие даже у самого боязливого вкладчика… Но вернемся к нашему исследованию. Эта площадь, образованная треугольником — Английским банком, биржей и Мэнчон-Хаус, в просторечии именуется «The Bank» («Банк»). Она является нервным центром Сити. Вокруг нее, в паутине старинных узких улиц и переулков, ведущих начало еще с римских времен, притаились тес-

ные, закопченные, угрюмые здания всех главных банков, страховых обществ, торговых контор, пароходных компаний, промышленных и горных предприятий Британской империи. Здесь же помещается знаменитый «Ллойд» с его регистром судов всего мира. Можно утверждать, что в лондонском Сити, на пространстве всего лишь одной квадратной мили, так густо сконцентрированы экономическое могущество и финансовая власть, как нигде в капиталистическом мире. Отсюда направляется хозяйственная жизнь не только всей Англии, но и всей Британской империи. Отсюда торговые и финансовые щупальца тянутся ко всем морям и континентам земли. Здесь, в Сити, финансовый центр британского империализма…

Вокруг маленькой группки наших путешественников кипела, клокотала странная, лихорадочная жизнь. Вереницей двигались грузовики, заваленные товарами, нагруженные рулонами бумаги, роскошные лимузины, в которых восседали важные пассажиры с сигарами в зубах. Торопливой иноходью бежали банковские клерки в цилиндрах, с денежными сумками под мышкой, коммивояжеры с желтыми чемоданчиками в руках. Мчались мальчишки-посыльные в синих костюмчиках с блестящими пуговицами,

спешили торговые служащие с озабоченными лицами. По тротуарам расхаживали уличные разносчики, продающие запонки и булавки, сидели нищие, рисующие на панелях душещипательные картинки[21]. Все это торопилось, двигалось, шумело, мелькало перед глазами. Движение было подобно плотному, душному, неотвратимому вихрю.

Орлов продолжал свой рассказ:

— У площади Банка сходятся семь больших наземных артерий столицы. Через эту крохотную площадь проходит три тысячи машин в час! Сверх того, сотни поездов метро непрерывно подвозят сюда десятки тысяч людей.

Орлов взглянул на побледневшие лица своих спутников и понял, что они устали от впечатлений.

— На сегодня хватит! — решительно сказал он. — Изучение Лондона — довольно утомительное дело… Завтра продолжим. Я только позволю себе сегодня вечером занять вас еще на час… Вы сами,

---

[21] Примечания: 21

Английский закон запрещает нищенство, но разрешает получение платы за любую работу. Поэтому лондонские нищие «работают», то есть рисуют на тротуарах картинки, которые потом стирают, и, на законном основании, протягивают руку за подаянием. Впрочем, среди таких «рисовальщиков» иногда оказываются и настоящие художники, доведенные безработицей до нищенства.

увидите, что это необходимо.

В 11 часов вечера Орлов снова появился в отеле и, ничего не объясняя, скомандовал:

— Пошли!

На этот раз поехали в метро. Поезд быстро нес их по бесконечным туннелям. Пробегали станции, бесчисленные огни реклам. Наконец на стене туннеля сверкнула металлическая дощечка с надписью «Банк». Здесь советские путешественники вышли и поднялись на поверхность. Они оказались на той самой маленькой площади, на которой стояли сегодня днем. Но что с ней сталось? Куда унеслась та буря неистового движения, которая оглушила их всего лишь несколько часов назад?

Сейчас здесь была безлюдная пустыня: молчаливые здания с черными окнами, пустые улицы без автомобилей и прохожих, мертвые банки, биржа, акционерные общества, конторы. В ярком свете уличных фонарей сиротливо темнела одинокая фигура полисмена, и маленький песик, вытягивая мордочку и нюхая воздух, спокойно переходил одну из самых главных артерий лондонского движения. Картина была фантастической: точно советские путешественники оказались в стенах внезапно вымершего города.

Орлов выразительно взглянул на своих спутников и вполголоса пояснил:

— Этому не приходится удивляться, все очень просто: днем население Сити составляет полмиллиона, ночью — десять тысяч. Здесь постоянно живут только сторожа…

На следующее утро Орлов повел своих «робинзонов» в лондонский Ист-Энд, который начинается сразу же за Сити.

Можно подумать, что сама судьба устроила здесь выставку иллюстраций к известным положениям Маркса. Капитализм везде влачит за собой страшную свою тень — эксплуатацию человека человеком, нищету народных масс. Ист-Энд — это зловещая тень Сити, жестокое царство эксплуатации и бедности. Здесь находится район исполинских лондонских доков, где живут сотни тысяч грузчиков и портовых рабочих. Здесь имеется особый квартал Уайтчепель, где ютится еврейская беднота, бежавшая в свое время от черносотенных погромов из царской России. Бесконечно тянутся склады, элеваторы, гаражи и другие предприятия, связанные с доками. Теснятся бесчисленные кабачки, притоны, таверны, пивные, подозрительные гостиницы, в которых проводят время разноплеменные моряки с судов

всех наций.

Лицо Ист-Энда — это изможденное лицо с лихорадочными глазами нужды, изборожденное глубокими морщинами лишений.

Огромный лабиринт узких, грязных улочек… Маленькие, подслеповатые домишки — не те удобные коттеджи, в которых живут представители средних классов, мелкой буржуазии и рабочей аристократии, а просто лачуги, темные конуры, до отказа набитые жильцами. Спертый, нечистый воздух в комнатах и коридорах, вонь и грязь в крошечных закопченных двориках. Толпы бледных, золотушных детей, играющих на перекрестках. Пестрые толкучие рынки, где можно купить и продать все, что угодно. Мрачные кабаки, откуда вечно несется гул пьяных голосов. Кулачные бои на специальных рингах, где не существует никаких правил. Публичные дома, курильни опиума, официально запрещенные, но фактически существующие. Дикие развлечения в низкопробных цирках и сомнительных кафе. Все, что неотвратимо порождает и плодит капитализм в результате эксплуатации труда — бедность, невежество, порок, разврат, угнетение, — все это можно найти в Ист-Энде.

Орлов долго водил Степана, Таню и Александра

Ильича по адовым кругам Ист-Энда, этого антипода Сити. Подавленные, они вернулись в отель, раздумывая о виденном.

После короткого отдыха Орлов снова скомандовал своим подопечным:

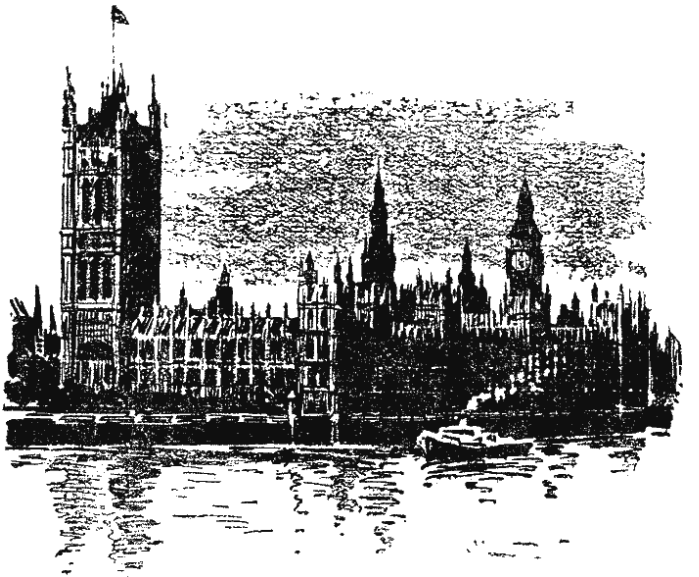
— В поход, друзья! Мы видели Сити — финансовый и экономический центр британского империализма. Но здесь, в Лондоне, также есть и его политический «капитанский мостик». Познакомимся с ним.

Полчаса езды на подземке, и советские путешественники очутились на «Parliament Square» (площадь Парламента).

На этой небольшой площади внушительно возвышается здание английского парламента — одно из лучших архитектурных творений Европы. Здесь возносит к небу свои готические башни знаменитое Вестминстерское аббатство, построенное тринадцать веков назад и ставшее усыпальницей королей, государственных деятелей, выдающихся политиков, писателей и ученых Англии. На площадь смотрит «Зал гильдий Миддлсекса» — здание красочной и необычной архитектуры, существующее с тех времен, когда вся промышленность и торговля страны покоились на системе гильдий и цехов.

Здесь вокруг крохотного скверика гордо выстроились статуи Каннинга, Пальмерстона, Дерби, Дизраэли, Роберта Пиля — этих политических светил британской буржуазии XIX века. И несколько в стороне от них — два других монумента: один возле здания парламента — памятник вождю английской буржуазной революции XVII века Оливеру Кромвелю; другой, на противоположной стороне, — памятник американскому президенту Аврааму Линкольну.

Все вместе взятое составляет неповторимый архитектурный ансамбль, над которым величественно главенствует здание парламента. Главенствует… Да, это наиболее подходящее слово, ибо здание парламента не только красиво, но и грандиозно: оно занимает три гектара, насчитывает тысячу сто комнат, увенчивается башней Биг Бен (Большой Бен) в сто метров высоты. Колокол, отбивающий время на башенных часах, весит свыше 13 тонн.



От площади Парламента начинается и уходит на восток улица, имя которой тысячекратным эхом отдается во всех уголках Британской империи. Это знаменитая Уайтхолл — улица министерств и высших правительственных

учреждений.

Медленно шагая по Уайтхоллу вперед, Орлов рассказывал:

— Здесь, в монументальных зданиях, построенных в 1868-1873 годах архитектором Скоттом, размещаются министерства иностранных дел, внутренних дел, финансов, торговли, здравоохранения, военное министерство… Чуть к северу, через площадь — адмиралтейство. На Уайтхолле находятся и три особых министерства, ведающих «имперскими делами»: министерство доминионов, министерство колоний и министерство по делам Индии[22]. Так сказать, официальное олицетворение британского владычества над заморскими территориями…

Дойдя до Даунинг-стрит — маленького тупика, — Орлов указал на мрачный, по-лондонски закопченный трехэтажный дом.

— Это и есть «Даунинг-стрит, 10», которое так часто упоминается в газетах, официальная резиденция премьер-министра Великобритании. Здесь сменяющиеся главы английских правительств живут уже триста лет. Существует много легенд и забавных рассказов об этом доме.

---

[22] Примечания: 22

Министерство по делам Индии было упразднено после того, как в 1947 году Индия стала независимой.

Улица Уайтхолл вливалась в обширную, одетую в камень площадь. Посреди площади к небу возносилась высокая гранитная колонна, увенчанная фигурой, которую снизу трудно было рассмотреть. У подножия колонны блестели одетые в камень водоемы и лежали четыре гигантских бронзовых льва.

— Перед вами — Трафальгарская площадь! — торжественно объявил Орлов. — Колонна эта — памятник адмиралу Нельсону. Здесь все связано с именем Трафальгарской битвы 1805 года, когда британский флот под командой Нельсона разгромил франко-испанский флот и тем самым уничтожил опасность наполеоновского вторжения в Англию. С тех пор Нельсон стал одним из великих национальных героев, а вместе с тем и одной из решающих фигур в истории Британской империи. Недаром именем Трафальгара названа площадь, расположенная в самом центре столицы, и на ней воздвигнута колонна Нельсону высотой в пятьдесят пять метров. Обратите также внимание на львов. Это не яростно-истерические германские львы Гогенцоллернов, которых можно видеть на известном памятнике в Берлине. Это солидные и спокойные львы. Они уверены в своей силе и потому

могут позволить себе быть любезными: веселые мальчишки нередко взбираются на львов и гордо сидят на них верхом. И это не кажется чем-то противоестественным. Однако эти львы воздвигнуты в иные времена, сто лет назад, когда будущее империи казалось твердым и вечным, как этот гранит. Меня иногда занимает мысль: каких бы львов поставили нынешние вершители судеб Британии? Впрочем, Трафальгарская площадь — это не только символ британского империализма. Капитализму свойственны глубокие противоречия, и Трафальгарская площадь — живое их олицетворение, ибо она является также форумом английских народных масс. Сюда обычно стекаются все недовольные существующими порядками или какими-либо действиями правительства. Здесь происходят массовые митинги, отсюда начинаются или здесь кончаются большие политические демонстрации. В такие дни вся площадь бывает залита человеческим морем, с постамента колонны Нельсона к толпе обращаются ораторы, а морды бронзовых львов увенчивают плакаты и знамена…

Орлов «открывал» Лондон перед своими друзьями постепенно, не спеша. Чтобы понять и прочувствовать этот город-левиафан, нельзя

перегружаться слишком большим количеством впечатлений сразу.

Утром третьего дня, войдя в номер гостиницы, Орлов сказал:

— Вы видели два сердца столицы — экономическое и политическое. Да, два сердца! Что ж делать: анатомия социальная несколько отличается от анатомии физиологической. Сегодня я хочу познакомить вас с тем, что — продолжая ту же метафору — по справедливости может быть названо легкими Лондона: я имею в виду лондонские парки. Прежде всего несколько предварительных фактических данных…

И Орлов рассказал, что на территории Большого Лондона имеется около четырехсот парков — от совсем маленьких, в один-два гектара, до таких гигантов, как Хэмпстед-Хис, в северной части столицы, который тянется на 16 километров и постепенно сливается с загородными полями. Наиболее крупные — это Гайд-парк, Риджентс-парк, Кенсингтон-гарденс, Ричмонд-парк, Баттерси-парк, Кью-гарденс и некоторые другие.

Английские парки сильно отличаются от общественных садов на континенте Европы. Английские парки сохраняют вид уголков подлинной, нетронутой природы. В этом их особенность и

прелесть. Искусство садовода заключается в том, чтобы поддерживать этот естественный, натуральный характер пейзажа. Правда, в некоторых «аристократических» парках, как, например, в Кенсингтон-гарденс или Сент-Джемс-парк, траву подсеивают и стригут, кое-где разбивают цветочные клумбы. Но это — исключение. Как правило, лондонские парки сохраняются в своем естественном виде. Впечатление естественности усиливается тем, что в парках много животных: на лужайках пасутся бараны, бродят олени, аисты и пеликаны. Наконец, в лондонских парках посетитель может чувствовать себя совершенно свободно, делать что угодно: ходить по траве, валяться под деревьями, играть в мяч, пускать змея, кататься в лодке по озерам и прудам, устраивать митинги и демонстрации…

— Начнем, пожалуй, с самого известного из лондонских парков — с Гайд-парка, — предложил Орлов.

На громоздком красном автобусе друзья подъехали к «Мэрбл-Арч» — Мраморной Арке. Эти огромные ворота из белого мрамора, всегда закрытые, воздвигнуты на маленькой площади перед входом в Гайд-парк.

Когда все четверо очутились по ту сторону же-

лезной ограды, окружающей территорию парка, Орлов заметил:

— Этот уголок Гайд-парка — одно из наиболее оригинальных местечек Лондона, да, пожалуй, и Европы…

В разных местах под деревьями стояли небольшие деревянные трибунки, очень смахивающие на высокие стулья. С трибунок, горячо жестикулируя, взывали, кричали, говорили люди. Ораторы непрерывно сменялись, причем каждый приносил с собой свою раскладную трибунку. А вокруг стояли слушатели — у одних больше, у других меньше, у третьих один-два. Впрочем, это нисколько не смущало ораторов. Даже без единого слушателя они произносили свои речи с такой горячностью, как будто бы обращались к многотысячной толпе.

Тройка «робинзонов», предводительствуемая Орловым, подошла поближе и прислушалась. Большинство ораторов проповедовали «слово божие», причем каждый отстаивал единоспасающую силу своей веры, своей религии, своей

секты. Какой-то высокий старик с большой белой бородой — явление, необычное в Англии, — высоким голосом кричал:

— Се грядет день суда божия! Он близок!.. Братья, есть еще время для спасения! Покайтесь, и я буду за вас представительствовать пред господом!..

Высокий негр, сверкая белками глаз и неистово ударяя себя в грудь, вопил:

— Не верьте слугам Вельзевула — священникам, анархистам, социалистам, никому! Вас обманывают! Верьте только пророку Аману — он приведет вас к тысячелетнему царствию блаженства!

Тут же рядом худощавый агитатор доказывал, что победа лейбористов на выборах в парламент обеспечит счастливую жизнь всем рабочим Англии.

Немного дальше молодой, энергичный коммунист, с жестами заправского оратора, резко критиковал лейбористов за их соглашательство, оппортунизм и призывал поддерживать коммунистов в борьбе за дело рабочего класса, за светлое будущее английского народа.

— Сегодня мы видим будни Гайд-парка, — кивнул Орлов на трибунки под деревьями, — так

сказать, повседневную агитационную работу. Но бывают здесь дни, когда под эти деревья собираются сотни тысяч человек и десятки лучших ораторов Лондона обращаются к массам с разукрашенных трибун. Мне самому как-то пришлось участвовать в подобной демонстрации, когда я жил здесь эмигрантом. Как изменился с тех пор мир!.. Однако двинемся дальше, в глубь парка.

Вековые дубы и липы широко раскидывали свои тенистые ветви. Густые кустарники окружали светлые поляны. Сочная, ярко-зеленая трава вызывала желание полежать на ней, поваляться, отдохнуть. Кое-где желтели изгибы дорожек, но их было очень немного, и почти все ходили по густой траве. Воздух был свеж и чист. Шум многомиллионного города доносился сюда, как отдаленный рокот моря. Матери с детскими колясками сидя дремали под теплыми лучами солнца. Влюбленные парочки, обнявшись, гуляли или сидели на уединенных скамейках. Молодежь группами расположилась на траве, крутила захваченные с собой патефоны и играла в мяч. Рабочие семьи, почему-либо свободные сегодня, пришли сюда на весь день, чтобы подышать свежим воздухом. Они устраивались по-домашнему — с детьми, бабушками и даже

собаками, закусывали, отдыхали, прогуливались. В укромных местечках устроились любители чтения, углубившись в книги и газеты.

Флейтист, усевшись на пригорке подальше от всех и ни на кого не обращая внимания, извлекал из своего инструмента сложные фиоритуры. Какой-то пожилой господин с увлечением запускал в воздух замысловатого змея и смешно бегал по лужайке. Десятки мужчин и женщин в купальных костюмах лежали на пляже Серпантайн — искусственного озера посреди Гайд-парка. И все это — в самом центре величайшего города в мире!

— Парк — это курорт, дом отдыха, санаторий лондонской демократии, — усмехнувшись, сказал Орлов. — Что ж, воспользуемся и мы ее прелестями!

И он повел своих друзей в небольшой дешевый ресторанчик, укромно приютившийся в тенистом уголке.

Орлов хорошо знал, хотя и недолюбливал английскую кухню. Он умело подобрал наиболее приемлемые для русского вкуса блюда: жареную баранину с сильно наперченным рисом, паровую рыбу, плавленый сыр и в завершение — по чашке кофе с булочками. За столом Орлов рассказывал

о временах своей эмиграции, а гости — о своих недавних приключениях на суше и на море.

Тем временем на Гайд-парк упал туман. Даль заволокло, трава покрылась мелкими капельками влаги. Кусты и деревья превратились в какие-то фантастические фигуры, закутанные белым саваном. Глухая, «ватная» тишина окутала парк. Стало сыро и прохладно.

Советские путешественники поднялись из-за стола и направились по одной из аллей парка, внимательно вглядываясь вперед. Видимость не превышала 50-70 метров. Дальше все пропадало в желтовато-молочной мгле…

Вдруг справа раздался приглушенный стон. Что это?

На сырой скамейке, скрючившись, сидела старая женщина. На ней было мятое, грязное платье, измученное лицо прикрывали поля старой соломенной шляпки. Защитой от холода ей служили газетные листы, которыми она покрыла колени. Видимо, этой несчастной негде было преклонить голову. У Тани кошки заскребли на сердце. Она высыпала из сумочки на ладонь все серебро и протянула его старухе.

— В Лондоне всегда было и есть много бездомных, — задумчиво сказал Орлов. — Эта старая

женщина напомнила мне один случай из времен моей эмиграции. Любопытный случай… Как-то около часу дня я шел по Оксфорд-стрит. Вдруг совершенно неожиданно стало темнеть, будто началось «светопреставление». Через пять минут наступила ночь — да какая! Зажглись фонари, но уже на расстоянии двух-трех метров их свет меркнул, побежденный туманом. Случилось то, что в те времена случалось часто, особенно в зимние месяцы: густое облако, насквозь пропитанное жирной лондонской копотью, упало на город. Ведь тогда в качестве топлива употреблялся главным образом уголь. Это теперь уголь вытесняется электричеством, нефтью, газом, и оттого копоти стало меньше и нет больше «черных туманов». Их сменили желтые или бело-желтые туманы, вроде сегодняшнего… Так вот, на город внезапно упал черный туман. Все движение на поверхности земли сразу замерло. Осталась лишь подземка, но в густом мраке я никак не мог добраться до нее. Я медленно продвигался, осторожно ощупывая пространство впереди и держась правой рукой за стены домов. Каким-то чудом я оказался в маленьком скверике, добрался до скамейки, сел и решил переждать туман. Не могу сказать, сколько времени я так сидел, но

вдруг почувствовал, что я не один, что рядом сидит еще кто-то. Именно почувствовал, потому что видеть ничего не мог. Я прислушался… Раздался тяжелый вздох, потом стон. Я сказал, обращаясь в темноту: «Что с вами?»

Долго не было никакого ответа, только хриплое дыхание стало слышнее. Наконец простуженным, старческим голосом кто-то ответил: «Какое вам дело?..»

Меня это не обидело.

«Скажите, кто вы? Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?» — настаивал я.

Опять молчание. И снова хриплый, надтреснутый голос: «Я погибший человек. Вы все равно мне не поможете…»

Постепенно я стал вытягивать из своего соседа односложные ответы и в конце концов выяснил, что ему шестьдесят пять лет, что он плотник, жена его умерла, а сын пропал без вести в Австралии, и вот уже год он ходит без работы и вынужден ночевать на улице.

Часа через два черное облако рассеялось, и в Лондон опять вернулся день. Я взглянул на соседа. Несмотря на свой возраст, он был еще крепок. Лицо его мне показалось открытым, располагающим к себе. Я встал и прямо сказал старику:

«Знаете что? Пойдемте-ка сейчас ко мне… Переночуете, а дальше видно будет…»

Старик был смущен, долго отказывался, но в конце концов пошел со мной. Звали его Лесли Уайт. Он прожил у меня месяца два — отогрелся, окреп духом и… и оказался очень полезным для русской революции человеком. Этот плотник был, что называется, мастером на все руки, знал множество ремесел и легко осваивался во всякой новой работе. В то время революционные эмигранты отправляли в Россию из-за рубежа много нелегальной литературы. Она печаталась на очень тонкой бумаге и тайно перебрасывалась через границу разными хитроумными способами. Так вот, наш Уайт оказался весьма искусным мастером по этой части: он замечательно делал двойные днища в ящиках, полые стенки в чемоданах, пояса и нагрудники для нелегальщины. Он находил самые необыкновенные пути для доставки большевистской печати в Россию. В этом он был удивительно изобретателен и неутомим. И самое важное — Уайт был молчалив, абсолютно надежен и всем сердцем сочувствовал борьбе русского рабочего класса… А ведь вот так же сидел он тогда на сырой скамейке, не зная, где преклонить свою голову…

Как-то Орлов сказал своим «робинзонам»:

— Теперь вы имеете некоторое представление о нынешнем Лондоне, гигантском скопище капиталистических противоречий и контрастов. Сегодня я хочу показать вам в Лондоне то, перед чем мы — люди страны социализма — с благоговением склоняем головы…

Орлов подозвал такси. В течение получаса машина кружила по темным улицам и переулкам северной части города и, наконец, остановилась у больших железных ворот.

Это было Хайгетское кладбище — одно из многих, предназначенных для вечного успокоения простых людей Лондона.

Мрачно и буднично было здесь. Никакой романтики… Могилы тесно-тесно жались друг к другу, как темные, закопченные домишки в лондонском предместье. В изголовье каждой — высокая, с полукруглым верхом доска из грубого серого камня, и на ней — имя погребенного. Все доски на одно лицо, все стоят, как окаменевшие часовые на параде смерти. Красивых памятников мало, да для них в этой тесноте и места бы не хватило. Очень мало зелени, цветов, а то, что есть, тоще и убого.

Угрюмы лондонские кладбища, похожие на

тесно набитый покойниками деловой двор…

Следуя за своим руководителем, наши путешественники долго шли между бесчисленными могилами, петляли по узеньким тропинкам, проваливались в попадавшиеся на пути рытвины и ямы. Но вот Орлов остановился и молча снял с головы шляпу.

Перед ними был могильный холмик. Он заметно отличался от других. В изголовье могилы не торчала стандартная каменная доска. Самый холмик был одет в мраморную раму, внутри прямоугольника зеленела трава, росли кустики цветов. На мраморной подушке в изголовье могилы было высечено по-английски:

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН
Возлюбленная жена Карла Маркса
Родилась 12 февраля 1814
Умерла 2 декабря 1881
И КАРЛ МАРКС
Родился 5 мая 1818
Умер 14 марта 1883
И ГАРРИ ЛОНГЕ
их внук
Родился 4 июля 1878
Умер 20 марта 1883

И ЕЛЕНА ДЕМУТ
Родилась 1 января 1823
Умерла 4 ноября 1890.

Мрамор ограды и памятной доски когда-то был белым, но лондонский климат и копоть неумолимы; мрамор потемнел, резьба букв покрылась черной пылью.

Долго стояли у этой скромной могилы четыре советских человека. Стояли и думали о многом…

— В годы эмиграции я часто бывал здесь, — заговорил наконец Орлов. — Я участвовал в возложении венков на великую могилу в день Первого мая. Я приводил сюда всех приезжавших в Лондон русских товарищей. Я приходил сюда и один — всякий раз, когда выдавался свободный день…

— Кто заботится о могиле? — спросил Степан.

— О, это целая эпопея! — с оживлением воскликнул Орлов. — Раньше, до тридцатых годов, о могиле Маркса, в сущности, никто не заботился. Земляной холмик осел, полуосыпался, мраморная рама покосилась и треснула, зелени почти не было… Но лет десять назад могилой Маркса занялось советское посольство. Это далось также нелегко…

— Что значит «далось нелегко»? — с недоуме-

нием спросила Таня. — Разве кто-нибудь мог возражать?

— В том-то и дело, что мог! — усмехнулся Орлов. — Не забывайте, что здесь — Англия и по английским законам эта могила составляет частную собственность наследников Маркса. Кто эти наследники? В последние годы могила являлась «частной собственностью» французского социалиста Жана Лонге, внука Маркса. Без его разрешения никто не имел права касаться могилы, и поэтому кладбищенская администрация запрещала советскому посольству что-либо предпринимать. Посольство обратилось к семье Лонге за необходимым разрешением. Возникла сложная, очень длинная переписка, и в конце концов семья Лонге разрешила, но… сопроводила это любопытным условием: заботиться о могиле Маркса советское посольство могло только совместно с лейбористской партией Англии. Конечно, лейбористы и не подумали что-либо предпринять. Зато советское посольство энергично и заботливо взялось за дело. Был куплен оставшийся еще свободным клочок земли возле могилы, тот самый, на котором мы сейчас стоим. В изголовье был посажен большой куст вьющихся роз, да и весь холмик усажен цветами. Наконец, ребята из

школы для детей советских граждан в Лондоне взяли шефство над могилой: еженедельно бывают здесь, украшают и ухаживают за ней[23].

Потапов наклонился к могильному мрамору и с удивлением воскликнул:

— А это что такое?

Он вытащил из узенькой щели между мраморной рамой и холмиком с десяток визитных карточек, очистил их от налипшей земли и стал читать вслух: «Индиец… Чех… Аргентинец… Немец… Француз… Китаец… Русский… Американец…»

— Представители рабочего класса и его боевых партий всего мира бывают здесь, чтобы поклониться праху великого учителя, гениального мыслителя и провидца… — заключил Орлов.

Таня не забыла обещания, данного Майе, и на следующий день обратилась к Орлову с просьбой помочь ей купить несколько книг и учебников по медицине. Тот на мгновение задумался и затем предложил:

— Ваша просьба навела меня на мысль познакомить вас, мои робинзоны, еще с одним

---

[23] Примечания: 23

После второй мировой войны могила Маркса была перенесена в другое место на том же Хайгетском кладбище, и на ней поставлен памятник великому основоположнику научного социализма.

любопытным уголком Лондона…

Двадцать минут пути — и перед советскими путешественниками предстало огромное, массивное здание классической архитектуры с сорока четырьмя колоннами.

Сумрачное и закопченное, оно угрюмо смотрело на мир из-за тяжелой железной ограды, точно погруженное в суровые, невеселые думы.

— Это Британский музей! — кратко сообщил Орлов.

Британский музей! Одна из величайших сокровищниц мировой культуры. Собрание редчайших ценностей со всех концов мира. Великое книгохранилище, где в прошлом работали Маркс, Ленин, Дарвин и многие другие корифеи человеческой мысли…

Петровы и Потапов молча рассматривали гигантское сооружение, стоявшее перед ними.

— Войдемте, — пригласил их Орлов.

Через главный подъезд все четверо поднялись по широкой лестнице внутрь, где царила приятная прохлада. Направо и налево от входа шли большие залы, заполненные всевозможными экспонатами.

— Англичане обобрали весь мир для Британского музея, — тихо рассказывал Орлов. — Богатства,

собранные здесь, огромны, но у нас нет времени на всем останавливаться. Покажу вам лишь самое существенное… Следуйте за мной!

И он повел своих спутников по залам.

Чего-чего тут только не было! Греко-римская античная скульптура, древние предметы индийских культов, орудия труда и украшения доисторических времен, оружие племен тихоокеанских островов, уникальные коллекции старинных, позеленевших монет, творения искусства и ремесла всех наций, образцы одежды всех эпох и народов, египетские барельефы и колонны, ассирийские статуи и колесницы и многое-многое другое. Останавливало внимание богатейшее собрание мумий, вывезенных из долины Нила. Когда «робинзоны» осматривали их, Степан шутливо заметил:

— Мы сами едва не попали им в товарищи…

У Тани глаза разбегались. Она торопливо переходила от одного экспоната к другому, из одного зала в другой, далеко опережая своих спутников.

Часа через два Орлов взмолился:

— Хватит, товарищи! Чтобы осмотреть здесь все, нужен не один день. Теперь вы имеете общее понятие о том, что представляет собой Британский музей как собрание сокровищ и памятников

материальной культуры разных племен и времен… Но интерес музея не только в этом… Пошли дальше…

В вестибюле здания виднелась небольшая стеклянная дверь, на которой было написано:

«Только для читателей».

Проведя своих спутников через узкий коридор, Орлов остановился на пороге торжественного огромного зала. Казалось, что вступаешь под своды храма.

— Перед вами — читальный зал Британского музея, — шепотом сказал он. — Станьте вот сюда и осмотритесь. Это тот знаменитый читальный зал, в котором создавались «Капитал» Маркса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина! Здесь много работали Вальтер Скотт, Диккенс, Теннисон, Теккерей, Бернард Шоу…

Орлов вытащил из кармана путеводитель и прочитал своим спутникам:

— «Зал, в его настоящем виде, был открыт в 1857 году. Инициатором и руководителем постройки был итальянский эмигрант Антонио Паницци, который впоследствии стал директором библио-

теки Британского музея. Высота зала — сто шесть, а диаметр — сто сорок футов. Зал вмещает около пятисот читателей одновременно. В самом зале имеется справочная библиотека в двадцать тысяч томов, а весь книжный фонд музея насчитывает много миллионов книг. Они занесены в большой каталог, состоящий из тысячи огромных фолиантов».

Орлов обратил внимание своих путешественников на внутреннее устройство читального зала. В центре находились три концентрических круга: первый — цитадель администрации зала; второй, несколько больший, — каталог музыкальных произведений; наконец, третий, самый большой круг, — знаменитый общий каталог в тысячу томов. От этих кругов по радиусам, как спицы в колесе, через весь зал тянулись длинные черные столы для читателей, помеченные буквами латинского алфавита. Каждый стол делился по длине перегородкой такой высоты, что человек, сидящий по одну сторону стола, не мог видеть своего соседа напротив. А каждая сторона, в свою очередь, делилась на нумерованные квадраты такой площади, чтобы читатель со своими кни-

гами, рукописями и тетрадями чувствовал себя свободно. Все рабочие места имели выдвижной пюпитр для книг, чернильницу, промокательную бумагу и два пера: одно стальное, другое гусиное. Стальное — для пользования, гусиное — в знак уважения к «духу» прошлого. Впрочем, попадались чудаки, которые и теперь писали гусиным пером.

Два десятка больших, высоких окон под куполом освещали зал, на каждом окне было начертано имя кого-либо из великанов английской культуры. В зале было много воздуха и света.

Орлов подвел своих спутников к столу, обозначенному буквой «К», и указал на место, отмеченное цифрой «7». Молоденькая девушка сидела за этим местом, углубившись в книги и выписки.

— Вот мое постоянное место в годы эмиграции… — вполголоса сказал он. — Администрация зала всегда сохраняла его за мною.

— Сколько времени надо потратить здесь на получение нужной книги? — спросила у него Таня.

— Очень немного. Вы берете листок для заказа, вписываете в него обозначение вашего места за столом, название и номер — по каталогу — нужной книги. Опускаете требование вон в ту урну и

ждете… Не позже чем через полчаса любая книга будет доставлена на ваше место. В случае надобности вы можете задержать ее и на несколько дней… Впрочем, я слишком разболтался, — спохватился Орлов. — Должно быть, воспоминания молодости одолели… А ведь нам пора идти в книжную лавку.

— Далеко? — с некоторой тревогой спросила Таня. — От хождения по Британскому музею у меня ноги гудят.

— Всего лишь два шага. Мы отправимся на Чэринг Кросс-Роод, или «Улицу букинистов», как часто называют ее лондонцы.

Улица оправдывала свое второе название. По обе стороны ее в древних, закопченных зданиях гнездились темные старинные книжные лавки и лавчонки. Может быть, не все они были старинными, но такими выглядели от работы климата и сажи. И еще… Эти лавки не выстроились в ровный ряд вдоль улицы Чэринг Кросс-Роод, как обычные магазины с зеркальными витринами, а именно гнездились в каких-то тупичках и переулках, в маленьких, потемневших комнатах с узкими дверьми, низкими потолками, запыленными окнами. И всюду были книги, книги, книги… Десятки, сотни тысяч книг… Книг самого

разнообразного содержания… Книг самого разнообразного вида… Книг старых и новых, книг толстых и тонких, книг маленьких, свободно входящих в боковой карман, и книг огромных, в толстых кожаных переплетах, которые взрослый человек с трудом мог поднять… Здесь было царство книг, море книг, наводнение книг…

Орлов привел своих друзей в одну из таких лавочек и, поздоровавшись с хозяином, как со старым знакомым, представил ему Таню.

— Вашу просьбу легко исполнить, — отвечал букинист, выслушав Таню. — Попрошу вас пройти в тот угол… Мы подберем все необходимое.

Вскоре перед Таней лежала стопка старых, побывавших во многих руках книг: прекрасный анатомический атлас, руководства по важнейшим разделам медицины, медицинские учебники, популярные лечебники, составленные заслуживающими доверия врачами.

Когда они вышли от букиниста, Орлов предложил:

— Зайдем в ближайшее почтовое отделение и отправим посылку на остров Девы, а потом я угощу вас ленчем по-итальянски, в Сого…

Девушка на почте, взглянув на адрес посылки, засмеялась, показав ослепительно белые зубки:

— Ну, этот пакет не скоро доберется до адресата!

— Но все же дойдет? — озабоченно спросила Таня.

— Конечно! Только через несколько месяцев… Ведь сейчас война!

Через несколько месяцев! Перед внутренним взором Тани вдруг вспыхнула картина: берег острова Девы… Бурное весеннее море… Маленький домик почты возле таверны… Майе сообщили, что на ее имя пришла посылка… Она бежит через поселок на почту: откуда посылка, от кого? Ни разу в жизни она не получала посылки! И вот Майя берет в руки тяжелый пакет и мчится с ним домой… Вместе с Окано она развертывает посылку… Медицинские книги! А на анатомическом атласе надпись: «Дорогой Майе от москвички Тани Петровой…»

Девушка протянула Тане квитанцию и весело проговорила:

— Когда кончится война, я обязательно поступлю на пароход стюардессой и повидаю свет!.. Может быть, попаду и на остров Девы!

— Теперь можно и в Сого, — заявил Орлов. — Сого — это своеобразный район Лондона, сплошь населенный итальянцами и француза-

ми. Он славится не только живостью характера своих обитателей, но и большим количеством ресторанов: итальянских, французских, вообще континентальных… Когда англичанам надоедает есть свои невкусные блюда, они идут отдохнуть от них в Сого…

Это был небольшой, но очень оживленный и шумный зал. За столиками сидело много черноволосых и черноглазых посетителей. Они ели и пили, но больше всего — говорили. Из всех уголков неслась быстрая, веселая речь с певучими интонациями. Часто хлопали пробки и раздавались взрывы хохота.

Владелец ресторанчика, толстяк итальянец, выбежал навстречу Орлову и, радушно пожимая ему руку — они были старыми знакомыми, — повел всю группу в дальний уголок зала, к столику для особо почетных гостей. На столе быстро появились бутылка кианти, закуска, суп, макароны, крабы и другие яства итальянской кухни. Все было очень вкусно и недорого. Хозяин то и дело подбегал к столу, разводил руками и, забавно причмокивая, извинялся:

— Прошу прощения за сегодняшнее меню! Война! Многих продуктов нет… Что поделаешь?.. Война!

Когда пообедали, Орлов сказал:

— Итак, дорогие друзья, наше изучение анатомии Лондона пришло к концу. Конечно, мы не смогли охватить все — Лондон слишком велик и многообразен, но все-таки, я думаю, вы получили представление о британской столице.

— Вы совершенно правы, — сказал Петров. — Большое вам спасибо за руководство! Вы сумели показать нам этот город так, что он навсегда останется в нашей памяти как живой.

— За что же благодарить? — рассмеялся Орлов. — Мне самому доставило огромное удовольствие совершить еще одно путешествие по лабиринтам этого гигантского города. А сегодня поздно вечером вы покинете Лондон… Я провожу вас на аэродром.

— Скажите, товарищ Орлов, — несколько нерешительно спросила Таня, — полет из Англии в Швецию безопасен?

— Во время большой войны, — усмехнулся Орлов, — нет ничего вполне безопасного. Но, в общем, можно сказать, что этот полет безопасен — конечно, ночью. Вы ведь вылетите в полночь и уже ранним утром окажетесь в Стокгольме. Изредка на этой трассе бывают неприятные случаи, но ведь исключения только подтверждают

правило…

Все поднялись. Орлов отвез своих гостей в отель и, пожимая на прощание им руки, сказал:

— Итак, до вечера! До встречи на аэродроме.

* * *

Легкий ветерок летел над Стокгольмом и чуть-чуть шевелил оконные занавески. Петров задумчиво сидел у окна. Взгляд его скользил по остроконечным крышам домов, по зеленым деревьям, окаймлявшим улицы, по воздушным мостам, перекинутым через каналы и проливы, по высоким башням дворцов и общественных зданий. Наконец он встал, прошелся раза два по комнате и, присев к столу, начал писать:

«Дорогой Алексей Петрович!

Перед моим отъездом из Москвы я обещал вам по прибытии в Стокгольм описать свое путешествие. Только теперь, семь месяцев спустя, я имею возможность исполнить свое обещание, ибо по дороге сюда я встретился со многими трудностями и неожиданностями. Однако всегда я помнил ваш наказ: в любых условиях сохранять лицо советского человека. Я

и мои спутники прилагали все усилия к тому, чтобы оправдать доверие партии, правительства, советского народа. Буду рассказывать по порядку. Если припомните, я вылетел из Москвы в Тегеран 4 ноября 1942 года…»

Эпилог

На этом мы расстаемся с нашими героями и их необыкновенными приключениями в дни

второй мировой войны.

Однако многие читатели, закрывая книгу, задаются вопросом: а что же в дальнейшем случилось с лицами, выведенными на ее страницах? Предвосхищая такой вопрос, мы вкратце расскажем о последующих судьбах важнейших персонажей нашего повествования.

Но, прежде чем сделать это, необходимо хотя бы в нескольких штрихах обрисовать ту историческую обстановку, на фоне которой проходили жизни наших героев после того, как Петров отправил из Стокгольма свое письмо адмиралу Карпову. Иначе многое, сказанное ниже, окажется для читателя не вполне понятным.

За время, протекшее с окончания второй мировой войны, в мире произошли громадные перемены.

Антигитлеровская коалиция, разгромившая фашистскую Германию и ее союзников, вскоре после прекращения военных действий распалась. После смерти президента Франклина Рузвельта правительство США, получив в свои руки атомную бомбу, заболело манией империалистического величия и вообразило, что отныне ему принадлежит мировое господство. Руководящие силы Англии поддержали, хотя и без большого

энтузиазма, претензии американского империализма. В результате в первые послевоенные годы мир разделился на два больших лагеря — социалистический и империалистический.

В 1947 году империалистический лагерь, следуя провозглашенной правительством США «доктрине Трумэна» (т. е. самовольно присвоенному себе этим правительством праву вмешиваться во внутренние дела других стран), открыл так называемую «холодную войну» против социалистического лагеря.

Однако с конца 40-х годов мировая обстановка стала меняться. Мощная волна национально-освободительных движений поднялась в колониях и полуколониях. Вдохновляемая примером национальной свободы, установленной для национальных меньшинств в СССР, эта волна стремительно росла и принимала все более бурные формы.

Сначала она прокатилась по Азии и высвободила из империалистических оков Индию, Индонезию, Цейлон и некоторые страны Ближнего Востока. Затем она перешагнула границы Африки, и в результате здесь возникло многочисленное созвездие новых государств — Объединенная Арабская Республика, Судан, Ливия,

Тунис, Марокко, Гана, Гвинея, Нигерия, Мали, Мальгашская республика и др., сбросившие со своих плеч иго колониалистского режима. Далее волна национально-освободительных движений перепрыгнула через Атлантический океан и начала подмывать позиции американского империализма в Латинской Америке. Наиболее ярким примером этого явилась героическая революция на Кубе. Конечно, в Центральной и Южной Америке процесс освобождения народов от империалистического засилья находится пока еще на первых ступенях развития, но он быстро набирает силу и в недалеком будущем несомненно принесет богатые плоды.

Разумеется, еще не все колониальные и полуколониальные народы стали свободными. И даже некоторые из тех, прежде зависимых, народов, которые уже создали свои собственные государства, еще страдают различными детскими болезнями: освободившись от своих господ политически, они еще сильно зависят от них экономически; у них часто еще не хватает ни сил, ни средств для проведения самых необходимых реформ; в них еще не преодолены темнота и предрассудки широких масс, усердно культивировавшиеся колонизаторами; в них еще не выкорчеваны различные

реакционные силы и влияния, насаждавшиеся или поддерживавшиеся их былыми хозяевами; племенные и феодальные традиции и пережитки в них нередко препятствуют быстрому движению вперед; у некоторых из их руководителей часто еще нет ясности в вопросе о путях дальнейшего развития. Все это сильно затрудняет перестройку жизни в бывших колониях и полуколониях и открывает еще значительные возможности для происков и интриг империалистов, не желающих расставаться с источниками огромных богатств и бешеных прибылей.

И все-таки возникновение многих новых государств в Азии и Африке, знаменующее собой все ускоряющийся распад колониальной системы, внесло очень большие изменения в мировую обстановку. Ибо эти государства, не будучи социалистическими, становятся антиимпериалистическими и в своей внешней политике в большей или меньшей степени проводят принципы нейтрализма, мирного сосуществования и разоружения. Они также стремятся к полной ликвидации колониализма. Нарождение третьего, весьма многочисленного и влиятельного нейтралистского лагеря, несмотря на всю его пестроту и разношерстность, внесло новый и

важный элемент в расстановку сил на мировой арене и явилось тяжелым ударом для империалистического лагеря, сильно ослабившим его прежние позиции.

Еще одним тяжелым ударом для этого лагеря оказалось то, что СССР после окончания второй мировой войны пошел семимильными шагами вперед в области экономического и культурного развития. На западе ожидали, с надеждой и злорадством ожидали, что огромные людские и материальные потери, понесенные СССР в ходе борьбы против фашистского нашествия, надолго ослабят и обескровят социалистическое государство. На этих надеждах империалисты строили важные экономические и политические расчеты. Думали, что советская страна много лет будет залечивать полученные ею раны, что в течение долгих лет она не сможет вести активной внешней политики, что тем временем США обеспечат за собой мировое господство и навеки укрепят систему капитализма. Действительность принесла западным «мудрецам» жестокое разочарование. Именно в послевоенные годы социализм обнаружил свое огромное превосходство над капитализмом. СССР не только с изумительной быстротой восстановил разрушения и потери

второй мировой войны, но и вступил на путь стремительного подъема своей экономики и культуры. В темпах этого развития он оставил далеко позади себя лидера капиталистического мира — США. Вот яркое доказательство этого.

Средний ежегодный прирост промышленной продукции за 1945-1959 гг. в США составлял 1,7%, а в СССР — 10,7%, или в шесть раз больше.

Особенное значение в этом великом историческом соревновании двух социально-экономических систем современности сыграли достижения советской науки и техники в области завоевания Космоса.

Распад колониальной системы, образование нейтралистского лагеря, ослабление мировых позиций империализма, потеря Соединенными Штатами ведущей роли в области науки и техники, стремительный рост экономического, политического и научно-технического могущества СССР и стран социалистического лагеря — все это имело результатом крупнейшие изменения в соотношении мировых сил, изменения, которые ясно свидетельствовали о том, что мы переживаем эпоху заката капитализма и восхода социализма на всем протяжении нашей планеты.

Таков был тот общий исторический фон, на котором жили и действовали герои нашего повествования — каждый по своему — после второй мировой войны. Когда кончилась война, Петровы и Потапов вернулись из Стокгольма домой. Степан и Таня поселились в Ленинграде. Степан с большим энтузиазмом работал во флоте. Советский флот залечивал раны, понесенные во время войны, и реорганизовался в связи с быстро шагающим вперед развитием военной техники. Повышаясь постепенно в звании, Степан стал контр-адмиралом. Таня с не меньшей горячностью, чем ее муж, вся погрузилась в свою профессиональную работу. Она получила степень кандидата медицинских наук и работает в одной из ленинградских больниц. Их сын Ванечка, которому было четыре года, когда Петровы уезжали в Стокгольм, превратился в умного и красивого молодого человека, сильно похожего на отца. Ванечка окончил высшую морскую школу в Ленинграде и стал моряком.

Потапов по окончании войны демобилизовался и вернулся к своей профессии инженера. Сначала он работал на Украине, а потом был назначен директором крупного машиностроительного завода в Сибири. Александр Ильич женился на

молодой сотруднице своего завода, у них есть уже двое сыновей. Иногда Потапову приходится бывать в Ленинграде; тогда вместе со Степаном и Таней они вспоминают свои прошлые приключения, которые все больше затуманиваются дымкой времени.

Года два назад семья Петровых пережила волнующее событие. Маленькая девочка Люсиль, которую Петровы везли от Багдада до Каира, за прошедшее с тех пор время превратилась в энергичную и красивую молодую женщину. Она не стала врачом, как когда-то по-детски обещала Тане в Каире, но — что гораздо важнее — она всегда старалась подражать Тане, как человеку и женщине. В результате Люсиль пошла в жизнь своими путями, что привело ее даже к конфликту с отцом, принимавшим участие в одном из послевоенных лейбористских правительств. Люсиль принимает активное участие в английском движении за мир и энергично служит ему как талантливая журналистка. С одной из делегаций она приехала в СССР, была в Ленинграде и разыскала здесь своих старых знакомых. Встреча была теплая и сердечная. В памяти всех троих невольно встали события и тревоги далеких военных лет. Таня по просьбе Люсиль рассказала ей

обо всех приключениях, пережитых Петровыми и Потаповым после их отлета из Каира в 1942 году. Люсиль была сильно взволнована и часто прерывала Таню возгласом:

— Какой ужас! Какое несчастье!

Под конец Таня сказала:

— Я не могу забыть Майю с острова Девы… Эта бронзоволикая девочка глубоко запала в мое сердце… Как бы мне хотелось узнать, что с нею случилось!

Глаза Люсиль вдруг сверкнули ярким огоньком, и она горячо воскликнула:

— Я непременно разыщу ее!..

Месяца три спустя Таня получила письмо с какой-то замысловатой заграничной маркой. Она разорвала конверт, и оттуда выпал небольшой листок бумаги, густо исписанный не совсем твердым английским почерком.

«Моя дорогая, незабвенная Танья, —

писала Майя (письмо было от нее), —

как я счастлива, что Люсиль Маклин прислала мне ваш адрес! Я ей так благодарна, так благодарна… Сотни и тысячи

раз за те годы, что прошли со времени вашего отъезда с острова Девы, я вспоминала вас и думала о вас, и мне так хотелось что-нибудь узнать о вас и рассказать вам о себе».

Дальше Майя кратко сообщала о важнейших событиях своей жизни. Она получила медицинские книги, отправленные ей Таней из Лондона. Она тщательно их изучила и после того твердо решила сделаться врачом. Окано удалось убедить туземную общину в необходимости дать Майе возможность окончить медицинский факультет за границей. Майя провела пять лет в Мексике, стала врачом, вернулась домой и теперь лечит своих сородичей на острове Девы. Здесь она вышла замуж за одного из учеников Окано, имеет двух детей — мальчика и девочку — и чувствует себя вполне счастливой. Письмо заканчивалось следующими словами:

«Я часто думаю, что, если бы я не встретилась тогда с вами, дорогая Танья, ничего этого не случилось бы. Я осталась бы навсегда темной островитянкой и не узнала бы своего счастья. Я бесконечно благодарна вам, Танья… Чтобы всегда,

каждодневно, помнить о том, чем я обязана вам, я назвала свою дочку вашим именем. Надеюсь, что и ей, и моему мальчику будет легче жить, чем жилось нам, их родителям… В мире многое изменилось… Многое изменилось и на нашем острове по сравнению с тем, что было при вас… Перемены к лучшему — не без борьбы, конечно, — продолжаются и будут продолжаться».

Таня ответила Майе теплым, дружеским письмом, в котором рассказала обо всем, что случилось с ней после отъезда с острова Девы, и как живет она теперь.

Совсем недавно Потапов вместе с несколькими другими советскими инженерами посетил Англию для размещения здесь заказов правительства СССР. Он был изумлен и обрадован, когда на одном из заводов, взявших на себя исполнение этих заказов, встретился со старым другом — инженером Таволато. Карло за эти годы чуть-чуть пополнел, в его иссиня-черных волосах блеснула седина, но в общем он мало изменился. По-прежнему это был бронзоволикий красавец далеких южных земель. Таволато тоже

был очень рад вновь увидеть Потапова и пригласил его к себе домой. Александр Ильич охотно согласился. Таволато жил в небольшом, хорошо устроенном коттедже, какие обычно занимают английские интеллигенты средней руки, и, видимо, чувствовал себя вполне удовлетворенным. Мэри встретила Потапова с распростертыми объятиями. Она выглядела несколько старше и солидней, чем во времена острова Девы, но, как и все англичанки ее возраста, сумела сохранить стройность фигуры и тонкость талии. Потапов провел у Таволато целый вечер, и все трое вдоволь наговорились о прошлом и настоящем.

Мэри рассказала, что по приезде в Англию у супругов Таволато вначале положение было трудное. Хотя отец Мэри очень скоро устроил Карло на работу, но продолжал относиться к нему холодно и не хотел признавать законность его брака со своей дочерью. Местное «общество» также закрыло перед ними свои двери. Однако супруги Таволато не унывали.

— Танья была права, — с горячностью говорила Мэри, — когда при прощании в Ливерпуле убеждала меня в том, что и в Англии есть люди, для которых цвет кожи не имеет значения. В поисках таких людей нам сильно помог Ричи — помните

его? — который в конце войны вернулся домой. Были среди наших новых друзей и коммунисты, и некоммунисты… Это «общество» нас вполне удовлетворяло, и, когда позднее отец даже изменил свое отношение к Карло и примирился с тем, что мой брак с Карло является браком «на всю жизнь», мы не пошли в его «общество», куда он теперь хотел нас ввести… Зачем оно нам?.. У нас нет с ним ничего общего!

— А что делает Ричи? — спросил Потапов.

— Ричи, — ответил Карло, — сейчас читает лекции в лондонской школе экономических наук… Он не член компартии, но, как мне кажется, по своим взглядам очень близок к коммунистам.

Вмешалась Мэри и с оживлением добавила:

— Вскоре после войны Ричи женился на очаровательной девушке… У них теперь трое детей, старшие двое уже в школе.

— А о сэре Вильяме Драйдене вы ничего не знаете? — поинтересовался Александр Ильич.

— Мы с ним больше никогда не встречались, — ответила Мэри, — но из газет я знаю, что он недавно умер… Мой отец рассказывал, что после возвращения в Англию сэр Вильям стал «твердолобым» консерватором и с особенной враждебностью относился к вашей стране…

Потом беседа перешла на настроения супругов Таволато. Душа Мэри, подобно душам многих современных английских интеллигентов, была полна сомнений и колебаний. Ей очень хотелось верить в счастливое будущее человечества, и она боялась в это верить, чтобы не испытать горечи разочарования.

Карло, сначала молча слушавший свою жену, потом вдруг заволновался и с непривычной для него твердостью и ясностью (когда дело касалось политических вопросов) заговорил:

— Дорогая Мэри, ты должна верить!.. Посмотри, что делается в моей родной Африке. Еще несколько лет назад почти весь этот огромный и богатый континент являлся важнейшим тылом империализма. Английские, американские, французские, португальские, бельгийские колонизаторы жестоко угнетали африканские народы, буквально, как пауки, высасывали из них кровь… А теперь?.. Теперь две трети Африки уже свободны, по крайней мере, политически свободны… Больше 30 новых африканских государств входят сейчас в ООН… И все это совершилось только на протяжении каких-нибудь 5-6 лет!.. Когда я смотрю на карту Африки, когда я думаю, что захватившая сейчас Африку национально-революционная бу-

ря уже в течение самых ближайших лет захватит в свой круговорот весь африканский континент, я чувствую и понимаю, что великие исторические ветры нашей эпохи неодолимы. Я верю, что социализм победит капитализм!

Лицо Карло раскраснелось, глаза ярко горели, в голосе зазвенели стальные нотки.

— Браво, Карло! — воскликнул Потапов и захлопал в ладоши. — Твоими устами гласит истина… Вижу, что ты сильно изменился со времен острова Девы… — И, впадая в философский тон, Александр Ильич заключил: — Везде в жизни происходят большие перемены…

Да, везде в жизни происходят большие перемены, но, пожалуй, нигде они не были так велики, как в жизни наших арабских и африканских знакомых.

Лейтенант Хикмет, с которым Макгрегор познакомил Петрова в Багдаде, не случайно расспрашивал Степана о советской стране. В последующие годы он много думал о том, что услышал от Петрова, и много читал по вопросам военным и политическим. В начале 50-х годов он вступил в одну из тайных военных организаций, существовавших в иракской армии. Хикмет так и не решил вопроса, прав или не прав его брат

Джевад, заранее требуя полной ясности в вопросе о путях развития страны после ее освобождения от британского ига, но зато с каждым днем, с каждым месяцем в нем все больше разгоралась ненависть к этому игу. С особенной злобой Хикмет относился к Нури-Саиду, установившему кровавый террор в Ираке. В рядах военной организации, членом которой стал Хикмет, было много разных людей разных взглядов, но всех объединяла ближайшая цель: низвергнуть режим Нури-Саида и ликвидировать зависимость страны от Англии. Что же касается более отдаленного будущего, то члены военной организации о нем вообще не думали или думали очень мало, а Хикмет в таких случаях говорил себе: «Сначала уничтожим Нури-Саида, а там видно будет, что делать».

Лейтенант Хикмет оказался искусным заговорщиком, хорошо приспособленным к работе в тайных военных организациях. Он был смел, но выдержан, решителен, но молчалив. Глядя на этого бесстрастного и безупречно дисциплинированного офицера, трудно было представить, что в его сердце ярко горит огонь национальной революции. Именно благодаря таким качествам Хикмету удалось в течение многих лет избегать

провала и, искусно меняя то место службы, то занимаемую должность, продолжать упорную борьбу против Нури-Саида и англичан. И вот, наконец, пришел час, когда Хикмет мог праздновать победу: в июле 1958 года,будучи уже полковником, он принял активное участие в перевороте, который возглавил бригадный генерал Касем. Нури-Саид был убит вместе с королем Фейсалом и его наследником, а британские цепи разорваны. Перед полковником Хикметом открылись широкие перспективы военной и государственной деятельности…

Много сходства с судьбой Хикмета имела и судьба Махмуда, курсанта египетской военной школы в Каире, с которым наши советские друзья катались на лодке по Нилу. Постепенно повышаясь в чинах, он стал артиллерийским полковником. Идеи воинствующего национализма, владевшие Махмудом уже тогда, в момент его встречи с Петровыми и Потаповым, еще более укоренились в его сознании позднее и толкнули на путь борьбы против англичан и короля Фарука. Махмуд стал видным членом одной военной группировки, поставившей целью превращение Египта в действительно независимую страну. Летом 1952 года Махмуд сыграл крупную роль в военном перево-

роте, приведшем к низложению короля Фарука и его изгнанию из Египта. Потом он стал одним из наиболее горячих приверженцев Гамаль Абдель Насера и активно содействовал избранию его президентом Египетской Республики. Махмуд был душой того движения, которое в 1956 году привело к национализации Суэцкого канала. А когда Англия, Франция и Израиль напали на Египет, Махмуд храбро сражался против превосходящих сил противника и завоевал себе большую популярность как среди военных, так и среди гражданского населения. Это открыло ему дорогу в руководящие круги нового режима, где он занимает сейчас видное место. В области политики Махмуд пока остается на позициях узкого национализма. Есть признаки, однако, что такое положение перестает его удовлетворять и что он начинает искать чего-то нового и более созвучного нашей эпохе. К чему приведут Махмуда эти поиски, покажет будущее…

Однако самой яркой и драматичной оказалась судьба Киви. Ему больше не удалось вернуться в Каир и продолжать учебу в арабском университете: условия военного времени этому помешали. Киви остался дома, среди своего племени, и стал помогать отцу, вождю племени. Киви не забыл

своих советских друзей и много думал о них и обо всем, что от них узнал и услышал. Больше всего его занимал вопрос, почему Петровы и Потапов столь дружески относятся к черным и как устроить так, чтобы африканцы могли жить свободными людьми. Ясного ответа на эти вопросы у Киви не было. Он пробовал беседовать на волнующие его темы с отцом, но тот только отмалчивался и говорил: «Забудь обо всем этом! Ничего такого никогда не будет!»

Но Киви не мог забыть и продолжал думать. Он часто говорил себе: «Почему ничего такого никогда не будет?.. Ведь есть же белые, не похожие на белых! Я сам провел с ними десять дней… Раз есть такие белые, черные тоже могут стать свободными. Надо только иметь смелость и волю к борьбе». Скоро Киви заметил, что некоторые из его сверстников обнаруживают большой интерес к мыслям и чувствам, которые не давали покоя Киви. Малопомалу около Киви сложился кружок молодежи, которая видела в нем своего вождя. Когда по окончании войны английские власти сделали попытку восстановить в полной силе суровый колониальный режим, несколько ослабевший в военные годы, кружок Киви ощетинился. Отец Киви упрашивал своих соплеменников «не раз-

дражать» англичан, но сын Киви с этим не был согласен. Однажды произошел взрыв.

К племени Киви прибыли сборщики податей в сопровождении взвода солдат и потребовали уплаты недоимок, образовавшихся во время войны. Тщетно отец Киви умолял колонизаторов не губить племя и не отбирать у него скот и продовольствие — колонизаторы были неумолимы. К концу третьего дня они закончили свою «работу» и с рассветом собирались двинуться дальше. Но тут произошло нечто совершенно неожиданное: ночью кружок Киви напал на мирно спавших англичан, разогнал их, ранив двух человек, и отнял награбленное ими имущество племени. Спустя два месяца прибыл карательный отряд и устроил жестокую расправу с сородичами Киви: многие были убиты или ранены, еще больше, в том числе отец Киви, арестованы и отправлены в концентрационный лагерь. Молодому Киви удалось бежать, он ушел в лес и вместе с другими единомышленниками создал здесь партизанский отряд, который стал грозой местных колонизаторов.

В течение ряда лет Киви руководил в своей округе вооруженной борьбой против англичан и их приспешников из числа местного населения.

Постепенно число его бойцов возрастало, их военный опыт обогащался, вооружение улучшалось. Киви отличался необыкновенной смелостью, находчивостью и ловкостью. Имя его стало легендарным. Колонизаторы гонялись за ним по пятам, но никогда не могли захватить. Как-то раз Киви в сопровождении небольшой группы своих бойцов попал в засаду. Его поймали, сковали и решили для устрашения туземцев публично повесить. В ту же ночь весь отряд Киви бросился на помощь своему вождю, и к утру следующего дня Киви был освобожден.

В другой раз Киви со всеми своими бойцами был осажден колонизаторами на вершине бесплодной и безводной горы. Вдобавок самолеты то и дело сбрасывали на них бомбы. В течение двух недель партизаны бешено сопротивлялись. Потом вышли все припасы. Голод и жажда, усугубляемые действием жгучего солнца, стали косить повстанцев. Англичане уже твердо рассчитывали на полную ликвидацию опасной «банды»... Их ждало новое разочарование. Киви решил во что бы то ни стало пробиться через кольцо блокады — и он пробился! Правда, половина отряда погибла в бою, но зато другая половина, во главе с самим Киви, вырвалась на

волю и, быстро пополнив свои ряды, продолжала свою благородную деятельность.

Так продолжалось до 1955 года, когда состоялась Бандунгская конференция, и волна национально-освободительного движения стала все больше захватывать Африку. Киви понял, что одной партизанской армии для освобождения племени недостаточно. Появилась надобность в создании политических организаций, которые в момент победы могли бы взять на себя управление вновь возникающим государством. Киви пригласил в свой лагерь всех виднейших представителей своего племени, и после долгих прений и бурных столкновений большинство мудрейших решило образовать «Народно-демократическую партию», вождем которой стал Киви. Меньшинство, расколовшееся, в свою очередь, на две группы, создало две другие партии, отражавшие интересы и настроения более отсталых элементов племени. Между этими тремя партиями сразу же началась борьба. Английские власти, покровительствуя партиям меньшинства, открыли преследование партии, руководимой Киви, вынудив ее вести полулегальное существование. Однако влияние этой партии быстро росло и укреплялось.

«Народно-демократическая партия» твердо и

открыто провозгласила лозунг национальной независимости и полной ликвидации колониального режима. Под этим знаменем племя Киви вело упорную борьбу с англичанами на протяжении последующих лет. Борьба шла с переменным успехом: были тут у Киви и победы и поражения, но все-таки общая линия развития шла вперед и выше. Не распуская своих партизанских отрядов, Киви теперь отдавал все больше внимания политике. Здесь он также обнаружил незаурядные способности. Борьба Киви и его племени еще не закончена, они еще не добились официального признания своей независимости, однако фактически в их жизни очень многое изменилось, и они твердо надеются уже в самом близком будущем окончательно сбросить с себя цепи империализма…

…На днях Петров встретился с адмиралом Карповым. Они оба были приглашены на одно важное заседание по делам военного флота СССР. Адмирал Карпов сильно постарел с тех пор, как напутствовал Степана перед его отъездом в Швецию. Голова его побелела, по лицу прошли морщины, но глаза смотрели по-прежнему живо и остро. Карпов вышел в отставку в звании вице-адмирала, но не хотел бездельничать: он

занимался педагогической работой и участвовал в некоторых важных правительственных комиссиях.

В самом конце заседания принесли номер вечерней газеты. Петров быстро пробежал его и вдруг остановился на одной телеграмме, напечатанной среди известий из-за рубежа. Телеграмма гласила:

> «Агентство Франс Пресс передает из Центральной Африки, что переговоры между британским правительством и лидерами «Народно-демократической партии» Юго-Восточной Африки прерваны. Председатель этой партии Киви заявил, что его народ требует полной независимости и отвергает проект конституции, предложенный английской стороной. Опасаются, что разрыв переговоров приведет к большим волнениям и, возможно, даже к вооруженной борьбе против англичан, ибо Киви объединяет в своих руках руководство «Народно-демократической партией» и командование местными партизанскими силами».

— Отыскался след Тарасов! — с волнением вос-

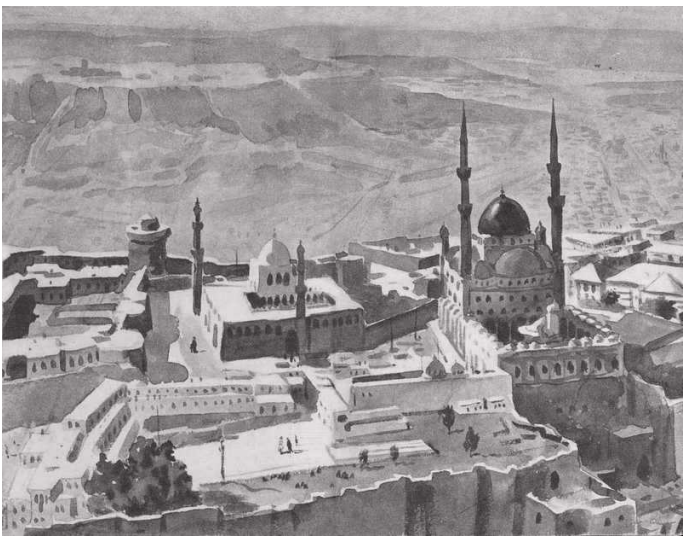
кликнул Петров, обращаясь к сидевшему рядом с ним адмиралу Карпову. — Посмотрите, вот в этой телеграмме, — Петров протянул Карпову «Вечерку», — я увидел имя человека, о котором ничего не слышал уже много-много лет.

— А что это за человек? — спросил Карпов.

Петров подробно рассказал старому адмиралу всю историю Киви.

Карпов был глубоко взволнован. Он долго молчал, точно переживая слова, услышанные от Петрова, и затем медленно и раздумчиво сказал:

— Да, а теперь Киви вождь своего народа, борющегося за независимость и свободу!.. Люди Азии и Африки проснулись и подняли голову… Это будет иметь огромное влияние на всю дальнейшую историю человечества.



87коп.

И.М.Майский

БЛИЗКО-ДАЛЕКО

